

ЛЕОНИД КОНИСЕВИЧ

**НАС ВОСПИТАЛ
МАКАРЕНКО**

Записки

коммунара

ЛЕОНИД КОНИСЕВИЧ

НАС ВОСПИТАЛ
МАКАРЕНКО

Записки коммунара

Челябинск, 1993

Рецензенты:

Л. Ю. Гордин – доктор педагогических наук, профессор (Москва)

В.В. Кумарин – доктор педагогических наук, профессор (Москва)

Под редакцией В.М. Опалихина.

Автор вступительной статьи: В.М. ОПАЛИХИН – кандидат педагогических наук, доцент, член Правления Международной макаренковской ассоциации.

Автор книги – Леонид Вацлавович Конисевич в 1929 – 1934 годах жил и воспитывался в коллективе коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, руководителем которой был Антон Семёнович Макаренко.

В живой и яркой форме Леонид Конисевич описывает все стороны жизни прославленного коллектива: его быт, труд, учёбу, самые разнообразные занятия коммунаров в свободное время, летние походы по стране, приём иностранных делегаций, работу органов самоуправления и т.д. Своими подлинными именами названы все герои повествования – десятки воспитанников, педагогов, сотрудников, друзей коммуны. Много ярких страниц посвящено Антону Семёновичу Макаренко.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами воспитания.

Воспроизводится на сетевой странице Педагогического музея А.С.Макаренко (Москва) по разрешению ред. издания, к.п.н. Виктора Михайловича Опалихина (г. Челябинск)

Расбивка страниц в целом соответствует печатному изданию (с точностью до нескольких слов на границах страницы)

ISBN 5-87184-030-2

© Челябинский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников народного образования, 1993 г.

Система Макаренко: взгляд «изнутри» (предисловие редактора)

Перед Вами, читатель, уникальная книга. Автор её – один из воспитанников Антона Семёновича Макаренко, создателя всемирно известной воспитательной системы.

В чём состоит **уникальность** этих записок? В десятках книг и сотнях статей, в том числе в трудах самого Макаренко, его система воспитания описывается и анализируется по отношению к детям как бы **извне**, через восприятие взрослых, педагогов. Этому иногда не верят. О самом Макаренко порой говорят: он писатель, выдумал и описал красивую жизнь детей. В действительности, дескать, было совсем не так.

И вот перед нами книга Леонида Конисевича, который более пяти лет прожил в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В мельчайших деталях познал он жизнь своего родного коллектива и, много лет спустя, сумел мастерски описать эту жизнь, глядя на неё не со стороны, а изнутри, глазами воспитанника, коммунара, активного участника описываемых событий.

Записки Конисевича – это своеобразный **документ** о жизни макаренковского коллектива. Но это не сухое описание пережитого, а яркое, талантливое воспроизведение всех ароматов реальной многогранной жизни коммуны. Это великолепная документальная проза.

Жизнь коллектива Макаренко была настолько насыщена событиями, что автору записок ничего не надо было выдумывать. Требовалось «только» вспомнить и отобрать наиболее типичные факты, события и суметь изобразить это на бумаге, как учил его когда-то... сам Макаренко.

Антон Семёнович настойчиво советовал Леониду всерьёз заняться писательским делом, рекомендовал идти учиться в Литературный институт. И даже когда «непослушный» воспитанник,

захваченный романтикой морских странствий, пошёл в моряки, Макаренко продолжал в своих письмах убеждать его всерьёз взяться за перо. Давал и практические советы: «Как можно больше подробностей, как можно больше красок и звуков – вот и всё, что нужно», – писал он в одном из посланий Конисевичу.

«Будешь ли ты третьим механиком или береговым бюрократом, меня, собственно говоря, интересует мало, а вот зароешь или не зароешь свой литературный талант, меня это в особенности интересует. Я знаю, ты сейчас же запишишь: у меня никакого таланта нет, и ничего у меня не выходит. Чепуха, у тебя обязательно выйдет, но дело это трудное и само в рот не лезет». Это строчки из другого письма Макаренко Конисевичу.

«Прогноз» Макаренко оправдался. Пусть не сразу, Леонид Конисевич взялся-таки всерьёз за перо. И благодаря своей удивительной памяти и несомненному (теперь) литературному таланту создал эту замечательную книгу.

Поражает огромное количество деталей, фактов из жизни коммуны, множество имён и фамилий воспитанников, педагогов, сотрудников, друзей и гостей коллектива. Воспроизводятся целые куски разнообразной и интересной жизни коммунаров. Иногда автор как бы забывает, что он взялся писать **художественную** книгу и дословно, почти протокольно воспроизводит отдельные факты, документы, события тех далёких лет.

Плохо ли это? Сегодняшние **педагоги** могут только сердечно поблагодарить автора за эту дотошность в воспроизведении жизни прославленного коллектива. Ведь всё это прекрасно **дополняет** произведения самого Макаренко и помогает разобраться в его педагогической «кухне», показывает живую плоть сложной и противоречивой жизни большого коллектива.

Любопытно отметить, что родственность записок Конисевича с произведениями самого Макаренко бросается в глаза сразу: маленькие главки с коротенькими заголовками, простота и точность слога, лаконичность, предельная искренность и мягкий юмор. Разумеется, и внешняя канва событий сразу напоминает макаренковские произведения. Но это не повторение известных нам событий, а взгляд на те же события, но с другой стороны. В этом и состоит **оригинальность** книги, её особая ценность.

О том, что записки Леонида Конисевича отражают правду жизни, говорят многие авторитетные люди. Имеются многочисленные отклики бывших воспитанников Макаренко, прочитавших вышедшую в 1980 г. первую книжку Конисевича «Большая семья», в которую были включены некоторые главы из публикуемых ныне записок.

Вот строки из писем двух бывших воспитанников А.С. Макаренко к автору книги:

Анна Красникова (г. Харьков): «Спасибо тебе огромное за «Большую семью»... Книга читается легко, с большим интересом, ведь всё так знакомо. Образ дорогого и любимого Антона Семёновича красной нитью проходит через всю книгу. Удивляюсь, какой драгоценный клад хранит твоя память».

Лена Соколова (г. Москва): «Лёня! Как ты хорошо всё помнишь, как лаконично и вместе с тем ёмко описываешь каждое событие. Молодец, Лёня! Спасибо тебе за память о всех нас».

Высокую оценку объективности повествования Л. Конисевича и вообще достоинств его рукописи дали учёные-макаренковеды, знающие правду жизни по документам тех лет, другим достоверным источникам (В.В. Кумарин, Л.Ю. Гордин, С.С. Невская и другие). Вот что писал в рецензии на рукопись Конисевича ещё в 1981 году известный макаренковед В.В. Кумарин:

«Пересказ этой книги, начиная с парадного входа в коммуну,— только её канва, а по ней яркими свежими красками, как по украинскому рушнику, искусно вышита жизнь целого коллектива, документально правдивая история трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского... Прекрасную книгу, которую написал сам Макаренко и назвал «Педагогической поэмой», продолжают его герои». Полностью подтверждает правдивость описанного и бывший соратник А.С. Макаренко, его молодой тогда замполит Пётр Иосифович Барбаров, проживающий ныне в Челябинске. Он тоже считает себя воспитанником Макаренко, а не только коллегой по работе. Рукопись Леонида Конисевича оценивается им исключительно высоко. (Интервью с П.И. Барбаровым, одним из героев записок Л. Конисевича, помещено в конце книги).

Разумеется, принимая к печати записки Леонида Конисевича, издатели не подходили к ним как к научному исследованию, не сверяли с архивными документами каждую дату, имя и т.п.

Мы исходили из того, что это именно записки, **воспоминания** очевидца и участника описываемых событий, изложенные им в художественной форме и окрашенные личным восприятием, авторским видением событий. Думаю, что автор записок был вправе описать события так, как он их воспринял и запомнил, а дело специалистов, исследователей, а также бывших воспитанников Макаренко давать оценку достоверности его описаний.

По форме записки Леонида Конисевича представляют из себя своеобразную **повесть** о жизни коллектива коммунаров-дзержинцев с 1929 по 1934 год, т.е. от «вхождения» подростка Лёни Конисевича в коммуну до прощания с ней и выхода юноши в самостоятельную жизнь.

Кто «главный герой» повести? Автор избежал соблазна сделать им самого себя. О себе и своих поступках он пишет немного, отобрав лишь самые памятные, «узловые» эпизоды своей биографии. Антон Семёнович тоже не заслоняет собой других действующих лиц. О нём автор пишет весьма сдержанно, как бы опасаясь впасть в славословие, которого «Антон» не любил. Но искреннее ребячье восхищение своим наставником чувствуется на протяжении всего повествования.

Настоящим «главным героем» записок является созданный Антоном Семёновичем Макаренко коллектив, представляющий из себя удивительное по своей красоте содружество воспитанников, педагогов и других сотрудников коммуны. Тот самый коллектив, вокруг которого до сих пор кипят страсти сторонников и противников макаренковской системы воспитания.

В этом и состоит, по-моему, главная заслуга Леонида Конисевича: через его пристальный, подмечающий все «мелочи» взгляд мы отчётливо видим, слышим, как коллектив, состоящий из многих детей и взрослых, просыпается, начинает день, питается, учится, трудится, отдыхает, общается, решает большие и малые вопросы своей жизни.

И мы убеждаемся, что макаренковский коллектив – это прекрасная среда для всестороннего развития каждого живущего в ней ребёнка. Мы видим, какой заботой и вниманием окружён здесь каждый член коллектива. И одновременно видим другое: здесь не терпят лени, эгоизма, расхлябанности; здесь каждый имеет не только большие права, но знает и свои обязанности, заботится не только о себе, но и о своих товарищах, о добром имени и благополучии всего коллектива. На конкретных фактах и живых эпизодах жизни коммунаров мы видим удивительно красивый, человеческий стиль отношений между всеми членами большого содружества взрослых и детей.

Узнав всё это из уст очевидца, читатель записок Конисевича сможет легче понять и сущность всей воспитательной системы Макаренко и своеобразие конкретных форм и методов воспитания, которые там использовались. Понятнее станет и личность самого создателя этой системы – Макаренко, его нелёгкий педагогический «хлеб» и высокое педагогическое счастье.

Однако после прочтения этой книги у многих может ещё острее встать вопрос: в чём же причина бесконечных нападок на Макаренко и в прошлом и сегодня?! Почему вокруг его имени и его воспитательной системы кипят такие страсти?

Споры вокруг имени Макаренко начались давно. Возникли они, можно сказать, с самого начала, когда заведующий колонией малолетних правонарушителей Антон Макаренко сумел из

самого «неподходящего» материала создать вполне нормальный детский коллектив колонистов-горьковцев. Уже тогда разного рода «проверяющие» иногда сомневались в подлинности того, что видели своими же глазами. Уж слишком хорошо получалось у этого Макаренко. Не верилось, что **так** может быть не на показ, а ежедневно (Об этом Макаренко хорошо рассказал нам ещё в «Педагогической поэме»).

С тех далёких лет и до дней сегодняшних споры вокруг имени Макаренко не иссякли. Особенно они усилились в последние годы. Наиболее рьяные «ниспровергатели» Макаренко (в первую очередь известный педагог-публицист Юрий Азаров) дошли до того, что приписывают его системе самые чудовищные качества, обвиняя выдающегося педагога-гуманиста в... жестокости, диктаторстве и т.п.

В чём же дело? Откуда эти два противоположных подхода в оценке одной и той же реально существовавшей практики воспитания?

Я думаю, что здесь есть объективная основа для споров, есть причина, порождающая их. И состоит эта причина в том глобальном противоречии, которое сама жизнь, история нашего общества заложила в судьбу этого человека, в то великое дело, которое он совершил.

Противоречие это, на мой взгляд, вот в чём. С одной стороны, вся новаторная деятельность Макаренко (особенно её расцвет), происходила в то время, которое сегодня принято называть эпохой диктатуры большевиков, временем утверждения и расцвета **тоталитаризма** в нашей стране. Ясно, что это не могло не сказаться на судьбе Макаренко и деле, которым он занимался. Всякий, кто знаком с подлинной биографией Макаренко, знает, в каких жёстких тисках держала система этого человека, как он страдал в её удушающих объятиях. Достаточно напомнить о бесконечных обвинениях его системы воспитания во всех смертных грехах, о замалчивании и непризнании его как выдающегося педагога. Система мяла и давила этого человека, как инородное тело, и свела-таки его в могилу в расцвете творческих сил.

Но это – одна сторона дела. А другая состоит в том, что Макаренко, вопреки внешнему авторитарному давлению, был поистине великим гуманистом своей эпохи. Сложившись как личность и как педагог ещё до октябрьского переворота 1917 года, Макаренко вобрал в себя все лучшие качества народного учителя-подвижника. И именно с этим багажом он пришёл в колонию малолетних преступников осенью 1920 года и начал поиск путей соединения высокой поэзии гуманистической педагогики с суровой прозой нищеты, отсталости, бескультуры.

В самом этом факте нет ничего необычного для того времени. Многие начинали с того же. Уникальность Макаренко в том, что он в невероятно сложных условиях (и материальных, и особенно духовных) не сломался, не отказался от своих возвышенных гуманистических идей, не стал «адаптировать» их к суровой окружающей среде, а нашёл-таки свой путь к решению поставленной задачи.

Он добился того, что его воспитанники обрели подлинное чувство человеческого достоинства, жили в обстановке добротного материального достатка, в атмосфере подлинной демократии, когда свобода каждой отдельной личности ограничивается только необходимостью уважать свободу других людей. Его воспитанники были поставлены им в такую ситуацию, что они вполне реально и правомерно чувствовали себя не заложниками условий своего существования, а их творцами, хозяевами своей собственной жизни. Они активно созидали эти условия (вспомним их труд, обеспечивавший самокупаемость учреждения) и творили самих себя в качестве свободных и счастливых людей.

И всё это происходило в обстановке, когда, напомним, демократические начала в жизни страны были до предела урезаны, а позиция личности была сведена к роли «винтика» в управляемой сверху машине государственного маховика. Сталинская диктатура, грубо задрапированная в демократическую фразеологию, полностью правила бал в стране.

Как удавалось Макаренко в этой обстановке сохранять и развивать гуманистические и демократические основы своей воспитательной системы? Как он сумел оградить свой коллектив от нажима авторитаризма извне и сохранить в нём в незыблемости подлинный демократизм? Чего стоило всё это ему лично? Это – предмет особого разговора, выходящего за рамки вступительной статьи. Это – история личной драмы Макаренко.

Здесь же важно отметить сам факт: да, это было так! Да, коллектив Макаренко **вопреки** внешним условиям, направленным на подавление внутренней свободы личности, сохранил, уберёг свою автономию, свой свободный и гуманистический образ жизни, который и был стержнем воспитательной системы Макаренко.

Итак, вот оно глобальное противоречие, которое никак не уместается в головах сегодняшних критиков Макаренко: с одной стороны авторитарная, диктаторская сущность общественного устройства, в рамках которого жил и творил Макаренко, а с другой – ярко выраженный демократизм и гуманизм макаренковской системы воспитания, материализованный в жизни возглавлявшегося им коллектива.

«Такого не может быть!» – утверждают критики. Они исходят из того, что внешняя среда всегда подчиняет себе всё, что находится внутри неё, уподобляет себе. Отсюда и вывод: раз в обществе господствовал сталинизм (авторитаризм, диктатура), а в системе воспитания погоду делала «сталинская педагогика», то и система Макаренко является отражением этих процессов, может быть, только слегка закамуфлированных как и сам сталинизм, в демократическую и гуманистическую фразеологию...

Вроде бы логично... Но факты – упрямая вещь! И они говорят, как видим, о другом: был, **реально существовал** макаренковский коллектив, построенный на основах подлинного гуманизма и настоящей, неурезанной демократии! Книжка, которую Вы, дорогой читатель, держите в руках, – ещё одно убедительное тому подтверждение.

Чего же не учитывают «неверующие»? В чём состоит их глубокое заблуждение?

Оно в том, что подчинение человека внешней среде не абсолютно, а относительно. В том, что любая, самая страшная диктатура не может подавить и задушить всех без исключения. Опыт истории говорит о том, что в условиях диктатуры всегда сохраняются какие-то зёрна, островки гуманизма и демократии, из которых потом прорастают новые всходы нормальной человеческой жизни.

Антон Семёнович и был одним из таких зёрен, а его коллектив – одним из островков в житейском море тогдашнего авторитарного режима.

Хорошо сказал об этом автор записок: «Коммуна Дзержинского шагала впереди своего времени».

Больше того, если сопоставить то, что происходит в отечественной практике воспитания сегодня (начало 90-х годов), и опыт А.С. Макаренко, то нетрудно заметить, что почти всё, что сегодня считается **целью** перестройки школы (её гуманизация и демократизация, соединение обучения с современным производством, воспитание в активной и разносторонней деятельности, усиление эстетического начала в воспитании и т.д.) – всё это в практике Макаренко уже было, причём на таком высоком уровне, который и сегодня ещё трудно достигаем. Вспомним хотя бы только уровень организации труда воспитанников или их летних походов по стране.

Как же могло произойти такое опережение времени? Что помогло этому?

Ответ один: это произошло главным образом благодаря тем людям, которые восприняли демократические и гуманистические лозунги большевиков не как пустую фразеологию, а как руководство

к действию. Такие люди были на разных этажах общественной иерархии снизу доверху. Немало их было и вокруг Макаренко, в том числе и среди чекистов, основавших коммуны им. Дзержинского. Без них Макаренко действительно не смог бы состояться.

Но главным звеном, объясняющим возможность рождения и реального существования прославленного макаренковского коллектива был, разумеется, сам Макаренко. Именно он спроектировал и создал, опираясь на единомышленников-педагогов и самих воспитанников, такой коллектив, который и по сию пору служит образцом для создания будущих воспитательных коллективов в обществе демократии и гуманизма. Именно Макаренко сумел оградить своё детище от натиска внешних сил авторитаризма, поставив на защиту коллектива свой ум, талант, мастерство, свой характер, свою волю. Он принимал все удары извне на себя, оберегая своих воспитанников от этих ударов. Авторитарная система была его сверху, связывая по рукам и ногам, а он отказывался делать то же самое по отношению к своим воспитанникам. В этом величие его духа и в этом корень его личной человеческой драмы.

В чём состоял главный профессиональный секрет Макаренко, который позволял ему, вопреки всем внешним препятствиям, добиваться невиданных успехов в воспитании всесторонне развитых и духовно свободных граждан, какими становились его воспитанники? Великий педагог исходил из того, что воспитывает ребёнка не столько сама по себе внешняя среда и разговоры о жизни, пусть самые правильные и убедительные, сколько **микросреда** и сама **реальная жизнь** ребёнка, его личная позиция в этой жизни.

Именно на организацию жизни, достойной свободного, уважающего себя человека и были направлены все усилия Макаренко. И он достиг своей цели. Такая жизнь стала фактом биографии многих сотен его воспитанников, фактом истории педагогики.

Известно ли было об этих выдающихся воспитательных результатах современникам Макаренко?

Увы, лишь тем, кому посчастливилось быть свидетелями этой эпопеи – соратникам Макаренко, самим его воспитанникам да ещё отчасти гостям коммуны (только за первые пять лет существования коммуны её посетило 214 делегаций, по большей части зарубежных), которые нередко признавались в том, что видят своими глазами «чудо», в которое трудно поверить.

Миллионы людей не могли знать об этом «чуде» Макаренко, пока он сам не описал его в своих книгах. А когда описал – мнения разделились. Одни поверили и восторгались. Другие

заняли противоположную позицию. И так продолжается по сей день.

И сегодня специалисты-макаренковеды, а также оставшиеся в живых воспитанники А.С. Макаренко (Иван Демьянович Токарев, Иван Игнатьевич Яценко, Игорь Иванович Панов, Василий Андреевич Руденко, Иван Антонович Ветров и другие) в один голос говорят о великом подвиге Макаренко и удивительном совершенстве его воспитательной системы. Эту позицию в полной мере разделяют и подтверждают её своим делом, реальным педагогическим опытом многие педагоги-новаторы (А.А. Католиков, А.А. Захаренко, Г.М. Кубраков, А.С. Гуревич, В.М. Макаренчиков и другие). Авторитет А.С. Макаренко продолжает расти в среде мировой педагогической общности. Подтверждением этому является факт создания в 1991 году Международной макаренковской ассоциации.

Но есть и другое. Как среди теоретиков педагогики, так и среди педагогов-практиков немало тех, кто по-прежнему считает, что заслуги Макаренко в развитии педагогики явно преувеличены, что его система воспитания была хороша лишь для своего времени и т.д. Больше того, в последние годы появились, как уже было отмечено выше, новые «обвинения» в адрес Макаренко. Суть их в том, что система Макаренко, якобы, вобрала в себя диктаторскую сущность сталинизма, была его отражением в педагогике.

Фактом является то, что многие непосвящённые в тонкости дела педагоги верят в распространяемые «оппонентами» Макаренко обвинения его в «сталинизме», диктаторстве и т.п. И, конечно, всем педагогам хочется из самых авторитетных источников знать ответ на вопрос: какой же в действительности была жизнь макаренковского коллектива?

Книга Леонида Конисевича даёт вполне убедительный ответ на этот конкретный вопрос.

Разумеется, печать сурового времени не могла не сказаться на жизни воспитанников Макаренко. Сохранив в своём коллективе подлинный гуманизм и демократизм человеческих отношений (это – главное!), Макаренко не мог избежать определённого влияния внешней среды на те или иные стороны жизни своего учреждения. Читатель этой книги, разумеется, не пройдёт мимо этих деталей, характеризующих внешний фон, на котором развивались описываемые события: здравицы в честь партии большевиков и их вождей, отголоски острой классовой борьбы тех лет и т.п. Издатели этой книги умышленно не «причёсывали» текст, чтобы не создавалось ложного впечатления какой-то идеальной жизни, изолированной от суровой действительности тех лет. Как говорится, из песни слова не выкинешь.

Читателю надо учесть и другое. Книга эта была написана в 1974–1977 годах, т.е. задолго до нынешней поры демократизации и гласности, когда мы узнали о своей истории многое из того, чего не знал ни Макаренко, ни автор этой книги.

И хотя книга выпускается именно сегодня, когда можно и нужно посмотреть на события прошлых лет с новых позиций, автор книги Леонид Вацлавович Конисевич не считает нужным «переписывать» старые страницы своих воспоминаний, полагаясь на здравый смысл и понимание современного читателя.

Кому-то из читателей, привыкших к тому, что вся наша «советская» история изображается сегодня порой только чёрными красками, может показаться, что Леонид Конисевич рисует жизнь тех лет слишком уж жизнерадостной, в розовых тонах.

Думаю, что нет оснований сомневаться в искренности автора. Просто надо помнить, что жизнь всегда многолика. Записки Конисевича ещё раз подтверждают это. Они убеждают нас в том, что и в те суровые годы в жизни были не только мрак, горе и несправедливость, но был и свет, были радость и счастье, особенно там, где непосредственными организаторами жизни людей оказывались такие талантливые и честные люди, каким был Антон Семёнович Макаренко и его ближайшее окружение.

Пусть желающие сколько угодно спорят и впредь о достоинствах и недостатках макаренковской системы воспитания «вообще». Но не стоит забывать, что главным показателем результативности любой воспитательной системы являются конечные результаты воспитания, а в особенности – её **отдалённые результаты**.

Конечные результаты хорошо показаны в записках Конисевича (уровень воспитанности коммунаров-выпускников), а что касается **отдалённых** результатов, то лучшим их показателем являются судьбы воспитанников Макаренко после их выхода в самостоятельную жизнь. Автор книги не даёт своего «эпилога» к запискам. Эту задачу, мне думается, вполне удачно выполнил известный литератор-макаренковед Лев Алексеевич Чубаров в своём очерке «Леонид Конисевич и его друзья: пути и судьбы», который прилагается к этой книге. Отчасти эту же задачу решает и П.И. Барбаров в своём интервью, которое также предлагается читателям этой книги.

Хорошим дополнением к запискам Конисевича могла бы послужить книга воспоминаний других воспитанников А.С. Макаренко. Они не так профессионально написаны и не столь велики (в отдельности) по объёму, но, собранные вместе, могли бы хорошо дорисовать картину жизни макаренковского коллектива и показать более масштабно результаты трудов Антона Макаренко. Эта книга ещё ждёт своего издателя.

По материалам воспоминаний Л. Конисевича и его друзей мог бы, мне думается, получиться и удивительно хороший кинофильм.

Всё это – дело будущего. Хотелось бы, чтобы не очень далёкого.

Как создавалась эта книга? Этот вопрос я задал Леониду Вацлавовичу, приступая к непосредственной подготовке рукописи к печати. Вот что ответил он мне в своём письме:

«С момента выпуска из коммуны в 1934 году меня не оставляла мысль **отблагодарить** Антона Семёновича за то, что он, не щадя себя, отдал всю свою жизнь, чтобы спасти тысячи ребят и дать им второе рождение: от беспризорности до высокого звания Личности, Человека. Ещё в коммуне, в литературном кружке, наблюдая жизнь коллектива, делал наброски, пометки, особенно касающиеся личности нашего Учителя. Эти записки утеряны во время войны в Одессе, как и вся квартира, разгромленная румынами. В это время я был на Камчатке. Там же, по просьбе Галины Стахивны (вдовы А.С. Макаренко – В.О.), я и начал писать свою повесть. Высылал ей частями свою рукопись; в ответ она писала положительные отзывы. После 15 лет камчатского периода (вместо 3-х, намеченных мной) в 1954 году я навещил Галину Стахивну. Она жила на даче в Костино. Застал её больной, в постели. В разговоре о судьбе моего труда она проговорила: «Лёнюшка! Антон Семёнович – великий человек и как ты можешь так свободно писать о нём, передавать его выступления, диалоги с коммунарами?.. И вообще всё это подвластно большому мастеру пера. Нужно с большой осторожностью относиться к каждому его слову».

Тогда я был ошеломлён и подумал, что, возможно, она права. Но был уверен, что всё хорошо помню и написал правильно, горячим сыновним сердцем. Рукопись осталась у неё, затем затерялась в архивах... Всё же на долгие годы она меня охладила, посеяла сомнения.

И только в 1974 году я возвратился к своему труду и стал писать заново. Стимулом послужила встреча в Киеве с Игорем Петровичем Ивановым – преподавателем Ленинградского пед. института им. Герцена. Он знакомился с коммунарами и последним из них был я. Его очень заинтересовал рассказ о коммуне, и он сказал взволнованным голосом: «Грех вам будет не написать книгу. Пишите и порциями высылайте мне. Будем печатать, издадим». Писал и высылал. «Порции» очень понравились. На машинке печатала неизвестная мне «старушка». Игорь Петрович присылал письма с восторженными отзывами. Потом, к сожалению, он тяжело заболел...

Мои попытки обращаться в издательства не увенчались успехом, хотя в этом «хождении по мукам» мне в меру сил пытался помочь В.В. Кумарин».

Далее в письме идёт описание этих «хождений», читать которые просто больно. Пропустив это, цитирую дальше: «Только издательство «Пограничник» выпустило книжицу «Большая семья». Всё не могли издать. Лишь писатель Сорин выбрал кусочки из разных глав, соединил «мостиками», ничего не меняя в тексте. Эта книжица на 94 страницах вызвала массу отзывов. Печаталась для пограничных округов страны, немного досталось Москве, Ленинграду и Киеву, где попала в магазины и была немедленно раскуплена.

Я потерял всякую надежду на издание всей книги». Далее Леонид Вацлавович с большой теплотой пишет о Светлане Сергеевне Невской – сотруднице Академии пед. наук, которая, узнав о рукописи Конисевича, приняла немало усилий для её издания... Но и ей это не удалось.

«И, наконец, пришла мне мысль послать часть повести П.И. Барбарову (в Челябинск – В.О.), глубоко уважаемому мной человеку и герою книги»...

А дальше было так. Пётр Иосифович вручил эту рукопись мне. Я прочитал и понял, что издание этой книги – дело чести челябинцев, среди которых имя и дело Антона Макаренко имеют множество горячих сторонников.

Продвижению книги в печать содействовал коллектив школы № 96 г. Челябинска (директор Юрий Викторович Пинеккер), выделивший средства на перепечатку рукописи. Активное участие в поиске возможностей издания книги принял челябинский педагог-новатор Александр Самойлович Гуревич. Неоценимую роль в решении множества организационных вопросов, связанных с изданием книги, сыграли редактор Челябинского института повышения квалификации работников образования Людмила Павловна Митюрева и проректор этого института Виктор Абрамович Мошевич, усилиями которых записки Леонида Конисевича наконец-то увидели свет.

Сердечное им всем спасибо!

Декабрь 1992 г.

*В. ОПАЛИХИН,
кандидат педагогических наук,
член Правления Международной
макаренковской ассоциации.*

Часть I

1. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Холодный мартовский день 1929 года был на исходе. Нудный опрос в Харьковской комиссии «По делам несовершеннолетних» близился к концу. Изобретательно, с помощью картинок, шариков, палочек, звуков, измерений черепной коробки, приседаний и ещё бог знает чего, выясняли способности «объекта» и степень его дефективности. Все данные записывались в объёмистые книги.

После обследования меня ввели в соседнюю комнату к председателю комиссии тов. Бесфамиловой. Она деликатно расспросила меня о родителях, какие «посетил» детские учреждения и почему «выбыл».

Я отвечал на вопросы, а перед глазами стояла картина недавних событий. Утренний поезд Севастополь-Харьков бесплатно доставил свободных путешественников на харьковский вокзал. Свисток, короткая возня и крепкие объятия дяди-«милтона». Кое-кто в суতোлке улизнул, но мне не повезло.

— Больше не нужно бегать! — как бы разгадав мои мысли, сказала женщина. — Пойдёшь в хороший детдом!

В голосе звучали мягкие нотки, взгляд тёплый, ободряющий. Из коридора вошёл молодой человек в куртке и кожаной фуражке.

— Игнат Данилович, получайте путёвку и доставьте в целости вот этого молодого гражданина в Новый Харьков. Там трудно с местами. Постарайтесь уговорить заведующего.

— Уговорим! — ответил мой проводник и лукаво подмигнул мне. На милиционера он был не похож.

— Ну, до свиданья, герой, в добрый путь! — Председатель по-матерински ласково положила мне руку на голову и хорошо улыбнулась. Мы вышли. В коридоре толпилась большая очередь, было накурено. На скамьях ожидания я увидел и своих попутчиков.

Прощание на ходу и торопливые вопросы: «Ну что?», «куда?», «где встретимся?»

На дворе шёл снег и тут же таял. На голых деревьях ёжились вороны. По дороге проносились извозчики, выбрасывая из-под колёс грязную кашу. Это была людная улица и раз за разом было слышно «Поберегись!»

Моя повидавшая виды расквашенная обувь испытывала все прелести дороги, цепляясь носками «джимми» за все неровности. То, что прикрывало «аристократическое» тело, не соответствовало сезону, и я промок и продрог.

Шли быстро, но этот путь казался бесконечным. Журавлёвка. Окраина города. Длинная улица с одноэтажными хозяйскими домиками, лавками, постоянными дворами, а от неё – узкие переулки на хутора. Остался позади кожаный завод, источавший на всю округу характерные запахи. За ним открылся животноводческий совхоз.

В домах зажигались огни. Из печных труб косо тянулись дымки. В подворотнях ярились собаки, оберегавшие хозяйское добро. За крепкими заборами тепло и сытость домашнего очага.

Мой провожатый Игнат Данилович, до того всё время молчавший, заговорил:

– Видишь огни на горе? Это коммуна имени Дзержинского. Хороший дом для таких пацанят, как ты. Учатся, работают, кино смотрят. Там и кормят и обувают, и одевают.

Я посмотрел в направлении, которое он указывал, и увидел большое здание, хорошо освещённое электрическими фонарями. Это уже близко. Мне нестерпимо хотелось согреться. Голода я почему-то не чувствовал.

Послышались звуки трубы – какой-то сигнал. Он разносился далеко по окрестностям.

– Отсюда бежать не захочешь, только бы приняли. – В голосе Игната Даниловича мне почудилось какое-то волнение.

– А чего? Большая охрана?

– Охраны нет.

– А как же?

– Сам увидишь!

Чудно, нет охраны и не убегу?!

Здание как бы росло на глазах, чётче становились его контуры.

Когда подошли совсем близко, я увидел по бокам главного подъезда над крышей две башни. На них развевались флаги, освещённые прожекторами. Алые полотнища омывались свежим весенним ветром. В свете прожекторов кружились снежинки.

– Мы пришли, – сказал Игнат Данилович, – крепись, дружок!

Положив на моё плечо большую, тяжёлую руку, он открыл парадную дверь. Вторую, внутреннюю дверь, массивную с красивой витой ручкой я открыл сам. Мы очутились в просторном вестибюле, по бокам которого были расположены гардеробы с одеждой. Впереди поднималась вверх широкая каменная лестница, матово сиявшая полированными ступенями. Над ступенями стояла девочка с винтовкой. Под её ногами я заметил небольшой коврик терракотового цвета. За спиной виднелась мраморная доска с позолоченными буквами. Из-под синего берета спадали гладко причёсанные чёрные волосы, глаза, направленные в мою сторону, чего-то требовали.

Я понял, что означал этот взгляд, и старательно вытер ноги.

– Вы к начальнику? – спросила девочка.

– Да, с новеньким, – ответил Игнат Данилович, тоже усердно шаркая подошвами сапог.

Со второго этажа по лестнице быстро сошёл стройный юноша в форме и с красной повязкой на рукаве.

– Товарищ дежурный! Привели новенького, – доложила девочка, держа винтовку «к ноге».

Жестом, как бы поднимая нас снизу вверх, дежурный пригласил следовать за собой. Деловой и крайне лаконичный тон дал почувствовать, что дежурный – власть и ведёт к высшей власти и что другого пути нет, только – вперёд за ним.

Мы двинулись влево по длинному коридору с чистым полом из красных и жёлтых плиток. Со стен бросились в глаза газета, плакаты, объявления. На мгновение всё слилось в одну неясную сплошную линию: мной овладело волнение перед чем-то неизвестным и даже страшным. Остановились перед дверью с надписью в рамочке: «Начальник коммуны». Дежурный постучал. «Да!» – коротко ответили за дверью. Мы вошли.

Комната была просторная и светлая. Я зажмурился и протёр глаза. Возле письменного стола строгий человек в очках резко выговаривал собеседнику. Прервав беседу, он вопросительно посмотрел на нас. Мне показалось, что его взгляд пронзил меня насквозь, осветив все скрытые во мне тайны.

– У нас нет мест, – услышал я чуть хриплый, усталый голос.

До меня не сразу дошло значение сказанного. Я всё ещё был под гипнозом этого странного взгляда, глубокого, резкого и вместе с тем очень доброго.

– Да как же это, – заволновался Игнат Данилович. – Мальчика направили сюда и сказали, что примут. Обязаны принять... Бесфамилова направила! Он растерянно мял свою фуражку. Я вдруг заметил, что на паркете от моих башмаков образовались грязные лужицы. Я смотрел на них с ужасом, понимая, что сделал что-то гадкое: конечно же – не примут.

– Как тебя звать? – спросил начальник.

– В бумагах всё написано! – ответил я с вызовом, задетый тем громадным контрастом, который создавали великолепие этого дома, его обитатели и моя полужалкая, полугомичная внешность. Начальник, видимо, заметил и оценил мой протест, уловив в нём чувство собственного достоинства.

– В бумагах разное пишут, – продолжал он уже более примирительно. Я хочу знать твоё имя от тебя, настоящее. Коли помнишь – скажи!

– Лёнька меня звать, а кличку не скажу.

– У нас клички не спрашивают, и ты её забудь.

Позднее время, длинная дорога, слякоть и предстоящее возвращение неизвестно куда – всё это сконцентрировалось, вероятно, в выражении моего лица.

– Товарищ Анисимов, позови ССК! – распорядился начальник – а вы присядьте. Дежурный салютнул и, чётко повернувшись, вышел.

Я боялся сдвинуться с места, чтобы не размазать грязь, но начальник подвинул стул и я сел. Только теперь я разглядел человека, с которым до нашего прихода разговаривал хозяин кабинета. Он сидел за столом и перебирал бумаги.

В кабинет юркнул пацан с тряпкой в руках и, прищурясь, покосился на мои ноги и быстро вытер пол. В дверь просунулась ещё одна голова, но тут же скрылась.

– По вашему вызову секретарь совета командиров Теренин явился! – Перед начальником стоял подтянутый мальчик и ждал распоряжений.

– Принимай новенького, товарищ Теренин!

– Есть, Антон Семёнович! – снова козырнул секретарь.

– Да, кстати, сколько будет дважды два?

– Это вы меня спрашиваете? – удивился я.

– Конечно не Игната Даниловича – ответил начальник.

– Так я уже дробил проходил...

– То дробил, а ты ответь мне целое...

– Ну, четыре, если вам надо целое. Я откровенно грубил, подозревая «покупку».

– На первый раз довольно.

Антон Семёнович передал мои бумаги Теренину: – В приказ. Имей в виду покормить ужином. Об остальном ты знаешь.

– Разрешите идти?

– Идите.

Игнат Данилович или, как я его называл в мыслях – дядя Игнат, остался в кабинете.

Меня охватило чувство радости, что приняли, но было и грустно от того, что надо прощаться с дядей Игнатом.

Мы вышли в смежную комнату. По размерам она не меньше кабинета начальника. Вдоль стен обставлена стульями. Между двумя окнами, обращёнными в темноту, письменный стол. На стенах портреты. Блеск натёртого паркета напомнил о следах в кабинете, и я с тревогой покосился на свои «джимми», но они, к счастью, уже подсохли.

В тишине секретарь старательно записывал.

– У тебя есть родители?

– Есть.

– Почему ушёл?

– Хотел на работу, помогать отцу. Он на ВЭКе насекал мелкие напильники и ослеп. Мать от нас ушла... Бабушка ей сказала...

Я хотел рассказать подробнее, исповедоваться, но Теренин перебил:

– Ладно, потом расскажешь.

Пока ССК расспрашивал меня, я его разглядывал. Плотный, хорошего сложения, лет восемнадцати. Верхняя губа чуть раздвоена, лицо свежее, волосы светлые с завитками, глаза серые, открытые, со смешинкой.

Его одежда подчёркивала стройную фигуру; рубашка защитного цвета с широким ремнём и узким ремешком через плечо, брюки галифе чёрного цвета, гамаши и добротные ботинки. На рукаве – знак. От юноши веяло свежестью, здоровьем и хорошей жизнью. Как всё это было далеко от меня!

Вошёл Анисимов. Теренин сказал ему, что я принят и что приказ о зачислении будет зачитан завтра.

– Пойдём к старшей хозяйке, – объяснил Анисимов.

Так наступило новое. Никогда не забуду первую баню в буквальном смысле этого слова: вдоволь горячей воды, пенного мыла. Я фыркал от удовольствия. В купальню вошёл ещё один посетитель – мальчик примерно моего возраста. Приветливо подмигнув, он сказал:

– А ты жирный! Не тарахтишь?

– Как это?

– Костями!

Осматривая меня, как цыган лошадь, взял из рук мою мочалку и стал натирать спину. Стало щекотно и приятно. Когда-то давно-давно это делала моя мать.

– Коросты нет?

Прямой вопрос и молчание в ответ заставили уточнить:

– Чесотки! Это детская болезнь такая, когда сильно чешется между пальцами! Если есть – помажут мазью. Три дня повоняешь и конец.

Коросты у меня не обнаружилось, а мальчик продолжал просвещать в том же духе.

– Ты, пацан, не обижайся. Я твой командир. На «воле» всякое бывает.

В раздевалке он указал мне на свёрток. В нём оказалась верхняя одежда, рядом стояли новенькие ботинки. На вешалке меня дожидалась пухленькая чёрная шинель.

Одевшись, я посмотрелся в зеркало. На меня уставился преображённый двойник. Отглаженная рубашка, хорошо сшитые брюки в рубчик, крепкая обувь. Что-то подкатилось к горлу, ноги ослабели и сами собой потекли слёзы. Я хотел их скрыть. Ведь не плакал, когда от нас уходила мать, а здесь... Командир отвернулся, будто не заметил и, слегка толкнув меня в бок, сказал:

– Пошли в столовую. Пошамаешь и будет грубо!

Я хотел взять свои вещи, которые осиротело лежали под скамьёй. Они крепко связывали меня с чем-то совсем недалёким, но командир протесующе отвёл мою руку и увлёк за собой.

Мы вышли во двор, было темно, только электрические фонари указывали путь. Шли вдоль главного здания, затем силуэт построек стал пониже и за углом дверь в небольшой домик – больничку...

Командир доложил:

– Товарищ Беленький, вот новенький, на осмотр!

Доктор среднего роста, плотный мужчина, бегло глянул на меня и предложил раздеться.

– Да, не баловали тебя деликатесами.– Он внимательно осмотрел мои мощи, что-то искал в волосах, постучал молоточком по коленке, прослушал дыхание, ощупал живот, посмотрел горло и заключил: – В общем здоров, как Гераклес, – и добавил – с временной дистрофией...

Я не понял, что это значит, спрашивать постеснялся потому, что доктор записывал в книгу.

– Пустяки: кости есть и мясо нарастёт, – успокоил меня командир.

В следующей комнате меня подстригли. На этом первичная обработка закончилась.

В здание мы вошли через парадный ход. На посту стояла всё та же строгая девочка. Не дожидаясь её требовательного взгляда, я вытер ноги и пошёл за командиром по коридору. Перед дверью в столовую командир пропустил меня вперёд. В зале было светло и уютно.

Свет усиливался от белых скатертей на столах. Столы стояли несколькими рядами, плотно сдвинутые. По обе стороны каждого ряда, тесно прижавшись друг к другу, стояли стулья. Слева, в конце зала, виднелось большое, почти во всю стену стеклянное окно. Через это окно я увидел плиты с кастрюлями. Обоняние голодного человека жадно ловило чудесную смесь запахов, творцы которых хлопотали тут же у плит.

Усадив меня за одним из столов, командир направился к окну.

– Карпо Филиппович, извините, что не вовремя, накормите новенького! Сегодня привели.

По всему было видно, что Карпо Филиппович здесь главный. Он понимающе посмотрел в мою сторону и неожиданно весело ответил: «Есть накормить их благородие!»

– Я ему дам обед, так посытнее будет, – хлопотал Карпо Филиппович.

На поднос устанавливались полные тарелки. Когда командир с подносом отошёл от стола, Карпо Филиппович приветливо махнул мне рукой: дескать, давай, навёрстывай, что было упущено. И я ел: горячий борщ с кусочками мяса, душистый мягкий хлеб с зарумяненной корочкой, гречневую кашу с мясным соусом. За кашей последовали пирожки и чашка молока. Командир сидел и, подперев кулаком подбородок, с интересом смотрел, как я уплетал эту снедь. Когда дело дошло до пирогов, он пояснил: Это наши пундики. Ласая штука! Он подвинул тарелку с пирожками поближе к моему рту.

– Здесь будет твоё постоянное место. Это стол нашего отряда.

Перед выходом из зала он громко поблагодарил Карпа Филипповича, давая мне понять, что я должен сделать то же самое.

– Спасибо! – вырвалось у меня и без этого напоминания.

Он повёл меня по широкой лестнице с отполированными ступенями наверх.

На первом повороте марша открылась площадка с двумя дверями. На двери справа было написано в рамочке – «Тихий клуб». На другой двери надписи не было. Мы вошли в неё. Мягкий свет плафонов падал на два ряда кроватей. Один ряд справа торцами примыкал к глухой стене, а второй ряд слева – к стене с большими окнами. Полы покрашены и всё покрашено масляными красками, которые ещё издавали слабый запах.

Кровати одинаково и хорошо заправлены. Покрыты толстыми новыми одеялами. Возле каждой кровати – тумбочка, на окнах – белые занавески. Ничего лишнего, если не считать излишеством прикроватные коврики. Приблизительно по середине левого ряда

командир указал на койку и сказал, что это моя и что за ней нужно ухаживать, то есть застилать по принятому образцу. Тут же он показал, как это делается. Затем потребовал, чтобы застелил я сам. Пришлось повторять несколько раз до тех пор, пока он не сказал: «Довольно». После длительной репетиции по заправке кровати командир протянул мне руку и представился: – Алексей Землянский. Не слышал?

– Нет, – изумился я.

– Ну ещё, Ваньки-турки, значит, услышишь! Меня все знают! Тут он расхохотался таким смехом, от которого по спине у меня побежал холодок. Небольшого роста, слегка сутуловатый, он всё время как будто ёжился. Лицо бледно-коричневое, в улыбке сверкал золотой зуб. Одет он был по фигуре и держался с достоинством. Он что-то хотел добавить, но в тот момент по всему дому разнёсся сигнал. Трубили громко и в то же время мягко, певуче.

– На рапорта, – сказал Землянский. – Пошли в Громкий клуб!

Он достал из тумбочки какую-то бумажку и быстро написал несколько строчек. Расправив ремень, он повернулся на каблуках, и мы вышли из спальни. На лестнице и в коридоре было много народу. Все двигались в одном направлении, оживлённо разговаривая, но не задерживаясь. С верхнего этажа спустились девочки, поправляя причёски и охорашиваясь. Не упуская командира, в густом потоке шёл и я. Зашли в зал Громкого клуба. Здесь уже было полно, входящие быстро рассаживались. Я снова увидел Антона Семёновича. Он стоял немного левее от входной двери, на среднем расстоянии между дверью и противоположной стеной. Напротив него, в одну линию непрерывно выстраивались подтянутые мальчики и девочки.

Закрылась дверь за последним вошедшим. В зале стало тихо, и, если бы не дыхание и тихое покашливание, можно было подумать, что он пуст. Раздалась команда дежурного:

– К рапортам встать – смирно!

Он стоял у невысокой сцены, за столиком. Все встали и приняли стойку «смирно».

В шеренге стояли только командиры, потому что среди них я увидел и Землянского.

Начали сдавать рапорта:

– В первом отряде всё хорошо! с поднятой рукой отчеканил высокий белобрысый парень. Командир отряда Певень.

– Есть! – ответил Антон Семёнович, поднимая правую руку с плотно сомкнутыми пальцами, а левой принимая письменный рапорт.

- Во втором отряде – всё хорошо, командир отряда Фомичёв.
- Есть!
- В третьем отряде – всё хорошо, за исключением: Тетеряченко плохо убрал спальню. Командир Никитин.
- Есть!
- В четвёртом отряде – всё хорошо, за исключением: Локтюхов опоздал в столовую. Командир Иванов.
- Есть!
- В пятом отряде – всё хорошо, за исключением: в пошивочном цехе не хватило ниток, был простой. Командир отряда Женя Вехова.
- Есть!

Командиры рапортовали один за одним. Стоявшие в зале поднимали руку вместе с командиром, отдававшим рапорт. Только я один не поднял, я ещё не чувствовал себя вправе это делать. Посмотрю, поучусь – мелькнула житейская мысль, – как вдруг почувствовал сзади толчок. Обернулся и услышал тихое шипение:

- Чего не салютуешь, грак?

Сбоку голос: «Перестань, Серёжка, Антон смотрит».

- В одиннадцатом отряде – всё хорошо, принят новый воспитанник. Командир отряда Землянский.
- Есть!

Командир назвал мою фамилию, и я почувствовал на себе любопытные взгляды.

После командиров рапортовала девочка с красным крестом на белой нарукавной повязке – чистенькая, в кудряшках медно-красного цвета и с очень звонким голосом:

- На утренней поверке обнаружена пыль за картиной в девятом отряде. Тетеряченко неряшливо одет, дежурные по столовой задержали уборку, зав. столовой Русаков пререкался. Прошу обратить внимание на рапорты командиров 3-го и 4-го отрядов ДЧСК. Красная Люба.

Кто-то буркнул – придира – и осёкся.

- Есть – принял рапорт Антон Семёнович, – отсалютовал и Любе.

В заключение рапортовал дежурный по коммуне:

Товарищ начальник коммуны! День прошёл благополучно. В отрядах все здоровы. Коммунары-горьковцы Глухов, Теренина, Ледак зачислены в высшие учебные заведения: Турянчик – в Харьковскую консерваторию. Прошу обратить внимание на рапорты командиров и дежурного члена санитарной комиссии. Дежурный по коммуне Анисимов.

- Есть!

Рапорты сданы. После команды «вольно» все расселись по местам. Дежурный за председательским столиком. Антон Семёнович в зале среди коммунаров.

– Общее собрание коммунаров объявляю открытым, – провозгласил Анисимов и обратился к письменным рапортам, переданным ему Антоном Семёновичем.

– Тетеряченко, выходи на середину! – Из задних рядов стал пробираться долговязый пацан, задевая стулья и сидящих.

– Ой, горе! – вырвалось у беленькой девочки.

– Доки мы будем з ним панькаться! – раздался басок со сцены...

– Тише, товарищ, будете брать слово! – перебил председатель.

Тетеряченко вышел на середину зала под люстру. Он даже глянул вверх, выбирая точку на полу. По лицам командиров было видно, что Тетеряченко с «серединой» давно освоился, что всем он надоел своими постоянными грехами. Блуждающим взглядом усталого человека Тетеряченко окинул собрание. Он был в коммунарской форме и как ни старался её поправить перед выходом и на «середине» – ничего не получалось. Складки рубашки съезжали на правый бок, портупая сползала с плеча, левая гамаша ниже правой, из кармана штанов свисал носовой платок. Вся фигура его напоминала гвоздь, который силится хоть немного стать попрямее.

– Объясни, почему плохо убрал спальню?

– Я убрал хорошо, все видели...

– Значит в рапорте командира враньё?

Тетеряченко переступал с ноги на ногу.

– Товарищ Никитин, в чём дело? Никитин встал. Худощавый, высокий, на лице веснушки.

– В общем-то убрал, а на плафоне пыль. Он ведь может одно стекло тереть до дыр, а другого не заметить. Трёт, трёт, а спроси его, так вроде спит. Предлагаю перевести в воспитанники и надеть спецовку!

– Кто имеет слово? – обратился Анисимов к собранию.

– Можно мне? – нервно подхватился Землянский. – У Никитина один такой Тетеряченко, а у меня двенадцать. Так что – Тетеряченко ко мне, да? Значит, Сеньке подавай чистюлек?

В зале оживление. В первом ряду пацанов поднялась рука.

– Говори, Петька!

– Не Петька, а товарищ Романов – солидно поправил председателя очередной оратор.

– Битон, значит, Тетеряченко, давно в коммуне харчи переводит, только книжки читает, без пользы. И ты, Зуй, не отказывайся, бери в наш

одиннадцатый. Мы его утюжком погладим.

Тетеряченко передёрнул скособоченными плечами, как будто почувствовал прикосновение горячего утюга. Это движение вызвало смех. Петька без улыбки опустил на своё место.

– Можно мне? – попросил слова начальник коммуны.

– Пожалуйста, Антон Семёнович.

– Товарищи, я не вижу причины для смеха. Ясно всем, что Тетеряченко нужно выправлять не рублём и качалкой и не утюгом, а физкультурой. А главное, Никитину не снимать со своих плеч обязанностей командира и комсомольца, не спихивать Тетеряченко Землянскому. Я думаю, что наоборот – пора разгрузить Землянского, одиннадцатый расформировать и его гвардию передать в отряды к старшим. Наши пацаны сами нуждаются в постоянной заботе, а вы хотите Тетеряченко подкинуть на их воспитание. Это манера кукушек – подбрасывать своё потомство в чужие гнёзда!

Антон Семёнович говорил стоя, и все выступающие тоже вставали.

– Полагаю, – продолжал он, – спальню одиннадцатого передать девочкам 5–6-го отрядов. За счёт освободившейся площади разместить в отряды малышей вместе со старшими.

Ни те, ни другие не давали прямого согласия на реформу. Пацаны привыкли жить в своём кругу: с ними много возились, прощали грехи. Девочки занимали лучшие спальни, с большим комфортом.

Слово взяла командир 5-го Вехова.

– Антон Семёнович, мы понимаем, что это нужно. Только у Землянского голая спальня и пол не паркетный раз, гвардии нет – два, дорожки – три. По мере отсчёта она загибала пальцы.

– Этот вопрос в деталях рассмотрим на совете командиров – ответил Антон Семёнович. – Разумеется, своё приданое заберёте с собой, – добавил он.

По предложению Любы Красной Тетеряченко получил два наряда внеочередной уборки нижнего коридора. Решение собрания он принял безропотно. С Русаковым ограничились его извинением перед Любой.

– Была запарка на кухне, а она своё – клеёнка не так вымыта, ну я и огрызнулся. Извини, Люба!

Всеобщую радость вызвало известие о поступлении бывших горьковцев в харьковские вузы. Все они были на собрании. Антон Семёнович поздравил их с началом большой жизни. Коммуна стоя аплодировала. Новопришедшие студенты, смущённые почестями, неловко кланялись собранию.

и обещали упорно «грызть гранит» науки и во всём оправдать доверие товарищей. Командиру девятого за пыль – замечание, Локтюхову – два наряда. Собрание закончилось чтением приказа. Читал ССК Теренин. Все слушали, стоя по стойке «смирно». После приказа – передача дежурств. В присутствии собрания выстроились коммунары, закончившие дежурства, и новая смена дежурных на завтра. Рапортовали Антону Семёновичу:

- Дежурство по коммуне сдал Анисимов!
- Есть!
- Дежурство по коммуне принял Никитин!
- Есть!
- Дежурство заместителя начальника коммуны сдал Козырь!
- Есть!
- Дежурство зам. нач. коммуны приняла Сторчакова!
- Есть!
- ДЧСК Красная Люба дежурство сдала!
- Есть!
- ДЧСК Хохликова – дежурство приняла!
- Есть!

Закончена сдача и приём дежурств. Прошёл ещё один увлекательный трудовой день. Дежурные передали повязки. У заместителя начальника коммуны повязка голубого цвета с буквами «ДЗ».

В коридоре прозвучал сигнал «Спать пора!» – спокойный, немного тягучий, умиротворяющий. Все направились в свои спальни. Пацаны давно зевали и теперь их манили чистые тёплые постели. Кто-то тихо подпевал горнисту:

«Спать пора,
Спать пора,
Коммунары.
День закончен,
День закончен
Трудовой...»

В кабинет начальника двинула гурьба ребят и ответственных и любопытствующих. Здесь рабочий день продолжался.

Войдя в спальню, я увидел человек восемь коммунаров. Они разбирали постели, готовились ко сну. Это мои новые товарищи. Как-то они примут меня?

– Ваньки-турки, – обратился командир к отряду – принимайте новенького, сегодня привели. В спальне стало тихо.

– Ладно, пусть живёт, – за всех ответил Петька Романов. Остальные ограничились тем, что весьма дружелюбно прошли по мне пытливыми

взглядами. Восклицаний и восторгов не было. Неожиданно в проходе между койками появился Серёжка, тот самый, который на рапортах толкнул меня. Он подошёл с угрожающим видом драчуна:

– Ты, грак! – Положив мне руку на плечо, он локтем резко поддел подбородок, мне стало больно. Инстинктивно я ответил правой, и мой противник повалился на кровать.

Мгновенно образовалось кольцо зрителей. Землянский что-то крикнул, но Сергей уже встал, поправил рубашку и... засмеялся.

– А ты, пацан, с перцем! Драться, детка, в коммуне, нельзя – у нас воспитанные люди. За драку могут выгнать. Перед самым моим носом он туда-сюда поводил указательным пальцем.

– Робеспьер! Научи его правилам хорошего тона! – бросил Сергей, направляясь к двери.

– Это наше дело, справимся, Ваньки-турки, а? – Землянский повернулся кругом на каблуках и засмеялся. А через минуту распорядился: «Марш в постели!».

Когда всё замерло, сосед по койке доверительно зашептал:

– Ты знаешь Серёжку? Он же боксёр, понял? На «Динамо» ходит!

Я не сразу успокоился, по телу шёл какой-то неприятный озноб. Кто-то погасил свет. Соседи по койкам тихо перешёптывались. Я ворочался и долго не мог уснуть.

2. ВХОЖДЕНИЕ

Наступившее утро взбудоражил звонкий сигнал. В окнах чуть брезжил серый рассвет. Ещё хотелось спать. Свет лампочек резко бил в глаза. Кто-то вставал, как по тревоге, решительно сбрасывая одеяло, кто-то искал под кроватью обувь, кого-то расталкивали, освобождая от глубокого сна.

– Подъём! Ваньки-турки! Кому подать кофе?

Землянский уже был одет и заправлял кровать.

– Дежурный по спальне сегодня Лорд Кус-фе! Филька, это тебя касается! – официально заявил командир и тут же потянул одеяло с заспанного «лорда».

Тот сладко зевнул, поёжился и уже сознательно протянул:

– Знаю. То Кус-Фэ, то Кус-Пэ за всех парятся! Рыжих нашли!

Землянский хмыкнул. Двое братьев – Куклий Филька и Куклий Павел жили вместе. Они были как жуки чёрные, но характером совершенно разные. Павел был постарше и поспокойнее. Он одевался, посапывая и недовольно глядя на брата.

Бросив на плечи полотенца, побежали умываться, чистить зубы. Спальня принимала обычный вид. Вчерашний урок командира пришёлся кстати, с койкой справился уверенно.

По всей коммуне катился аврал. Каждый отряд убирал свой участок. Мылись стёкла, по всем закоулкам снималась пыль, чистили медные части, мыли плиточные полы широких нескончаемых коридоров, лестниц. Особо старательно прибирались туалеты и умывальники, чистили краны. Всё делалось нехитрым отрядным инвентарём и коммунарскими руками. Вёдра, тряпки, половые щётки, полотёрные щётки, пасты, дворницкие метлы, скребки – всё хранилось и береглось в кладовках, под недремлющим оком хозяев – командиров, и когда нужно – всегда было на месте. Помещений много. Нужно спешить, чтобы вовремя сдать ДЧСК¹, Мане Хроликовой. Эта хрупкая девочка спуску не даст никому. Она знает все «потайные» места, где можно обнаружить малейшие следы пыли и грязи. В самых неожиданных ситуациях она преподнесёт на платочке найденные ископаемые.

Приборка закончена. Дежурный командир Никитин, приняв рапорт ДЧСК, даёт сигнал на поверку, которую проводят дежурный командир, ДЧСК, дежурный зам. нач. коммуны. Отряды выстраиваются в спальнях, каждый коммунар у своей койки. Комиссию встречает командир отряда. С появлением в дверях дежурного по коммуне следует команда: «Отряд, смирно – салют!».

Шесть пар глаз простреливают все укрепления большие и малые, выискивая главного врага – грязь и пыль. Спальни сверкают чистотой, натёрт паркет, кровати заправлены, открыты форточки, вымыты шеи и уши, начищена обувь и всё-таки недоверие. У Калошкина один ботинок не зашнурован, и это обнаруживается даже под спущенной штаниной.

В шестом отряде девочек случай из ряда вон выходящий. Когда командир Пихоцкая подала команду «смирно», она девочка, стоявшая в глубине спальни между кроватями, подбоченилась, прижав к талии плиссированную юбку. Дежурный Никитин счёл это недозволенным и громко повторил команду. Она не меняла позы и вызывающе смотрела на проверяющих.

– Белинина, кру-гом! – скомандовал Никитин. Сработал рефлекс, и девочка повернулась спиной. Поверка потеряла всю торжественность. Все смеялись. Белинина, хотя и в смущении, но тоже улыбалась, сидя на своей кровати и держа на коленях неодетую юбку.

¹ ДЧСК – дежурный член санитарной комиссии

– Белинину одеваться всем по очереди – посерьёзней Никитин, уводя комиссию в другой отряд. Никакой скабрёзности, ничего выходящего за рамки отношений между членами одной семьи.

Завтрак в семь часов. В столовой шумно от множества голосов. Дежурные катаются между столами, как настоящие официанты, в белых фарточках, нарядные, обслуживая товарищей с профессиональным шиком.

Белинина не вошла, а впорхнула в столовую, стараясь быть незамеченной. Все уже знали о происшествии в шестом отряде. Переваливая языком горячую котлету, Петя прокомментировал:

– Пацаны, а Нинка тапочки впереди ног поставила.

Его перебил Кус-Фэ: Нехай совет командиров выпишет ещё одну юбку. Дежурный повернёт кругом, а сзади тоже глухо.

– Ша! – одёрнул его Землянский. – Смотреть в тарелку. Макароны не рассыпать. Вытереть носы.

В это время вошёл ССК Теренин с папкой.

– К приказу встать! – скомандовал Никитин и все поднялись за столами и стало тихо. Голосом хорошего чтеца Теренин начал:

«Приказ по коммуне ГПУ УССР имени Ф.Э. Дзержинского 18 марта 1929 года, № 436,

§ 1.

Дежурный по коммуне – Никитин Семён;

Дежурная зам. нач. коммуны – Сторчакова Елена;

ДЧСК – Хохликова Женя.

§ 2

С утра все по нарядам отправляются в мастерские и в школу.

§ 3

Принять и поставить на довольствие нового воспитанника Конисевича Лёню.

§ 4

Принять нового зав. производством тов. Когана Соломона Борисовича.

§ 5

В соответствии с решением совета командиров выпустить из коммуны в ВУЗы коммунаров тт. Глухова, Теренину, Ледак, Курыничика. Учредить каждому стипендию коммуны до окончания ВУЗа.

*Начальник коммуны А.С. Макаренко
ССК Теренин.*

После завтрака производственники 1-й смены спешили в спальни переодеться в спецовки. Школьники первой смены готовили тетради и учебники. Выходя из столовой, каждый говорил «спасибо». Это равно относилось к дежурному по коммуналке, Карпу Филипповичу и дежурному по столовой. Отвечал за всех «на здоровье» дежурный по коммуналке.

К 7.20 в здании стало тише, закрылись двери в классах, куда-то пропали спецовочники, только ещё ходили по нижнему коридору какие-то взрослые люди, в направлении к кабинету и обратно.

Дневальный (теперь мальчик) внимательно осматривал входящих, незнакомых задерживал до выяснения. Его винтовка без слов говорила, что он не так себе стоит, не играет в солдатика. Рядом у стены большой железный сейф. Дневальный не знал, что в нём хранится, но охранял неусыпно. По заведённому порядку дневалили круглосуточно, сменяясь через два часа, и подчиняясь только командиру сторожевого отряда.

Не имея определённой программы, я бродил по коридору, легко скользил новыми подошвами по плиткам пола, читал стенгазету, заглянул в Громкий клуб. Здесь тишина. Со стен смотрели большие портреты вождей, по бокам окон опускались светлые из плотной ткани занавеси; венские стулья стояли на своих местах; на сцене чёрный рояль. Я открыл крышку и тихо провёл рукой по клавишам. Сверху ожидания звуки громко раскатились по помещению. Я испугался. Осторожно опустил крышку, чтобы не хлопнула.

Через стекло окон смотрело посветлевшее небо с низкими бегущими облаками. Одинокие не опавшие листья подбрасывал ветер, они раскачивались, но всё ещё прочно держались за ветви. С карнизов свисали новорождённые сосульки, отражая скупые лучи солнца. Оно поднималось, возвещая новый день. Какой он будет, этот день? Почему-то привлекла внимание люстра, вспомнилась «середина» Тетеряченко. Да, она была в середине потолка, окружена фигурной росписью. В углах тоже красочные орнаменты, соединённые полосками вдоль стен. На стенах чистых и гладких ни единой царапины, от батарей исходил тёплый воздух, согревающий тело и душу. Мне стало хорошо... и тревожно... Почему не гонят, не кричат, не дёргают за руки. Не сон ли это?

— А, вот ты где! Обернувшись, я увидел Никитина. Он смотрел на меня приветливо.

— Я тебя ищу. Пойдём к Тимофею Денисовичу. Проверит твою грамоту.

— Какую грамоту? — не сразу понял я.

— Ну, как ещё сказать — твои знания по арифметике, русскому, украинскому, по политике. В Коммуналке все учатся, а ты много пропустил.

– Высокий, он смотрел на меня сверху вниз. – Сегодня решат, в какой тебе класс. Будешь учиться, как все.

В Тихом клубе, куда привёл Никитин, нас встретил среднего роста мужчина. Это был Тимофей Денисович Татаринов, один из ближайших помощников Антона Семёновича.

Здесь были ещё две молодые женщины, аккуратно, но просто одетые.

– Вера Григорьевна, пожалуйста, небольшой диктант, – обратился Тимофей Денисович к одной из женщин.

– Здравствуй, садись вот здесь. Она указала на стул за журнальным столиком.

– Писать умеешь?

– Пишу, как учил отец.

– А грамматику знаешь?

– Знаю. Грамотный. Из книг переписывал.

– Ну, хорошо. Почитай громко вот эту страничку. На столик положила открытую книгу. Это был томик Пушкина «Руслан и Людмила». Читал я с выражением, помня, как строго смотрел на меня отец, когда я ошибался. Потеряв зрение, он нуждался в моей помощи и по вечерам, при керосиновой лампе, я читал ему вслух.

– Неплохо, довольно. А теперь попишем. Она диктовала медленно, выразительно, похаживая вокруг стола.

– Сидеть надо прямо. – Я почувствовал, как она мягко взяла мою голову, и я выпрямился.

Проверив диктант, учительница резюмировала: – Со знаками препинания пока неладно. Есть описки. Пиши внимательнее и чище, чтобы перо не брызгало.

От Веры Григорьевны я поступил к Лидии Фёдоровне. Она спрашивала по географии. Я бойко называл столицы государств, главные реки, горные великаны, но когда подвела к карте, чтобы я показал Чехословакию и столицу Прагу, мой палец блуждал где-то у Северного полюса. Мне видеть такие карты не доводилось.

Лидия Фёдоровна достала с полки книгу, большую и толстую, и дала её мне. Это был географический атлас.

– Это тебе в дополнение к учебникам. Ты всё там найдёшь... и Прагу.

Закончил экзамен Тимофей Денисович. Несколько вопросов по таблице умножения, дробям, простым и десятичным, пропорциями и процентами перешли на бумагу. В этой науке я показал больше, чем в географии. Стало легче. Я успокоился, хотя Тимофей Денисович продолжал расспрашивать

– Про Чемберлена слышал?

- Чемберлена? И слышал и видал!
- Где же ты его видел? – поднял брови Тимофей Денисович.
- На Павловской площади! Его несли на палке.
- Гм, чего же на палке?
- Того, что капиталист. И пьёт кровь с рабочим.
- Ну, добре. А что такое брак, скажем, на заводе?

Это я знал хорошо. Отец часто употреблял это слово, насекая напильники.

- Испорчу – забракуют, – говаривал он, – вычтут из жалованья.
- Брак – это, когда портят и не получают денег, – эрудированно ответил я и приготовился к следующему вопросу. Вопросов больше не было. Я стоял, ожидая решения своей судьбы.
- Сегодня гуляй, знакомься с коммуной, а завтра, голубе, за книжки, тетрадки и в 5-й класс! – заключил Тимофей Денисович.
- В пятый?! Вот это здорово!.. У меня нет книжек и тетрадок...
- Всё получишь у Лидии Фёдоровны. Они не новые, а всё равно береги, и другим по ним учиться!
- Есть беречь, – отсалютовал я с радостью и, повернувшись на манер Теренина, Анисимова и Никитина, вышел из Тихого клуба.

Произошло что-то важное. Буду учиться и работать! Выхожу на двор без пальто и шапки. Не успел открыть наружную дверь, как вдогонку голос дневального:

- Одевайся, пацан, на дворе холодно, а ты ещё слабак.
- Какой я слабак!?
- Факт, и не спорь!

Пришлось надеть свою пушистую шинель и шапку. Шинели висели отдельно, чтобы не растрчивать времени на поиски. Спорить с дневальным было бесполезно. Не послушаться – разговор с дежурным, рапорт, «середина». Я оделся. Стало не только теплее, но и радостнее. Внутри что-то пело, окрыляли радостные надежды, хотелось свершить что-то большое, невиданное...

Свежий весенний ветер прогнал докучливые тучи и открыл солнце. Освещающая серую стену фасада, оно вызывало к жизни тысячи ярких звёздочек-снежинок, то вспыхивающих, то погасающих в непрерывном мерцании.

С крыльца открывалась ничем не заполненная равнина, а перед зданием в подтаявшем ноздреватом снегу торчали мёртвые цветы, вырисовывались контуры клумб и рабаток.

По левую сторону гнездилось множество построек: домиков, сарайчиков, складов, мастерских, бараков, большей частью деревянных, представителей старого мира. В них ещё была нужда и их до времени терпели.

Над кирпичной постройкой высилась железная труба на растяжках с колпаком, из-под которого тянулся дым. А далее – отлогий спуск, переходящий в равнину с редкими постройками, водонапорными башенками, телефонными линиями, рощами, рекой и так – до самого горизонта. Справа за стеной открылся старый фруктовый сад с раскидистыми кронами яблонь, с тёмными стволами вишен и слив. Сад пересекали дорожки с деревянными скамьями. В средней части – круглая площадка со столиком и двумя рядами скамеек вокруг. Под деревьями чернели воронки с открывшейся землёй, а на стволах ещё держалась влажная прозрачная корочка наледи. Две синички, украшенные ярким оперением, играли в освещённой солнцем кроне, перескакивая с ветки, не ветку, поклёвывая то сверху, то снизу скрытых поселенцев-зимовщиков.

За садом – небольшое открытое пространство с футбольной площадкой, местами для палаток летнего лагеря. За всем этим начинался густой лес, украшенный бронзовой листвой зимнего дуба, стволами белых берёзок на опушке и в глубине, широкими кустарниками боярышника, бузины и рябинника с неопавшими кистями красной рябины. Между верхушек могучих дубов пряталось синее небо.

Всё вокруг свободно просматривалось. Никаких заборов, никаких других ограждений.

Нагулявшись и насмотревшись, я вернулся домой. Домой? – поймал я себя на мысли. И вдруг с удивительным прозрением, осязаемой ясностью я понял, что теперь у меня есть настоящий дом – наш дом.

3. ЭВОЛЮЦИИ

Одиннадцать часов утра. В Громком клубе урок гимнастики и построения. Петьки, Гришки, Фильки, Котляры, Локтюховы, Тетеряченки, Мишулины. Это ещё не занятая на производстве «знать». Для них ежедневные уроки-разминки. Уроки проводит Антон Семёнович. Группа человек в тридцать, собранная из «хозяек», из сводного по коммуне, из маленьких почтальонов, которых в шутку называли канцелярскими крысами, готовилась к самому приятному уроку. Я вошёл, когда уже все стояли в шеренге.

– Стать в строй и не опаздывать! – строго сказал Антон Семёнович. Наугад ткнулся в середину шеренги: – Отставить! Сначала надо ответить вот так: «Есть стать в строй!» И становиться на левый фланг. Что такое «левый фланг», я не знал и двинулся туда, где стояли более рослые.

Не повышая голоса, Антон Семёнович пояснил, что левый фланг – всегда слева, а правый – справа. Я согласно кивнул, а пошёл опять не туда.

В шеренге зашикали, поднялся смех.

– Товарищ Мезяк, покажи, где левый фланг, и поставь своего нового друга в строй.

– Есть поставить!

Начались команды:

– Группа, равняйся, – персонально «ко мне» – шаг назад налево, прямо перед собой шагом марш; стой, направо и шаг вперёд марш!

Все команды Мезяк отдавал, не выходя из строя. Он не видел моих манёвров. Они же выразились в том, что я просто перешёл на другой конец шеренги, догадавшись, чего от меня хотят. И снова смех. Антон Семёнович улыбнулся и сказал: «Отставить шутки, перейдём к занятию!»

– Первое упражнение: поднимание на носках, руки на поясе. Поднимались раз пятьдесят вместе с руководителем. Пальцы онемели, заломило в подъёме. Слава богу, что началось новое упражнение: поочерёдный подъём ног с вытянутым носком. Физподготовка сменилась строевыми приёмами.

Антон Семёнович показывал, как нужно ходить в одну шеренгу, перестраиваться в две шеренги, как останавливаться, делая повороты «направо», «на-лево», «кругом», поворачиваться кругом на ходу. Последнее перестроение удавалось труднее. Бывало, наталкивались друг на друга, а иногда, совершив поворот наполовину, а не вокруг – двигались вправо и влево относительно шеренги «свит заочи». Из всех «бойцов» особенно отличался Мишулис. Он усвоил мысль, что ходит в строю, а не на прогулке. Поэтому ходил только руки «по швам». Строй останавливался, Мишулису разрешалось ходить по команде «вольно», но его руки всё равно, как приклеенные, лежали вдоль бёдер.

Когда Антон Семёнович отрабатывал торжественный марш и там, где полагалось прижать одну руку, с равнением «на знамя», Мишулис высоко выбрасывал именно её, что вызывало в строю замешательство и ералаш.

Занятия продолжались один час. Антон Семёнович, несмотря на наши художества, оставался невозмутимо спокойным.

4. «НЕ ФИГЛИ-МИГЛИ»

В 17.00 после первого ужина – зазывно-певучий сигнал «На совет командиров». Он такой же, как и «на рапорта».

Трубил сам дежурный командир Никитин, не отпуская, однако дежурного горниста Федю Борисова. Ещё днём просочился слух, что новый зав. производством Соломон Борисович разработал интересный проект хозяйственной реорганизации. Все горели любопытством.

В кабинет начальника сходились командиры отрядов с заместителями, заслуженные производственники – комсомольцы. Между ними юлила мелюзга. Шли начальники цехов, бригадиры и воспитатели – педагоги. По всем признакам этот совет командиров обещал что-то чрезвычайное.

Кабинет заполнили до отказа. Младшее поколение расселось прямо на полу.

– Заседание совета командиров считаю открытым.– объявил Теренин после переключки отрядов. На повестке дня один вопрос: «О перестройке производства». Слово имеет Антон Семёнович.

Стало тихо. Коган шевельнул губами, пытаясь что-то сказать, но красноречивый взгляд Антона Семёновича оградил его преждевременное намерение.

– Товарищи коммунары и уважаемые сотрудники! До сих пор мы жили не так уж плохо. Сыты, одеты, обуты; учились, работая в мастерских, производя некоторую продукцию. Чекисты Украины построили нам этот дворец, обставили его, привезли оборудование и сказали: «Живите, дети, растите, воспитывайтесь». Нам завидуют и говорят: «Устроились не пролетарски! Раньше так паньчи жили!» Не все вы знаете, что наши добрые шефы до сих пор отчисляют часть своего заработка, 6%, чтобы мы жили в достатке.

Не кажется ли вам, что пора и честь знать! Не начать ли нам самим зарабатывать на жизнь?

Он немного помолчал и продолжил:

– При хорошей работе перейдём на самокупаемость. Я советовался в управлении. Мне сказали: «Как постановите – так и будет».

Собрание загудело. Старшие схватили главное и готовились выступать; малыши тоже тянули руки.

– С чего начнём, Антон Семёнович? – озабоченно спросил Митя Чевелий, один из старых горьковцев, которые перешли с Антоном Семёновичем в этот дворец из колонии им. Горького.

– Об этом расскажет Соломон Борисович. Кстати, позвольте его представить: – Соломон Борисович Коган – наш завпроизводством и главный инженер. Коган приподнялся и, польщённый всеобщим вниманием, трижды поклонился. Это был тот человек, которого я видел за столом ССК в день первого знакомства с Антоном Семёновичем. С галёрки, то бишь

с пола и других гнездовий, пацаны плеснули жидкими аплодисментами.

– Николай, vedi заседание, – напомнил Теренину Антон Семёнович.

– Слово предоставляется главному инженеру коммуны тов. Когану! Теренин заплодировал и его активно поддержало старшее поколение.

– Товарищи! Я, знаете, не большой оратор, – его нижняя губа сложилась ручейком – я больше производственник и начну с деловой стороны. Где это видано, чтобы такие молодые мальчуганы и девчата не работали и не зарабатывали! Пхи! За свои восемнадцать лет на производстве я посмотрелся, как работают дети! Они так работали, за гроши, а всё забирали хозяева! Покачивая головой, поднял глаза в потолок. – Теперь другое время. Мы работаем на себя. Я спрашиваю вас, кто нам не даёт зарабатывать деньги? Хотите зарабатывать? Так вы да, будете зарабатывать! – Потянул носовой платок, часть которого осталась в кармане, и промокнул взмокшее чело.

– Мы будем выпускать товарную продукцию. Вы знаете, что это значит? Это значит, что мы имеем клиента и забрасываем его нашими креслами, шкафами, столами, токарными изделиями, швейной продукцией и имеем свою живую копейку. Наша производственная машина чревата вашими личными заработками, да-да, вы не посмевайтесь, молодой человек, – сказано в сторону Саньки Сопина, – вы будете иметь свои карманные деньги!

Атмосфера накалялась. Слушали сказки из «Тысячи и одна ночи». И, вместе с тем, чем-то новым, необычным повеяло от его слов, какой-то большой верой в свои силы и уважением к себе. Собрание всколыхнулось.

– Деньги где возьмём? – не выдержал Сопин, – на тарелочке поднесут?

– На чём работать? На «козах»?

– Материалов нет!

– Инструмент давайте! – стреляли в Когана со всех сторон

– Галдёж! – перекрыл вспышку Теренин, давая возможность продолжать речь зав. производством.

– Это хорошо, что вы понимаете экономику. Деньги? Это я фигли-мигли, конечно, – снова взгляд в потолок и покручивание пальцами над животом – деньги наше дело. Для начала я сделал аванс в электроинституте на пятьдесят тысяч, и вы им сделаете кресла, столы для студентов и разную другую мебель по договору. Заказ они дали до июля месяца.

Если совет юных командиров решит этот вопрос и скажет «да», – мы с завтрашнего дня начинаем работать, если скажет «нет», я сниму этот

рабочий костюм и буду танцевать гопака. Уйду от вас на покой. «Рабочий костюм» Соломона Борисовича не выпал из поля нашего зрения, удивляя необычным покроем «буржуйского» пиджака, едва не касавшегося широких раструбов голенищ сапог, накладными карманами, в которые можно впихнуть бог знает что.

Антон Семёнович размеренно постучал карандашом по столу, внимательно слушая риторические обороты Когана, следя за реакцией коммунаров.

– Не обижайтесь, Соломон Борисович, вопрос серьёзный, обдумаем, обсудим и примем решение. Поскольку мы владеем оборотным капиталом в 50 тысяч, считаю возможным рискнуть, «сжечь мосты» и перешагнуть от соцвоса на производственное воспитание. Это значит – работать по нормам и расценкам, иметь промфинплан, выпускать хорошую продукцию и как результат – перейти на самоокупаемость и не думаю, что это авантюра!

Когана подбросило: «Что вы, какая авантюра? Хорошенькое мне дело!»

– Послушаем, что скажет совет командиров – продолжал Антон Семёнович. – Риска не будет, если все поймут необходимость этого начинания. – Что главное? Во-первых, коммуна готовит квалифицированных рабочих разных специальностей. Их руки понадобятся на заводах, фабриках, стройках наших пятилеток. Да, ребята, это так будет, – душевно обратился в сторону «галёрки».

– Во-вторых, своими руками здесь мы будем помогать стране преодолевать разруху и строить новую жизнь. Наш ручеёк вольётся в большую реку, мы станем равноправными гражданами, в-третьих, поправим свои дела, о чём нам ясно доложил Соломон Борисович.

– И не Соломон Борисович, а вы всё придумали! – выскочил Чевелий Шурка, пренебрегая дипломатическим тактом – я же читал ваш доклад! От натуги покраснел, но был доволен.

Разоблачение Шурки было неожиданным, но Антон Семёнович заметил: «Ты не дочитал, Шурка, мы вдвоём писали, правда, Соломон Борисович?»

Тот согласно закивал головой, прощая детскую бестактность.

– Переходим к прениям, – вступил в свои права ССК, – кто имеет слово? Вскинулись две руки нетерпеливых ораторов.

– Слово имеет Сопин! Говори, Санчо!

– У Соломона Борисовича, как по нотам: денег полные карманы, взял заказ и расписался, что в июле начнёт бросаться креслами и шкафами, успевай ловить, а где работать будем, под дубками?

– Не бузи, – перебил Володька Козырь, комсомолец и столяр. Чего нам махать руками? Надо начинать, всё равно работаем! Начнём в старых цехах, а соберёмся с силами – построим хорошие.

Слово взял командир второго – Фомичёв:

– Со столярами – ясно, строгай, клей, зачищай, а что в токарном будем делать и на чём? Станков мало, заказов нет...

– А станки какие! Правда, что «козы»!

Соломон Борисович хотел дать справку, но его остановили.

– Я поддерживаю план перестройки, дело на два больших! – закончил Фомичёв.

Говорили многие и очень коротко. Всем хочется сказать, время ограничено распорядком дня. Дали высказаться нескольким представителям «галёрки», но решающее слово сказали комсомольцы: Певень, Водолажский, Шура Орлов, Разумовский, Ермоленко. В разных вариантах выступлений они согласились с теми доводами, которые изложил Антон Семёнович и которые финансировал Соломон Борисович.

Яркую речь произнёс Ваня Семенцов:

– Как-то стыдно, товарищи, есть чужие харчи, хотя бы и от начальства. Предлагаю переходить на свою шамовку без пундиков, подтянуть штаны и даёшь фигли-мигли! По рукам, Соломон Борисович? Он пошёл к Когану, переступая через «партер» с дружески протянутой рукой. Последовало ответное пожатие и галантный поклон. Ваня смотрел на Соломона Борисовича и смеялся одними глазами, в которых смешивались юмор, хитринка, доброжелательность, и нелегко его понять, когда он шутит, а когда всерьёз. Что-то треснуло в кабинете. Пацаны, задрав ноги, катались под вешалкой: «Ох, без пундиков! Ой! Штаны задрать. Ах! Шамать «фигли-мигли».

– Bravo, Соломон Борисович, качать Семенцова! Вместе со всеми смеялся и Антон Семёнович, протирая платком вспотевшие очки.

5. АРХИТЕКТОРЫ

Прошло несколько дней. В папках главного инженера созревал план первого боя. Задумчивый и сосредоточенный, он ходил по двору, заглядывал во все углы с измерительными приборами: двухметровой и линейкой. Что-то рождалось в его умной голове, скрытое от окружающих. Подолгу стоял у обветшалых построек, жестикулируя пальцами, шевеля губами, что-то рассчитывал, измерял, прикидывал. Там, где мешали кусты и деревья,

двухметровку заменяли шаги. Преодолевая путевые помехи, Коган обводил площадь. Он не заметил, что его сопровождали «разведчики», переговариваясь шёпотом и скользя, как тени.

– Севка, как ты думаешь, чего он тут путается? – наклонился к товарищу остроглазый спутник.

– Двор убирать будем! --не задумываясь ответил Сева.– Скажешь мне, двор убирать! Он курятники будет строить!

– Не трепись, зачем курятники! Он инженер!

– Увидишь! К чему мерять, если убирать мусор?

Тем временем Соломон Борисович присел на старую балку, достал из глубин кармана блокнот и стал записывать. Писал долго, перелистывая блокнот, делая паузы для мысли, и опять писал.

– Видишь, не мусором пахнет, а будет «Город заложен» – как у Пушкина про Петра!

– Ты не Пушкин, а Панов. Сам не знаешь, чи город, чи курятник! – обиделся Севка на корешка, и они шмыгнули за угол дома.

После работы заседание комсомольской ячейки. Это лучшие дзержинцы, старые коммунары из горьковцев: Чарский, Чевелий Дмитрий, Перцовский Павел, Водолажский Вася, Орлов, Фомичёв, Волченко. Из молодых комсомольцев Крестовоздвиженский-Горьковский, Камардинов Вася, Соколов Серёжа, Никитин Сеня, Бобина Маня. Пригласили инструкторов механического цеха по дереву Полищука, слесарно-механического Шевченко, мастера столярно-сборочного цеха Попова, рабочих Капустина, Мещерякова, Филатовых отца и сына и зав. производством Когана.

Ведёт заседание секретарь Сторчакова Смена.

– Товарищи комсомольцы! Предлагается заслушать информацию товарища Когана о строительстве столярного цеха и утвердить порядок работ на предстоящий месяц.

Слово имеет Соломон Борисович.

– Товарищи! Для выполнения наших договорных обязательств мы должны в авральном порядке приступить к постройке сборочного цеха мебели. Это будет временное сооружение. Чтобы выйти из прорыва, нам нужны крыша и стены, мы будем мириться с трудностями, неудобствами, но будем работать. У нас нет хорошего строительного материала. А где его взять, когда такие стройки? Выйти из положения нам помогут старые хозяйские постройки, как пережитки капитализма. Говоря языком политика – заставим их работать на социализм. Их нужно демонтировать и перенести на строительную площадку. Демонтировать, а не разрушить, чтобы получить материал, а не прах.

- Ой, горе! Чи то материал? – пожала плечами Маня Бобина.
- Предлагаю строить за главным корпусом в сопряжении с машинным цехом. Строить будете своими руками под руководством инструкторов Полищука и Попова. Срок – двадцать дней.

- У меня всё.

Информация Когана вопросов не вызвала. Всё было ясно. Из блокнота извлекли пронумерованные «жертвы», закрепили ответственных руководителей по каждому объекту. Слово взял Павел Перцовский.

- Предлагаю объявить стройку ударно-комсомольской и пересмотреть сроки строительства. Двадцать дней на такую муру терять нечего. Если рабочий день продлить на два часа, то мы уложимся за 12–15 дней. Нам нужны скобы, гвозди, костыли, петли, инструмент: топоры, пилы, лопаты, носилки и верёвки.

Поднял руку Коган.

- Пожалуйста, Соломон Борисович, – дала слово Сторчакова.
- Я не претендую на стиль «барокко» с разными буржуйскими выребеньками, но, как вы себе ни хотите, а 10 дней мало. Вы забыли маленькую деталь: скобанки мы не имеем, мы её должны получить на старом объекте.

- Не думаю, чтобы из этих шкап что-нибудь сгодилось, – заметил мастер Шевченко.

- Вы так думаете? – взглянул на него Коган поверх очков. – Нам поможет кузня. – Товарищ Филатов, реставрацию возьмите на себя и вот тогда начнёте думать.

Кузнец Филатов дунул в пшеничные усы:

- Добре, пущай дёргают, а мы слеставрируем.

Коротко выступил мастер Попов:

Товарищи! Не будет дожидаться нового цеха. Приступим к сборке кресел в нашем помещении. Товарищи Полищук, слово за вами. Ждём от механического индустриальной подачи полуфабриката.

- Из сырого материала работать не будем, – резко возразил Полищук. Кроме того, Соломон Борисович наделил материальчиком из одних сучков! Подсохнет лес, наладим станки, подготовим ребят и дня через три-четыре дадим заготовки.

- Пхе! Сучки! Вы думаете нам дадут первый сорт, без задоринки? Лучший лес дают на экспорт, за станки и машины. Индустриализация страны, понимать надо! Не живите старыми категориями!!

- Спокойнее, товарищи, – вмешалась Сторчакова, – не будем ломать копыя. Обращаю внимание мастеров и бригадиров на безопасность работ. Сами понимаете – ломаем старьё, а строители наши – сами знаете с каким опытом.

Бюро решило: приступить к работе в первое воскресенье. Общее руководство постройкой возложить на мастеров Попова и Полищука. Закрепить рабочую силу из цеховых комсомольских бригад. Утвердить бригадирами Чевелия, Горьковского, Никитина Семёна, Землянского, Козыря, Водолажского, Волченко. Привлечь в бригаду старших коммунаров некоммусомольцев и рабочих. Ход постройки освещать в газете «Дзержинец». Но объектах выпускать «боевые листки». За них отвечает Сопин.

6. ДЕЛА НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ

После работы и занятий в школе коммунары растворяются в культурно-массовых делах, по интересам: в Тихом клубе, библиотеке, шахматных турнирах, редколлегии, в решении ребусов. В Тихом клубе никто не должен громко разговаривать. Обстановка сама поддерживает тишину. Зал уставлен пальмами, фикусами, пеларгониями, добротной мебелью. На окнах дорогие шторы, со вкусом подобранные под цвет стен, на потолке альфрейные росписи, хорошо оформлены уголки В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского с их беломраморными бюстами. Ежедневно дежурные у бюстов меняют живые цветы в вазах. Уют здесь поддерживается педагогом и библиотекарем Елизаветой Фёдоровной и дежурными. Елизавета Фёдоровна одна из первых соратниц Антона Семёновича. Вместе с ним и небольшим коллективом колонистов-горьковцев она перешла в коммуны.

В Громком клубе – другая обстановка. Сыгровки духового оркестра, репетиции постановок и концертов, кинофильмы, бальные и народные танцы, спортивные мероприятия, встречи делегаций, игра на рояле, торжественные собрания и ежедневные общие собрания с рапортами, строевая подготовка в зимние дни, разные игры, литературные диспуты.

Весь букет шумов в непосредственном соседстве с кабинетом Антона Семёновича. Лишь много позднее дошло до нашего сознания, как можно работать в такой обстановке!

Особый мир у Виктора Николаевича – преподавателя рисования и черчения, мир чудес и сказок, загадок и шарад, изображений, конструирования, ваяния и рисования, создания летальных аппаратов, начиная от грандиозных «змеев», с походами на рыбалку, устройствами театральных зрелищ. Весь комплекс именовался «Изокружок». Тощий, прямой, высокого роста с поднятыми вверх волосами, по-детски застенчивый, он не знал усталости. Весь день в коммуне от раннего утра до позднего вечера он занят калейдоскопом дел, всегда в окружении многочисленного актива пацанов и «зре-

лых» мастеров, имевших хорошие работы в скульптуре и живописи. Позже я узнал, что в кажущейся стихии Терского всё было уложено в графики и расписания. Только благодаря порядку он успевал делать всё. Чего стоила одна лишь газета «Шарашка». Она тянулась вдоль всей стены нижнего коридора. Была напечатана с сатирой, юмором, загадками, шарадами, стихами, прозой, телеграммами и шаржами! У газеты постоянно толпился народ. Спорили, смеялись, думали. Здесь рождались многие корреспонденты.

Под лестницей, ведущей в токарно-слесарный цех, устроился в маленькой клетушке кружок биологии. Главной достопримечательностью здесь были аквариумы с рыбками, среди которых вальяжно передвигался африканский циклозонт. Это – хищник, украшенный перламутрово-синей чешуёй, излучал свои краски подобно ёлочным игрушкам при свете свечей. На него приходили смотреть, как в театр. После знакомства с правилами по уходу за рыбками я также удостоился чести быть зачисленным в этот кружок. Здесь тоже руководила Елизавета Фёдоровна. И здесь царили порядок и уют, как в Тихом клубе. Постоянными членами кружка были Лёня Глебов, Серёжа Мезяк, Ваня Иванов-1, Митя Тетеряченко, в добром звании Амёба, Миша Гонтарь, Муся Беленкова. Малочисленность кружка определилась крохотными размерами помещения.

Спортивную жизнь возглавлял Семён Калабалин, воспитанник колонии им. Горького. Огненный танцор, с фигурой Аполлона, безгранично смелый во всех делах, никогда не унывающий, пышущий здоровьем, сильный, с прекрасной строевой выправкой, он, как никто из руководителей физвоспитания в коммуне, соответствовал этой роли. К нему тянулись, желая подражать и походить на него. Гимнастика, атлетика с головокружительными прыжками, лыжи, бокс, борьба, плавание, «морские» бои, военные игры с походами – всё он умел и с успехом передавал нам – младшему поколению дзержинцев. Многие, очень многие на всю жизнь благодарны ему за это.

Забегая вперёд, нельзя не отметить исключительный талант Калабалина в подготовке и осуществлении коммунарских походов. И здесь он был продолжателем Антона Семёновича, своего первого учителя и наставника, так много отдавшего сил на его, Калабалина, человеческое становление.

7. СУББОТНИК

Дежурный командир Сергей Фролов впервые почувствовал огромную ответственность сегодняшнего дня. Коммуна походила на военный лагерь.

С самого утра оживлённое движение по лестницам и коридорам, сбор инвентаря, команды бригадиров. К главному корпусу подходили мастера цехов, рабочие, воспитатели, учителя. За Фроловым хвостиком бежал горнист Ширявский.

Яркое солнце обогрело землю. Повеяло весенними запахами леса. Снег отдельными очажками ещё сохранялся в тени деревьев под листьями и хворостом. А на просторе земля испаряла влагу, поднимая прозрачную дымку над полем, дорожками, спортивными площадками. Тротуары уже подсохли, здесь можно играть в «классы».

– Давай!– подал команду Фролов. Ширявский поднял трубу и серебряные звуки полились по всем этажам, перелетали на правый и левый фланг дворовых построек. Трубили общий сбор.

– Становись!– скомандовал Антон Семёнович. Он стоял на площадке перед фасадом здания. Как по тревоге, бегом становились в строй. На правом фланге – оркестр в полном сборе: с басами, баритонами, выгнутыми трубами, барабанами. Виктор Тимофеевич Левшаков, заслуженный ветеран и уважаемый капельмейстер, расставлял музыкантов. Начищенные трубы поблёскивали на солнце. В первом ряду Землянский с литаврами, Могинян с барабаном, флейтисты Романов Петька, Шмигалёв Сева, Зотов. Колонна строилась по-походному, взводами. Одежда не парадная, все в спецовках и всё же – это парад, по настроению, выправке, подтянутости.

– Под знамя, смирно! Салют!– вторая команда Макаренко.

Синхронный взмах руки Левшакова и оркестр единым мощным вздохом всколыхнул мирную тишину окрестности, играя марш «Под знамя».

Из парадных дверей появляется знамя. Его несёт знамённый Николай Разумовский. Справа и слева знамя сопровождают ассистенты Сергей Соловьев и Шура Захожай. Их лица торжественно строги, сосредоточенны, покрыты лёгкой бледностью. Они идут вдоль строя к голове колонны и останавливаются между оркестром и взводом. Колонна приветствует знамя салютом. И не только стоящие в строю отдают честь знамени. По ритуалу колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского – знамени салютуют все находящиеся вблизи строя люди, пришедшие смотреть на торжество. Строй замер. Внимание всех обращено к Антону Семёновичу, который начал говорить:

– Товарищи коммунары, рабочие, служащие, воспитатели! Сегодня у нас праздник труда. Поздравляю вас с началом весны и началом новой эры в жизни коммуны, в вашей жизни! Сегодня мы начинаем стройку нового

производства с новой структурой и отношениями. Мы – поколение трудящихся, вместе со всей страной будет бороться с отсталостью, оставленной нам царской Россией, с расхлябанностью и бесхозяйственностью. Вы – молодые хозяева, ставшие на путь свободной жизни, докажете господам капиталистам, нэпманам и буржуазии, на что способен наш новый рабочий человек. И вот сейчас мы разрушим ячейку старого мира, чтобы построить новое советское – нашенское производство. Мы ещё очень бедны материально, у нас нет хороших станков, оборудования, материалов, даже спецодежды, не хватает электроэнергии, но придёт время, товарищи, и вы сможете сделать свой вклад в освобождение страны от экономической зависимости. Посмотрите вокруг: сколько нужно труда, напряжения, чтобы сделать нашу жизнь лучше! У рабочего человека руки чешутся, особенно в пору весны, когда всё оживает, пробуждается и требует разумного вмешательства человека. Мы свидетели и активные участники наступившей весны Советской России. Желаю вам успеха. Объявляю ленинский субботник открытым!

Оркестр заиграл «Интернационал». Все замерли под салютом. Где-то у левого фланга засуетилась группа рабочих, мастеров, окружая колоритную фигуру Соломона Борисовича. Сейчас в бой. Отгремел «Интернационал». Строй взглядом проводил знаменную бригаду, прошедшую к подготовленному месту на стройплощадке. На импровизированной трибуне установлен бюст Ф.Э. Дзержинского. Он тоже украшен флагами и цветами. Знаменщика и ассистентов заменила новая смена, став у бюста. – Вольно. Разойтись по местам!—команда Антона Семёновича снимает строевое напряжение и открывает выход рвущейся наружу энергии. Все ринулись к инвентарю, заранее подготовленному и разложенному отдельно для каждой группы.

На стенах строений, намеченных к сносу, белели меловые кресты, как знаки приговора. Поодаль стояли две подводы. Это соседи из села Шишковки приехали помогать.

Закипела работа. Всё вокруг наполнилось треском отрываемых досок. Загуляли ломы, заскрипели ржавые гвозди. Последний раз глянули на свет божий искривлёнными оконцами флигельки, амбары, конюшни и прочая надворная челядь, случайно уцелевшая от пожаров, уступая натиску коммунаров.

Бригада Землянского, подпилив внутри столбы, поднялась на крышу. С лихим гиком «Ваньки-турки» она вмиг посадила весь шатёр кровли на землю. К небу поднялись столбы пыли. Тяжёлые брусья укладывали на подводы, и коммунары, помогая лошадям, катили их к стройплощадке. Доски, рейки и другие лёгкие части несли на руках, образуя сплошной муравьиный

поток.

На площадке шла уборка. Разложенные костры пожирали разную рухлядь и бурьяны, закрывая весеннее небо клубами дыма. Натянутыми на колья шнурами наносили контур нового строения. Сортировщики, освобождая дерево от железа, укладывали в отдельные штабеля доски, рейки, бруссы, столбы и отходы. Этой бригадой руководил мастер Попов и бригадир Володя Козырь. Землекопы заняты ямами под столбы. Препятствием оказалась в некоторых местах мёрзлая земля. Зазвенели в мерзлоте ломы. Коммунары Працан, Брацыхин и Ряполов разогревали смолу. По проекту Соломона Борисовича каменный фундамент не предусмотрен, поэтому концы столбов смолятся.

Прошло всего два часа, но битва уже подходила к концу. В огонь летела труха с паутиной, осиными и воробьиными гнёздами. Площадки старых застроек тут же расчищали и заравнивали лопатами и граблями. На чистых местах водружались один за другим красные флажки в знак окончания работы.

Трудным орешком оказался амбар, добротно сложенный из дубовых пластин на шпунтах и шипах. Он, как богатырь, сопротивлялся штурму бригады Васи Водолажского. Весельчак Севка Шмигалёв, ломом выворачивая бруссы, грустно запел: «И по винтику, и по кирпичику растащили мы этот завод». Ещё издали, размахивая руками, подходил Коган.

— Что вы делаете, как разбираете связь?

Шмигалёв переменял пластинку и, драматически сложив руки, затаил гнусавое: «И никто не узнает, где могила моя».

— Прекратите мне эти дурацкие песенки и сохраните в целости шипы! Он что-то ещё говорил, но взрыв хохота перекрыл его речь. Водолажский, раздосадованный сопротивлением амбара, подошёл к главному архитектору и негромко, но внятно посоветовал: «Топайте отсюда!»

Соломон Борисович остолбенел. Некоторое время он растерянно топтался на месте с округлёнными глазами. Но, опомнившись, потихоньку подался в сторону парадного входа, куда очень вовремя подкатил блестящий чёрный лаком «Ролс-Ройс».

В высокой, плотной фигуре, вышедшей из машины, мы узнали заместителя председателя ЧК ГПУ Украины Александра Осиповича Броневого. Он наш шеф и большой друг коммунаров. Его приветливо встретили Антон Семёнович, ССК Теренин и дежурный по коммуне, который чётко отдал рапорт. Рабочие бригады остались на местах, зато не занятые большими делами пацаны окружили машину Броневого, наперебой рассказывая самые свежие новости.

Сопровождаемый этим эскортом, Броневоё пошёл по участкам работ. К этой процессии присоединился и Соломон Борисович. Броневоё быстро зашагал по руинам. На участках бригадиры рапортовали о ходе строитель-

ства. Он смотрел, не узнавая местности:

– Как я понимаю, вы разрушили Карфаген? А где же славный полководец Рима?

Ребята, как по команде, шастнули в стороны от Когана, оставив «полководца» один на один с высоким гостем.

– Хлопцы! Качаем Соломона Борисовича, – озорно сверкнул глазами высокий гость и первым устремился к окончательно растерявшемуся «триумфатору». В одно мгновение взметнулось вверх грузное тело главного инженера.

– Ой, лишенько, ой, не упустите, – стонал Коган.

Когда его поставили на ноги, Коган тяжело дышал и, мученически улыбаясь, проговорил: «Побойтесь бога, тов. Броневой! я уже старый человек и не по мне такие штучки!».

– Видите, какая силища в массах! – обращаясь скорее ко всем, чем к Соломону Борисовичу, резюмировал Броневой – с таким народом мы и чёрту шею свернём, верно, товарищи?

– Это точно – поддерживали его со всех сторон коммунары, воодушевлённые своими подвигами.

Завязалась тёплая беседа по текущим вопросам в стране и за рубежом. Александр Осипович достал из кармана папиросы «Октябрьские», медленно постучал мундштуком по коробке. Увидев завистливые взгляды старших, спросил: «Неужели курите?»

– Пальмо, хай йому бис, та хибаж таки? – завистливо отозвался Ка-лабалин. – Бувало и кизяки и, той, виники употребляли... – Растягивая слова, он изобразил простоватого селянина, которого только что привезли в столицу. Снова смех и шутки.

– Не бреш, Семён, у нас, кому разрешил курить совет командиров, тому махорку выдают! – уточнил Чарский. Открытая пачка «Октябрьских» сразу ополовинилась. Папиросы брали те, кому действительно разрешили курить постановлением совета командиров: студенты рабфака, харьковских институтов и старшие – Чарский, Теренин, Водолажский, Николютин, Сергей Фролов. «Подпольщики» завистливо помалкивали. Некурящий Коган тоже взял папиросу и неумело вставил в ручеёк нижней губы. Оперативная группа направилась к строительной площадке.

За короткое время здесь всё преобразилось до неузнаваемости. Появилось открытое пространство, очищенное от бурьяна, мелких кустарников,хлама, сарайчиков, собачьих конур. Трактор «Фордзон», временно заполученный в совхозе, чихая невероятной смесью, утюжил пространство, буксируя тяжёлый треугольник. На тракторе и треугольнике гроздьями висели юные строители-механизаторы, испачканные смазкой и выхлопными отходами, но гордые и счастливые сознанием важности их труда и наглядного преобразования. Площадка превратилась в ровную площадь, на середине

которой возвышался бронзовый бюст Феликса Эдмундовича Дзержинского.

– Молодцы, товарищи! Ничего не скажешь, молодцы! – обратился восхищённый Броневой к Антону Семёновичу, – здесь закладывается наше счастье в труде, без палки и принуждения.

– Да, Александр Осипович, история отвела большевикам роль воспитателя нового человека. За это мы заплатили высокую цену.

– И не последнюю, дорогой Антон Семёнович, – думаю, что они нас не оставят в покое, – задумчиво добавил Броневой, подходя к плотникам.

На новом объекте возводились новые споры, весело мелькали пилы, долота грызли гнёзда сопряжений, на земле по частям собиралась кровля.

Бригадир плотников Волченко, он же командир духового оркестра, отдал рапорт. Коротко доложил о ходе работ и о настроении работающих.

Александр Осипович поздоровался, солидно пожав руки всем членам бригады, и неожиданно заметил: «Спецовки у вас, хлопцы, не первого сорта, их бы в костёр, правда?»

– Заработаем и купим новые! – ответил Коля Разумовский, самый аккуратный человек в коммуне. У него спецовка и без дыр и сохраняет первичную гладку.

– Ну, добре, и мы вам поможем! – прощаясь, сказал Броневой. – Погулял бы я ещё с вами, да много работы.

– Гуляйте, а мы за вас поработаем охотно! – предложил маленький Алексюк, преграждая собой дорогу.

Перед отъездом Александр Осипович обошёл спальни, клубы, заглянул в столовую. Время близилось к обеду. Карпо Филиппович Баденко колдовал над праздничным обедом, то и дело подходя к листам с пундиками. Они улыбались ему глянец надрумяненных корочек. Увидев в столовой высокого гостя, шеф-повар предложил отобедать.

– Кормите ребят, Карпо Филиппович, они заслужили сегодня двойную порцию, а я только от стола, – ответил гость.

Приезд Броневого не очень отвлек от работы. «Муравьи» упрямо трудились. Ещё катятся лошадки с материалом, облепленные помощниками, скрипит и рушится амбар, дымит кузница из всех щелей, перезванивая молотками. Крепёжный материал оправдал надежды Соломона Борисовича. Освобождённый от вековой ржавчины, ещё тёплый, он переходил на новую постройку.

Перед фасадом главного здания в стороне от большой магистрали строительства, выполняется работа по благоустройству территории. Девочки 5-го и 6-го отрядов и ребята 11-го и 12-го' убирают цветники, вскапывают землю, высаживают розы. Руководит цветоводами опытный садовод. Его заботливыми руками созданы оранжереи с дорогими редкими цветами и ранними овощами. Давно обрусевший, не то немец, не то голландец, он всего себя посвятил делу украшения жизни. Яркие тюльпаны, нежные крокусы и гиацинты, строгие хризантемы, кокетливые лилии и весёлые пеларгонии – водились в достатке для клумб, рабаток, цветников и для внутренних помещений. Главную же прелесть цветочного оформления составляли розы. Стараниями Карла Ивановича они перебрались в коммуны из питомников Крыма и Кавказа и хорошо прижились в наших условиях. Только чайная роза зимой хранилась в теплице и сейчас высаживалась в открытый грунт. Садоводы сгребали подсохшие листья, сжигали их на костре, подстригали кроны деревьев, окапывали стволы, подметали дорожки. Над ними порхают щеглы, синички, затеяв весеннюю возню,

Но вот Ширявский горнит «Кончай работу». Сигнал звучит неожиданно, все ещё во власти трудового напряжения, трудового подъёма, ещё не всё сделано. Неохотно тушатся костры, собирается инвентарь, Санька Сопин бежит по участку, собирая последние данные. Папка заполнена «репортажем». Совсем неохотно расстались с железным конём трактористы. Их «Фордзон», исправно тянувший всю рабочую смену, вдруг «пошёл в разнос», страшно гремя своими внутренностями, шипя и стреляя огнём через выхлопную трубу... Все, как спелые груши, попадали на землю, окружив на расстоянии железное чудо. Только Витя Горьковский и Боярчук остались на машине, укрощая бунт взбешённого американца. И скоро, качнув туда-сюда маховиком, трактор замер.

От бюста Ф.Э. Дзержинского, ведомая дежурным по коммуне Фроловым, шествует знаменная бригада. Оркестр у парадного входа играет «Под знамя». Салюты коммунаров. Знамя внесли на постоянное место в Тихий клуб. Можно переодеться и привести себя в праздничный вид.

8. ЧАПАЕВ

Вечер. Киномеханик Марголин привёз новый фильм. «Чапаев». Мы давно ожидали «Чапаева» как события выдающегося и радостного. Просмотрели «Путёвку в жизнь», «Папиросницу из Моссельпрома», «Броненосец «Потёмкин» и вот – «Чапаев». За сценой Громкого клуба капитально

устроена стационарная киноустановка. Её обслуживает штатный киномеханик Марголин и коммунар Ваня Иванов-3. В коммуне династия Ивановых Вань состоит из четверых, потому для различия их титуловали.

Иванов-3 прилип к киноискусству, оказавшись способным помощником. Он аккуратно доставлял киноленты из города, Ширяевский подаёт сигнал «На кино», но ещё до сигнала в зале заняты почти все места. На фильмы приходили сотрудники коммуны, рабочие и служащие, преподаватели школы и жители из соседнего села Шишковки. Никто из посторонних не проходил вестибюль в грязной одежде, с папиросой с зубами или с запахом «горилки». Такой порядок коммунары завели сразу, подражая традиции колонии им. Горького.

Комсомольская организация коммуны шефствовала над молодёжью Шишковки. Село не имело своего клуба, электрического освещения, вечера коротали в хатах, при керосиновых лампах и церковных свечах у иконостасов.

Перед каждым сеансом Антон Семёнович рассказывал о событиях в международной жизни и о внутреннем положении страны, о новых стройках, героях труда, о полярных лётчиках, ледоколах, штурмующих новый Северо-Морской путь. Заодно порой останавливался на содержании ленты.

Его беседы формировали наше мировоззрение, повышали политический уровень, расширяли образовательный кругозор, обогащали духовно.

На экране захватывающие события гражданской войны. Василий Иванович на горячем коне ведёт в атаку красных конников... Петька... Анка-пулемётчица... Психическая атака каппелевцев. Идут в полный рост с барабанной дробью. Дух захватывает! И вдруг застрочил пулемёт. Дрогнули офицеры, смешались ряды, побежали вспять, оставляя убитых и раненых.

– Ура! – не выдержали в зале возбуждённые зрители, всем существом участвуя в бою вместе с чапаевцами. – Давай, Анка, давай!

В один из самых интересных моментов в зале раздаётся голос Антона Семёновича: «Первый отряд –на выход!». Тихо, на носках, не мешая остальным, первый отряд, до единого человека, вышел из зала в коридор.

– Что случилось, Антон Семёнович? – с тревогой спросил командир.

– Возле коммуны шляются подозрительные дядьки. Прошу проверить, товарищи, если нужно – задержать.

– Есть проверить и задержать! – отсалютовали не остывшие от зрительных ощущений герои и бегом, бесшумной цепочкой следопытов, скрылись за дверь.

Вокруг тишина. Мирно мерцают звёзды. Где-то на Шишковке вяло брешет собака. Разделившись на группы, ребята бесшумными тенями скользнули в лабиринты построек, рассредоточились в саду, на стройплощадке, цепко прощупывая глазами каждый метр пространства.

– Двинули в лес!– шёпотом скомандовал Певень. Передвигались бесшумно. Останавливались, прислушивались. Тишина. Вот и тропинка к шоссе.

– Ушли, гады! – недовольно буркнул Ярошенко, сжимая кулаки. Вторая группа, прочесавшая отдалённый квартал леса тоже пришла ни с чем.

У входа стоял ночной сторож Данил Шмигалёв.

– Где вы были?

– Начальник послал на Шишковку,– замялся сторож, пряча в воротник усмешку.

– По дороге никого не встречали?– приняхивался опытный в некоторых делах Горьковский, пытался докопаться до истинной причины похода на Шишковку, Шмигалёв самогоном «баловался», но вдруг?

– А кого встретишь? Все картину смотрят!

– И не было никого,– буркнул про себя сторож. Его ночной спутник Пушок умными глазками разглядывал нарушителей покоя.

С докладом в кабинет входили расстроенные.

– Не поймали, Антон Семёнович,– с сожалением доложил Певень. – Скажете, шляпы? Всё обшарили!

– Спасибо, товарищи, видно, дядьки задали стрекача,– как-то сочувственно проговорил Антон Семёнович.– А вы задачу выполнили честно, продолжайте смотреть фильм.

– Есть продолжать смотреть фильм!– повеселели следопыты, но что-то вспомнив, Певень спросил:

– Может, покараулить?

– Нет, благодарю, теперь справится сторож. Идите.

В зал вошли так же тихо и заняли свои места. На экране раненый Чапаев боролся с рекой. Вот и до берега рукой подать, да вокруг всплески от пуль, здорово пристреливались беляки. Нет Петьки. Погрузился Василий Иванович и не всплыл...

Сжаты кулаки, выступают злые слёзы. В первом ряду маленький Котляр горько и протяжно зарыдал, опустившись на пол! Тише ты,–подхватил его Филька Куслий, – мы им отомстим, гадам, посмотришь!

В первых рядах малышей замешательство. Виктор Николаевич, почувствовав неладное, взял Котляра на руки и вышел из зала.

На экране последние кадры. Красная конница гонит бежавших к обрыву реки. Это месть за Чапаева и грозное предупреждение любому врагу советской власти. Включается свет. Взмолвленные, со стиснутыми кулаками коммунары выходят на улицу.

9. ВПЕРЁД, ЗА САМООКУПАЕМОСТЬ!

Дни моего праздного времяпрепровождения кончились. В подвальном помещении создавалась новая отрасль по обработке кроватных углов. Отрасль состояла из двух отделений: шлифовки и никелировки. По зову Соломона Борисовича из Киева поступило оборудование, а вместе с ним бывшие кустари-частники: Шнейдер, Островский и Свет. Они привезли станочки с разными дисками, гальванические ванны, никелевые электроды, пасты, мази, растворы. Опытным мастерам не составило труда смонтировать своё оборудование на новом месте.

Решением совета командиров «отрасль» укомплектовалась 11 и 12-м отрядами на две смены. Алексей Землянский перешёл в токарный цех. На посту командира его заменил Володя Крымский. В противоположность Землянскому Крымский немногословен, мягче в требованиях, аккуратист, музыкан. В оркестре играет на валторне, а для себя—на рояле.

Но и Землянский не забывал нас. Нет-нет да и заглянет к своим пацанам. Кому-то поправит пояс, ловко потянет за рубашку, смешно щёлкнет языком, невзначай разгладит воротник, кому-нибудь «Ваньки-турки».

Токарная группа Землянского обтачивала угольники, поступающие из литейного. После токарного они поступали в «комбинат» Шнейдера-Света.

Механическая обработка угольников не представляла большой сложности: вначале выпуклую часть обдирали на грубом и мягком карборундах, боковые стороны с цветочками обрабатывали на дисках из тонкой сталистой проволоки, удаляя прикипевший песок и заусеницы. Окончательный вид придавался быстро вращающимися полировочными дисками из хлопчатобумажных тканей, сдобряемых специальной пастой. При работе угольник удерживался на указательном пальце правой руки. Левая рука крепко держала угольник, регулируя вращательное движение диска.

На первых порах диск нередко выбивал из рук угольник, случались порезы пальцев от внутренних заусениц. Шнейдер кричал, кипятился, вновь и вновь показывая, как нужно работать, чтобы угольник не прыгал.

Техника приобреталась опытом. При неудачах в полировочном цехе напарник Шнейдера маленький Исаак Самойлович Свет выходил на порог своего цеха и, поплёскивая шикарным пенсне, злорадно улыбался.

Помещения цехов разделялись стеной и дверью. Свет обожествлял своё производство, но к полировщикам относился свысока, как к низшей касте. Шнейдер отвечал «взаимностью». Иногда мастера-частники, не в силах справиться с психологией конкурентов, схватывались в открытую. Но до большого шума не доходило. Коммунары их быстро примиряли.

Для работы нам давали бязевые перчатки. Они быстро пачкались пастой и протирались на пальцах. Надоедливая болтовня Шнейдера о бережливости и экономии стала хуже редьки – перчатки берегли, а пальцы вылезали. Самым удобным и прочным материалом стала собственная кожа. Она мужественно выдерживала как механические, так и тепловые нагрузки.

Главная забота – выполнить дневную норму и в целом промфинплан. Новая производственная терминология – нормы, расценки, зарплата, рентабельность, самоокупаемость, режим экономии, соцсоревнование и ударничество вошли в жизнь коммуны уверенно и надолго, ещё более сблизив нашу жизнь с жизнью страны.

В машинном и сборочно-столярном цехе, в литейном, токарном, полировочном, во вспомогательных службах работали сдельно, по бригадам, с чётким разделением труда. Так осваивалась узкая квалификация. С течением времени операции сменялись, многие коммунары осваивали несколько специальностей, становясь превосходными специалистами.

Главный барометр производства – промфинплан. В нём оговорено, сколько нужно изготовить в месяц шкафов, чертёжных столов, театральных кресел, тумбочек, стульев, маслёнок штауфера, кроватных углов, автомобильных поршней с пальца: спортивных трусов, сколько будет заработано по каждому виду продукции и в целом по коммуне.

Промфинплан вывешен в каждом цехе. Это наша конечная цель. Она всегда на переднем плане. У входа в столовую радует глаз яркая диаграмма суточного выполнения плана по цехам. Средства передвижения разнообразные: от улитки до самолёта. И все устремляется к яркому изображению Красной площади, собора Василия Блаженного, Кремлёвским курантам. В этом сезоне коммуна едет в Москву. Оперативная лёгкая кавалерия Саньки Сопина в составе комсомольцев Васи Камардинова, с лицом взрослого человека, энциклопедиста «штатного» оратора Шведа, философа и математика Ермоленко, видного токаря и фрезеровщика Васи Кравченко.

Они скрупулёзно собирали сведения от бригадиров и мастеров, учитывая готовую продукцию и задел. В диаграмму сведения вносились в количественном и процентном выражении, наглядно цепляясь то за панцирь черепахи, то за гриву коня. Счастливыцы покоряют пространство паровозным экспрессом, летящим к финишу на всех парах. В любую свободную минуту, особенно в обеденный перерыв, у диаграммы толпятся, спорят, критикуют, оправдываются.

Отстающие кроют Когана и весь его снабженческий аппарат: Мошанского, Сыча, Орденанса. В горниле производства снабженцы вертелись как белки, рыская по городу, вымаливая каждый кубометр леса, сталь для резцов, сырьё для литейной, ткани, даже шлифшкуру, смазку, лаки и многое другое.

Сырьём для медного литья нередко служили снарядные и патронные гильзы, кресты с куполов церквей, изувеченные люстры и статуэтки, на которые Антон Семёнович смотрел с непонятным для нас сожалением. В вагранке бывшего киевского кустика всё добро кипело, булькало, ядовито шипело, плавясь и воплощаясь потом в маслѐнки, в трубки маслоспроводов и кроватные углы.

Появились производственные комиссии, ОТК, лѐгкая кавалерия, цеховые листки-«молнии», призывные агитплакаты, газеты «Шарашка» и «Резец», «Прожектор» – всё было направлено на борьбу с отсталыми, «шляпами», бракоделами, с разгильдяйством и бесхозяйственностью. На лица в коммуне действительно не взирали.

В общем производственном подъѐме немалую роль играет личная материальная заинтересованность. На собственное содержание из нашего заработка удерживалось 80% (на питание, одежду и коммунальные услуги). Остальное шло на сберкнижку и на карманные расходы.

Заканчивалось строительство столярного цеха. Поистине он не претендовал на высокий стиль! Деревянное творение наших рук протяжѐнностью 60 метров заняло под солнцем 1800 квадратных метров! Большие удлинѐнные окна в частых переплѐтах молодо глянули в мир. Шутники называли его стадионом Соломона Борисовича.

– Не замѐрзнем, Соломон Борисович? – спрашивали заботливые хозяева, думая о холодах.

– Что вы, мальчики, разве такие молодцы могут замѐрзнуть? Когда я был таким, как вы, я не мѐрз. Я двигался и не мѐрз.

К сроку, намеченному комсомолом, строительство завершилось. Пространство цехов заселялось верстаками, шкафами для инструмента, пожарными бочками, ящиками с песком и поделками машинного цеха.

Мастер Полищук со своими сменами ритмично подавал детали кресел, шкафов, чертёжных столов, тумбочек, табуреток, до предела забивая свободные места между верстаками, скупое оставляя дорожки для прохода. Под самый потолок укладывались царги, проножки, спинки, порезанный на сиденья дикт. Теперь слово сборщиков. Они собирают театральные кресла для электротехнического института.

Едва успев позавтракать, бежали в цех, подгоняли шипья и сажали на клей сиденья, сжимая их струбцинами до высыхания. После сушки сидение шло в циклёвку и на шлифовку, затем передавалось дальше, в покраску бейцем и полировку на воске.

Первые образцы готовых кресел появились примерно через неделю. К великому нашему изумлению представители заказчика остались довольны. Вскоре у снабженцев образовался маленький отдел сбыта.

В бригадах сборщиков наступила горячая пора. Готовая продукция шла непрерывным потоком. На экране соревнования сборочный цех уже пересяживался на колёса и крылья.

В бригадах сборщиков работали серьёзные, имеющие квалификацию 3-4-го разрядов столяры – Сеня Никитин, Вася Водолажский, Козырь, Старченко, Саша Фролов, Николютин. На них равнялись младшие: Сопин, Камардинов, Зорин, Ряполов, Федя Борисов и многие другие.

Всю смену они стучали деревянными молотками, припасовывая свежепоклеенные рамки сидений; мягко шуршала стружка, снимаемая острым рубанком, скручиваясь спиралью, издавая здоровые запахи высушенного дерева. Легко порхала кисть, покрывая красками гладко отшлифованные поверхности. Кто-то из зарубежных гостей, посетивших коммуну, оставил в книге отзывов запись: «Ваш коллектив – это удивительно счастливая симфония свободного труда молодых граждан новой России».

На другом конце двора работали металлисты. Токарные станки времён Емельяна Пугачёва вертелись, соединённые в систему каким-то пособием. Система скрипела и стонала. Приводные ремни, сшитые сыромятью, часто рвались. Каждая остановка на ремонт приводила Соломона Борисовича в ярость.

А тут ещё пацаны с ехидными вопросами:

– Соломон Борисович, где вы подцепили этот импорт? Шестерёнки гарчат, як скажени собаки, а масло пьют, как верблюды.

Соломон Борисович делает вид, что не слышит, и подходит к мастеру:

– Товарищ Шевченко, что вы себе думаете, почему стоит цех? Они кричат и правы, что кричат! Ваши простои влетают в копейку! Как не кричать хорошему хозяину!

– Вы же не с того света, Соломон Борисович, – возражает обычно спокойный мастер – рвётся пас трансмиссии!

– Так сшивайте быстрее. Чем занимается ваш шорник? Зарплату мы платим за реверансы, да?

Разгневанный и обиженный Соломон Борисович в пиджаке–халате нараспашку выкатывается из пацаньего окружения и на всех парах мчится делать разнос в «снабсбыт». В это время шорник, спокойный, пожилой селянин Архип Петрович, закончив очередную операцию по сращиванию, обнадёживал Шевченко, стоящего рядом в позе вопросительного знака:

– Часа два покрутятся, а тоди...

– Что «тоди»?! – распрямляется Шевченко.

– Лопне, хай вин сказаться, хибак то вшивальнина? – Шевченко хватается за голову.

Скандалный простой отзовётся в рапорте на собрании и Соломон Борисович, Орденанс, Мошанский будут «героями» общего собрания. И на карандаш Саньки Сопина для беспощадной «шарашки» тоже попадут многие.

Комбинат Шнейдера и К° сдавал первую партию кроватных углов. Продукция имела товарный вид. Рождённые в муках, в «научных» дискуссиях конкурирующих мастеров, не стряхнувших с себя пережитки кустарщины, чистые, блестящие никелем углы, завернутые в мягкую бумагу, укладывались в замаркированные ящики и отправлялись заказчиком.

Два отряда девочек-швей до середины месяца топтались на спине черепашки, накапливая резервы и подготавливая всю партию трусиков. В один день пересели на страуса, а ещё через два дня–на ковёр-самолёт. К концу декады вместе со столярами и токарями они мчались самолётом.

Апрельский промфинплан был выполнен с прибылью в тысячу рублей! Бухгалтерия начислила первую зарплату, в т.ч. и мне. Это были мои первые заработанные деньги. Для пятнадцати лет событие, согласитесь, приятное.

10. БУДНИ

Вечер. Закончен трудовой день коммуны. Затихли последние звуки сигнала «Спать пора», теряясь в лабиринте этажей. Командир сторожевого отряда Овчаренко сменяет пост. В 22 часа моё первое дневальство. Обязанности дневального мне известны, но всё же ответственность, настоящая винтовка, острые взгляды «бывалых», надвигающаяся ночь и одиночество порождали волнение. Командир деловито рассказал, как вести на посту, как

держат винтовку вообще и при встречах с начальством, как охранять покой коммуны в ночное время. На столике записка с фамилиями, когда и кого нужно будить.

Дневальство сдавал Глебов. Он облегчённо вздохнул и сказал; «Не дрейфь, через дневальство все проходят. Привыкнешь».

Я сделал обход. Ещё не все успокоились. Ходили по коридору, забежали во двор, в Громком клубе играли на рояле, в кабинете работала редколлегия. Виктор Николаевич, отключившись от внешних влияний, играл в шахматы с Петькой Романовым, взъерошивая пальцами шевелюру. Антон Семёнович затачивал очередную стопку карандашей, наблюдая за партией и сочувствуя большому ребёнку.

– Плохи ваши дела, Виктор Николаевич. Сдавайтесь и тикайте спать. Терский смущённо улыбается и вдруг делает ошеломляющий ход конём. Запертый своими фигурами король Романова получает мат. Остроносое лицо Петьки вытягивается и застывает.

Вошёл Соломон Борисович, усталый и расстроенный, с жалобами. Откинув полы пиджака, устало опустился на стул, трубно сморкаясь.

– Я уже не имею сил. Эти антихристы спялят литейную.

– Какие антихристы?

– Разве я знаю, какие? Иди их поймай! Сегодня на грех упала труба. Я принимал меры и мне нахально пригрозили... – он подозрительно оглянулся.

– Да подшутили ребята, дорогой Соломон Борисович! Что же мы будем делать без такого цеха!

– Я не буду спать ночами, разве можно так шутить?

– Спите спокойно, у нас есть сторож и дневальный проверит...

– Есть проверить! – вставил я нужное слово и покинул кабинет.

Постепенно укладывались спать и деловые люди. Дождавшись, когда все вышли из здания, я проверил – закрыты ли форточки, дверные запоры, не льётся ли случайно вода в умывальниках, нет ли посторонних вокруг коммуны. Литейная спокойно дремлет, упираясь в ночное небо тёмной трубой. Тишина. Я возвращаюсь на пост.

Из кабинета доносится плавный стрекот пишущей машинки, прерываемый движением каретки. Оставшись один, Антон Семёнович печатает приказ и редакционную горку дневной корреспонденции в газету. Машинистки в коммуне не было.

Дневные заботы Антона Семёновича вообще нередко переходили за полночь, а с шести утра – новый трудовой день и какой день!

В начале третьего, пожелав мне спокойной ночи, Антон Семёнович захлопнул парадную дверь.

В ночной тишине отчётливо слышался каждый шорох, каждый звук. Где-то посвистывает сверчок, монотонно тикают над головой часы, не слышимые днём. Даже стулья и диванчик для дневальных, спокойно стоящий у моих ног, издают какие-то звуки. Странно – днём этого не наблюдается. В душе начинает шевелиться какая-то чертовщина о домовых и ведьмах, шастающих по ночам. Сдерживая страх, я направляюсь в коридор, постукивая прикладом винтовки по плиткам пола и больше, чем чертей, опасаясь свидетелей моего страха. Непонятный шум не давал покоя напряжённым нервам, наконец, я нашёл источник. В свете плафона билась под потолком ночная бабочка, дробно трепыхая серыми крылышками – одинокое живое существо. Я с облегчением перевёл дух и решительно зашагал назад, плотнее прижимая винтовку.

Время тянулось медленно. Вспомнил, что в четыре утра меня сменит девочка – Нина Курьянова. А ей будет страшно? Никто об этом не знал. Стало стыдно за себя. Я поклялся не бояться никаких чертей.

Мысленно перенёсся в раннее детство, на окраину Харькова. В посёлок Качановку ворвались белогвардейцы. Малочисленный заслон красных сдерживал наступление, заняв улицу. Одиночные выстрелы и короткие очереди пулемёта косили наступавших беляков, их сменяли новые. В перестрелке, между залёгшими цепями, по середине улицы вскачь неслась пароконная подвода. Испуганными лошадьми правил перепуганный паренёк. А сзади, уцепившись за его рубашку, каким-то чудом, держалась маленькая девочка, с широко открытыми глазами. Парень что-то кричал, грозясь кнутовищем в сторону белых. Подскочив к красноармейцам, он с трудом осадил лошадей. Не мешкая, заслон погрузил пулемёт. Красноармейцы вскочили в повозку и тут же скрылись переулке. Белые беспорядочно стреляя, бросились в догонку. Не понимая происходившего, я и косяк моих сверстников ползали под заборами, собирали стреляные гильзы, лихорадочно загружая подола длинных рубашек. Мы играли в войну. Ничего не страшно.

А к вечеру они расквартировались на постой. В большом доме моей бабушки, бесцеремонно разогнав хозяев по закоулкам, заняли лучшие комнаты. Винтовки стояли в пирамидах, пулемёты на веранде.

Господа офицеры, раздевшись догола, копались при свете керосиновых ламп в белье, ловко проводя ногтями по швам, забитыми насекомыми. Во дворе у костров солдаты делали то же самое.

Дымили полевые кухни. Вкусно пахло солдатским кондёром. В костры и топки кухни подбрасывали штакетник, отделявший двор от сада. Часть забора превратилась в коновязь и ясли. Усталые лошади с мерным хрустом жевали свой паёк. Их поили из брезентовых ведёрок.

Спать отправился на чердак, где устраивались все мои тётки.

Утром солдат построили во дворе. С крыльца командовал офицер:

– Смир-н-н-н-о! Шапки долой!

Солдаты нестройно запели «Боже, царя храни». Затем последовала словесность. Гладко прилизанный брюнет-офицер выслушал солдатскую путаницу из титулов: царя, царицы и всех августейших наследников. За ошибки тыкал кулаком в зубы, озлобленно рыча: «Не знаешь, скотина? Наследника не знаешь?!». У солдата текла кровь, капая с подбородка на воротник...

Мои грёзы прервала Нина. Она подошла ко мне тихо, желая, видимо, припугнуть. Ещё не совсем проснувшаяся, но подтянутая и собранная, она приняла винтовку, осмотрела сейф, перелистала памятные бумажки и сладко зевнув, отпустила: «Иди, герой, подрыхни, если здесь не спал».

Я обиделся: «Это ты сама ещё спишь, смотри, чтоб не украли!»

– Ой, горе! – Нина показала язык и картинно стала на пост. Я направился в спальню с чувством прошедшего ещё одно крещение.

11. МУЗЫКАНТЫ

Будни были необыкновенными. Наступал май с буйным цветением садов и парящими в воздухе густыми ароматами. Бледно-розовые венчики цветков лёгкими кучевыми хлопьями плотно окутывали кроны яблонь, скрывая свежие липкие листочки. В этом мире цветения кружили ярко-красные франты-шмели, облачённые в пушистые мантии, деловито работали скромные пчёлы, не оставляя без внимания ни одного цветка. Между ними суетились жёлтые мушки. Миролюбивые и беззащитные, обласканные солнцем, они сполна довольствовались благами весны, не ссорясь и не мешая друг другу.

Веселее защebetали птицы. В хоре их многочисленных голосов доминируют трели соловья. Одиноким солист бессознательно приглушает весь птичий ансамбль в угоду своей крошке-подруге.

Вечереет. Всё человеческое население устремляется во двор под тёплое ласковое небо, соскучившись по весне и теплу. Заполнены игровые

площадки, дорожки, у парадного входа позируют фотографу. В центре наскоро импровизированной группы Севка Шмигалёв – в матросской тельняшке и бескозырке, – он бьёт на исключительность. Рыжий Боярчук – скромный трудяга – прячется за спины корешков, оставляя для объектива лишь одно лицо. По бокам рослые богатыри – кузнец Долинный, литейщик Дорохов – его ласкательно называли Доца – токарь Фомичёв и высокий изящный Разумовский. Ему «приписывали» родство с именитым однофамильцем екатерининской эпохи. А впереди, в ногах, вальяжно разлеглись пацаны, не рисуясь, не заботясь о позах. На площадке, недалеко от главного корпуса, две команды резались в «Горлёт». Это игра коммунаров. Её изобрёл Виктор Николаевич. В каждой команде по шести участников с теннисными ракетками. Мяч перебрасывается через сетку, по типу волейбольной, украшенную разноколерными искусственными цветами. Сетку сплели рыбаки, ракетки и цветы обеспечил изокружок. Играли азартно, в окружении болельщиков и ждущих очереди «на вылет». Заводилой «Горлёта» был, конечно, Терский. В игре он становился ребёнком. Командир оркестра Ваня Волченко, высокий белокурый Певень, а из младших – Федя Борисов, Павел Куксов, Карпенко, Харченко совмещали «Горлёт» с футболом.

В сад вошёл капельмейстер Виктор Тимофеевич Левшаков. Его дородная фигура внушала уважение. Сабельный шрам на щеке не уродовал лица, а подчёркивал мужество ветерана, участника империалистической и гражданской войны.

Вслед за ним прозвучал сигнал «Сбор музыкантов» – чистый мажор, сходственный с танцем призовой лошади.

Музыканты торопились в сад на постоянное место сыгровок, располагаясь с инструментами и нотными пультами, по кругу, на скамейках. Оркестр коммуны – 63 инструмента польского серебра. Это подарок харьковских чекистов. По степени подготовки музыканты разные – Волченко, Никитин, Козырь, Толиков, Жлудский, братья Агеевы, Зотов – достаточно опытные музыканты, имеющие хорошую школу ещё с колонии им. Горького. Они были главным звеном оркестра, к ним примыкали более молодые и совсем начинающие Петьки, Гришки, Алёшки, Котляры. В начале музыкальной карьеры в походах носят ноты, на остановках собой замещают пульта, становясь спиной к музыканту, с течением времени брались за альты, постепенно осваивали более сложные инструменты. Терпеливо и настойчиво Виктор Тимофеевич готовил музыкантов на регулярных сыгровках и в походах.

До начала сыгровки музыканты «раздувались», потрясая окрестности дикой какофонией, смешением звуков оглушающих басов, тромбонов,

баритонов с благородными кларнетами, саксофонами и плачущими флейтами. Оркестр в сборе. Поднятая палочка капельмейстера прекращает «репетиции», призывая к началу организованной игры.

В этот вечер репетировалась «Украинская сюита», написанная Виктором Тимофеевичем. В целом сюита уже была подготовлена. Недавно исполнялась на концерте в клубе наших шефов, но требовательное ухо Левшакова находило неточности в некоторых местах, слабую выразительность композиции в целом и отдельных инструментов... Начав игру, он часто останавливал оркестр нетерпеливыми ударами палочки по пультам, отработывая отдельные партии группы инструментов, доискиваясь до фальши.

Левшакова доводил до белого каления барабанщик Могилин по прозвищу Булька, угрюмый и приземистый. Во время игры он гипнотически смотрел на дирижёра, боясь что-то пропустить, забывая ноты, и порой там, где в нотах партия барабана сохраняла паузу, Булька ударял колотушкой, потрясая не только изощрённый слух дирижёра.

Когда это случалось часто, под влиянием необъяснимого затмения, музыканты устало и с досадой опускали трубы, а Левшаков поднимал очки на лоб, начинённый пироксилином, и с поднятыми руками шёл на Бульку. Подойдя к нему и выхватывая колотушку – виновницу бед – леденящим голосом внушал:

– Могилин, Владимир Дуров на трубе научил играть морского льва! На трубе, льва, понимаешь? – при этом отдельные слоги речи в такт подкрепляя ударами колотушки по корпусу барабана.

Могилин, вобрав шею в плечи, с тревогой следил за движениями колотушки, которая ходила у него почти под самым носом.

Другим неудачником был Прасов. Он тоже часто «порол» и «парился», переживая всплески дирижёрского гнева. Когда по вине Прасова оркестр останавливался, Левшаков с поднятыми очками, ударяя по пультам палочкой, отсчитывал такты, притопывая ногой и собственным голосом протяжно напевал: «Та-та, эс-та-та! Папа, мама, эс-та-та!»

Несмотря на трагичность момента, такие сцены вызывали улыбки у всегдашних сыгров. Тогда свой гнев Виктор Тимофеевич переносил на зрителя:

– Чего гогочете, что вам здесь – цирк? Убирайтесь к чертям! И добавлял через минуту: «Пожалуйста».

Но сыровки шли своим чередом и в конце концов «Сюита» была исполнена безукоризненно, в точном соответствии с требованиями дирижёра.

А соловей пел, не зная человеческих конфликтов. Казалось, своим крошечным горлышком он делал вызов мощным басам, баритонам и глухому барабану Бульки.

12. СОВЕТ КОМАНДИРОВ

Общим собранием коммуны избран новый состав совета командиров. Срок полномочий совета – три месяца. В регулярных сменах состава сразу решалось несколько важных задач. Командирами в течение пребывания в коммуне становился каждый коммунар и состав совета не превращался в постоянных начальников.

На этот раз секретарём совета выбрали Васю Камардинова. Ему 15 лет. По уровню развития он давно обогнал свой возраст. Серьёзный, рассудительный, не знающий компромиссов, он хорошо усвоил главное правило коммунаров: хочешь приказать – уметь подчиняться.

Противником нового секретаря стал Соломон Борисович. Вращаясь в производственной сутолоке, испытывая недостатки в снабжении, мирясь с дряхлым оборудованием – «лишь бы дело шло», – обладая верой и оптимизмом в лучшие дни, он не по своей воле, а в силу обстоятельств часто нарушал обещания. В крутых ситуациях он по-мальчишески прятался, а Камардинов не терпел обмана. Он вытаскивал Когана из его укрытий, припирал к стенке и в совете командиров, и на общих собраниях бил усталого человека суровой критикой.

В литейном цехе постоянно лихорадило: то нехватка вязальной проволоки для шишек, то плохое качество песка, то застывшие «козлы» в вагранке из-за порчи форсунок и, наконец, скандально упавшая дымовая труба. Поржавели оттяжки, заело талрепы и ветер обрушил её на крышу. Юхим Шишко, десятилетний колючий пацан, бывший житель села Шишковка, за четыре часа умудрился пробить 250 и более шишек (каждая шишка – копейка). На экстренном заседании совета командиров он сидел сам не свой. Его жёсткие волосы торчали колючками во все стороны, не укрощённые расчёской. Один из вопросов заседания – положение дел в литейном. Пригласили мастеров, формовщиков и литейщиков. Соломона Борисовича нашли в «стадионе» за штабелями заготовок. Покрасневшие глаза свидетельствовали о бессоннице. Он действительно не мог спать, всерьёз ожидая грозящего «несчастья». Пожар мог возникнуть и в сборочном цехе, до предела начинённом сухим деревом, стружками, опилками.

– Соломон Борисович, вам слово, – обратился ССК к Когану.

Соломон Борисович пошевелился, отрешаясь от тяжёлых дум, под ним скрипнул диванчик:

– Товарищи, всем известно, что мы не на государственной пайке. Каждую мелочь нужно выбивать и в местных организациях и в других городах. На днях посылаю Орденанса в Киев, есть целый ряд вопросов. Нужен ликаподий, песок для литья, никель, электролит. Вы, думаете, что я чурбан и не понимаю наших трудностей. Я понимаю и делаю сверх человеческих возможностей. Всё же выше одного места не прыгнешь. Как ни плохо, а дело у нас идёт, имеем заработок и прибыль. Скоро пошьём себе новые костюмы.

Камардинов жестом останавливает поднятые руки желающих выступить и начинает сам:

– На прошлом заседании вы обещали хороший песок и выполнили. Факт? Песок мелкий, с грязными примесями, делаем брак. Это тоже факт! Форсунки можно притирать на месте, а мастера спят. Вот у нас и «запарка» и «козлы». Кто имеет слово, товарищи?

Юхим давно держал руку и получил разрешение говорить.

– Я так скажу. У Соломона Борисовича всё у Киве. Писок з Днипра, ликоподий у шарлатанів. А дрит отой несчастный, так його и на наших свалках до хвороби. Нехай Ордонанц поїде та й привезе...

– Шо ты мелешь! – перебил Юхима Калабалін, – Соломон Борисович издыть до жинки у Киве, бо вона ще не періихала й бережа свої шмотки, а ты слушаешь казки, як той йолоп! Предлагаю отделом снабжения заняться цехкому. Если Орденанс с Сычем не справляются – скажем помощь. А то песок с Днепра! Чепуху городишь, Юхим – энергично бросил в сторону Шишко Семён. – Пошарим по складам в городе – нам скорее дадут, а не то сделаем трус. Шишко слушал с открытым ртом, завидуя ораторскому искусству Калабаліна.

Антон Семёнович посмотрел на Семёна, покачал головой. Нв Когана вообще было жалко смотреть. Его семья в самом деле ещё жила в Киве, потому что в Харькове не было квартиры. И вдруг – такая бестактность. Он тяжело поднялся и вышел из кабинета.

Встал Антон Семёнович:

– Ты, Семён, не партизань. Какой ещё трус? У нас не военный коммунизм, советские учреждения не буржуазный элемент. Другое дело поискать излишки и взять их законным путём. Что касается Соломона Борисовича, то я решительно запрещаю говорить с ним в такой манере! Он

хороший человек, очень много работает на нас без шкурных побуждений, а вы позволяете себе хамить. Тебе, Семён, просить извинения сегодня же. Калабалин густо покраснел.

– Та мы ж его уважаем, Антон Семёнович! – вступился Захожай.

Постановили: усилить борьбу за экономию. Калабалину, Пихоцкой и Мезяку оказать помощь отделу снабжения разведкой в хозяйственных организациях города.

Второй вопрос «О поведении новичка Дмитра Гето». Привезли его из Кролевцевого детдома на «исправление». За разные проделки его «командировали» в коммуны. Ему 17 лет. Работать и учиться не хочет. Пользуясь воловьей силой, отбирает у малышей третьи блюда, особенно пундики.

Слово дали малышам. Первым оратором подхватился Гриша Соколов:

– Про Митька все знают. Есть по две порции и богует. Когда я дежурил, то давал добавки второго, а он у Мишки Борисова, Витьки Торского и Локтюхова ликвидировал пундики, шамал и смеялся. Говорить боялся, бо он кулаки тычет.

– Позовите Гето, – коротко сказал Антон Семёнович, взглядом обращаясь к старшим. Вышли Калабалин, Гапеев и Русаков.

Группа потерпевших сидела отдельным кланом, целиком солидарная с заявлением Гришки.

Вошёл Гето. По кортежу было видно, что явление Митьки на совет не добровольное.

Окинув всех цыганскими глазищами, тряхнув чубом, стал у стола ССК. Плечистая фигура выражала агрессию. Слушать «мораль» ему не впервой.

– Вася, дай мне слово, – поднялся сероглазый Козырь, – Таких сявок мы хорошо знаем. Загрёб у пацанов пундики и жрёт за обе щеки, рад, что силой мама не обидела. Нечего на него богу молиться. Предлагаю выгнать.

Гето стоял в вольной позе с руками за спиной, пренебрежительно изучая Володю снизу вверх.

– Стань, как полагается, – напомнил Камардинов. – Митька таким же взглядом измерил ССК и остался стоять вразвалочку.

– Встань, дубина, тебе ж говорят, бо поставлю, – тихо рокотнул Семён. Их взгляды скрестились – тёмный, нагловатый и тупой с тёмно-карим, требовательным и насмешливым.

Руки Митьки вяло поползли из-за спины, ляжка перестала дрыгаться.

Выступил Вася Луцкий, смелый, напористый.

– Хлопцы, хибак це людина! Це ж Лантух! Непхав борщу, котлет и слухае, як воно там у животи булькае. Шо йому скривдити пацана!

Бачите, яка пика здорова? Дамо йому пайку хлеба и нехай жуе, нероба не-счастлива бо вин паразит.

Гето вытянулся в струнку и побледнел. Внутренние живчики дёрнули к Луцкому и споткнулись. На пути решительный заслон понимающих глаз.

– Гето, что ты скажешь? – спросил Камардинов. С минуту не отвечал, его терпеливо ожидали.

– Нехай миня пижоны не оскорбляють, потому что я бываю обидчивый. Пундики брав, потому как я голодный, а они нехай гав не ловлять! На то и щука в мори...

И дальше красть? – мягкое сопрано Любы Красной.

– Не... хай воны сами едят!

– Ой, горе! Як пивень на сидли! – не выдержала Зина Носик.

Командиры рассмеялись.

– Калошкин, теперь сам грызи пундики, бо Гето отказывается! – где-то из-под вешалки пискнул Котляр.

– Можно мне? – встал Антон Семёнович.

– Товарищи, критика вещь полезная, она исправляет ошибки, но критиковать следует деликатно и не всех. Гето вас поймёт. Он человек голодный. И до тех пор, пока его не накормите, он вас и слушать не будет, и работать не будет, а учится – и не мечтайте! Митя, выйди, пожалуйста, мы тут сами решим – обратился Макаренко к Гето.

Его слова не тотчас дошли до сознания Дмитрия. Семён, открыв дверь, красноречиво повёл бровью.

Когда Гето вышел, не понимая, что случилось, Антон Семёнович заговорщицки продолжил:

– Давайте поставим отдельный столик, накроем чистой скатертью, поставим хороший прибор и спокойно, без намёков, пригласим Митю на завтрак. К нему прикрепим двух официантов, лучше девочку и мальчика. Обслуживать, как в хорошем ресторане. Не забыть и перчик, и соль, и горчицу, салфеточки. Можно поставить бутылку лимонада. Кормить до полной сытости. Официантам надлежит быть корректными и предупредительными, чисто одетыми и в белых передниках. Пригласит к столу дежурный по столовой и не расшаркиваться, не угодничать в поклонах. В отрядах всех предупредить, чтобы не глазели, как на спектакль, а вели себя, как обычно, без всякого зубоскальства.

Если завтрак понравится, а нужно всё сделать, чтобы понравился, Митя на обед придёт сам. И так каждый день.

Командиры слушали с расширенными зрачками. Со всех сторон посыпались возгласы удивления: «Да вы что, Антон Семёнович, он так никогда не откажется, буде трощить, як той боров, аж вухами хлопать!»

Загадочно улыбаясь, Антон Семёнович спросил Семенцова:

– Ваня, а ты бы сел за такой столик?

Семенцов растерялся, глаза забежали, немного подумав, ответил:

– Оно не плохо бы, а как-то стыдно, товарищи, – и тоже рассмеялся, разгадав замысел Антона Семёновича.

Совет командиров одобрил предложение начальника. Официантами назначили Любу Красную и Витю Торского.

13. СЕРВИС ПО-КОММУНАРСКИ

Утром операция «Сервис» началась. На столике Гето сервировку украшала ваза с роскошными гвоздиками. Это дополнение сделала Люба, выпросив цветы у Карла Ивановича для «особого» случая. Стол был наряден и торжественен. Зав. столовой Русаков в свежем халате дожидался Гето, и как только его фигура показалась в проёме дверей, он подошёл к Митке и сказал серьёзно, дружески:

– Дмитро, садись сюда, это теперь твоё новое место.

– Тю! За шо ж мени такая почеть?

– По решению совета командиров у нас всех новеньких так встречают, – не моргнув глазом соврал Русаков.

Гето с недоверием обошёл вокруг стола, не решаясь сесть и прикоснуться к белоснежной скатерти, но в это время празднично нарядная Люба подошла с подносом, овеянная чарующими запахами блюд.

– Садись, Митя, не стесняйся, – пропела она, расставляя тарелки.

Коммунары завтракали как всегда, никто на Гето не обращал внимания.

Только за далёким столом малыши пристально уставились на далёкий роскошный стол, уткнув носы в чашки. Калошкин поперхнулся и разлил кофе. Митя сел, как в сновидении, но всё было реальным: мягкое на молоке пюре, большая сочная котлета, огурчик. Торский подал салат, селёдку... Всё было красивым и аппетитным.

Карпо Филиппович, посвящённый в затею, постарался «как следует быть».

Отбросив сомнения, Гето приступил к трапезе. «Официанты» обслуживали ненавязчиво, хорошо войдя в роль. Они скромно стояли в стороне у окна и как только видели, что «гость» оканчивал блюдо – подходили и справлялись, не нужно ли ещё. Потребовалась добавка.

Кофе подали со стопкой блинов.

Позавтракав, коммунары разошлись в цеха и на занятия. Ни одной едой реплики, кособокого взгляда, ухмылки. Для нас Гето на время перестал существовать. Был забавный спектакль, а чем он закончится – никто не знал. Кроме Антона Семёновича, конечно.

Гето остался доедать блины. Он осмелел и потирал от удовольствия руки.

– Ключуло, – шепнула в сторону Витьки Люба. Тот согласно кивнул головой.

Откушав, Гето поднялся. Он картинно пожал ручку «официантам» и вежливо поклонился Карпу Филипповичу, выглянувшему из раздатки.

– Обедать сюда приходи, – напомнила Люба.

– Та прийду, не забуду! – расцвёл Митька, польщённый необыкновенным вниманием.

Прошло четыре дня. Гето предоставили полную свободу. Никто к нему не приставал, ни с просьбами, ни тем более с требованиями. Все были заняты своим делом: уборками, производством, школой, играми, сыгровками, репетициями, кружками. А Митька гулял по двору, спал на лесной полянке, ездил в город без письменного отпуска Антона Семёновича, не попадая в рапорт и не «отдуваясь» на общем собрании. Хотел и отсыпаться в спальне, но в дневное время без пропуска дежурного в спальню не пускали. Пропуск выдавался только по делу и вошедший контролировался дневальным.

И вот наступила развязка. Под конец четвёртого дня за ужином всё так же было аппетитно и вкусно. На парадном столе свежие цветы, стопочка тарелок, которыми Митя не пользовался, вилка, столовый нож, салфетка. Он сел за стол, разломил ломоть хлеба, но ложку почему-то не брал. Коммунары уже поужинали и стали расходиться, а Гето всё сидел в одной и той же позе. И вдруг, не коснувшись угощения, вскочил и чуть ни бегом бросился в кабинет начальника. Открыв дверь, с порога, хриплым голосом спросил:

– Антон Семёнович, що вы з мною робите? Хиба я зануда яка? Мене ж як свинью заголовують!!! Я так не хочу! Пошлите работу, чи куда задумаєте... И он зарыдал.

– Успокойся, Дмитро, ты мужчина, а не кисейная барышня, – сурово сказал Антон Семёнович.

– Приведи себя в порядок и позови Камардинова. Он отвернулся к окну, щадя самолюбие Гето.

Гето разгрёб шевелюру, поправил пояс и первый раз, как подобает, ответил: «Есть позвать Камардинова!»

В кабинет вошли вдвоём.

- Слушаю, Антон Семёнович! – вытянулся в струнку Васька.
- Товарищ Камардинов, пошли Гето в токарный цех. Он хочет стать токарем. О назначении завтра отдай в приказе.
- Есть послать в токарный и отдать в приказе!
- Вы свободны!
- Спасибо, Антон Семёнович, я туда и хотив!
- Ну вот, значит, я угадал.

14. «ПОКУШЕНИЕ»

Последние дни школы перед летними каникулами тянулись долго и скучно. Угадывая настроение своих учеников, Тимофей Денисович водил класс на природу, читал географию, располагаясь на лесной поляне, в окружении берёз и молодых дубков. Повторялся пройденный материал: скоро экзамены. Его уроки любили. Живые, насыщенные примерами из жизни первооткрывателей и изучением их маршрутов на карте, они хорошо запоминались. Зримо представлялись горные вершины, реки с притоками, низменности и пустыни, моря и океаны.

По его предмету классы успевали хорошо.

Иная обстановка была на уроках математики. Преподаватель Густав Францевич Бершетен, восьмидесятилетний старик, высокий и прямой, как николаевский гвардеец, в зелёной шинели, он бодро входил в класс и после короткого приветствия и команды «садитесь» начинал единоличную гимнастику. Его разминка сопровождалась хрустом суставов, тяжёлыми выдохами. Он приседал, поочерёдно выбрасывая колена и восклицал: «гоп-гоп», затем наклонялся до пола, не сгибая ног, делал вращательные движения корпусом и вертел головой, прорабатывая мышцы шеи.

Постепенно к его чудачествам привыкли и терпеливо ожидали начала урока. Рассказывал он увлечённо, с пафосом, иногда отвлекался отступлениями из собственной жизни, называл всех на «вы» и говорил с нами языком профессора, как с воспитанниками императорского лица.

Писал он быстро. Мел скользил по доске, оставляя за собой длинные цепи непонятных формул. Исчертив доску до конца, Бершетен стирал рукавом шинели верхнюю часть написанного и продолжал дальше, то и дело приговаривая: «Отсюда следует».

Старательные математики стремились что-нибудь записать, вставали с мест, но из отрывков скопированного шифра понять всё равно ничего не могли.

После урока мы обращались к учителю математики параллельного класса – Константину Сидоровичу Березняку. Из наших тетрадей, как из клочков разорванного письма, он составлял полную запись урока и долго близоручко изучал её и... ничего не понимал. Тогда он начинал объяснять нам урок доступным способом.

Готовя группу старших коммунаров на рабфак, Густав Францевич пережил тяжёлый случай. Однажды после очередного занятия он вернулся домой и включил свет. В этот момент с улицы раздался выстрел. Пуля через оконное стекло попала в лампочку. В полной темноте двухметровый Густав Францевич рухнул на пол.

Утром «криминалисты» во главе с Терским по пулевому отверстию и лучевидным трещинам на стекле, не выходя из комнаты определили направление и расстояние до места стрельбы.

Расчёт подтвердился следами на грунте. Следопыты торжествовали, предвкушая быстрый финал необычного детектива.

В кабинет вызвали Калабалина.

– А ты что скажешь? – спросил Антон Семёнович, затачивая карандаш.

– Пока ничего. Следы не очень ясные, ночью прошёл дождь, може и собака не найдет...

– Собак звать не будем, а ты шевельни мозгой и расследуй. Ты ведь знаешь, как это делается.

– Есть расследовать! – с повышенной готовностью отсалютовал Семён и пошёл выполнять задание.

Густав Францевич написал рапорт об отставке. На просьбу остаться ответил решительным отказом: «О, нет, это не есть человечество. Я имел дело с бандит!»

Следствие Калабалина приняло глобальный размах. Были опрошены все старшие ребята, замеряли обувь по контуру следа. Нашлись свидетели, которые видели какие-то тени, а потом «усе исчезло, як скризь землю».

Вещественным доказательством явилась пуговица от штанов, найденная на месте происшествия. Такие пуговицы были на всех штанах и все штаны проверялись. У Тетеряченко не оказал трёх пуговиц, но принимая во внимание его пацифизм, факт недостачи оставили без последствий.

Пухла папка с протоколами дознания, свидетельскими показаниями, с фотоснимками, Семён «кооптировал» добровольных помощников.

Прошло двое суток. Маленькая пуля из мелкокалиберки осталась в кармане Бершетена, и не была предъявлена следствию. Каким-то образом эта пуля исчезла, но вскоре оказалась у Антона Семёновича.

В самом разгаре следственной эпопеи Семёна вызвали в кабинет.

– Как подвигается дело, достопочтенный Шерлок Холмс? – поинтересовался Антон Семёнович.

– Я ещё не кончил, но дело, хай йому бис, трудное, – плутоватые карие глаза что-то искали в потолке.

– Ну, добре! Значит, стрелял ты!

– Я?!

– Конечно! Потому что иначе ты мигом нашёл бы подлеца! А теперь доказательство: твоя пуля?

Калабалин рванулся к столу, на котором лежал маленький серый кусочек свинца.

– Моя, наверное, а может и нет. Но это не имеет значения. Простите, я... пошуткував трохи.

В позе Семёна полное раскаяние, готовность к расплате.

– Следствие считаю законченным. Пять часов ареста, – громовым голосом объявил Макаренко, не скрывая искреннего гнева.

– Цей Бершетен нас каликами робить, а не вчить! – пулемётной очередью зататорил Семён.

– Замолчи! За такие шутки отдают под суд.

– Есть пять часов ареста! – и Семён Афанасьевич, один из любимейших наших наставников покорно, как в колониетские времена, снял пояс и начал отсчитывать штрафные минуты.

15. В МОСКВУ

Ещё в цехах шёл бой, ещё страшно дымила труба литейной, отравляя окрестности зелёным удушливым дымом, ещё в классах сдавали экзамены и всё же неотвратно подходило время заманчивого отдыха.

В перспективе, поставленной Антоном Семёновичем, значились два варианта: Москва или Крым. Ни в одном из них не преследовалась цель пассивного отдыха: купаться, загорать, вкусно есть, вдоволь спать и прибавлять в весе. Коммунары отдыхали иначе, как правило, в походах, трудных, интересных и очень полезных во всех отношениях.

Не лёгкий вопрос – выбрать маршрут. Ох, не лёгкий! Каждому дано право обдумать, заранее взвесить все «за» и «против».

На совете командиров маршрут обсуждали дважды: Крымская партия в первом туре споров оставила Антона Семёновича, сторонника Москвы, в одиночестве. Его доводы не имели успеха. Тогда по конституции коммуны он обратился к общему собранию.

Это была его необычная речь. Он рассказал историю от времён Юрия Долгорукого до наших дней. Ярко обрисовав междоусобицы князей, борьбу за объединение Руси, царствование Ивана Грозного, жестокого и прогрессивного деспота, «смутное время» с нашествием Лже-Димитрия, подавление стрелецкого бунта Петром I, многократные пожары города, нашествие Наполеона и крах трёхсотлетия Романовых. Закончил пламенным призывом: «Товарищи! Москва – столица нашей Родины. Мы увидим памятники старины в архитектуре, картинных галереях, строении улиц, в музеях. Мы увидим Москву наших дней, места революционных битв, мавзолее В. И. Ленина, Красную площадь».

Москву поддерживали старшие коммунары – комсомольцы. Сторонники Крыма дрогнули. Но без боя не сдавались. Продолжали отстаивать свой вариант, напирая на прелести южного климата, Крымские горы, Чёрное море, легендарный Севастополь и отдых в летнем лагере.

Чашу весов в пользу Москвы склонил Соломон Борисович. Из его выкладок стало ясно, что на Крым нет денег. Расчёты с заказчиками, приобретение летней формы, вклады в основные и оборотные средства производства, затраты на содержание коммуны – поглотили прибыли, которые мы заработали в хозрасчётном производстве.

Вопрос о крымском походе отложили до будущего лета. Но никто уже не жалел, вспоминая речь Антона Семёновича.

Техническая сторона походов в коммуне досконально разработана. Походы задолго готовили маршрутные, хозяйственные, культурные комиссии, которые заботились о питании, одежде на все случаи, местах размещения, видах транспорта и культурном обслуживании.

Опыт приобретён в трёхдневных харьковских походах коммуны на празднования 1-го Мая и 7-го Ноября, с участием в парадах и демонстрациях... С началом похода коммуна переходила от отрядной системы ко взводной, с командирами взводов во главе. Взводов пять: оркестр, первый взвод – старшие коммунары – мальчики, 2-й взвод – старшие девочки, 3-й взвод мальчики и замыкающий 4-й взвод – мальчики младшего возраста. Строй в колонне по шести. Впереди – оркестр, за ним, в интервале 6 метров – знамённая бригада, за знаменем шёл Антон Семёнович, возглавляя все взводы. Впереди шеренг своего взвода шёл командир. Между взводами выдерживался интервал в три-четыре метра. Колонна строилась быстро, в течение одной минуты, по сигналу общего сбора. Это достигалось постоянными тренировками. Строй выглядел красиво и парадно. В Харькове знали и всегда с любовью говорили: «Это идут дзержинцы!»

В походах хозяйственная комиссия снабжала комендантский отряд прозаическими вёдрами, урнами для мусора и тряпками. Тряпка в хороших руках – нужная вещь. Она стирает пыль, моет окна, двери, полы, и, где бы мы ни находились, традиция коммуны – чистота – входила вместе с нами. Вступал в действие весь нехитрый набор подметающих, чистящих и моющих средств.

6-го июля, как всегда, полный рабочий день, хотя этот день – начало нашего похода. Наш скромный гардероб укладывался в плетёные прямоугольные корзинки. Они легки, прочны и удобны во всех ситуациях, у каждого своя.

В любых перипетиях походной жизни мы быстро их находили по номерам, хотя знали и по другим признакам, даже по запаху.

Корзинки погружены на подводы и отправлены на вокзал с сопровождающим.

Торчащие фигуры на возах Русакова, Боярчука, Оноприенко, Редько с их прощальными маханиями рук и счастливыми рожицами вызывали хорошую зависть – они уже на колёсах.

После первого ужина долгожданный сигнал «Общий сбор». Разливистой гармонией трубили три корнета: Волченко, Никитина и Феди Борисова.

– Становись! – звонкая команда Калабалина, покрывающая трубные звуки музыкантов. У фасадной стороны главного здания нас провожали рабочие, воспитатели, повара, соседи с Шишковки и совхоза. Почему-то одиноко стоял сторож Шмигалёв с верным другом Пушком.

Соломон Борисович перемещался с лёгкостью шара от группы своего «штаба» к Антону Семёновичу и обратно, получал от него последние распоряжения и тут же отдавал команды исполнителям – Орденансу, Каневскому, Ганкевичу. На время похода Мошанский остался главным командиром коммуны, ответственным за ремонт и переоборудование. Наша жизнь не знала безответственности!

Под звуки оркестра знамя пронесли к голове колонны. Воцарилась торжественная тишина. Перед строем Антон Семёнович, как всегда, одет просто, но как-то по-особому, со свойственной ему аккуратностью. Зеркально блестят сапоги, сверкает белизной рубашка-косоворотка с узким пояском, с белым верхом фуражка, в руках походная палочка. Немного взволнован. Во всей фигуре торжественность, пружинная подтянутость и озабоченность, окидывая взглядом весь строй, он видел каждого из ста пятидесяти. Под его взглядом ещё стройнее становились фигуры, ещё радостнее пела душа.

Он обратился с короткой речью:

– Товарищи коммунары! Поздравляю вас с началом московского похода! Ударным трудом, хорошей учёбой, красивой дисциплиной вы, как все трудящиеся граждане нашей страны, заслужили право на отдых. Впереди вас ожидает много интересного и полезного. Желаю успеха и счастья!

Колонна и толпа провожающих грянула аплодисментами. Соломон Борисович вытер слезу. Эти пацаны и девчонки не дают жить спокойно, а всё же они хорошие, особенно в такой торжественный час – безмолвно говорило его доброе лицо.

– Справа по шести в колонну – шагом марш! – скомандовал Калаба-лин и строй под марш «Бойкий шаг» выступил на грунтовую дорогу. По обе стороны строя спешили, желая попасть в такт с оркестром, провожающие. Строем шли через открытое поле. В лесу, из-за узкой, неровной тропы, перешли на вольный шаг цепочкой. Можно поговорить, обменяться шуткой, впечатлениями, отбежать в сторону. Но никто не бегал вперёд Антона Семёновича. Это один из законов похода.

Из леса вышли на Белгородское шоссе и вновь построились. Снова бодрые марши на трёхкилометровой дистанции до городского парка. От городского парка пошли трамвайные линии по улицам Харькова. Шли по Пушкинской. Многоэтажные дома отдавали эхом грому оркестра, торжественному звону литавр Землянского. В домах снизу доверху открыты балконы, цветисто усеянные зрителями. Они приветствовали нас, махали платками – «Идут дзержинцы!» На перекрёстках останавливались трамваи, пропуская строй. Автомашины не мешали, их тогда было мало. Вокзал. Площадь заполнена народом. Разгружали подводы с нашим багажом, разбирая корзинки, муравьиными ручейками, с ношей на плечах устремились на перрон.

Наши три вагона свободны от посторонней публики. По команде разместили в вагонах багаж и построились на перроне.

– Под знамя, смирно – салют! Единым движением вскидываются руки, оркестр играет «под знамя» и знамя вносится в головной вагон. Здесь штаб Антона Семёновича, оркестр и хозкоманда. Посадка закончена. Свисток, и поезд тронулся, рассеивая чёрный дым по перрону. Перед окнами поплыли крытый перрон, провожающие, станционные постройки.

До свидания, Харьков! Колёса весело застучали по стыкам рельсов. При беглом осмотре вагонов ДЧСК Борискина установила необходимость уборки. Сразу же появился на свет наш универсальный инвентарь. Чтобы не перегружать дежурных, решили сделать общий аврал. Парадные парусовки и трусики сменили на домашние штаны и рубашки. Закипела работа.

Проводницы пожимали плечами: «Таких пассажиров у нас не бывает, ну и молодцы!» Инвентарь пополнился за счёт каптёрки вагона. Девочки запели песню «Ой, дож це за шум учинився», хлопцы подпевали и поморскому драили «палубу». Через стёкла окон нам улыбнулось промытое вечернее солнце. Становилось уютнее, повеяло влажной свежестью.

Мы обживали временный дом. Уборку на обходе принимал дежурный Орлов и ДЧСК Клава Борискина. Требования не снижались, уборка произведена по-коммунарски, и начальство было довольно.

Столовая комиссия под опытным руководством старшей «хозяйки» Русакова, готовила ужин. Абдула Русаков обладал врождённым хозяйственным талантом. Постоянно выдвигался в столовые комиссии, умело, по «справедливости» делил пайки, любил шашлыки и внешне чем-то походил на чайханщика: плотный, с крупным носом и сливовыми глазами, всегда приветливый. Он стремился как можно лучше обслужить, особенно малышей. Звание старшей хозяйки к нему пришло по наследству. Когда-то эту должность в коммуне исполняла женщина.

После ужина устраивались по местам, доставали свои одеяла. Невольно вспоминались недавние крыши вагонов, открытые всем ветрам, тамбуры товарняков, тесные ящики под вагонами, облавы на «зайцев», упитанные, пьяные рожи нэпманов, страх и обиды маленьких человечков «вне закона». «Беспризорный» – какой страшный смысл заключён в этом слове! Имеет ли человечество способ измерить всю глубину горя детей и подростков, не познавших счастья детства, выброшенных на улицу, всюду гонимых, голодных и одичавших, влачащих с места на место, из города в город свою душу и тело, едва прикрытое рваным тряпьем. Теперь это было в прошлом. Все наши помыслы устремились в завтрашний день. Он нам казался прекрасным.

В штабном купе Антона Семёновича уютно и весело. Сюда пришли пацаны с 4-го взвода. Расселись, как дома, и играли в шахматы. Антон Семёнович любил эту игру, с удовольствием давал сеанс одновременной игры юным гроссмейстерам.

А в это время девчата занялись своими делами, вязали шапочки, вышивали, мережили наволочки на маленькие подушки. Любители книг читали, а многие, сгрудившись у окон, смотрели на уплывающие поля, ленты рек, рощи, полустанки. В третьем взводе пели: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поёт» с задорным припевом: «Эх, та, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это...»

Сева Шмигалёв по-разбойному свистел и ухарски приплясывал, подцепив под руку огромного и застенчивого Долинного.

Подошло время отбоя. По вагонам, в перестуке колёс, прозвучал родной сигнал: «Спать пора». Первым ко сну удалился четвёртый взвод. Гроссмейстеры получили по мату и, желая Антону Семёновичу спокойной ночи, обещали взять реванш. На дорогу каждый получил по конфете.

В штабе остались Левшаков, Волчек и Певень. Антон Семёнович устроил компанию чаем с домашними пирожками. Все непринуждённо беседовали, строили планы.

К двенадцати часам потушили большой свет. Дневальные заняли посты у дверей.

16. А КРУГОМ МОСКВИЧИ

Москва встретила прохладой и лужицами после дождя. На привокзальной площади вереница сонных извозчиков в ожидании пассажиров. Корзинки погрузили на пароконную открытую платформу. Ломовики легко тронулись в места. Поёживались в лёгких парадных трусах и парусиновых рубашках. Мы строились в колонну. Никто нас не встретил. Расспросив, как лучше пройти на Лубянку, двинулись к центру. Гром оркестра будил московские улицы. Из-за домов выглянуло солнце. Москва просыпалась.

Встречные смотрели на нас, как на явление незнакомое, подходили к строю, расспрашивали. Вроде бы и пионеры, а без галстуков.

Отвечали коротко – в строю разговаривать не полагалось.

Против здания ОГПУ прошли парадным шагом с развёрнутым знаменем и салютом под марш «Дзержинец».

Подошли к транспортной школе ОГПУ. Это наш новый дом. Короткий совет командиров взводов распределил места в спальнях. Хотя кровати были застланы, но жилого уюта не чувствовалось. Снова аврал по уборке. Мыли окна, двери, полы, сметали пыль со стен. Везде должен быть порядок, нам здесь жить две недели. Парадную форму сменили школьные костюмы и пиджаки из хлопчатобумажной ткани, чистые и выглаженные.

Настроение хорошее. Мы уже увидели Москву. Никто не жалел о Крыме. На площади, улицы, здания смотрели во все глаза, пытаясь понять, где и что, сравнивая с рассказами Антона Семёновича. Среди нас были и «москвичи» не столь отдалённого времени, но они не хвастались и помалкивали.

Уборка продолжалась два часа. Засверкали стёкла окон, светлели умытые половины крашенных полов, в коридоре расставлены плевательницы, в которые не имели привычки плевать, полагая, что это удел стариков и больных.

Спальни девочек и здесь отличались своим убранством. Появились занавесочки, вышитые, всякого рода накидочки, игрушечные подушечки, вазочки с цветами. Всё вместе взятое, расположенное со вкусом, создало мирок уюта, приблизив к домашнему. Хлопцы невзначай заглядывали в спальни девочек, внутренне завидовали их умению обставляться в разных условиях. Некоторые язвили: «Подумаешь, и здесь разложили своё приданое!» Женя Вехова с набором подходящих к случаю слов бесцеремонно выставляла остряков за порог, энергично закрывая дверь. Переговорить Женю в таких делах – безнадежно.

Надевали парадную форму: парусиновые рубашки, синие сатиновые трусики, голубые носки, баретки и свежие, изукрашенные рисунком золотистые тюбетейки.

По приглашению столовой комиссии пошли на завтрак. Столовая школы расположена неподалёку. Нас встретил расцветший улыбкой Русаков. Он успел освоиться на новом месте, перезнакомился с поварами, не забыл позавтракать и распределить места каждому взводу за четырёхместными столиками.

Хозяева позаботились убрать столовую по-праздничному. Белые скатерти, вазочки с цветами, столовые приборы – приятная и привычная для нас обстановка. Они смело нам доверились как гостям, не думая о каком-то риске.

Совсем по-другому отнеслись наркомпросовские учреждения. Когда наш представитель колесил по родственным организациям, пытаясь найти место для 150 детей из Харькова, его встречали приветливо, с готовностью сделать «всё для детей», но когда узнавали, что мы из коммуны, во главе с самим Макаренко, о котором уже ходили разные слухи, сразу меняли тон и в панике пятились назад. Лишь наши старые шефы не дрогнули перед именитыми гостями и дали кров. Завтракали с аппетитом, разговаривали в умеренных тонах, как в солидном ресторане. Наши дежурные подали пюре и котлеты, блинчики и кофе. О добавках помалкивали.

Первый день пребывания в столице посвятили парку культуры и отдыха им. Горького. Шли пешком нашим красивым строем. С тротуаров нас приветствовали радостно москвичи, с небольшими интервалами гремели марши: «Старые друзья», «Егерский», «Бойкий шаг». На небольших остановках завязывались знакомства. Мы охотно рассказывали о жизни в коммуне, о нашем производстве, ставшем теперь ещё роднее, об учёбе, спортивных увлечениях и, конечно, с особой гордостью, об Антоне Семёновиче!

Вполне возможно, что кто-то из москвичей помнит эти душевные встречи!

В парк нас пустили бесплатно и сразу повели на лодочную станцию. Мы вмиг разобрали лодки и долго катались, снова бесплатно. Семён Калабаин выбрал гребцов и организовал состязания на приз Москвы. Победила лодка, которой командовал наш физорг.

На эстраде наш оркестр играл танцы. Дирижировал Волчек. Виктор Тимофеевич отдыхал тут же на скамейке. Танцоров было много и наших и москвичей. Сева Шмигалёв отличился в шуточном «Карапете», подобрав в партнёрши весёлую краснощёкую толстушку.

Лишь поздно вечером возвратились мы на свой бивак.

В программе следующего дня была Красная площадь.

Торжественно выстроились у мавзолея В.И. Ленина с развёрнутым знаменем. Под звуки «Интернационала» салютовали памятнику великому вождю. С трепетным чувством входили в мавзолей, отдавая честь безмолвным часовым. Поднявшись по ступенькам на возвышение, увидели спящего вечным сном Ильича.

Показалось, что он всё видит и слышит, только не может проснуться и сказать: «Вот вы какие стали!». Хотелось задержаться, всмотреться в дорогие черты, но сзади двигался непрерывный поток людей.

Красная площадь поразила величию ансамбля. Пристенные башни, страшное «лобное место», памятник Минину и Пожарскому, чудо зодчества – собор Василия Блаженного оставил в наших душах неизгладимое впечатление.

Мы увидели, как открывались Кремлёвские ворота, как в них въезжали машины. Там сердце и мозг нашего государства, там наши вожди – продолжатели дела великого Ленина.

После обеда с разрешения Антона Семёновича мы отдельными группами разбрелись в разные концы города. К малышам прикрепили старших. Их возили в трамваях на дальние расстояния. Они галантно вскакивали с сидений, уступая место пожилым людям. В своё время совет коммунаров принял решение. В нём было сказано: «Уступать места и не оглядываться».

Из нагрудных карманов торчали треугольники носовых платков, наглаженных и... не тронутых. На остановках лакомились мороженым, сочными вишнями, измазываясь до ушей, запивали лимонадом.

Все удовольствия доставались легально на заработанные карманные деньги! А в магазинах такое множество соблазнов, – выбирай, что хочешь! Пацанов привлекали игрушки. Вот бежит по кругу паровозик, скользит по ниточке паучок, шевеля золотыми лапками. Клюют зёрна жёлтенькие цыплята. Старших интересовала радиотехника – последние новинки двух и трёхламповых приёмников, фотоаппараты, эспандеры, боксёрские

перчатки, карманные фонарики. Такую роскошь могли позволить себе квалифицированные сдельщики. Они не торопились с покупками. Посмотрев витрины и полки, откладывали покупки на конец похода.

* * *

На Хитровом рынке столкнулись с цыганским табором. Он расположился на леваде по соседству. Отдельными группами стояли крытые брезентом фургоны, наполненные перинами, ватными одеялами, подушками и чадами от грудного возраста и старше. Они, как в муравейнике, перемещались с места на место, голопузые, перемазанные, готовые ко всякому представлению и мошенничеству. Их мамы промышляли гаданием, собирая толпу доверчивых зевак, торговали перчатками и сапожками собственного производства, выманивали всякие мелочи домашнего обихода, клялись, божились и, совершив сделку, прятали добро в бесконечные лабиринты удивительно подвижных цветастых юбок. Я подумал, что там они спрячут и пианино, если понадобится.

Бородатые отцы и деды под открытым небом лудили кастрюли, шорничали, подковывали лошадей, барышничали. Все они по-своему хорошо одеты – в атласных рубашках, в жилетках, в широких штанах, в добротных сапогах в гармошку, в чёрных картузах. Они зорко следили за всем происходящим, строго определяя разовые задания по добыче. Нас привлекла цветистая, живая картина черномазой вольницы и мы не заметили, как оказались в её окружении, точно в паутине. Первое дело – погадать. Льётся речь цыганки, не оторвать от неё глаз, гипнозом скована воля, и Таня Глоба в блаженном полусне очарования снимает любимые сережки. Но тут, как из-под земли вырастает Гето, и Танина ладонь спасительно накрывается его огромной лапой.

Чтобы не нарваться на скандал, Митька вынул полтинник и сунул его цыганке, но та всё равно успела прилепиться:

– А ты не добрый, батенька, дай я погадаю тебе, всю правду скажу. Почему без штанов ходишь, красавец? Пойдём ко мне – справлю штаны, дочку отдам за тебя, красавица моя Улишенька – не нагладишься!

От такого предложения все закатились громовым смехом. Только Таня не смеялась. Она вся ещё была, как во сне.

«Жених» кинул взгляд на свои могучие ноги, понял, что на базар сподручнее ходить в штанах. Но форма – есть форма, да ещё парадная!

– Пацаны, шухер, смываемся к трамваю, – прошептал Шура Орлов, изобразив на лице серьёзную тревогу. Манёвр был понят сразу.

Мы кинулись через базарную толпу, увлекая за руки пацанов. Уж что-что, а рассеяться и растаять, как дым, мы умели!

Отдышавшись от поспешной ретирады, Орлов сказал, что он знает, как цыгане крадут русских детей: «И вообще, пора кончать муру, пока не влипли».

Танины серёжки были на месте. Она смущённо до них дотрагивалась, изучая то правое, то левое ухо.

– Тебя, Митька, они за своего приняли! – пропищал маленький Коротков, а то бы не видать нам Москвы.

Посчитали ряды, никого не потеряли, никто не украден. Счастливо от-делались: могли бы обчистить до нитки!

Побродив по многолюдным улицам среди куда-то спешащих людей, полакомившись вдоволь сладостями, мы направились в сторону своего временного пристанища. О происшествии никому не рассказывали. Поднимут на смех, ещё показывать людям станут!

17. В ГОСТЯХ У БОЛШЕВЦЕВ

Дни столичной жизни были один ярче другого. Болшевская колония имени Балицкого. Нас встретили в строю со знаменем. Калабалин чётко отпартовал начальнику колонии о нашем прибытии. Короткое перестроение и под марш «Дзержинец» две колонны общим строем направились к летней эстраде.

Начался митинг дружбы. От коммунаров-дзержинцев выступала секретарь комсомола Смена Сторчакова. Она рассказала об истории коммуны, о труде и учёбе, о спортивно-культурной жизни, о многочисленных делегациях, о связи коммуны с рабочими коллективами харьковских заводов ВЭК и «Серп и Молот».

Большую часть выступления посвятила нашему многоотраслевому производству с переходом на самокупаемость, с промфинпланом и зарплатой. Её выступление вызвало большой интерес колонистов. С ответным словом выступил начальник болшевской колонии. Он рассказал о жизни колонистов, о дружбе с А.М. Горьким и провозгласил здравицу в честь наших вождей и коммунистической партии...

После митинга хозяева показывали свои домики, мастерские, спорт-площадки.

Колония расположена в лесу. Под сплошным шатром раскидистых крон колонисты чем-то напомнили зелёных братьев Робин Гуда. Сходство дополняли наблюдательные посты на вершинах могучих дубов. Домики деревянные, дачного типа, покрашены. Территория обсажена цветущими

кустарниками, ухоженными дорожками, парковыми скамьями, спортивными площадками. Начались индивидуальные знакомства.

Спортиструктор предложил организовать встречу по футболу. В нашей коммуне футбол пользовался большой популярностью и команда сложилась сразу: Харченко – вратарь; игроки: Водолажский, Волченко, Капустин, Куксов, Шмигалёв, Певень, Орлов, Чарский, Перцовский и Ярошенко.

Матч судил Калабалин. Он готовился стать физруком коммуны.

Наши хозяева в среднем старше по возрасту. Их команда составлена из взрослых и рослых парней. Рядом с ними нападающий Шмигалёв мог вызвать только сочувствие.

Команды обменялись приветствиями, капитаны разыграли поле. Свисток – игра началась. Капитан нашей команды Капустин умел расставить игроков и сам играл отменно, возглавляя силу нападения. Водолажский и Перцовский «железные» защитники. Они отбивали не только мячи, но и сгрудившихся в борьбе за мяч футболистов, не нарушая правил игры. В первом тайме с подачи Капустина Куксов забивает гол. Через минуту Орлов сыграл рукой и в наши ворота судья назначил «пенальти». Харченко как тигр изготовился для прыжка. Свисток, удар – и мяч в руках нашего вратаря. На трибунах – неистовство. Аплодировали не только свои, но и болшевики, по достоинству оценив вратарское мастерство.

– Молодец, Хорёк, bravo! – кричали со всех сторон. Девочки приготовили букеты цветов.

Второй тайм был ещё напряжённее. Болшевики поняли, что их противник напорист, техничен и заслуживает далеко не детской игры. Агрессивного Шмигалёва прикрывали два игрока. Маленький и очень подвижный, он юлил, делал какие-то немыслимые зигзаги и всё быстрее катился на вратаря болшевцев. Удар – мяч в воротах! Болшевики кинулись атаковать. В середине второго тайма рослый форвард забивает нам гол. В конце игры второй мяч с коркера снова летит в наши ворота.

Ничья. Цветы вручили хозяевам поля и вратарю Харченко. После обеда обменивались фотографиями. Общий подарок коммуне – пара лыж с эмблемой «Динамо». Нашим подарком был маленький бюст Ф.Э. Дзержинского.

До станции нас строем провожали все колонисты и персонал.

Расставались тепло. Болшевики на наш манер собирались обзавестись хозрасчётом. Поезд тронулся. Из окон вагонов зазвучал прощальный марш «Старые друзья». В руках замелькали белые платки.

18. КРЕМЛЬ

В походе распорядок дня не меняется – подъём в шесть часов. Утренняя зарядка во дворе и холодные струи из-под крана освежали, взбадривали, мир был прекрасен.

Старшая хозяйка Русаков вставал раньше всех, ориентируясь во времени по природным светилам, и с завтраком никогда опаздывал. Дежурные чистили картошку без «заработанных» нарядов. Это его «корешки»-добровольцы: Глебов, Мезяк, Ваня Иванов 3-й и Грушев. Последний в глубинах души за добровольный труд рассчитывал на дополнительную порцию.

Добрые «джинны» дали нам пропуск на осмотр Кремля. Некоторые с нами почти не расставались, всюду сопровождая, на ходу устраняя крупные и мелкие препятствия.

Снова гремят наши марши на московских улицах, снова милиционер останавливает движение на перекрёстках, давая «зелёную» улицу необыкновенному параду юности и держа руку под козырёк.

Часовые пропустили в кремлёвский двор. Пошли по команде «вольно».

Нас окружали ярко-зелёные газоны, коротко подстриженные, свежие, искрящиеся на солнце алмазными капельками утренней росы. На них живописными группами разбросаны молоденькие берёзки с контрастными белокорыми стволами.

Слепил блеск соборных куполов, соборов, взгляды тонули в разнообразии ярких красок, линий, архитектурных форм. Всё строго очерчено высокой зубчатой стеной, сложенной на века.

Перед нами царь-колокол весом 12 тысяч пудов, рухнувший с колокольни Ивана Великого от пожара. Людям не довелось услышать его звон. Наши облепили его снизу доверху. Землянский мигом взобрался на вершину и застыл там, стоя на шаре в величественной позе. По виду небольшой осколок колокола пытались переместить наши богатыри Дорохов, Чевелий, Ярошенко, Боков и Долинный. К их изумлению осколок не поддавался, будто врос в землю.

Через пролом осмотрели внутреннюю полость колокола, по очереди проникая в него, как в дом. В иллюстрациях старых журналов изображалась тройка лошадей, свободно въезжающая внутрь, но мы убедились, что это преувеличение.

На высоком каменном пьедестале царь-пушка, окружённая чугунными ядрами. Говорят, что она не стреляла. Любопытные влезли в ствол. На выдвинутом цоколе арсенала – пушки поменьше. Эти стреляли!

Соборная площадь. Поражает обилие златоглавых куполов от меньших к большим, островерхих башенок, вычурных окон, надстроек, так что и крыш не видно. Великие князья и цари не скупились на роскошь храмов.

Благовещенский собор. Великолепие алтаря поражает и подавляет. Вечным огнём спят в роскошных усыпальницах князя и цари, придавленные тяжестью мрамора и сапфира, напоминающих о бренности бытия и самых великих!

Выйдя из собора, с облегчением вдохнули свежий воздух, обласканный яркими лучами солнца. С ворот Кремля увидели голубую ленту Москвы-реки, её зелёное обрамление из дубов и клёнов, перекинутые через реку мосты, а вдали бесконечную равнинную синь Подмосковья. Эта жизнь могучая и прекрасная, а мы – её новая юность. Прочь роскошь саркофагов! Хорошо жить на этом свете! Иной жизни нам не надо.

Мы в залах Кремлёвского дворца. В Оружейной и Грановитой палатах. Сколько здесь драгоценных чудес, собранных и хранимых всей историей Российского государства! Отдельные экспонаты поглощали целые жизни мастеров. Поразила цепь работы Петра I. Для невооружённого глаза – это тонкая нить двух метров длины. Но стоит посмотреть через лупу и сразу различаются отдельные звенья, связанные перемычками разной толщины. Запомнились часы-корабль. Когда они бьют, по палубе корабля начинают бегать матросы, выполняя свои обязанности. Вот часы-обьедало. Они также действующие. На часах объёмно изображены голова и руки обьедалы. В руках чашка и во время боя она опрокидывается в рот чудовищу-обьедале; на его плотоядном лице – гримаса чревоугодника.

В Оружейной палате увидели в натуральную величину лошадей и всадников, как живых. Средневековый рыцарь, закрытый забралом и шлемом, латами и щитом, держит в руках меч. Его конь также защищён бронёй. А это – степной воин с монгольским лицом. На нём лёгкие наплечники, в руках копьё и аркан, лук с колчаном, за спиной – стрелы. В ножнах кривая сабля. Его конь свободен от брони и, видно по всему, быстрый, как ветер.

В футляре под стеклом сабля Богдана Хмельницкого и гетманская булава. Этой саблей он прокладывал путь к объединению русских и украинских народов.

Далее залы с оружием разных времён – отечественным и трофейным, с ружьями, пистолетами, пушками, мортирами, саблями, мечами, пиками. Макеты воинов в доспехах, конные и пешие суворовские гренадёры, «чудобогатыри», казаки, наполеоновские драгуны и кирасиры, боевые знамёна прославленных полков и трофейные – поверженных врагов.

Экскурсия в Кремль оставила неизгладимое впечатление.

Как в сновидении, проплывали перед нашим взором драгоценные кубки, царская посуда, ковры, не потерявшие за многие столетия своих красок, драгоценные драпировки из тканей, паркет в рисунках, инкрустированные столики, подсвечники, сверкающие драгоценными камнями, люстры, лампы, древние книги в бархатных переплётах, боярские кресла, царский трон и короны.

19. ЭКСКУРСИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В оставшуюся неделю мы продолжали знакомиться с московскими достопримечательностями и с самой Москвой. Не было такого дня, чтобы коммуна «отдыхала». Мы сами стремились как можно больше увидеть и узнать.

По программе Антона Семёновича мы осмотрели Третьяковскую картинную галерею. До сих пор стоит в воображении картина Репина – убийство Иваном Грозным своего сына. Обезумевшие, прозрачно-стеклянные глаза старца, дымящаяся кровь на виске и кафтане молодого царевича, невозвратимость утраты в обезумевшем взгляде убийцы. Не все могут оставаться долго у этой картины. Кому-то из девочек стало дурно, и нашему медику Коле Шершеву пришлось приводить её в чувство.

– От-то-й-дите, я в-в-в-ам г-г-оворю, – он волновался и речь стала непонятной от заикания, на лице выступили пятна. На всех экскурсиях он носил сумку с медикаментами и тут за всё время похода она пришлась кстати. Запах нашатырного спирта сделал своё дело, и девочки взяли сомлевшую подругу под свою опеку.

Услугами экскурсоводов мы не пользовались. Объяснял сам Антон Семёнович, больше уделял внимания полотнам русских живописцев: Шишкину, Перову, Крамскому, Ге, Иванову, Репину, Верещагину. В тонкостях портретов мы плохо разбирались, поэтому они нас меньше интересовали. Больше влекла батальная живопись, морские картины Айвазовского и почему-то натурально-красочные, аппетитные натюрморты.

С Лаврушинского переуллка домой шли пешком.

В следующие дни осмотрели два зоопарка – старый и новый. Малышам устроили катание на пони. Белых медведей угощали мороженым. Даже в бассейне с проточной водой им было жарко и хотелось облегчить их страдания хотя бы таким недозволенным способом. Сидя у решётки, они истомлённо раскачивали свои огромные тела, протягивали чёрные когти за лакомствами.

Время от времени воздух сотрясал страшный львиный рык. Это из души могучего пленника рвалась на волю тоска. Очень понравились обезьяны. Их мы угостили конфетами.

После зоопарка и обеда настало время прощаться с Москвой, последний день далеко не ездили – ограничились Садовым кольцом с веером его улиц к центру. Исходили этажи универмага. Всё же какое это удовольствие – тратить собственные деньги: покупали радиоприёмники, расписные деревянные ложки, говорящие куклы, семейства матрёшек, наборы карандашей, альбомы, памятные открытки с видами Москвы, теннисные мячи и ракетки, губные гармошки. Накупленное раскладывалось в комнатах напоказ, как на ярмарке, и только после этого скрывалось в корзинках. За три дня до отъезда «раскрепостили» Русакова. На посту старшей хозяйки его подменили сознательные друзья, чтобы и он мог увидеть Москву. Вернувшись, Русаков с гордостью показывал свои покупки, состоявшие из наборов... кухонных ножей и кондитерских приспособлений! Никто не смеялся. Русакова любили и решили, что, видно, на роду написано быть ему великим кулинаром!

* * *

Грузили на подводы багаж, сдавали постели и убирали помещения. Заодно подметали двор, не оставив ни одной бумажки. В комиссию по приёму уборки неожиданно подключился Антон Семёнович. Это означало особую важность, но всё было хорошо, без переделок.

Сыграли «Общий сбор». Построились напротив крыльца в одну шеренгу.

– Под знамя смирно! Равнение направо! Заиграл оркестр, на крыльце заалело знамя. Печатает шаг знамённая бригада – Разумовский, Орлов и Студецкий, проходя на правый фланг. На крыльцо вышел прощаться начальник школы. Строй замер.

– Дорогие товарищи! Я не могу говорить без волнения, прощаясь с вами. За время пребывания у нас в Москве вы проявили себя, как дисциплинированные, культурные и любознательные ребята. Москвичи увидели дружный коллектив, где один за всех и все за одного. Не было ни одного случая, который наложил пятно на вашу замечательную большую семью. От чекистов города Москвы я благодарю вас за порядок и организованность. Мы особо благодарим вашего замечательного начальника – Антона Семёновича Макаренко, который воспитал в вас благородные качества человека – коллективиста и уверенно провёл ваш московский поход. Вы с честью оправдали его доверие. Мы гордимся вами – нашей сменой! Да здравствует и рыцарь революции – Феликс Эдмундович Дзержинский!

От имени коммунаров Смена Сторчакова выступила с ответным словом. Она поблагодарила начальника школы и в его лице московских чекистов за доверие, гостеприимство, душевную теплоту.

– Нам здесь было очень хорошо, товарищ начальник, большое вам коммунарское спасибо и примите наше приглашение в гости, щиро виддячимо! – закончила Смена короткое выступление сердечными украинскими словами. Над строем взметнулся коммунарский салют.

Возле знамени стояли наши друзья из редакции газеты «Комсомольская правда» и Дворца пионеров. Здесь же находился «неофициальный» товарищ, которого мы за особо любовные чувства к нам приняли в почётные коммунары. Это они делали всё возможное, чтобы наше пребывание в Москве было как можно более интересным. Они помогали Антону Семёновичу во всех московских делах.

Нам было грустно прощаться с московским домом, новыми друзьями. Человеку свойственно привыкать к месту, к окружающей обстановке, даже к мелочам быта... А здесь – шутка ли – окружающая обстановка – вся Москва!

Семён Калабалин вышел перед строем.

– Справа по шести, к вокзалу – шагом марш!

Шеренга привычно перестроилась в колонну, загремел оркестр, взвилось над головами знамя, и всё пришло в движение с первым тактом марша.

Рядом с Антоном Семёновичем пошли начальник и наши добровольные шефы. Эту честь они заслужили. Со всех сторон на нас смотрели москвичи. Они приветливо улыбались, дарили цветы, желали нам успехов. Были бабушки, которые крестили нас вслед и плакали. Виктор Тимофеевич шёл впереди оркестра и своей мощной фигурой, как тараном, прокладывал путь всей колонне.

Мы не загорели на берегу лазурного моря, мало отдыхали в обычном смысле слова. Но все мы стали крепче и телом и духом. Москву полюбили все и навсегда.

20. ТЕРСКИЙ И ДРУГИЕ

Двухнедельный отпуск нарушил производственный ритм коммуны. Отдыхали издёрганные временем и тяжким трудом токарные станки, молчала ворчливая вагранка Ганкевича, замер разноголосый шум столярно-механического. На станинах, защитных устройствах, на подоконниках, в щелях спокойно обосновалась наша давняя противница – пыль. Снаружи цех оброс новыми штабелями досок, брусков, бочонками, ящиками. Безмолвно длинное тело стадиона», потеряв строгую горизонтальность, дало торцевой крен по рельефу к яру.

Комбинат кроватных углов пополнился шлифовальными станками с новыми дисками. В никелировочном отделении появилась ещё одна ванна. Новая труба в литейном, высокая, из толстого железа, на кирпичном фундаменте, отсвечивала свежим печным лаком. Возле литейного горы песка и глины. Токарный цех получил более десятка станков. Они были в ящиках, интригующе таинственные. В главном корпусе заканчивался ремонт, до его завершения поживём в палатках.

Изменения, происшедшие за этот короткий срок, были значительными. Соломон Борисович и его штаб даром хлеб не ели. Накапливались ресурсы с расчётом на рост производства.

После приезда следующий день был дан для отдыха.

Ночной ливень примял зелень, буйно разросшиеся цветы, напоил землю. Сотрудники и жители коммуны, стар и млад, ожидали хозяев. Только позднее время приезда и дождь с грозой помешали торжественной встрече.

Зрели яблоки, отяготив ветки крупным апортом, антоновкой, бельферкитайкой. Наливаются соком пепены, опустив ветки до самой земли. Нет охраны и никто не трогает. Вот-вот настанет время и Карл Иванович разрешит заготовки для общего стола.

Во дворе группа людей. Их водит Соломон Борисович с дежурным по коммуне Кравченко. Он приветлив, но видно, что очень занят. В группе выделялся человек в белом кителе с ромбом в петлицах. К нему и было обращено главное внимание Когана. Он рассказывал и показывал хозяйство коммуны, переходя от одного объекта к другому. Несколько дольше задержался у дымовой трубы. Вскоре выяснилось, что приехал на постоянное место работы в коммуну заместитель начальника по хозяйству Степан Акимович Дидоренко. Он чекист, направлен Правлением ГПУ в помощь Антону Семёновичу. Среднего роста, лет под тридцать, немного сутуловатый. Лицо приятное с прищуром серых глаз. Гладкие русые волосы зачёсаны назад. Такую причёску у нас называли «политика». Слушая Соломона Борисовича, он часто поправлял её, приглаживая пальцами вместо гребня. Кроме Когана и Кравченко, Степана Акимовича сопровождали комендант Мошанский, снабженец Орденац.

Осмотрев производство, перешли к внутренним помещениям.

В арьергарде появились пронырливые следопыты Вася Коломийцев, Вася Луций, Витя Торский. Их интересовало «кто», «что» и «зачем».

В главном корпусе Соломон Борисович показал столярно-механический цех, охарактеризовав станки, представил мастера Полищука как компетентное и ответственное лицо. После пристально-внимательного осмотра всех помещений и оборудования Степана Акимовича сопровождали

в кабинет начальника. Вошли только взрослые и дежурные по коммуналке. Сопровождающие «лица» остались в коридоре, в общих чертах осведомлённые о новом заведующем хозяйством.

– Вася, а как ты думаешь, спецовку он может достать? – пропихнул Коломийцев, обращаясь к Луцкому.

– Так тебе, Малярик, сразу и достанет! Ему также гроши нужны. А гроши у Соломона Борисовича, – резонно отпарировал Луций, потирая пальцами, как бы пересчитывая монеты.

Васю Коломийцева за тонкий голос и общую subtilность любя называли Маляриком.

– У него ромб! Може и грошей достать! – вмешался в разговор Торский.

– Где?

– У куркулей. Если хорошенько трахнут – дадут и не пикнут! – развивал свои мысли Витька.

– А может! – согласился Луций, – он дядька строгий! Собрав информацию, тройка заговорщиков побежала делиться новостями.

В универсальном изокружке атаковали Виктора Николаевича. По нём соскучились. Наперебой рассказывали московские новости. Сюда несли игрушки, сувениры, краски, карандаши, лобзики, дефицитный клей, цветную бумагу, чертёжные приборы, цветную тушь и другие богатства, остро необходимые в повседневной работе. Терский молча, благодарными глазами обозревал сокровища Шахерезады, прикидывая, что можно теперь сделать.

Художники взахлёб описывали шедевры Третьяковки, на своём жаргоне толковали об игре света и теней в картинах, о яркости и долговечности красок, о формах изображения природы и людей, о стиле и манере письма.

Когда поток рассказов пошёл на спад, Виктор Николаевич торжественно открыл пристенную штору. Опираясь на лёгкую пирамиду, выстроились ореховые удилища. На столике – вся рыбацкая снасть: крючки в коробках, грузила, поплавки, лески разной толщины, садки и подсадка. Это большой сюрприз. Мы всегда нуждались в рыболовной оснастке и вот всё перед нами, да ещё в таком количестве.

– Ура Виктору Николаевичу!

– А когда на рыбалку? Куда? – вразной затараторили не только рыбаки.

– Да хоть сегодня! После обеда!

– Ура! – ещё раз грянуло рыболовное общество. Немедленно командировали копать червей для насадки Глебова и Колю Гонтаренко. Остальные принялись готовить удочки.

За обедом торопились. Со столов собрали мякиши хлеба. У Виктора Николаевича оказался варёный картофель на карпа, кубики из пшённой каши на язя и в стеклянной банке мухи на верховодку; но он посетовал, что не успел поймать мышь на щуку, а воробья на сома.

– Мы сейчас, Виктор Николаевич! – бросились несколько добровольцев в открытую дверь, но Терский остановил их:

– В другой раз, товарищи. Сегодня в программе пескари, краснощёры, сазаны, язи, плотва и окуни – набор для ухи.

Одни названия кружили голову. Скорее на реку! У входа стоял Русаков с походным котлом и вёдрами. За поясом торчали два ножа, из московского набора, в вёдрах соль, несколько луковиц, специи для ухи и хлеб.

Рыбак рыбака видит издалека. Карпо Филиппович с полуслова проникся нашими заботами и тут же дополнил нашу экипировку «чем бог послал».

Старшая хозяйка открыл таинство экспедиции. Вокруг него собралась толпа, посыпались вопросы, шутки и остроты: «На какой полюс собрался, на кого оставил наследство?» На выручку сомкнутыми рядами явилась вся группа с удочками. Сомнения скептиков рассеялись.

– А нам можно? – попросились несколько девочек.

– Некогда, вы собираться долго будете. Но Виктор Николаевич всё же согласился взять и девочек, с условием, если они будут тихо вести себя.

До речки версты две, а до заветных тихих заводей, вдали от многолюдия, и все четыре.

Впереди широко шагал Виктор Николаевич, несоразмерно возвышаясь в окружении несмолкавших девочек, за ним Русаков с котлом за плечами и ассистенты с вёдрами.

Спустились с горы и вступили в хуторок с редко разбросанными хатками. Вскоре вышли на шлях, ведущий в сёла Большую Даниловку, Цыркуны, Тишки. Он прямой и широкий. Пройдя полверсты, остановились у колодца с древним дубовым крестом. На нём икона-миниатюра богоматери с младенцем. Колодец окружили могучие вербы, склонившись ветками к кресту и скамейке. При помощи журавля зачерпнули цебарку воды, напились по очереди и пошли по узкой тропинке направо от Шляха в поле.

Под щедрым солнцем наливался колос высокой ржи. Над нами в синей глубине неба заливался трелями невидимый жаворонок. Где-то рядом пересвистывались перепела, как бы выговаривая: «Жить хочу, жить хочу!» Во ржи синели васильки, привлекая любительниц венков. Нас оживлённо сопровождали зелёные кузнечики, издавая шелестящие звуки. На миг показалась мордочка суслика и тут же спряталась.

Вдали кудрявилась кручёная полоса зелёных деревьев. Река Лопань, укрытая могучей защитой. Вдалеке сильные голоса выводили украинскую песню «Ой, хмелю, мой хмелю». Воздух издавал пряный аромат умытого поля, трав и цветов... В воздухе и на земле торжествовала жизнь, извечная и прекрасная. Мы были счастливы правом на эту жизнь, от того, что греет солнце, поют птицы и люди, пахнут цветы, что вокруг мир и тишина, а мы так молоды, свободны, и всё ещё впереди.

Поддавшись соблазну, запели и наши девчата «Ой, не ходы Грицю». Выделялся серебром голос Любы Красной. Ей вторила Женя Вехова. Обе солистки коммунарского хора.

Река совсем близко. Мы укрылись в тени и сквозь чашу деревьев увидели песчаные отмели, крутизну правого берега и блеск волны. Остановились на открытой части берега. Старательно выбирали места, осматривая реку и вверх по течению. Разобрали удочки. У некоторых счастливых оказалось по две. Говорили тихо, сдерживая волнение. Разделили приманку. Девочки от червей отказались, брезгливо кривя губы. Им дали хлебного мякиша.

Я выбрал место в зарослях кувшинок, прикрытое с берега ивняком. Тишину всполюшила армия лягушек, дружно плюхнувшихся в воду.

Выбрав свободное от водорослей окно, забросил удочку. Немного прыгав, красные поплавки успокоились. Настало время священного ожидания.

Справа, через заросли я увидел соседа и осторожно подошёл к нему. Он посмотрел на меня с неудовольствием. Судя по всему он чувствовал себя неловко из-за крайне скудного улова.

На расчищенном месте от него веером расходились 7-8 удочек с бамбуковыми удилищами, импортными лесками защитного цвета и добротными поплавками. Не желая раздражать неприветливого коллегу, я вернулся к своей паре простушек. Подняв одну из удочек, я заметил, что насадки – крупного хлебного мякиша на крючке уже не было. Пока я налаживал свой снаряд, поплавок второй удочки дёрнуло вниз и плавно повело по поверхности. Я мгновенно подсёк. И тут, как в рыбацком рассказе: удилище изогнулось в дугу – вот-вот переломится! Я от волнения весь растерялся и сам машинально последовал куда увлекала меня невидимая добыча, т.е. в реку.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы не подоспел Терский. Он отчаянно ринулся в водоросли и перехватил леску. Вокруг его фигуры забулькили грязные пузыри. «Подсадку!» – закричал благим матом Виктор Николаевич. На крик бежали ребята, распугивая всё живое.

Передав конец лески в дрожащие руки Глебова, Виктор Николаевич с головой скрылся в воде. За ним последовал Дорохов. Все стоящие на берегу замерли в шоке.

Мой сосед был уже рядом. Он говорил что-то, мученически жестикулируя и закусив губу, выдавил утробным голосом: «Не уйдёшь, кореш!»

И вот добыча на берегу – крупный экземпляр серо-серебряного сазана. Добычу оттащили подальше от берега и вытряхнули на траву. Сосед долго не мог оторвать глаз от пойманного красавца и вдруг, посмотрев на меня, жёлчно изрёк: «Бывайт и слепой курица найдёт золотой зерно». Все мы поняли, что это иностранец, и смеяться над ним не стали.

Оправившись от первых впечатлений, мы перевели взгляд на Терского, главного героя этой необычной схватки. Дон Кихот – мелькнуло у меня в голове, настоящий Дон Кихот Ламанчский. Его глаза светились блаженством.

Практичная Нина Курьянова определяла в руках вес полууснувшей рыбы.

– Кил пять будет! – авторитетно определила она и передала, как на подносе, Русакову.

– Пять не пять, а три потянет, – уточнил Русаков, подбрасывая рыбу двумя руками.

На моём старом месте оставаться не было смысла. Новое место обрывистое и глубокое, «Смотри, сома не зацепи, утопит», – предупредил Дорохов. Сомы я не поймал, но везло мне в этот день крупно. Ловилась плотва, не крупные, но сильные язи, даже несколько линьков. Они пачкают руки липкой слизью и очень живучи.

Мухами занимался сам Виктор Николаевич. Длинными музыкальными пальцами он ловко извлекал их из банки и одним движением насаживал на крючок. Но ловилась у него почему-то одна верховодка. Глебов, стоя по колено в воде на песчаном перекате, почти непрерывно бросал на берег крупных пескарей.

Задымил костёр. Старшая хозяйка вступил в обязанности повара. Нашлись помощники из неудачников по добыче – Гришка Соколов, Мезяк, Островерхов и Шейдин. Они по заготовке хвороста. Чистили рыбу девочки – Бобина, Курьянова, сёстры Красные – Люба и Роза, Вехова. Пристально рассматривали верховодок – нет ли у них во рту мух. Обнаруживая, вздрагивали, морщились и пищали. Свободные от кухни пошли купаться.

Прыгали с крутого берега, ныряли, брызгались. Отдыхали на горячем песке. Лучшие пловцы Певень, Козырь, Дорохов, Сергиенко, Сергей Соколов – тайно наблюдали за начинающими купальщиками. Совсем не умеющих плавать не оказалось.

Возле костра Виктор Николаевич рассказывал забавные истории из жизни рыбаков и охотников. Все сюжеты из «Барона Мюнхгаузена» он, не моргнув глазом, приписывал себе. А на костре уже закипала уха. Её верхний слой покрылся блестящим жиром. Уху пробовали на соль и специи. Русаков не допускал демократии в кулинарии и руководствовался только своей дегустацией.

– Мало? – добавишь в свою миску!

– А что если много? – певуче тянула Люба.

– Отбавишь! невозмутимо ответил повар, за это я отвечаю.

– Но у нас одна миска на двоих, – справедливо заметил Виктор Николаевич, – как тут быть?

Русаков поскрёб затылок.

– Подбирать партнёров по вкусу! – ответил за него находчивый Панов и посмотрел на Грушеву. «Мухе» Грушеву дали миску на одного. Он согласен с любым вкусом. Кроме того, «забил» на добавку. К несчастью, его личный улов не компенсировал запроса.

Юшку сербали, не нарадуясь, и не по одной миске. Большинству Русаков угодил, его хвалили вместе с ухой и тут же подставляли посуду.

Вечером в воздухе повеяло речной прохладой. Над водой пополз туман. Будто сговорясь, дружным хором открыли концерт лягушки, натужно раздувая пузыри. Перед дорогой ещё раз искупались.

Домой несли трофеи. Русаков сэкономил из общего улова штук 20 стандартных краснопёрок и головлей для Карпа Филипповича и уложил их в ведро с крапивой.

Опытные рыбаки считают, что в крапиве рыба долго не теряет свежести.

Шура Гуляев в банку Терского пустил медно-красных ленёчков для своего аквариума. Девчата украсились венками и букетами из васильков. В лучах заходящего солнца они походили на сказочных фей.

Дав небольшой круг, пошли через село Большую Даниловку.

Люба отстала от кампании и вступила в переговоры с какими-то старушками. Слышим – зовёт: «Идите сюда! Бабушка хочет угостить вас!»

Вышло так, что кто-то подсказал бабушке попросить нас о помощи в сборе урожая. Мы, разумеется, сразу согласились.

Появились ведёрки, круглые плетёные из лозы корзинки. Любу назначили приёмщицей. Виктор Николаевич дал установку принимать вишни по счёту.

Разделились по два человека на дерево. Соседи и прохожие дивились дружной бригаде, живописно облепившей сад. Как мы ни старались, а девочки побеждали. Их корзинки наполнялись быстрее.

Не прошло и получаса, как все ёмкости заполнились.

– Ой, спасибо ж вам, дитки, дай вам бог здоровья! – суетилась старушка. Она сама насыпала в наши вёдра «гостинцы». От оплаты мы, конечно, отказались.

– Кто ж вы будете, чи часом не з коммуны?

– А тож, бабуся, з коммунии, – в тон ей подтвердил Семенцов, рассматривая бабушку с загадочной улыбкой и спросил: «Бабуся, а вы царя бачили?»

– Не бачила, ката, хай вин проклятый, а чула – силу людей постриляв!

В это время подошла другая старушка. Она протянула нам огромную миску с варениками.

– И вы за пролетариат? – спросил Ваня весело.

– Частуйте, добри люди. Це мы зварили на всю симью, а паны не приихали! – не расслышала вопроса. Вареники поданы из русской печи в парах, вишни без косточек. Это были настоящие украинские вареники, щедрые размером, брызжущие горячим соком. Им позавидовал бы и гоголевский Пацюк. Поправ закон этикета, они взлетали из миски короткими траекториями гораздо проворнее, чем у ленивого Пацюка. Их подмели до единого.

– Бувайте ще у нас. И моя сваха просила оказать помощь. Вонай поросся заколе, – якщо ваша ласка! – бойко заохтила старушка, махая на прощание рукой.

– Неплохо поработали, – подвёл итоги Дорохов, взвешивая два вёдра вишен.

– Будет нам от Антона, если узнает. У него подработаеть, – тихо сказал Глебов, чтобы не слышал Виктор Николаевич. Точно же скажет: «В батраки нанялись, шляпы!» – да и влепит по пять нарядов.

– Вот будет дело, если Виктора Николаевича потащут на середину! – представил Гуляев.

– Да он под лампочку не влезет. Да и виноват не он. Нас же Люба звала. Ей и объясняться, – «успокоил» Глебов.

– Свалим на «Муху». Кто больше вареников слопал? Нехай отдувается!

Грушев по-ишачьи тащил котёл, не подозревая о коварном заговоре.

На Шишковке встретились знакомые. Нас окружили, расспрашивали о Москве, договаривались о встречах и погордились тем, что Соломон Борисович разрешит дать электросвет селу... Столбы и электроматериалы за счёт жителей.

Минули пограничный яр и вошли в коммуны с тыла. Первой встрети-лась Оля Мейер – большеглазая, пышнокудрая брюнетка лет пятнадцати. Она рассказала все новости за день и главная из них та, что коммуны посе-тила комиссия из Наркомпроса. Она была долго и мучала Антона Семёно-вича разными дурацкими вопросами: «А где же ваши беспризорные?». Вы их не возили в Москву?» – Антон как гаркнет: «Вот они, перед вами! Все были в Москве, только вчера вернулись!».

Ольгу одарили вишнями и направились в изокружок. Удочки поставили в пирамидах до следующей рыбалки. Вишни разделили и разнесли по па-латам на всех. Больше при делёжке досталось девочкам и малышам... Линьков пустили в просторный аквариум. Они опустились на дно, хлопая жабрами, набираясь сил. Во время нашего отпуска Елизавета Фёдоровна Григорович заботилась о рыбах и поддерживала обычный порядок в био-кружке.

21. РЕКОНСТРУКЦИЯ

Прошло несколько дней. Совет командиров разработал промфинплан до конца третьего квартала. Наш отпуск обошёлся в копеечку. Из отчёта Когана стало ясно, что все наши валютные запасы ушли на покупку и на приобретение станков и материалов и что на счету у нас пусто.

- Всё из-за вашей трубы, – съязвил Фомичёв, – хоть побирайся.
- Ведь вы же сами требовали! А доктор довёл меня до чёртиков! – вскипел Коган.
- В промфинплане на первом месте маслénки Штауфера, как наибо-лее доходная статья, кабинетная мебель для харьковских институтов, большая партия кресел, стульев, вытяжных шкафов.

Для пошивочного – неограниченный заказ трусиков, ковбоек и юнг-штурмовок. Не потеряли спроса кроватные углы – только работай! В целях экономии в никелировочном уволили мастера Шнайдера, передав комбинат в руки его конкурента Света.

При известии о падении Шнайдера Свет мягко опустил ресницы. После долгих дебатов пришли к решению: до начала учебного года работать в цехах по шести часов. Токари-комсомольцы приняли встречный план по выпуску маслénков и по монтажу новых станков.

Неожиданное случилось при распаковке. Из первого раскрытого ящика показался ржавый хлам в виде патронов, кулачков, шкифов, суппортов, похожих на запчасти. Токарная бригада ахнула. Всего ожидали, но не рухляди. Нет сомнений, что это добро подобрали на свалке. Когана поймали в отделе снабжения. Он вошёл в окружении конвоя, начинённого взрывчаткой.

– Что вы нам подсунули, Соломон Борисович! Это станки? С какого кладбища? – захохотал Певень.

– Это издевательство, – не выдержал и спокойный Юдин. Им без дня сто лет, только что название бельгийские!

– Где же я возьму новые и за какие средства? – осторожно парировал Коган, – воззрившись на «чудеса». Было видно, что его самого кто-то крупно надул.

– Дорогие мальчики, мы их отмоём в керосине, соберём и будем работать, вот увидите! Они были в плохих руках. Мы хорошие хозяева и заставим их работать, они ещё скажут своё слово! Подшабрим станины, а остальное мелочь! Придёт время и на этом бруксе вы заработаете новые. Разве я не разделяю ваши чувства?

Коган говорил голосом усталого человека, сознавая какую-то вину перед нами, потому что он взрослый человек, ответственный инженер, но поставленный в жестокие условия нищеты.

Его незащищённость тронула бунтующие души токарей: стало неловко на чём-то настаивать, демонстрировать, требовать.

– Извините, Соломон Борисович. Попробуем возродить что можно, – примирительно сказал Юдин. Он выдержан, увлекается книгами, на хорошем счёту как производственник. О нём говорили, что он голова, а у Виктора Николаевича главный конструктор по «перпетуум мобиле».

Для особой операции выпросили дефицитные тряпки. Время не ждало. Ежедневно на фундаменты втаскивали по одному–два станка, освобождённых от грязи и застарелой ржавчины.

Опытный Шевченко руководил монтажными работами. Появилась новая линия станков, впряжённая в трансмиссию. После шабровки станин и отличной скоблёрки они выглядели обнадёживающе. Из столярного цеха пришло пополнение. Сюда пожелали перейти Семён Никитин, Володя Козырь, Ермоленко, Оноприенко, Шейдин, Колесов. Совет командиров утвердил их заявления. В столярном их места заняли пацаны из сводного отряда. Задымила новая труба с хорошей тягой. Это была двойная победа: Когана и Николая Шершнёва. Доктор довольно потирал руки: «В-в-видали, а что я-го-во-р-рил. Н-не травит клоп-пов и баста!»

Жизнь коммуны вошла в привычную колею. Утро начиналось с физзарядки в палаточном городке. Атлетическая фигура Калабалина служила примером для подражания.

Мне тоже захотелось стать сильным и ладным, как Семён. Копаюсь в библиотеке, обнаружил небольшую книжку под названием «Моя система». Там описывалась история автора, слаборождённого ребёнка, весом два фута. С самого раннего детства принялся за спорт. В книге приведены комплексы физических упражнений и фотографии атлетов, достигших физического совершенства в результате систематических занятий. Сам Мюллер был чемпионом многих соревнований по гребле, бегу, прыжкам. В возрасте 59 лет пробежал по снегу 11 километров.

Это была своевременная находка. Я принял её как повседневное руководство. Вставал в пять часов утра. До сигнала на подъём проделывал все упражнения. Заканчивал холодным душем и растиранием.

Вскоре ко мне присоединился Коля Гонтаренко, а за ним и другие мученики, безропотно выполнявшие весь ритуал. После гимнастики бегали, доводя дистанцию до пяти километров.

Заметив наши старания, Семён Афанасьевич – так стали его называть после Москвы – освободил нас от общей зарядки и в свободное время учил прыгать в длину и в высоту, метать копье, подтягиваться на турнике.

– Ой, хлопцы, та з вас же люды будуть! – сверкал весёлой улыбкой после каждого нашего успеха.

Короткий сон в обеденный перерыв восстанавливал. А силы были нужны. День уплотнён. От подъёма и до отбоя подчинён законам режима.

Я отчётливо начал понимать наше положение. Сто пятьдесят друзей-товарищей должны ежедневно обеспечить чистоту помещений, двора, парка и сада, следить за своей внешностью не для показа делегациям и комиссиям, а для самих себя потому, что так лучше и удобней жить. Восемь часов на работу в цехах и школу, чтобы обеспечить материальный достаток коммуне. Участие в самоуправлении, в комсомольской работе, в ритуалах военизации, в общих собраниях, комиссиях, кружках, в оркестре, в подготовке и проведении праздников, военных игр, спортивных соревнованиях, встречах гостей из разных городов и зарубежных стран.

Жили под старым колониальским девизом: «Не пищать!». Жёсткие требования даже в мелочах входили в привычку, становились обычной нормой жизни. Крошка хлеба под столом была уже поводом для рапорта.

Благополучие всех направлялось светлой головой и непреклонной волей Антона Семёновича. Это был мозговой и организаторский центр коммуны. От него тянулись линии актива и других помощников. Именно поэтому у нас не было неразберихи, суетни, мышинной возни.

В размахе соревнования в токарном цеху появились «родимые пятна». Были замечены четверо тружеников из новеньких, которые до того увлекались выполнением норм, что в столовой наспех проглатывали пищу и раньше всех бежали в цех. В инструментальной кладовой выклянчивали лучшие резцы с тугоплавкими пластинками «победит», ругались с мастером за расценки, торговались, канючили. В спешке делая брак, старались его сплавить, торгуясь в ОТК, когда он обнаруживался. В литейном первыми захватывали маслёнки из лучшего литья при попустительстве и, как выяснилось, при содействии мастера Ганкевича, не интересуясь, что достанется другим.

Молча стоя за станками, они с каким-то болезненным наслаждением любовались растущими горками обработанных маслёнок. В отряде жили обособленной жизнью. Книг не читали, от общественных дел уклонялись.

Бригадир токарей Певень записал их в рапорт: «Прошу разобрать поведение рвачей на производстве» – Шейдина, Колесника, Портного и Бело-стоцкого.

Общее собрание столкнулось с щекотливым явлением. Обвиняемые, став на середине в картинные позы, виновными себя не считали.

– Можно мне? – попросил слово Антон Семёнович. Чаще всего он выступал в заключение или когда, по его мнению, нужно было придать дискуссии другое направление.

– Товарищи! Вот стоят наши товарищи. В самом деле – за что они страдают? Трудятся не хуже других, нормы перевыполняют, станки берегут. Позавидовать можно!

Собрание насторожилось. Куда-то повернёт сейчас Антон Семёнович.

Он продолжал: – А завидовать нечему. Они потеряли главное – цель! За что они так стараются? Почему раньше других бегут в цех и позже всех уходят с работы? Хотят побольше заработать себе. Но разве мы против? О себе забывать нельзя, только ведь собственным интересом жив не будешь. На чьих станках они работают? Кто их кормит и даёт кров? Наше общество! Наш коллектив! Конечно, люди они не потерянные. Но сознание у них не вполне советское. Предлагаю всех перевести в отряд новеньких. Пусть попробуют всё сначала.

В этот вечер раскритикованные «старатели» перебрались к новеньким. Командир отряда Василь Фёдоренко предупредил: «Щоб такого не похотрлялось!».

Вопросов не задавали. Было и так ясно: реставрации капитализма Вася не потерпит.

К концу августа закончили ремонт главного корпуса. Два отряда девочек перешли в большую спальню, которую до этого занимал отряд малышей. Столяры подарили новосёлам полированный стол улучшенный выделки. Степан Акимович водворил в девичьи чертоги недорогое трюмо и ковёр-дорожку, не состоявший в каком-то родстве с турецким.

Командир отряда малышей Крымский передал своих подопечных Фёдоренко, а сам перешёл в столярно-механический.

Фёдоренко повёл дело по-своему. Он раздобыл новый уборочный инвентарь, достал спецовки по росту, по-хозяйски обставился в новом помещении.

Особое внимание он уделял «старателям», из которых предстояло выветрить старый дух.

В спальне он разместил их по разным углам, в наряды посылал в разное время, умышленно расшатывая корешовские связи. На работе тоже следил, чтобы «пижоны» как можно чаще бывали в приличном окружении.

По предложению Фёдоренко я занял пост его заместителя. Иногда представлял отряд и в совете командиров. В мои обязанности командир вменил громкую читку газет и «всю политику». Газеты читал перед сном, попутно объясняя «непонятные» места в той степени, насколько мне самому было понятно. За разъяснениями обращался к политруку Юрченко и поновому, внимательно слушал информацию Антона Семёновича перед началом киносеансов.

Вторым увлечением после спорта стало чтение книг. Увлёкся Джеймсом Оливером Кервудом. Одну за другой проглатывал его книги: «Там, где начинается река», «У последней границы», «Золотая петля», «Казань», «Сын Казаня».

Елизавета Фёдоровна посоветовала читать Джека Лондона, и он сразу стал моим любимым писателем.

Решив, что и других такая литература может воспитать, дал почитать Шейнину повесть «Белый клык». Вёл он себя отчуждённо, как напрасно обиженный, томился. Книжку взял неохотно в порядке очередной обязанности и положил в тумбочку. А вечером в спальне я застал его за чтением. Увидев меня, он поморщил лоб, смутился, но книгу не бросил. Читал про себя, шевеля губами и водил по строчкам пальцами.

Моя койка стояла рядом. Он протянул книгу и попросил почитать.

К нам подсели другие – из «политиков». Читали до позднего вечера.

Уже засыпая, я подумал, что чтение Шейнину даётся трудно, что ему нужно помочь и тогда он не будет злиться.

На следующий день мы отправились в лес. Шейнин читал, а я слушал и поправлял. От тяжёлого урока на лбу у Шейнина выступил пот, но прекращать урока он не хотел.

Шейнин был на год старше меня и, кажется, страдал самолюбием. Это был добрый признак. Раз злится – значит научится. Осилив первую книгу, он попросил дать ещё. Впечатлениями не делился, вопросов не задавал, но в глазах таяли какие-то льдинки.

Не все поняли, за что общее собрание наказало «старателей». Маленький Ваня Ткачук долго раздумывал и однажды спросил: «Вася, и мне нельзя, чтоб норму выполнять, да? На середину вызовут? И всем нельзя, да?». Фёдоренко засмеялся, дивясь этой святой невинности.

– Чудак ты, Ванька! Боны, як собаки, за кистку грызлыся. Той каже «моя», а той – «моя»! И кажный тяг до себя. Мы робимо разом для всіх – ты для мене, а для тебе. Теперь тямишь?

– А зарабатывать не стыдно? – потупился Ваня.

– Заробляй скільки можеш, та вчись добре, ходи в кино, читай книжки, грай в футбол и не ставай куркульскою занудою. Може в газету напишут, як про кращого ударника. Ось я тебе пошлю на дневальство Ивана Ткачука гляды мени, щоб не спав!

Фёдоренко поднял Ваню над головой, ласково подержал на вытянутых руках – расти коммунара человеком!

22. БЛАГОДАРНОСТЬ В ПРИКАЗЕ

К концу смены в «комбинат» прибежал запыхавшийся Алексюк и сразу ко мне: «Антон вызывает!»

Головка на тонкой шее, вспотевшие веснушки – всё выражало важность поручения. Вопросительно сверкнуло пенсне Света. Кивком головы он разрешил оставить работу. Я шёл и думал, что послужило причиной срочного вызова. В кабинет по пустякам не вызывали. Что-то случилось? Но что? Обидел кого-нибудь? Плохо работал? Опоздал в столовую? Алексюк шагал рядом, едва поспевая. Оставалось одно: услышать голос Антона Семёновича и увидеть его лицо.

Интонаций и мимики у Антона Семёновича было много. Я уже раньше заметил, что если он в гневе, то перед взрывом у него на подбородке появлялась маленькая резкая чёрточка.

Иногда какой-нибудь пацан «случайно» заглядывал в кабинет и тут же мчался оповещать всю коммуны: «Антон злой!» В коллективе сразу наступало состояние повышенной бдительности;

Какой он сегодня? – назойливо стучало в голове.

– А, будь, что будет! – решил я про себя, и постучал в дверь, вошёл.

Выражение лица у Антона Семёновича было спокойным. Чёрточки на подбородке я не заметил. На душе стало уютнее.

– Через час к нам пожалует польская делегация, – начал Антон Семёнович без стали в голосе. – У тебя вроде кто-то говорил по-польски. Ты что-нибудь знаешь?

– Бабушка говорила и немного отец.

– Нам нужно приветствовать гостей. Можешь сказать несколько слов? Что нужно сказать, считаешь вот здесь. Переведи, хорошо подумай и говори смело, как на общем собрании перед своими.

Он дал лист бумаги, написанный крупными буквами. Я прочитал текст и подумал, что можно сказать по-польски, если заучить по-русски.

– Не волнуйся, – успокоил Антон Семёнович, – Говори, будто перед тобой наши. Это ведь делегация рабочих. Одевайся в парадную форму. Гости будем принимать в строю.

Я побежал принимать дипломатический вид. Помылся, оделся и вышел в сад подучить текст выступления. На другом листе писал польские слова русскими буквами. Вначале всё казалось ясным. Но вдруг стали закрадываться сомнения. Где и как мне стоять, как держать руки, какие поляки из себя? Чем меньше оставалось времени, тем больше громоздилось тревожных мыслей. Мои терзания остановил сигнал общего сбора. Коммуна строилась. Загудели басы и баритоны, музыканты несли папки с нотами. Левшаков был при полном параде.

Под горой послышался гул автомобилей. Дежурные дали сигнал: «Едут!» Строй вытянулся симметрично, по обе стороны здания, разделённый парадной дверью. На башнях реяли флаги. Между ними ажурная сетка, на которой золотыми буквами имя нашего дома «Детская трудовая коммуна ГПУ УССР им. Ф. Дзержинского».

Надраенная медь оркестра, парадный строй коммунаров, яркие цветники, шикарные открытые машины, подъехавшие с гостями – всё это так на меня подействовало, что я совершенно потерял дар речи. Как пар, улетучились не только польские и русские слова, и вместо приветствия в голову лезла польская молитва: «Еден сын Мории, на небе крулье и на жеми пануе». В висках стучало: «...пануе, пануе...пануе...»

– А, чёрт бы вас взял! – выругался я вслух, вспомнив свою бабушку, которая утром и вечером твердила эту молитву.

Гости вышли из машин. Их встретил Антон Семёнович.

Все направились к площади, где стоял строй коммунаров. Делегация была большая, мужчины, женщины, даже дети. Появились фотоаппараты, нацеленные на строй и ближайшую панораму. После торжественного выноса знамени оркестр заиграл польский государственный гимн, а за ним – наш «Интернационал». После гимнов и звонков до боли в тишине я услышал голос Камардинова.

– Слово приветствия имеет коммунар...

Зная, что это касается только меня, я машинально вышел из строя и стал перед поляками.

На меня смотрели спокойные глаза Антона Семёновича. Как на большом плакате я начал различать в своей памяти слова. Мне захотелось скорее начать.

– Дроги госни! От стопеньдесерт дзечий коммуны Феликса Дзержинского, велького сына польского народу, горонцо витаы вас.

– Дорогие гости! Сто пятьдесят коммунаров-дзержинцев сердечно приветствуют вас в нашем доме. Мы носим имя великого сына польского народа и гордимся его именем. Мы учимся и работаем. Приглашаем вас познакомиться с нашей жизнью в коммуне. Желаем вам победы в Польше за рабочее дело. Да здравствует советско-польская дружба рабочих и крестьян!

– Всё, – подумал я, – пронесло. Поляки зааплодировали и громким хором возгласили здравицу: «Виват! Нех жие Польска и Звензек Радзецкий! Нех жие, виват, виват!» Подхватили меня на руки и начали качать.

Сто пятьдесят молодых глоток разразилось могучим «Ура». Оркестр грянул туш.

Когда мне удалось, наконец, принять вертикальное положение, посыпались вопросы:

– Пан есть поляк? З якого мяста? Чы давно пан знаходзище тутай? Гдзе ойцец и матка?

Я ответил, что я «естем» русский, а польский немного знаю от «бабци».

– Алек пан добже розмавя по-варшавски – ворковала пожилая пани, видимо не ждавшая встречи с «родичем». Но помощь уже подоспела: Ваня Ткачук и Люба Красная начали одаривать гостей роскошными букетами наших редких цветов.

– О, яке пенне, сченсливе дзенка, бардзе, дзенькуем!

Я чувствовал себя именинником. Безумно был рад, что выполнил особое поручение Антона Семёновича.

После вноса знамени Калабалин распустил строй и делегацию повели на осмотр коммуны... Хотя был переводчик, я по-прежнему оставался в центре внимания. Антон Семёнович хорошо понимал по-польски без перевода и я удивлялся, почему он сам не приветствовал гостей.

Делегацию сопровождала небольшая группа коммунаров с Антоном Семёновичем. Это был наш дипломатический корпус. Все остальные занимались своими делами, как в обычное после работы время.

Это были рабочие лодзинских фабрик. Почему они называли друг друга панами и меня в том числе, я не понимал.

Осматривая учебные классы, спальни, клубы, помещения кружков, выставки работ, они удивлялись нашему богатству. В «тихом» клубе задержались у бюста Феликса Эдмундовича. Внимательно осмотрели стенд с фотографиями. В вазе под бюстом стояли живые розы. Сбоку – почётный караул – коммунар с поднятой в салюте рукой. Все фотографировали.

Спустились по лестнице вниз к столярно-механическому. Попутно заглянули в уютную каморку биологов. Полюбовались аквариумом, потрогали руками засушенных бабочек и жуков, гербарий.

В цехах чистота. Станки с ещё тёплыми моторами после трудового дня имели довольно солидный вид. Их осматривали и тоже трогали руками, оживлённо переговаривались.

Только токари в свой цех не пригласили, не желая столкнуть поляков с «бельгийцами» Соломона Борисовича.

Во дворе на спортивных площадках всё вертелось и кружилось. Виктор Николаевич демонстрировал горлёт. Разгорячённые игрой, капитаны команд предложили поиграть гостям, но время визита заканчивалось и они, явно сожалея, отказались.

На прощание фотографировались группами вместе с коммунарами, благодарили Антона Семёновича за приём и воспитание таких ладных «хлопцув» и «дзевчынэк».

Меня одарили блокнотами и карандашами, цветными фотографиями, «цукерками».

В книге отзывов оставили запись своих впечатлений и все подписались...

У машин, окружённые провожающими, с большим подъёмом спели «Сто лят».

– Довидзенья! Бардзо дзенькуем! Чеками спатканя с панчеством, в Жечи Посполитый!

– Так, павне, товарищи, – ответил весело Антон Семёнович пожимая на прощание со всех сторон протянутые руки. Мне пожимали руку как взрослому, а пожилая «пани», растрогавшись, по-матерински прижала к

себе и сказала: «Бардзо дзенькуе дзецко, з цалэго серца! Ты мивый хлопак чи споткамыше ему в жичу?»

Гости уехали. Спало напряжение. Антон Семёнович подозвал к себе и, усмехаясь, сказал:

– А ты боялся! Не так страшен чёрт. Быть тебе дипломатом. А потом, обратившись к Камардинову, распорядился: «Благодарность в приказ!»

23. ДЕЛА УЧЕБНЫЕ

Прошло ещё одно благодатное лето. Вместе со всей детворой страны начали мы свой учебный год. Коммуна вошла в привычный ритм жизни: четыре часа учёбы и четыре производству.

Надели школьные юнштурмовки, достали забытые летом учебники и тетрадки, настроились на нелёгкую умственную работу.

Состав учеников пёстрый, как по возрасту, так и по знаниям. При всём старании учителей «подтянуть» отстающих некоторые всё же остались на второй год. Отметки выставлялись честно.

Обилие «колов» и двоек в журналах не злило и не обижало. Все знали, что на первых порах это неизбежно и что если постараться, то можно получить хорошую отметку. В трудных случаях пользовались индивидуальным репетиторством. Более подготовленные, как правило, старшеклассники, помогали более младшим по физике, математике, химии. К так называемым коллективным методам обучения: комплексу, проектам, бригадам и т.п. Антон Семёнович относился в высшей степени скептически. Многонациональному составу коммунаров трудно было усвоить украинский язык. Кроме русского языка и литературы, все предметы на украинском. Прежде чем понять сущность теоремы или закона, нужно мысленно обращаться к переводу. Закон Архимеда о телах: «тило занурене в ридину, втрачає своєї ваги стільки, скільки важить витеснена ним ридена» Зубрился как «Отче наш», без понимания. Искажения некоторых украинских слов, как «лямп-па», «кляса», «плян», «мапа» вызывали смех. «Мапу» отождествляли с «Мавпою» и строили на этом обезьяньи сценки.

Сплошная украинизация, сошедшая с «верхов», пахивала национализмом и ставила в тупик даже учителей.

Черчение преподавал Терский. Проводя на доске линию от точки «а» к точке «б», он говорил: «Вид крапци «а» до «крапци «б» Никакая сила не могла его заставить сказать правильно.

От его неправильных ударений, смягчения слогов там, где нужно произносить твёрдо и наоборот, всё время подмывало хихикнуть. Что касается остального, то здесь всё было безукоризненно. Черчение любили в комму-не стар и млад, а знания, которые получили у Терского, сразу шли в дело на нашем производстве.

Уроки украинского языка и литературы вёл Тимофей Денисович Тата-ринов. На его уроках мы погружались в чудесную атмосферу украинского колорита. Он много читал нам Коцюбинского, Леси Украинки, Тараса Григорьевича Шевченко. Поэмы «Сон» и «Катерина» мастерски исполнял на память, как настоящий актёр. Любил юмор и умел шутить.

– Ой, голуба сизокрылый, та де ж ты питаешь! Чи не пидеешь до дошки?

Во время занятий в классах царил образцовый порядок. Дежурные убирали класс, следили, чтоб всегда был мел, нужные пособия. О прогулах не могло быть речи. Опаздывающих отмечали в рапорте.

На уроках военного дела, можно сказать, отдыхали от «теории». Они проводились большей частью в форме практических занятий с трёхлинейной винтовкой, станковым пулемётом «Максим», противогазом и т.п. По топографии занимались на местности, составляли карты.

Математика Березняка побаивались. Взгляд у Константина Сидоровича был тяжёлый. Делая выдержку и как бы прицеливаясь, он выбирал кандидата на ответ к доске, а выбрав – резко стрелял указательным пальцем. В противоположность Бершетену Березняк читал на доступном нам языке. Не терпел зубрёжки. За шпаргалки сразу ставил «колы», но домашними заданиям не перегружал.

Перемена в помещениях проходила без крика и беготни, без возни и вытирания стен. Это удивляло посетителей коммуны из городских сфер просвещения. Бурсацкая вольница сдерживалась дежурными по комму-не, старостами классов и общественным сознанием бережного отношения к одежде и помещениям, которые всегда убирали сами.

Не в последнюю очередь напоминал об этом и кабинет Антона Семёновича. Все знали, что он противник «возни», а лишний раз стоять на «се-редине» и отхлопотать пару нарядов охотников не находилось. Такое пове-дение на переменах вошло в привычку. Разрядку застоявшейся энергии давали во дворе.

В отдельных случаях уроки вёл Антон Семёнович. Как правило, он сам подменял заболевших педагогов. Его уроки математики, физики, химии, черчения, рисования, русской литературы, истории всегда оставляли впечатление праздника. Его знаниям, казалось, нет границ, и мы смотрели на него как чуть ли не на волшебника.

Особенно интересны были его уроки по истории. Рассказывая об эпохе Петра Первого, он артистически перевоплощался в исторические образы окружения Петра и в самого царя. В рассказе перед глазами рисовалось жёсткое время дворцовых интриг Софьи Милославской, её расправа с Нарышкиными на глазах малолетнего Петра.

24. ЗДРАВСТВУЙ, ЗИМА

Минула осень, время мелких проливных дождей, шумных сборищ, нахотенных ворон, придавленных к земле серых раскисших печальных облаков.

Наступила снежная, с морозами зима.

Длинные вечера заполнялись бурной деятельностью в царстве Терского. Виктора Николаевича недаром называли творцом детской радости. В коммуне он был эпицентром целой системы «бессистемных» дел и занятий. В «громком» клубе, выбирая время, свободное от больших мероприятий: сыгровок оркестра, репетиций, устраивались занятия разного толка. Часто собирались у рояля. Он играл увлечённо, пальцы легко бегали по клавишам, вызывая звуковые вихри и кружа голову. Непокорный чуб вскидывался вверх, подчёркивая выразительность музыкальных фраз. Чёрные глаза светились огнём. Неподалёку, прямо на полу, возились мудрые «военные стратеги». Они всё с тем же Терским. Шахматисты сидели по углам, отрешённо ломая голову над этюдами.

Иногда Виктор Николаевич рассказывал. В эти часы вокруг него собиралась чуть ли не вся коммуна. Круг его повествований охватывал не только сказки. Тут были мифы, былины, народные сказки, легенды, истории боевых подвигов. От давних подвигов переходил к сегодняшнему дню, героике гражданской войны с её легендарными полководцами – Чапаевым, Котовским, Щорсом, Будённым.

Слушали до полного изнеможения, и только «не подлежащий обжалованию» сигнал ко сну прекращал эту дивную мистирию.

В «тихом» клубе собирались литкружковцы. Вела кружок преподаватель русского языка Вера Георгиевна. Здесь углублённо изучалась русская и зарубежная классика, делались наши первые неуклюжие пробы пера. В своей среде мы искали Чацких, Фамусовых, Молчаливых. Общественное мнение выражалось фразой «Что скажет Марья Алексеевна!»

Наметились свои поэты и прозаики – Вася Зайцев, Сватко, Шура Гуляев, Миша Борисов. Признанный редактор газеты Санька Сопин бойко строил репортажи, а Вареник рассказы. Кружковцы издавали рукописный журнал «Заря». В библиотеке на него всегда была длинная очередь. Сатирики и юмористы снабжали материалом злободневные газеты «Резец» и «Шапошку».

Литературные вечера обогащали словарь, расширяли кругозор, повышали общий культурный уровень.

Варвара Фёдоровна Татаринова занималась с географами. Она устраивала интересные «путешествия» по странам, отправляясь то в сказочные тропики, с их чудесами животного и растительного мира, то на далёкий север, то к недосыгаемым вершинам гор. Рассказывала истории путешественников, открывавших в разные времена новые земли, далёкие острова в океанах. их столкновения с природой и людьми, нередко заканчивавшиеся трагической гибелью. Доходчивы судьбы русских первооткрывателей и мореплавателей, покорявших огромные пространства Сибири, Дальнего Востока, северных рек и морей. Из её рассказов мы начинали понимать, что не всегда наше государство было таким обширным, с огромной протяжённостью границ на суше и на воде. Мы узнали о первых переселенцах открытых земель, мужественных русских людях, брошенных в неведомые края на борьбу с дикой природой и с «супостатами».

Вечера «путешествий» Варвары Фёдоровны, помимо описательной занимательности и развлекательного жанра, были хорошим дополнением к её урокам в классе.

Кинофильмы собирали всех вместе. Ещё не было звука. Пояснительные тексты на экране читал сам Антон Семёнович. Курянчик оживлял немые фильмы, играя на рояле. Смотрели «Броненосец Потёмкин», комедийные фильмы с Чарли Чаплиным, Игорем Ильинским. Популярными артистами были Гарольд Ллойд Бэстер Кетон, Гарри Пиль, Мэри Пикфорд, Вера Холодная, Ната Вачнадзе. «Процесс о трёх миллионах», «Закройщик из Торжка», «Кукла с миллионами» смотрели по нескольку раз, получая хорошую разрядку от нервного напряжения. Хорошо принимались детективы: «Робин Гуд», «Знак Зеро», «Сын Зеро» и т.п. Фильмы показывали два раза в неделю.

Для развития театральных талантов Антон Семёнович приглашал артистов харьковских театров. Они читали нам стихи Светлова, Уткина, Бзыменского, Маяковского, басни Демьяна Бедного. Ставили короткие сценки по мотивам Остапа Вишни, Зощенко, Ухналя. На злободневные темы выступала «Синяя блуза». Пели сатирические куплеты, пробирая до костей

западных цивилизаторов. Мастера массовок активно привлекали к участию весь зал. Концерт заканчивался массовой песней артистов и зрителей.

Зимние выходные дни проводили во дворе. Особенно многолюдно было на катке. Сенька Никитин, Володя Козырь, Волчек, Анисимов, Перцовский, Чарский показывали на льду фигуры высшего класса.

Лыжные вылазки были ещё более массовыми. На стадионе нас принимали как своих и наша лыжная команда была самой большой и официально именовалась «спортколлектив 7». Её капитана Семёна Калабалина награждали за наши зимние победы золотыми часами.

25. В ОБЩЕМ РИТМЕ

Каждый день заполнялся новыми важными событиями. Страна оделась в леса новостроек. Советские люди, наши отцы, старшие братья и сёстры устремились на грандиозные по масштабам стройки – Днепрогэса, Магнитки, Харьковского тракторного, Сталинградского тракторного заводов, Кузнецкого металлургического гиганта, завода комбайнов «Коммунар» и многих других. Мы остро нуждались в освобождении от экономического гнёта извне и отдавали свой хлеб, жизненно необходимый для себя, в обмен на технику и механизмы иностранных кампаний. А пока – в ходу ручной труд с киркой, лопатой, тачкой. Вышли на колхозные поля первые тракторы Путиловского завода. Первые тракторы первых в истории колхозов. Решение партии по ликвидации безграмотности давало зримые результаты. Открывались школы, ликбезы, рабфаки.

С нашей горы, через открытое равнинное пространство мы любовались электрическими огнями «Тракторостроя». Каждый успех, достигнутый народом, коммунары воспринимали как своё самое кровное дело. Всем хотелось поскорее стать взрослыми.

Над нами шефствовал огромный коллектив завода ВЭК (ныне Харьковский электромеханический завод имени В.И. Ленина). Мы часто ходили в их клуб «Металлист» на праздничные встречи. Коммуну посещали рабочие Баку и других городов. Как строгие хозяева, они осматривали все наши богатства, подсказывали, как работать ещё лучше.

Выполняя промфинплан, мы десятками тысяч выпускали маслénки. Они требовали квалификации токаря. Обтачивался корпус снаружи, нарезалась внутренняя резьба. В крышке нарезалась резьба и точно подгонялась по корпусу. В штоке крышки сверлилось отверстие. Крышка, свободно завёрнутая по резьбе, не должна болтаться и давать «люфт».

Для резьбы в «гитаре» станка настраивались шестерни. Бывало, что «гитара» расстраивалась и труд юных токарей шёл насмарку.

– Соломон Борисович, ну що це за потвора така, – гарчить, як собака, аж страшно підходити! – отчаянно говорил Оноприенко, вытирая об живот руки.

– Гарчить? Надо смазать, детка, бо не смажешь – не поедешь!

– Так я вже её дехтем залыв, так хіба ж воно понимає? Гарчить и плямкає!

И всё же наша производственная машина крутилась. Продукция шла, украшая диаграммы промфинплана солидной прибылью. Заказы шли нескончаемым потоком.

Воодушевляла перспектива, поставленная Антоном Семёновичем, – строительство нового завода. Он, как никто, понимал, что кустарное производство Соломона Борисовича – временная мера и средство, чтобы создать настоящее дело, необходимое для высокой квалификации коммунаров, трудового воспитания высокой точности.

На труд с предельной самоотдачей вдохновляла и перспектива крымского похода, которая становилась всё ближе. Прошлогодние сторонники Крыма чувствовали себя в центре внимания. Девизом всей жизни стала бережливость. Экономили на всём: на одежде, спецовке, школьных принадлежности, на всех мелочах. Даже для меди оркестра не покупали пасту.

Режим коснулся и питания. В маленьком кабинете, над лестницей к столярно-механическому цеху, ранними утрами Степан Акимович собирал мудрецов-снабженцев – Орденанса, Мошанского, Сыча. Ещё подходя к двери, у Сыча срабатывала защитная реакция. Его шея тонула где-то в глубинах организма, задерживая буйную голову на прямых плечах. Лицо Орденанса покрывалось пунцовым румянцем. Достоинно держался Мошанский, приглаживая по привычке символическую причёску и покашливая. Он, кроме всего, – комендант!

Их с порога встречал прищуренный взгляд, малиновые петлицы и на них такие маленькие ромбики! Непродолжительный разговор начальника касался больше продовольственных тем и больше по обеспечению мясом. Можно и в живом виде. И заготовительные операции совершались, главным образом, в необобществлённом секторе окружающих деревень и на Харьковских бойнях. Совершались как прямые сделки «по рукам», так и «продразвёрсткой». Дело тонкое и не всегда успешное.

Иногда, выслушивая трудное красноречие Орденанса с пояснениями острых ситуаций, Дидоренко слегка, но выразительно хлопал ладонью по

столешнице. Шёлковистая причёска откидывалась назад. Открытый прищур неотрывно скользил по смиренным лицам верноподданных, выискивая за- таённые резервы.

Бывало, отыскивая в карманах френча документы, он вместе с ними невзначай выкладывал на стол свой маленький блестящий пистолет. Сич позже всех усваивал всякого рода «азы», но тут из кабинета выходил пер- вым.

В столовой стали реже появляться пундики. Их запах и румянец как-то изменились, потемнел цвет. Карпо Филиппович напрягал всё своё искусс- во, выжимая максимум питательного эффекта из тощих вегетарианских блюд.

26. ИЗГНАНИЕ

Весной коммуны взбудоражила недобрая весть. В первом отряде у Ни- китина пропал радиоприёмник. О случившемся командир доложил в рапор- те.

Воровства давно не было. Жили в обстановке доверия, друг от друга не прятались и вдруг как гром среди ясного неба.

– Поищите в спальне, поспрашивайте ещё, – досадливо сказал Ан- тон Семёнович, не приняв, видимо, всерьёз этой необычной информации.

– Уже искали. Всё перешарили и всех опросили.

– Тогда общий сбор! – распорядился Антон Семёнович. Клуб запол- нялся быстро. Председательствовал дежурный по коммуне Иванов. Это наш кандидат в мединститут. Очень авторитетный командир, хороший об- щественник, один из лучших производителей. Антон Семёнович сразу же попросил слово. Такое случалось редко. Обычно он выступал «под за- навес».

– Товарищи, у Сани Никитина пропал приёмник. Дело не только в том, что обидели товарища. Кто-то из сидящих в этом зале сознательно, цинично пошёл против наших законов, наступил грязным башмаком на на- ши традиции. Мы живём открыто. Не прячем вещи под замком. Так было и так будет. Вора мы найдём. И очень быстро. Прошу каждого припомнить до мелочей, что он видел и слышал в промежутке времени от 12-30 до этой минуты.

Зал возмущённо загудел.

– Кто имеет слово, товарищи, говорите всё, что знаете, – прозвучал спокойный голос председателя.

– Ну, раскачивайтесь и ближе к делу.

– А что говорить. Пусть Антон Семёнович все отряды допросит и об- шукает в коммуне, – с досадой предложил Сопин, не зная другого исхода.

По распоряжению Антона Семёновича новый ССК Вася Дорошенко принёс отрядные списки.

Предложение Санчо показалось разумным. Каждый мог поговорить с Антоном Семёновичем лично. А соврать, глядя ему в глаза, было практически невозможно. Это знали все. Началось «следствие». По списку выходил отряд и каждый воссоставлял по памяти обстоятельства этого злополучного отрезка времени. К великому огорчению коллектива опрос не принёс ничего утешительного. Группа Калабалина провела обыск, но никаких следов тоже не обнаружила. Приёмник как в воду канул.

Прошло ещё несколько беспокойных дней. Вездесущие малыши из двенадцатого отряда вели в сверхсекретной форме свои наблюдения. Как выяснилось позднее, они решили прочесать всю территорию вокруг коммуны. Осматривали собачьи будки, лабиринты Соломона Борисовича, цветники, кладовые и т.п. И вот кого-то из этих «ищеек» осенило: преисподняя театральной сцены. Её обследовал сам Калошкин. Меньше, чем через полчаса его вытащили на поверхности в разодранных штанах и с головы до пят облепленного паутиной.

– Ну, шо? – с последней надеждой выдохнула вся компания.

– Там! – сдавленным голосом ответил Калошкин. – Лежит, завернутый в тряпки.

– Ну так тащи его, – дрожа от нетерпения проговорил Соколов.

– Ша, пацаны, – охладил Соколова рассудительный Петька Романов.

– Нехай стоит. Поймать надо гада. А штука всё равно никуда не уйдёт.

За углом дома Петька изложил свой план: «Антону ни слова. Стоять на шухере и не спускать глаз с объекта наблюдения».

Минуло ещё несколько дней. Но суфлёрская будка ни на минуту не оставалась без присмотра «сыщиков». Они околачивались на дворе под окнами клуба, играли в коридоре, маскировались в кулисах сцены.

И вот долгожданная награда за мудрость и терпение.

– Антон Семёнович, зас-с-стукали! – вертя головой и захлёбываясь от восторга, завопил Романов.

– Кого застукали! – равнодушно ответил Макаренко, – Иванова?

Маленькая фигурка Петьки обратилась в соляной столб. Всего было можно ждать, но только не этого.

– Дежурных командиров у нас не обвиняют. Вы на собраниях были. Как же вы посмели его заподозрить?

– Впрочем, где вы его нашли, – сменил интонацию Антон Семёнович, решив, вероятно, что «сыщики» заслуживают не только порицания.

– На сцене. Мы не выпускаем!

В коридоре, около двери в клуб, стоял в окружении решительных малышей Иванов. Фёдоренко дал команду ввести задержанного в кабинет. Конвой замыкал Калошкин, в руках которого был приёмник.

От былого величия, элегантности и блеска Иванова не осталось следа. Он стоял поникший и поблёкший, зная, что прощения не будет.

– И ты, знатный командир?

– Я! – отрешённо выдохнул Иванов, не поднимая глаз и понимая вопрос в прямом смысле.

– Уходи! Вон – немедленно!

Двенадцатый отряд без команды перестроили в две шеренги и через этот коридор, покоряясь суровой, но справедливой воле коллектива, Иванов двинулся к выходу.

27. ПРОВОДЫ

Ничто так не сближает людей, как совместная жизнь в коллективе с её радостями и печалью, успехами и неудачами, в совместном переживании жизненных тягот и преодолении их.

Живут сто пятьдесят коммунаров в прекрасных помещениях, учатся в школе, работают, соревнуются, встречают гостей, играют в оркестре, ругаются с Соломоном Борисовичем, мечтают о будущем. Жизнь направляется умелой рукой, подчинена строгой системе, которую мы сами поддерживаем, боремся за неё и стремимся не допускать срывов.

От того жилось легко и свободно. Все разные по возрасту, внешнему виду, привычкам, характерам, наклонностям, вкусам, личным способностям и все, в то же время, одинаковы в главном: в стремлении стать человеком, полезным другим людям, обществу. Эта перспектива казалась отдалённым будущим, к ней готовились, но пока жили все вместе и думалось, что так будет ещё долго, долго. А жизнь шла по своим законам. Наши товарищи – Серёжа Фролов, Саша Никалютин, Михайло Мэндэ и Алексеенко привезли радостную весть. Они успешно сдали экзамены в Харьковское артиллерийское училище и зачислены курсантами.

В кабинете Антона Семёновичалюдно. Вошли все четверо, построились, и Фролов доложил: «Товарищ начальник коммуны! Курсанты Харьковского артиллерийского училища Фролов, Никалютин, Алексеенко и Мэндэ прибыли попрощаться. Старшина группы Фролов».

Отдав честь, Антон Семёнович вышел из-за стола, пожал им руки, потечески прижал каждого к груди и взволнованно сказал: «Поздравляю вас, товарищи, с высокой честью. Верю, что вы будете хорошими артиллеристами».

По его жесту все сели, кто где мог. Кто знает, какие чувства испытывал в это время Антон Семёнович! Это уже не было коммунаской игрой в рапорты, строй, оркестр и всей его системой детской военизации. Перед ним были его дети, которые научены ходить в строю, рапортовать, владеть собой, физически подготовленные, получившие идейную закалку, избравшие путь будущих командиров Красной Армии.

В них – часть его души, гордость за пройденные этапы становления человека, за крепкие ростки посеянных им зёрен. Кто знает, как сложится их дальнейшая судьба.

Нам, заполнившим кабинет до предела, было и завидно, и было грустно.

Почему-то живя бок о бок с товарищами, думаешь, что так будет всегда. И вот разлука. На время? Или навсегда?

Курсанты обошли свой родной дом. Их сопровождала гурьба пацанов, встревоженных и расстроенных. Проверив свои богатства, они смущённо раздавали памятные подарки в виде фотографий, записных книжечек, перочинных ножичков, резных рамок из собственных поделок в изокружке, своих рисунков. Девочки дарили вышитые носовые платочки. Прощались с учителями: Виктором Николаевичем, супругами Татариновыми, Елизаветой Фёдоровной, Еленой Георгиевной, Линой Фёдоровной, Березняком, Добродицким. Каждый что-то говорил, советовал, желал успехов.

Совет командиров выделил приданое: шинели, головные уборы, зимнюю и летнюю парадную формы, новую обувь. Ремни и портупеи юнгштурмов скрипели необношенной новизной, издавали запах кожи. Из фонда совета командиров выделили на первый случай денежные пособия. Соломон Борисович голосовал за «потолок».

– Мальчуганы идут в большую жизнь, пусть им будет хорошо, – закончил он своё выступление, пряча намокшие глаза в своём полотенце.

Отъезд товарищей всколыхнул зеркальную гладь широкой реки безмятежного детства. Он остро напомнил, что придёт и нам черёд расправить крылья и взять курс к новым горизонтам.

Ближайшие кандидаты выпуска – Миша Певень, Шура Агеев, Вася Дорошенко и Наум Каплуновский. Они готовились в лётную школу в город Вольск на Волге. Их документы высланы и получено согласие о зачислении.

Все комсомольцы, товарищи по 1-му отряду, представители передового рабочего класса – токари. Певень и Агеев музыканты – баритон и кларнет.

Певень худощавый, высокий с мягкими белокурыми волосами. Его сравнивали с Зигфридом из Нибелунгов. Неоднократный командир 1-го отряда, бригадир токарей, член бюро комсомола, способный музыкант.

Щура Агеев среднего роста шатен, любил короткую стрижку, носил очки, через которые смотрели умные карие глаза. Строен и всегда аккуратен, даже в спецовке. Активный литкружковец и талантливый кларнетист. Его называли Гарольдом Ллойдом.

Наум Каплуновский ниже среднего роста с узким сухощавым лицом. Причёска из волнистых каштановых волос открывала лоб, удлинняя лицо. Глаза тёмно-серые, проникновенные и волевые. Лёгкая миниатюрная фигура, скреплённая узелками сухожилий, сохраняла спокойствие сжатой пружины. Его речь плавная, вдумчивая и рассудительная. Отличник по математике, составитель ребусника Терского.

Вася Дорошенко – приземистый крепыш с короткой шеей, несколько уширенной талией и тазом, на крепких ногах. В светлых живых глазах лучилась доброта покладистого человека. После проводов товарищей они отправились в сад потолковать о своих делах. Этой осенью друзья поедут учиться на лётчиков. Какое счастье! Через два года им доверят настоящие боевые машины. Фильке Куслию, нашему двенадцатилетнему Гарри Пиллю, невыносимо тяжело! Он завидует. Его планы стать актёром потерпели фиаско в московском походе. Он тогда самолично явился в «Мосфильм» и предложил свой талант. Мосфильмовцы обнадёжили актёра, но только на будущее, когда станет большим. С того дня Филька ждёт не дожждётся взрослости, такой, какая сейчас украшает этих орлов. А ребята и впрямь были отличные. Они знали чего хотели, и шли к цели во главе с вожаком комсомольцев Фомичёвым.

Под свежими впечатлениями, навеянными прощальным днём, Фомичёв, утешая поникших товарищей, сказал:

– Чего хнычете? И вам пора, – он протянул руку в сторону скрытого дымкой города, – а не прятаться за спиной Антона!

На каких-то крыльях сбоку опустился Землянский.

– Спорите, мужики? Все оторвёмся! Все! Чуете? И ты, и ты, и ты. – Он тыкал в грудь каждого твёрдым пальцем, впиваясь лица круглыми глазами, – не сосите лапу, Ваньки-турки, решайте! Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! Его смех прорезал вечернюю тишину тревожной болью.

Поёжившись, как от озноба, Ройтенберг сказал: «Смеётся, а ведь тоже кошки скребут на душе.

Неужели и мы вот так: раз – и нету нас больше в коммуне. Прощайте, Антон, Терский, Коган?... Нет, я «прощайте» не скажу. Только «до свидания».

28. НА ПОРОГЕ ПОХОДА

Утро. Через раскрытую полость палатки робко скользнул первый лучик солнца и коснулся щеки спящего Фёдоренко. От ласкового прикосновения Вася сладко потянулся и открыл глаза. Тишина свежего утра наполнялась пересвистом пичужек. Лагерь спал. Вася посмотрел на часы. До подъёма ещё полчаса. Но Вася сегодня дежурит и он быстренько выскочил из кровати.

По дорожке шагал дневальный Шейдин. Увидев командира, он салютнул и доложил по всей форме, что в коммуне порядок.

Разбудили горниста Ширявского, ДЧСК Тулецкую и зам. нач. коммуны Никитина.

С первыми звуками сигнала выскакивали из тёплых постелей и бежали на спортплощадку, занимая свои постоянные места.

Площадка ожила. Как всегда, перед нами загорелый, в белой майке и белых в рубчик брюках пружинный Семён Афанасьевич, орлиным оком прощупывает ряды. Удостоверившись, что все налицо, резко откидывает голову и мощным баритоном приветствует:

- Здравствуйте, товарищи дзержинцы!
- Здравствуйте!– ухает хор дзержинцев на всю округу.

Комплекс упражнений Калабадин начинал с ходьбы и спокойных потягиваний. Постепенно нагрузка увеличивалась, убыстрялся темп, усложнялись движения, переламывая внешние и внутренние части организма. Девочки не все выдерживали ритм и в их рядах нарушался порядок...

Про себя они чётыхались, тяжело переводя дыхание, и пронзали насмешников-соседей острым сердитым взглядом.

По дорожке, освещённой ярким солнцем, обрамлённой с обеих сторон цветами, направляется в свой кабинет Антон Семёнович. У него лёгкая, красивая походка. Носки ног он ставит врозь. Возможно, что утренний путь от его маленького дома в большой был той прогулкой, которая дарила ему свет ласковых лучей, голубизну неба, робкий шорох листьев, трепетное дуновение ветерка, запах цветов – короткое отступление в мир душевного покоя.

Возможно, что в нескончаемом движении вокруг него, в звоне детских голосов, в гуле токарных станков, в визге ленточных пил, в перестуке пишущей машинки, в проникающих звуках городскихстроек, в дискуссиях

с «Олимпом» он черпал новые силы и веру в справедливость своего дела.

Переписка с Горьким, в которую нас посвящал Антон Семёнович и которая прямо нас касалась как живых участников «великого эксперимента», радовала Антона Семёновича. Мы чувствовали, что где-то на Капри есть родной, близкий человек, всегда готовый помочь, посоветовать.

* * *

Всё чаще навещали коммуну иностранные делегации. Книга для посетителей заполнялась пространными отзывами, с признаниями красоты нашей дисциплины, чистоты помещений, организации производственного труда, самокупаемости и веры в наше светлое «завтра».

Ещё совсем недавно мы принимали группу чешских коммунистов во главе с товарищем Юлиусом Фучиком. Они радовались нашим успехам как закономерному следствию революции. В своём отзыве в книге они противопоставили наше детство бывших беспризорных детей с беспризорными детьми в капиталистических странах, обречённых на гибель. Наш пример, по их словам, дал им новый толчок, чтобы выполнить задачу, которую поставил перед ними рабочий класс Чехословакии.

Коммунары провожали их, как старших родных товарищей.

Американские делегации восхищались нашими «принципами» и «новыми институтами», которыми должно гордиться наше государство. Особенно их удивила система самокупаемости, неслыханная в Америке и заслуживающая подражания, заработка детей. Любопытные пацаны после свежих записей деликатно водили пальцами по строчкам оригинала и перевода, втолковывая смысл написанного и оценивая каждый по-своему.

— Эх, и чего б це у их так не зробить,—грустно вздыхает Юхим, закрывая книгу.

* * *

Едва закончив завтрак, бежали в цеха за станки и к верстакам. На стене в коридоре вывешена диаграмма сражения токарей, никелировщиков, столяров и швей. Рядом сводка «Положение на фронтах». Здесь на минуту задерживались группы действующих частей, вычитывали на ходу взятые с боем позиции.

Нейтральные по природе краски и тушь, отражающие количество выпущенной продукции, проценты к промфинплану и место цеха в соцсоревновании, оживали, двигались перед глазами выпуклые, осязаемые и кричащие. В цехах они претворялись в новые горки маслёнок, с игрой пересвета горячей меди, в зеркально-блестящие кроватные углы, в сбитые рядами

кресла, выставленные наружу у стен «стадиона» и готовые к отправке заказчикам, в стопки тёплых от глажки и девичьих рук трусов и ковбоек.

Сражение шло за Крым, за материальную возможность похода и отдыха. Мы подходили к желаемому рубежу, к осуществлению поставленной Антоном Семёновичем «ближней перспективы».

Соломона Борисовича распирало от счастья. Его как шар бросало из цеха в цех. Его наметённый глаз жадно схватывал в складах, на дворе и на верстаках ещё «тёпленькую» продукцию. Натренированный ум финансиста на лету подсчитывал тяжёлые рубли. Каждый процент плана – деньги.

О, эти деньги! Банковские сводки имели форму синусоида, с подъёмами и спадами. Подъём – накопление, спад – сигнал тревоги. Один он и бог знают, что там творится! Но крахом не пахло. Он умел поддерживать здоровую коммерческую конъюнктуру. Деньги на Крым? Будут! Но что Крым? Он готовил большой подарок этим несговорчивым мальчишкам и девчонкам, с которыми его породнила судьба. Только бы до времени не рухнула и не сгорела вся его империя, познавшая вторую молодость в руках новых хозяев! Бессонные ночи? Тревоги? Пожарники? Кто вспомнит! Кто оценит! Всё канет в речу времени!

* * *

Крымская комиссия готовила поход с февраля. Кто в царское время мог допустить мысль и позволить роскошь водить приютских детей в какие-то походы! Какой детский дом в 30-е годы мог осуществить эту мечту? Кто проектировал и ставил массе детей перспективы подобного рода? Такого примера не было, а коммуна Дзержинского шагала впереди своего времени.

Сегодня, в этот тёплый июньский день, комиссия под руководством Степана Акимовича докладывала совету командиров о проделанной работе. В её состав вошли коммунары Кравченко, Семенцов, Вера Ефименко, Русаков, врач Шершнёв и киномеханик Марголин. Они по заданию Антона Семёновича уже решили на маршруте похода весь комплекс вопросов транспорта, питания, мест расположения в пути на отдых. Палатки отправлены багажом вместе с постелями.

Весь путь предстоящего похода уже прошли и проехали наши разведчики Шершнёв, Марголин, Семенцов. Их подробный доклад совет командиров заслушал и одобрил. Член бюро комсомольской ячейки Сторчакова поставила вопрос о парадной форме для девочек.

Требовались новые юбки, береты и чёрные лакированные пояса. О летней обуви она умолчала. Тем не менее совет командиров затих, предчувствуя грозу. Соломон Борисович весь напрягся от волнения. На его крупном лице выступил пот и полился ручейками, остановить который не мог даже его уникальный платок.

Предотвратил катастрофу Санька Сопин. Он с деланным миролюбием проворчал: «Всё выдумывают и выдумывают: то юбки, то береты. И так барахла полные сундуки, а пацанам шо? Спецовки и те никуда не годны. Можно обойтись и без лакировки. А береты? И совсем не нужны, не на плюс едем, а в Крым».

Степан Акимович, подперев ладонями виски, опустил голову. Его шёлковистые волосы мягко упали на руки. Сквозь них он смотрел то на Сопина, то на Когана.

Сторчакова наливалась недобрым румянцем: «У вас в сундуках тоже немало, подумаешь, женихи! С вас в Крыму одних трусов хватит, не замёрзнете».

Поднялся Соломон Борисович. Повёл усталыми глазами поверх голов. Вот уже несколько ночей он спал мало. Пожарный страх одолевал его, особенно в ночном одиночестве.

– Что мне сказать вам?– начал он, безвольно опуская руки. – Вы сами хозяева, хотите береты, нате вам береты. Хотите бальные платья? Возьмите в лучшем магазине. Но я умываю руки. Я обещал деньги на Крым – они у вас есть...

– На Крым? Деньги есть на Крым? Ура!!! – подхватились пацаны со своих мест, замахав руками, но их остановил царственный жест оратора.

– Вы хотите всё сразу и размениваетесь на фигли-мигли, как польские панёнки.

Слово взял Володя Козырь:

– Товарищи. Вы можете простить болтовню Саньки, он у нас баламут, и все мы его знаем. Но как можно отказать нашим девушкам в такой мелочи? Их всего пятьдесят, они на нас шьют. Я согласен до отпуска поработать час дополнительно, пусть купят, что требуется, а юбки пошьют сами.

После Володьки говорил Степан Акимович:

– Экономить хозяин должен каждую копейку. Это всё верно. Но, скажем, зачем нам глина из Киева? Каждый вагон стоит огромных денег. Если сменить технологию формовки, то глину можно заменить песком, а его у нас в Харькове хоть пруд пруди! Я не специалист в технике, но если хорошо покопаться, то можно ещё найти источники непроизводительных расходов и поправить наши дела. Предлагаю просьбу девочек удовлетворить.

Через открытое окно на его петлицу с ромбом прыгнул лучик солнца. Все облегчённо перевели дух, и Сопин махнул рукой. Ожидали, что скажет

Антон Семёнович. А он смотрел на Когана, как на обиженного ребёнка, нежно и сочувственно.

– Товарищи, все мы должны поблагодарить комиссию за большую работу в подготовке похода. Мы также отдаём должное нашему Соломону Борисовичу, который выделил нам хотя не щедрые, но вполне достаточные средства на поход и отдых. Коган поклонился.

– Что касается девочек, то в этом мы, Соломон Борисович, должны быть немного рыцарями.

Коган выпрямился и ответил лишь наклоном головы.

– Мы разделяем ваши финансовые заботы. Они направлены к главной цели – выйти на широкий простор производства и покончить с нуждой. Я правильно понимаю? Нужно строить новый завод, выпускать такую продукцию, которой у нас ещё нет и которую мы покупаем за границей.

– Антон Семёнович (голос из-за вешалки) – а когда начнём?

– Мы уже начали. Пока мы будем в походе, Соломон Борисович подготавливает нужные бумаги и проведёт переговоры. Этот план поддержали.

В кабинете сделалось тихо. Даже романтикам это известие показалось чем-то несбыточным, марсианским. Строить завод! Выпускать продукцию, которую до нас не выпускали! У меня перехватило дыхание.

Молчание прервала ССК Харлакова. После Васьки Камардинова её избрали «президентом», памятуя о важности правления в крымском походе и её жёсткой схватке трезвого организатора.

– Я тоже думаю, товарищи, что пора нам что-то начинать толковое и кончать с кустарщиной.

Её оценка производства, сказанная так легко, обидела Когана.

– Голосую за предложение Антона Семёновича. За строительство нового завода. Кто «за» – поднимите руки!

Голосовали все. Соломон Борисович дольше всех задержал поднятую руку.

Внутренним чутьём Харлакова поняла, куда клонит чаша весов. Облегчённо вздохнула, Антон Семёнович выпрямился.

– Дорогие товарищи! Передам ваше постановление председателю Правления коммуны товарищу Броневому. Отступать не будем.

Находясь среди коммунаров, я почувствовал в происшедшем что-то особо важное, затронувшее и меня: здесь нет места весёленькой «трепологии», это черта, за которой не будет слов «не хочу», «не моё дело», «проваливай», «откачнись», «не буду», а будет только одно: «НЕ ПИЩАТЬ!» А потом будет что-то такое новое и такое интересное, что и не выскажешь!

Смена Сторчакова, поддавшись настроению исторического момента, не настаивала на своих требованиях походной формы для девчат. В этом неожиданно помог сам Соломон Борисович.

– Я хочу спросить, а где же рыцари? Вы чреваты журавлями в небе, так не выпускайте же маленькую синицу!

Первым рассмеялся Антон Семёнович. Но все присутствующие знали мудрёные притчи Когана о журавлях и синицах.

– И туфли будут?– повернулся в его сторону Степан Акимович.

– О, что такое туфли или балетки в этом мире разорения! – в кривой улыбке растаял Соломон Борисович,– не скакать же девчатам босиком... по острым скалам... Но его прервал Антон Семёнович: «Э нет, дорогой наш банкир, балетки само собой, а туфли на парадный случай».

Сражённый дуплетом, Коган сдался и сел, нащупывая по привычке своё доброе сердце.

Единогласным голосованием совет командиров постановил выделить средства на юбки, береты, пояса и обувь.

Из кабинета Антона Семёновича Коган шёл в плотном окружении девчонок, как истинный рыцарь в цивильных доспехах.

Крымский поход

1. В Севастополе

Поезд Харьков – Севастополь мчал коммунаров на юг. Позади остались недолгие сборы, марш по харьковским улицам, посадка в вагоны. А после – бесконечные равнинные степи, перелески, полосы рек и речушек, золото зреющих колосьев хлеба. Ночью кто-то сказал, что проехали Сиваш, но почти все спали. И вот мы на крымской земле! Настал день тёплый и солнечный. Мы торчали у окон, смотрели во все глаза, стараясь ничего не пропустить.

«Знатоки» Крыма, не раз побывавшие здесь в неукротимом стремлении «попасть в тепло», рассказывали свои истории, ещё живо сохранившиеся в памяти.

Я не бывал в этих местах, ничего не мог рассказать и только слушал, о чём говорили другие, всё принимая на ветер. За Симферополем ехали в живописной долине, освещённой южным солнцем. По бокам, на склонах как на географической карте, разбросаны треугольниками, квадратами и другими фигурами зелёные виноградники. Мне как «первооткрывателю» всё было значительно и интересно. Местность стала меняться. Куда-то пропали поля и бескрайние степи, уплыли виноградники. Вместо них появились холмы, близкие и дальние, с короткой и чахлой растительностью. Постепенно даль закрывалась выросшими вблизи холмами. Поезд вползал в теснину гор. И вот скрылось солнце, что-то захлопотало, усиливаясь эхом; стало совсем темно. Это первый тоннель. Здесь после простора вширь и ввысь в каменном мешке было не по себе. И вдруг железный грохот поезда резнул грохот оркестра. Заиграли родной украинский гопак. В полумраке вагонного освещения музыканты, слившись с инструментами, в упоении отдавали весь свой дух. Тоннели несколько раз чередовались с открытыми

просветами, как бы давая отдых от первого гнетущего впечатления.

И вдруг кончился последний тоннель. В окна вагонов брызнуло таким ослепительным сиянием, что заломило в глазах, хотелось какое-то время не смотреть, чтобы привыкнуть. Впервые в жизни я увидел море. Оно было спокойное и бескрайнее, усыпанное белыми рядами кружева на синем ковре. В воздухе мелькали чайки, непрерывно поочерёдно падали вниз, окунаясь в бело-синее сияние в весёлой игре полёта и криков. На нас со всех сторон глядел совершенно новый, неизведанный мир. В воздухе зной, всё освещено и накалено солнцем и в то же время дышалось легко и свободно. Налюбовавшись морем, я стал осматривать город. Он гористый, какой-то светлый и белый, изрезанный впадинами, голубыми бухтами. От моря ввысь громоздятся белые из камня дома и домики, как бы высеченные в скалах и вросшие в них.

А на бухте, погружённые в её глубину, очерченные сине-зелёной поверхностью, в солнечных бликах, спокойно стояли стальные громадины кораблей, с торчащими в небо широкими изогнутыми трубами. Из некоторых вырывались голубоватые дымки. К ним подходили и уходили от них крошечные шлюпки с игрушечными человечками. Они перемещались от корабля к кораблю и от кораблей к пристани. В глаза вошла белокаменная лестница, спускающаяся с высот к воде, к пристани, где останавливалась шлюпка, отпуская и принимая человечков. Эта лестница занимала какое-то главное место в окружении домов и заканчивалась белыми колоннами. Я тут же спросил Виктора Николаевича, отправившегося с нами в поход, как называется это место города. Он ответил, что это Графская пристань, и показал на дом, где находится штаб Черноморского флота.

И вот наконец Севастопольский вокзал. Поезд, прочистив глотку оглушительным гудком, дымом и искорками из трубы, пошипев паром, лязгнув сцепами, ещё раз богатырски выдохнув, остановился.

Выходили пассажиры с ручной кладью – чемоданами, сумками, мешками, отыскивая глазами встречающих. На перроне былолюдно. В живой толчее перемещались женские платочки, беретки, фески, лёгкие картузы, татарские войлочные шляпы, зонтики от солнца. Выделялись лица, шеи, руки. Всё такое живое, подвижное, говорящее, радостное встречаю с родным и знакомым.

Высаживались и мы, занимая место на перроне, не давая смять себя людскому напору.

Нас встретил Коля Шершнёв, наш доктор с неизменной санитарной сумкой, которая клонила его вправо. Его тут же окружило наше начальство:

Антон Семёнович, Терский, Левшаков, некоторые командиры взводов. Рукопожатия, расспросы. Наше положение осложнено тем, что не вся коммуна ехала в одном поезде... Из-за транспортных неурядиц коммуне пришлось разместиться в трёх эшелонах.

Первыми приехали музвзвод, частично первый взвод, малыши четвёртого взвода и знамённая бригада. Остальных сопровождают Степан Акимович и Барбаров – новый заместитель начальника коммуны по политической части. Места для ночлега у нас не было. На коротком совете командиров решили часа два посвятить осмотру города.

Остаются на месте знамённая бригада с зачехлённым знаменем, а при вещах и продуктах сторожевой отряд и три коммунара из хозяйственной части. В этом была необходимость. На перроне и вокруг вокзала шныряла знакомая предприимчивая «братва».

Во временном лагере остался Антон Семёнович. Группу, в которой находился и я, в город повёл Семён Калабалин. Улицы гористые и узкие, накалённые зноем. Воздух наполнен прозрачной дымкой. Игрушечные трамваи по сравнению с харьковскими, на узких рельсах, часто встречались на нашем пути.

По узким улочкам с каменными лестницами, падающими вниз, спустились на Приморский бульвар. Поразило множество моряков-краснофлотцев. Они в белых рубашках-форменках, с синими воротничками, в лихих бескозырках с трепетными ленточками на ветру, в брюках-клёш, подпоясанных широкими ремнями с ослепительно сияющими бляхами.

Наглаженные, чистые, загорелые, неторопливо проходили мимо нас, слегка раскачиваясь в свободной походке.

Кто из нас не мечтал быть моряком и бороздить моря и океаны! Их вид говорил, что это они настоящие хозяева этого светлого города.

С низкого берега Приморского бульвара нам открылась голубая бухта, уходящая в бескрайнюю синеву моря через узкие ворота берега с крепостными бастиями. Спокойную гладь резали торпедные катера, оставляя за кормой пенные буруны.

Как крепости, рассредоточены военные корабли «Парижская коммуна», «Червона Украина», «Коминтерн», «Профинтерн», «Незаможник» с грозными орудийными башнями. Они скрывались в сине-зелёной глади и на фоне противоположного берега. Лишь редкие сирены, пронизывавшие бухту и город резким уханьем, обнаруживали их присутствие.

В беседку у самой воды собирался духовой оркестр моряков, и мы становились послушать. Музыкантов было немного. Нам стало интересно сравнить их игру с нашим оркестром. В нашей группе были музыкальные

звёзды коммуны – Ваня Волченко, Федя Борисов, Козырь, Никитин и даже «пикольщик» – Петька Романов.

Взмах палочки, и мы с первых тактов узнали бравурный «Егерский». Марш очень знаком по игре нашего оркестра в походах. Играли хорошо, с подъёмом, чётко выделялся каждый инструмент, особенно тромбон и корнет, но не было мощи и густоты нашего большого оркестра. Вовсе не было кларнетов, саксофона, флейты-пикколы и других. Может быть, поэтому Петька досадливо махнул рукой и сквозь зубы процедил: «Хал-турка!» Никитин улыбнулся и мазнул по носу Петьки пальцами: «Тоже мне, дока!»

К беседке подходили моряки и гражданская публика, гуляющая по бульвару. Берегов ласково касались лёгкие волны, лениво перекачивались по камням и гальке. Постепенно нас окружила масса любителей музыки из моряков и местных жителей, по-южному празднично одетых. Женская половина красовалась летними туалетами, видно, приготовленными для танцев. В воздухе потянуло духами.

Глядя на своих корешков, я понял, что наша форма из трусов и парусиновых рубах не соответствует моменту, и как бы в подтверждение моей мысли, тихий голос дамочки в шляпке своему спутнику: «Милый, откуда у нас эти скауты?» При этом откровенно рассматривая Петьку, она скривила губки.

Не зная, что такое «скауты», я понял из гримаски и тона, что она оскорбляет нас, но в это время Семён Калабалин дал команду выходить из кольца.

Время «увольнительной» кончилось, и мы направились в обратный путь.

2. ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПЕРРОНЕ

Прибыл второй эшелон. «Зацверенчали» девчата, и стало веселее. Нашу площадку обступили любопытные и зеваки. С приходом поездов их становилось больше. Больше стало и корешков с «воли», для которых толпа – самая желанная стихия. И вокруг крик – иступлённый, как на пожаре: «Держи, держите его, обрезал сумочку!» И громкий плач: «Билеты, деньги, путёвка! Что теперь делать, господи!» По перрону, отчаянно заламывая пальцы, бегала молодая женщина, судорожно сжимая полоску из кожи, всё, что осталось от сумочки. Раздался милицкий свисток. Публика всколыхнулась, встревожено задвигалась, не зная, куда скрылся вор. Мы поплотнее сгруппировались вокруг своего имущества. И тут Семёна Калабалина

подхватило как боевого коня: «Хлопцы – поможем!» Молниеносное совещание, и Семенцов, Водолажский, Орлов и Швыдкий рассеялись в тревожном сборище пиджаков, шляпок, зонтиков. Потерпевшую окружили наши девчата и как могли успокаивали.

– Найдётся ваша сумка, – успокаивала Люба Красная, – вот увидите, найдётся! Женщина всхлипывала, безнадежно качая головой.

Праздные зеваки расходились, придерживая кошельки.

– Не зевай, Фомка, на то ярмарка! – самодовольно проворчал усатый гражданин, покидая опасную зону перрона.

За углом привокальной постройки «Кипяток» шла негромкая беседа Калабалына с прилично одетым парнем. Несколько в стороне, как на часах, стояли Орлов и Водолажский. С другой стороны Ваня Семенцов, Троша Швыдкий и откуда-то явленный Филька, обступили двух юрких пацанов. Они вырывались, пытались ускользнуть, со страхом и мольбой смотрели на парня, но конвой был надёжный: в момент стремительного бегства их сцапали. Они выкручивались, царапались, кусались, и, потеряв надежду скрыться, плакали без слёз и канючили: «Пустите нас, гады лягавые, шо вы нас держите!» и головами старались боднуть в живот. Толком говорить ничего не хотели.

Ваня Семенцов спокойно подбрасывая жаргонные словечки, втолковывал им, чего от них хотят, и в конце-концов добился важного признания.

Они ж не знают, кто свистнул сумку, а вот тот знает. Пацан кивком головы указал на рослого парня в модной кепке, спокойно гулявшего по перрону с папиросой. Он с шиком выпускал дым колечками, не подозревая опасности.

К нему подошли сзади и взяли... под руки.

Семён Афанасьевич улыбнулся парню, как другу после долгой разлуки. Незнакомец птицей рванул из предательской западни, но «друзья» так мило прижали локти к бокам, что брыкаться было уже бесполезно.

– Ш-ш-ш, топай тихо, пижон, не отдадим мильтонам! – прошипел Семён доверительно.

Со стороны, в людном месте, ничего подозрительного. Идут три товарища, и о чём-то беседуют.

Разговор продолжили за углом, вдали от постороннего глаза. Парень разговаривал на южном диалекте. Бежать бесполезно.

– И шо вам от миня нада?

– Ты не шокай, гад. Нам, знаешь, некогда тебя уговаривать! Пошли на хазу и пусть притащат калым. Живо!

Подошёл Орлов, картинно перебрасывая финку в ладони.

Парень съёжился от страшных предчувствий.

– И как вы меня раскололи! Я сделаю, шо могу, гад буду! Вы мне уже нравитесь! – он опасливо смотрел на финку.

– Это, кажется, ваше перо, милорд, – неуклюже поклонился Орлов, посылая руку за спину.

– С кем я имею разговор? – с намёком на хороший тон спросил пижон, всё более изумляясь и бледнея. Финка была в заднем кармане брюк, и как его очистили, он не знает.

– Шош ты, дура, шкары на тебе в клеточку. Чепе на калгане, а перо тю-тю! – издевался Шурка, ткнув его пальцем в лоб.

– И шо вы надо мною делаете? Я буду жаловаца! – плаксиво потянул «собеседник», но тут же получил увесистую оплеуху от Калабалина. Это было сделано неожиданно, по-хозяйски солидно.

– Так это же другое дело! – Он схватился за скулу и тут же, без игры, спросил: «Ваши условия?»

– Никаких условий. Сказали, что не выдадим и хватит!

– Крот, топай к Люське и заberi ксивы. Скажи ей, шо это я говорю. Понял? И одним духом, понял?

– И деньги до копейки, иначе твоего атамана в камни вроем, – добавил Семён без тени шутки.

«Крот» вывернулся из окружения и змейкой скользнул за угол. За ним бросился Филька.

– Назад!!! – гаркнул Калабалин, и Филька остоленело врос в мостовую.

– Мы ему верим, чужак, и бегать нечего!

– Да, нечего, а если он притащит подставу! – обиделся Филька и досадливо отвернулся, двигая упрямыми бровками.

– Об чём вы говорите! – сказал взмокший пижон, помахивая вместо веера кепкой и вытянувшись в вопросительный знак.

Страсти улеглись. Сделка состоялась. Парень вынул из кармана коробку папирос «Раковский» и миролюбиво протянул компании.

– Спасибо, не курим.

– Как тебя звать?

– Шикарный.

– Тю! А по натуре?

– Шето вы мне знакомые по выговору...

– Не кривляйся.

– Ну, Володькой миня звали...

– Родные есть?

– Фатер зубной врач в Николаеве.

– Ещё кто?

– Мутер померла от тифа. При этом на подпухшем лице скользнула печальная тень.

– Мокрушник?

– Нет, – испуганно дёрнулся Шикарный.

– Зачем таскаешь финку?

– Так, для шпаны, чтоб понимала.

– Ты же, гад, и враг мировой революции!

– Зачем так строго? Я достаю на жизнь!

– Тебе вкалывать на заводе нужно, ишь, бугай! Бросай малину, па-рень, завязывай, а то шлёпнут.

Из-за угла появился Крот. Он тяжело дышал. Серое лицо покрылось пятнами. Озираясь по сторонам, он вытащил из-под спущенной рубахи чёрную сумочку и ткнул Шикарному.

Сумка перешла в руки Семёна Афанасьевича. Он открыл её, внимательно осмотрел содержимое. Билет, путёвка, небольшая сумма денег...

– Здесь всё? – спросил он Шикарного.

– Я не знаю, но гарантирую, гад буду!

– Люська сказала, всё, нехай подавится! – поспешил заверить Крот, переходя за спину Семенцова.

– Пацанов не руш, слышишь? Если обидишь, найдём и на Северном Полюсе! В Антарктиде! Ну, пока, смывайся! Помни что тебе сказано!

– А кто же вы будете? – спросил на прощание Шикарный.

– ГПУ! – через плечо бросил Семён, удаляясь.

Через несколько минут Люба Красная поставила точку в истории. Она подошла к потерпевшей, которая застыла в окаменелой позе на одной из наших корзин, и сказала: «Вот и нашлась ваша сумочка. Я же говорила, что найдётся».

* * *

Поздней ночью прибыл третий и последний наш эшелон. Подъехали пароконные арбы под наши пожитки и продукты питания. Лошади по сравнению с арбой казались игрушечно малые. Их выпрягли, дали сена. Они ели, с хрустом двигая челюстями. А когда съели последние былинки, застыли в ожидании, редко переступая ногами, отмахиваясь неостриженными хвостами от мух.

Не верилось, что эти тощие существа потянут наш большой груз. Пацаны подходили к ним, гладили, заплетали на гривах косы и тут же расплетали, ласково теребили чёлки, кормили хлебом с ладоней. Приятно прикосновение мягких подвижных губ, доверчиво и благодарно снимающих с рук всё до последней крошки.

– Бедные вы лошадки, – расчувствовалась Шура Сыромятникова, обнимая лошадиную морду.

Погрузились за полчаса. Командовали погрузкой возчики, хорошо перевязывая ряды корзинок верёвками. Они курили самосад. Время от времени прикладывались к заплетённым флягам, высоко поднимая их и сливая какую-то влагу в пересохшие рты. Старший из них Ахмет словоохотлив, быстро познакомился с нами, называл «бачками», подсаживал наверх, забрасывая верёвки для крепления. Двое молодых отмалчивались, постоянно наблюдая за нами, сильные и проворные. Свои арбы погрузили раньше Ахмета. Они братья – Селим и Керим. Начальник обоза Васька Кравченко рассадил на верхушки арб по два человека, как своих помощников. Арбы походили на украинские возы с сеном. Только впряжённые лошадки скорее напоминали осликов, а не сытых украинских коней. Они с площади тронулись первыми в ещё светлую пору дня.

3. НОЧНОЙ МАРШ

С приходом третьего эшелона коммуна построилась и вышла с вокзала другой дорогой.

Темно. Город спал. Шли тихими улицами вольным шагом, но повзводно, как во всех походах. Оркестр молчал, чтобы не будоражить горожан; разговаривали тоже тихо. Впереди колонны Антон Семёнович и Шершнёв. Калабалин, как обычно, шёл сбоку, наблюдая за строем. На марше настроение улучшилось. Спать не хотелось. У малышей кто-то спотыкался, обвиняя дорожные кочки и вызывая смешки товарищей.

– Носом не клевать, засони, – подбадривал командир. Город оставался позади. Исчезли рейдовые огни, уж не слышны ночные шорохи моря.

Мы вышли на тракт без твёрдого покрытия. В воздухе повеяло прохладным ветерком, смешанным с запахом трав. От головы колонны передали команду: «Выше ноги, не пылить!» Встречались населённые пункты в виде деревушек. Поднимался невообразимый собачий концерт. Голоса то залиристо звонкие, то тонкие и грубые, то ленивые и старчески хриплые. Они были во дворах, и нам не грозила прямая опасность. Рельеф менялся. Дорогу часто подпирали холмы, но они чередовались с равнинными просторами, убегающими в ночную мглу. Над нами висело тёмное небо, со множеством звёзд больших и малых, и туманная дорога из бисера. От некоторых звёзд отрывались и падали яркие огоньки, прочерчивая золотые полосы и вдруг пропадая в темноте.

– Метеориты! – громко пояснил Сёма Юдин, математик и любитель астрономии.

– А мне дед говорил, что в это время кто-то умирает! – добавил Павел Куслий. Кто-то поднял на смех суеверного Павла.

– Павлуша, твой дед прав, – откуда-то слышали голос Терского, – в каждый миг кто-то умирает и... рождается. Звёзды тоже рождаются и умирают в бесконечном мироздании. Ты не думай о смерти. Виктор Николаевич и появился и улетел, как сказочный дух.

Шли не более двух часов. Темнота и призрачность окружающей местности нарушали представления о пространстве и времени.

Перед нами выросли горы. Прошли ещё немного по суженной дороге, и слышим протяжную команду: «Колонна, стой!» Калабалин объявил привал на ночлег. Разошлись. Командиры взводов выбирали место, чтобы разместить всех. Горы, скалистые отвесы, впадины, террасы – наше жильё. На площадке, в стороне от дороги, стояли наши арбы. Разбирая вещи, доставали одеяла. Тентов нет. Палатки в Ялте, крыша – звёздное небо. Жёсткое ложе устлали брезентами. Подушка – собственная рука, самая удобная и мягкая. Пока взводы устраивались на ночлег, хозяйственная команда готовила ужин. Распечатывали мясные консервы, нарезали пайки хлеба, делили печенье.

Зажечь костры не удалось. Ничего горючего не обнаружили. Обрадовал весёлый горный ручей. Как хорошо обмыться с дороги в холодных струях; наш порядок – мыться перед сном!

Разместив оркестр, Волчек взбодрил лагерь весёлой полькой. В звуках, усиленных эхом гор, окончательно пропал сон.

– Вот, черти, всех сусликов разгонят! – добродушно ворчал разжалованный баритонист Фомичёв, завидуя своим товарищам. Теперь он жалел о том, что опаздывал на сыгровки, пререкался с Левшаковым и что его заменил Стреляный.

В течение получаса лагерь полностью освоился с новым местом жительства. Караульный начальник Скребнёв расставлял посты, солидно правляя пояс с пистолетом Антона Семёновича. Он известный путешественник, исколесивший Кавказ и Крым, знал что к чему. Нашлись добровольцы в ночное, пасти лошадей – Терский, Шатаев, Глебов, Гонтаренко. Керим и Селим с ними. Ахмет устроился спать под арбой, отчаянно дымя трубкой. Его угостили ужином новые заботливые друзья.

Несмотря на приподнятое настроение, порождённое переходом и свободой, после лёгкого ужина Антон Семёнович приказал спать. Категоричность его приказов никем не оспаривалась.

Девочки укладывались на своём месте, отгородившись импровизированными стенками из корзин.

Лиля Тулецкая наводила справки – нет ли в этих местах змей.

– Спи, какие ещё змеи, их своей музыкой разогнал Волчек, – успокоила Женя Вехова, укладываясь поудобнее в каменной выемке.

Своему вождю и шефу Левшакову музыканты раздобыли сухой пук травы в большей части из молочая и будяка, тщательно выбрав колючки репейника. Как никак, много лет прошло со времён боевых походов, и одорное тело Виктора Тимофеевича нуждалось в мягкой постели.

Антон Семёнович от «комфорта» отказался, заметив: «Главное, на-верняка, блох нет!»¹

Засыпали не сразу. Ещё слышались приглушённые голоса по куреням, приглушённые смешки вокруг Терского, неутомимого рассказчика невероятных историй, но постепенно все стихло. Лагерь спал.

* * *

Южные ночи коротки. Из-за гор поднималось солнце. Утро светлое, ещё прохладное и росистое. Роса упала и на спящий лагерь. Антон Семёнович вовсе не спал, коротая ночь на каком-то камне.

Дежурный по лагерю подошёл к нему с сигналом и спросил, можно ли давать подъём.

– Пусть поспят ещё часок.

Из ночного возвратились ездвые Керим-Селим – как для удобства стали называть их – со свитой, напоили лошадей. Они пили, словно запасаясь на долгий путь. Политрук Барбаров в белой ночной сорочке, в брюках галифе на подтяжках и в сапогах чистил зубы у ручья. Он не нарушал и в походе формы одежды. Но по выправке не был военной «косточкой». Гимнастёрка со шпалой в петлице опускалась до талии ниже принятого стандарта, собираясь большими складками. За спиной она пузырилась. Он ещё очень молод, свеж лицом, с завитками светлых волос и добрым выражением глаз. Интеллигентная речь. С его приходом в коммуны партийная организация стала ещё больше работать с комсомолом, пионерской дружиной. Его уважали, охотно выполняли все поручения. Между собой коммуны с теплотой говорили: «Наш комиссар Петя».

Итак, время сна ещё час. Но что это?

На соседней скале появилась маленькая фигурка. Она воздела руки к небу и разразилась продолжительным завыванием. Голова фигурки окутана чем-то белым.

¹ Полынь-трава – народное средство от блох.

Ахмет сразу понял в чём дело.

- Никарошо, бачка, ой никарошо, – раскачивал головой старик, обращаясь к Антону Семёновичу.
- Никитин! Живо сними «муллу» и ко мне!
- Есть снять «муллу»!

Сенька устремился на гору, ловко переступая с уступа на уступ. Не увидев, что произошло внизу, фигурка продолжала завывать.

И вот перед грозным ликом Антона Семёновича ни жив ни мёртв Алексей Землянский.

Расправа была короткой:

- Пять нарядов, знатный командир!
- Если пять нарядов! – белую тряпку ещё на спуске стащил с него Никитин.

Так закончился утренний намаз новоявленного муэдзина Землянского.

Барбаров серьёзно что-то объяснял Ахмету, говорил о религиозности мальчика, сохранившего веру ислама. Тот согласно кивал головой. Он с умилённым лицом, будто смазанным маслом, смотрел на Землянского. Их разговор прервал сигнал на подъём. Пацаны ещё потягивались, одним глазом досматривая сны, зевали, почёсывая на теле вмятины от постелей.

- Эх, поспать ещё минут шестьсот! – высказал желание многих белобрысый пацан Серёжа Илюшечкин. Но командир взвода молча вытаскивал из-под него брезент, выкатывая лентя на камни.

Зарядка, плесканье в ручье и завтрак. Погрузили арбу, запрягли лошадей.

Дежурные по лагерю убирали все остатки нашего бивака: консервные банки, бумажки, ненужные коробки и ящики, ничего не оставляя для истории и будущих археологов.

Солнце поднялось высоко, пропала роса. Наполняли баклажки водой и напивались на дорогу. Первым выступил обоз. Заскрипели несмазанные арбы. Колёса выписывали восьмёрки и грозились отвалиться. И всё тогда покатится к чёрту, в тартарары, с какого-нибудь безымянного обрыва в пропасть. Ищи тогда Кравченко и Русакова, горделиво восседавших на макушке воза!

Хозяева хранили невозмутимое спокойствие. Ни скрипы арбы, ни опасные амплитуды колёс, ни извилистая дорога со страшными обрывами, казалось, их не занимали... Всё изведано, обыденно... Колонна вскоре обогнала обоз и растянулась по дороге. Шли быстро, с желанием скорее увидеть и узнать новое. Следопыты разбрелись по сторонам, карабкались на кручи, прыгали через расщелины в попытках что-то отыскать, не задумываясь об экономии сил в походе.

Порядок построения изменился. Впереди шагал четвёртый взвод пацанов, за ним – девочки. Замыкали колонну старшие взводы и оркестр. Тяжёлые музыкальные инструменты – басы, баритоны, барабан Бульки по очереди несли старшие коммунары из первого и третьего взводов, по заранее составленному расписанию, но не более километра за одну смену. Законченное расписание исключало недовольство и пререкания менее сознательных, и все испытывали тяготы похода равномерно и справедливо. Музыканты носили инструменты только во время игры.

Возглавлял колонну Калабалин, задавая темп марша и когда было необходимо, сдерживая излишнее рвение... В арьергарде шли Антон Семёнович и Левшаков.

Первому, очевидно, необходимо видеть одновременно всё, Левшакову спокойнее в рядах родных музыкантов.

Время от времени Антон Семёнович выходил вперёд то с распоряжением, то с замечанием. Его большей частью беспокоили «невдахи», неряхи и младшие пацаны.

На восьмом километре сигнал общего сбора. Построились.

Антон Семёнович приказал сделать переход в пять километров скаутским шагом: пятьдесят шагов бегом и пятьдесят шагом. Каждый считает свои шаги самостоятельно.

Моей натренированной команде не трудно бежать пятьдесят шагов, имея опыт бега на пять километров.

Хуже тем, кто спортом занимался мало. С нами бежали Антон Семёнович, Терский, Барбаров. Каблуки политрука гулко стучали по камням. Строй далеко растянулся по дороге. Вначале пацаны взапуски бросились вперёд, надувая щёки, наперегонки, но вскоре утомились и стали отставать. Виктор Тимофеевич остался позади, чертыхаясь «выдумке», топорща седые усы. Из солидарности с ним шагали хорошие бегуны – командир оркестра Волченко, Никитин и неповоротливый Могилин – «Булька».

Девочкам не дали скидки на «слабый пол». Они не отставали от хлопцев, горделиво поправляя причёски и поводья плечами, когда их обгоняли, но всё же иногда тихо проскальзывало «Ой, горе! И выдумали ж!»

Труднее бежать нагруженным басами, барабанами и знамённой бригаде. Ассистенты с винтовками шли и бежали, не теряя равнения, охраняя знамя, как в строю. Лишь винтовки держали наперевес, изображая атаку. Это всем нравилось и подтягивало. Но вот марш окончен. Привал на короткий отдых и обед. Подтягивались отставшие. Барбаров снял фуражку, вытирая пот. Ожидали обоз и Левшакова.

Уже успели подладиться солнцем «белокожие». Девочки наклеивали бумажки на носы, мазали против загара лица каким-то жиром. У Витьки Калошкина явные признаки шелушения ушей. Всё это навело Шершнёва на мысль, что нужно надеть рубашки. Антон Семёнович с ним согласился. У него самого пощипывало нос.

Обоз остановился в холодке под горой. Раскрасневшийся Вася Кравченко раздавал повзводно обед. Доставали огромные севастопольские хлебы, ещё сохранившие особый запах румяной корки, консервы, помидоры, огурцы, жёлто-оранжевые абрикосы и сухую тараньку, для аппетита.

Не снимая мешка с арбы, Русаков сверху бросал взводным лёгкие рыбки по счёту. Тараньку, как и другие продукты, получили на севастопольской базе. Там она лежит огромными штабелями в рогожных мешках.

Ели с отменным аппетитом, устраивались где кто мог.

По дороге участилось движение пролёток, линеек, фэзтонов, таратаек, заполненных курортниками и дачниками. Проплыл высокий, обветшалый фургон, оклеенный цирковыми афишами, Рядом с ездовым вертелся белый комочек болонки, поводя влажной точкой носа.

Реже появлялись автомашины с пассажирами, поднимая клубы пыли. Им не завидовали. Они не увидят того, что увидим мы, обшаривая склоны, расселины, нагретые плато с их обитателями: пугливыми ящерицами, кузнечиками, пичугами и мелкими грызунами. Находили время выманывать пауков-тарантулов на катыши липких конфет с ниткой. Их норки отыскивали в растрескавшемся от зноя грунте. На земле очень подвижны. Они свирепо бросались на врагов. Отброшенные палочкой, становились на задние лапки в защитную позу. Из уважения к храбрости их не убивали.

Застав охотников за опасной игрой, Шершнёв ругался, усиленно заикаясь, грозя пожаловаться Антону.

Барбаров занялся картой. Его окружили командиры, отыскивая точку нашего расположения. Первым разобрался в карте Панов. Он небрежно водил ногтем мизинца по карте, распутывая условные обозначения дорог, речек, высот с видом полководца, объяснявшего задачу своему штабу. Конечный пункт сегодняшнего марша – село Байдары. Выходило, что идти ещё много. После обеда надели рубашки, стоянку привели в санитарное состояние, и снова в путь. Карту Барбаров уложил в планшет который болтался от ходьбы сбоку.

Лошадей подкормили хлебом, остатками от стола, даже крошками. Они честно несли свою службу, напрягая все узлы мышц и сухожилий на крутых извилистых подъёмах. Солнце палило немилосердно, и не было от него защиты.

Высоко в небе парила птица, широко и неподвижно распластав крылья, описывая круги, сопровождая нас.

– Смотрите, смотрите, орёл хочет пообедать! – воскликнул Гуляев, посмотрев на маленького, красного, как варёный рак, Котляра.

– Факт, орлы уносят детей! – серьёзно поддержал Терентюк, слегка подтолкнув малого в бок. Котляр сжался и уже не спускал глаз с вольного царя птиц. Он где-то видел картинку, как орёл уносит в лапах мальчика, и предупреждение принял за чистую монету.

Шли группами, не нарушая взводного порядка. Вспоминали коммунарские дела, заработки в мастерских, праздники, «середину». В новой обстановке ярче вспоминалось то, что было у каждого и у всех вместе. Что сейчас дома?

Вокруг Антона Семёновича сгрудилась большая группа старших ребят. Он рассказывал историю Крыма с древних времён. Географическое положение полуострова, климат, торговые пути, удобства обмена товарами привлекали многих колонизаторов и завоевателей. Одни строили, мечтая о вечном благоденствии. Строили города, гавани, укрепляя их крепостными стенами, башнями, воинскими гарнизонами. Другие вторгались и всё грабили, превращая цветущие города в руины, а жителей в рабов. В этой связи особенно интересна история Херсонеса и Кафи. Глядя на мирные холмы и горы, не веришь, что здесь прошли военные грозы многих племён и народов. И всё же в детском уме рождались представления о конском топоте, звоне оружия, пожарах, страданиях, смерти, крови, плене и рабстве.

Мы изучали историю в школе по программе. Но как мало и неинтересно по сравнению с рассказом Антона Семёновича всего лишь о Крыме, древней земле Таврии, Тавриды! Как хорошо, что эту землю в конце концов отбили от всех завоевателей, прогнали их за моря и теперь мы свободно шагаем здесь как наследники наших героических предков!

И как совсем недавно шли последние бои уже наших отцов!

Несмотря на жару, мы не уставали. Сам собой выработался нужный ритм движения, дыхания: они были автоматическими.

За рассказом не заметили, как прошли большой отрезок пути. По сторонам дороги, в долинах и по взгорьям появились деревья и кустарники.

Поднявшись на возвышенность, я увидел бесконечную даль из холмов правильной пирамидальной формы на ровной, покрытой зеленью местности. Особыми красками выделялись участки виноградников как признак близкого жилья. Между ровными рядами из шпалер передвигались крошечные фигурки людей.

По времени коммуна должна подходить к Байдарам. Зной спадал. Воздух посвежел, обвевал ласковый ветерок. В небе плыло одинокое облачко. В преддверии Байдар снова появились горы, но они отходили по сторонам, открывая обширную зелёную долину.

4. В БАЙДАРАХ

Барбаров и Шершнёв с группой коммунаров – Камардиновым, Шведом и Сторчаковой оторвались от колонны, быстро уходя вперёд. Долина расширялась. Вдалеке, на склоне горы, ласточкиными гнёздами влеплен посёлок. Подойдя ближе, мы увидели маленькие сакли с плоскими крышами одна над другой. Их разделяли узкие улочки, круто падающие вниз. Сакли вросли в зелень садов и ярких цветов в огороженных двориках. Пройдя дальше, мы увидели на равнине другой посёлок, похожий на наши украинские деревушки.

Послышался сигнал «Сбор музыкантов». Хозяева взяли свои инструменты и быстро построились. За ними строилась вся колонна. Со знамени снят чехол. Впереди дорогу перегородила отара овец. Они подняли густые клубы пыли и жалобно блеяли.

Левшаков повернулся лицом к оркестру, поднял руку и по его команде «Раз-два» оркестр громыхнул марш «Бойкий шаг». Строй выровнялся и подтянулся. Куда девалась дневная усталость!

Шли пружинным молодецким шагом, как всегда ходили дзержинцы по городским улицам и на парадах.

Овцы сгрудились, поджав курдюки и вытянув шеи. Чабаны засуетились, что-то крича и размахивая бичами. Ничто не помогало. Ещё немного, и Виктор Тимофеевич сошёл бы с ними стенка на стенку. Но что это? Семён Калабалин, кому-то грозя кулаком, бегом тащил огромного барана за крутые рога в сторону от дороги. И отара сдвинулась с места и потянулась за вожак. Дорога свободна. К вожаку Семён добирался чуть ли не по спинам овец и теперь, отряхиваясь от пыли, шёл вдоль строя.

– Ну и здоровый, чертяка! Його тягнешь, а вин лоба наставив бытись. Не було часу, а то б я з ним позабавлявся! – коротко рапортовал Антону Семёновичу, включаясь в строевой шаг.

Операция Калабалина развеселила строй. Кто-то заговорил о шашлыке.

Колонну встретили Шершнёв и Камардинов и повели с дороги по мягкому лугу долины в сторону горы. Под горой, покрытой густой зеленью деревьев, остановились на большой привал.

Вечер. Солнце опустилось за горы и в долине быстро наступили сумерки. Взводные командиры хлопотали над сооружением костров, добывая сухие ветки с горы соседнего леса. Приводили себя в порядок – мылись, отряхивали от пыли немудрёную одежду.

С появлением обоза получали продукты, брезенты, одеяла и устраивались на ночлег, прямо в лесу. Много травы для постелей, её устилали лежа под брезентами.

В ауле замерцали огоньки, очерчивая светлячками густой тёмный фон горы. Вспыхнули и наши костры. Яркое пламя весело поднималось в тёмное небо, с потрескиванием рассыпая искры.

Варили полевой запорожский кулеш с салом. Вася Кравченко пшено отмерял банкой по счёту без вершков. Вершки ловко отгребал ладонью в мешок.

Степан Акимович, заметив скупость Васьки, в шутку сказал:

- Ну и Василь! Дай тебе волю зараз куркулём заделаешься!
- Та шо вы, Степан Акимович, я ж по правде меряю! – обиделся Вася.

В это время Маня Бобина попросила муки на заправку. Девочки варили ужин по-своему.

- Не-не, мукучки не дам, дивчатка, нэ положено по рациёну! – мягко отвёл просьбу Кравченко, разводя руками.
- И правда, куркуль! Сам як мукучка! – покраснела Бобина и гордо отошла, не настаивая.

Кулеш варился густой. Развариваясь, пшено клекотало и булькало, выбрасывая горячие комочки. Заправляли шкварками с луком, бросали лавровый лист, солили с частыми пробами на вкус. Вместе с паром потянуло таким запахом, от которого сами собой потекли слюнки.

Вслед за кулешом кипятили чай. Ещё из дома сохранились кулебяки. Их испёк на дорогу Карпо Филиппович с напутствием: «Нехай идять!» Они причерствели, но какой здоровый хруст пошёл в этой чудной Байдарской долине!

В Байдарах нас не оставили в одиночестве. Лагерь окружили местные жители, вначале дети, а за ними – взрослые. Появились представители местной власти, культработники, молодёжь – парни и девчата. Они окружили Барбарова и вели разговор как со старым знакомым. Здесь же вертелись Камардинов и Швед, как помощники Барбарова. Швед в коммуне – признанный оратор. На всех ответственных собраниях, где полагалось выступать с речью, по поручению комсомола, выдвигался Швед. Он небольшого роста, крепкого сложения. Глаза большие, серые. До Шведа в коммуне

ораторствовал Камардинов, но Швед его потеснил, и Васька отошёл на второй план. Возможно, что на почве ораторского искусства они сдружились.

Местную молодёжь и власти привлёк наш оркестр.

Барбаров с помощниками разведали обстановку до подхода коммуны и совместно с комсомольцами решил организовать встречу. Комсомольцев немного в селении, в основном из русских и украинских ребят. Место встречи в летнем сельском клубе. Он недавно построен.

После ужина нас пригласили на смычку с жителями Байдар.

Небольшое дощатое строение с открытой сценой и перед ним деревянные скамейки на деревянных столбиках. Здесь уже собрался народ, слышался гул голосов. Люди стояли по сторонам, не занимая мест. Коммуна подошла строем. На сцену внесли наше знамя, ассистенты замерли рядом.

Сцена освещалась висячими керосиновыми лампами с жестяными абажурами, стол накрыт красной скатертью. Когда мы разместились в амфитеатре, на сцену поднялся секретарь местной комсомольской организации, председатель Осоавиахима, ещё два пожилых человека, Барбаров, Швед и Сторчакова. Несмелых хозяев мы приглашали занять места рядом с нами. Садилась молодёжь, а старшие из аула остались стоять.

Коротким выступлением собрание открыл секретарь ячейки. Он кратко представил нас, пояснил, кто мы такие, почему здесь и куда направляемся.

Затем слово предоставили Шведу.

После горячего приветствия Швед рассказал о коммуне, о нашем труде и учёбе, о коллективе ребят, оставшихся без родителей и возрождённых советской властью и чекистами к новой трудовой жизни. Он с гордостью подчеркнул, что мы носим славное имя первого чекиста страны – Феликса Эдмундовича Дзержинского и что никогда ни при каких обстоятельствах не обесчестим это дорогое имя!

Коснулся вкратце нашего похода-отдыха, предоставленного коммунарам наградой за труд и учёбу. Вначале он говорил тихо, но постепенно голос его крепчал, придавая уверенность и значимость всей фигуре оратора. Затем перешёл к грандиозным событиям в стране, перечисляя стройки пятилетки и говоря о рождении новых заводов, фабрик, электростанций, каждая из которых радует трудящихся и рождает новый энтузиазм и размах. Швед говорил искренне, горячо, умело управляя интонациями.

Закончил свою речь страстными словами: «За нами будущее, товарищи! Мы горячо верим в наш светлый завтрашний день!

И никаким враждебным силам нас не сломить! Пусть живёт и крепнет боевая смычка города и деревни! Да здравствует великий Ленин – вождь и организатор Коммунистической партии, вдохновитель всех наших побед!»

Ему громко аплодировали, многие встали. В это время наши комсомольцы запели «Интернационал». Его подхватил оркестр, встали все присутствующие и пели. Собрание, посвящённое встрече, превратилось в митинг. За Шведом выступили председатель молодой артели, секретарь ячейки, виноградари–члены артели, чабаны. Они говорили о трудностях на новом пути, о недостатках, плохой обеспеченности инвентарём, о том, что им ещё мешают бывшие богатеи, об остатках бандитизма. Но в словах не было безнадёжности и упадочничества, они тоже верили в завтрашний день.

И подумалось, что и мы, и они, разделённые многими километрами, проживая в разных районах страны, делаем одно и то же дело, боремся за общие интересы.

После официальной части устроили объединённый концерт. Начался он короткой цирковой программой. Мы увидели знакомую собачку, бойко составляющую слова из ярких букв. В одном месте она перепутала буквы и не получила лакомство. Хозяин её строго пожурил, она сложила ушки и виновато клонила голову на лапки. Увидев поощрительный знак, исправила ошибку и ушла со сцены на задних лапках под аплодисменты зрителей.

- Учись! – подтолкнул Калашкина Гришка Соколов, шмыгнув носом.
- Каштанка лучше, – заключил Витька, – она пела.
- А ты хуже читаешь и не поёшь, – нетерпеливо махнул рукой на Калашкина Гришка, вытягивая шею к сцене.

Там выступал фокусник, глотая шпаги, из пустого ящичка вытягивал разноцветные ленты, опутывая ими себя и помощницу. После выпустил десятка два голубей и снова их куда-то спрятал, открывая нам пустой ящик. Всех удивил его заключительный номер. На глазах у зрителей выпил ведро воды. Потушили лампы и увидели, что из его рта вырывается пламя, как из форсунки, освещая сцену, а когда зажгли свет, в ведре снова обнаружили воду. Это подтвердили правдоискатели Панов и Терентюк, сбегавшие на сцену и ткнувшие пальцы в ведро.

Нашу программу Терский начал «Немым конференсье». Вместе с публикой смеялись и крымские горы!

Хор исполнил «Мы кузнецы», «Наш паровоз». Лена Соколова хорошо прочитала стихотворение М. Светлова «Гренада». Её вызывали «на бис».

Шура Сыромятникова и Мотя Петкова под оркестр танцевали татарский танец. Он вызвал оживление, дружеские аплодисменты. Вся композиция танца: законченное движение, грациозность и лёгкость, с чисто национальными чертами, характеризовали хорошую подготовку танцовщиц. Вместе со всеми дружно аплодировала цирковая труппа артистов. Их мнение было особенно дорого.

Заклучали программу «Музыкальной шуткой», фрагментами из «Украинской сюиты» Левшакова и виртуозным «Турецким маршем». Его звуки всколыхнули всю тишину Байдарской долины, теряясь где-то далеко в горах и лесах.

В лагере поддерживались костры. Они светились в разных местах, привлекая к себе, создавая уют и особое тепло.

После команды «вольно», «разойдись» вместе с гостями облепили костры и продолжили дружественную беседу. Пели украинские песни. Как хорошо они звучали здесь, в горной долине, вдалеке от родного дома! От них веяло грустью и задушевностью.

Антон Семёнович, Дидоренко и Барбаров проверили посты. Они казались чем-то озабоченными и приказали усилить охрану лагеря дополнительно тремя постами с часовыми и подчасками. На винтовки выдали по обойме боевых патронов. Посты усилили старшими коммунарами и студентами вузов из бывших колонистов-горьковцев, которые проводили каникулы в наших походах.

Караул возглавил сам Калабалин. Перестройка сделана так осторожно, что о ней знали только прямые участники.

В 11 часов вечера с гостями попрощались. Приказ дан спать. Сигнала ко сну не было. Теперь укладывались в мягкие постели. В стане девчат тихие смешки, какая-то возня, шорох.

Втайне от хлопцев, отгороженные корзинками, они делили молоко. Его притащила Белинина чуть ли не ведро. Захлёбываясь от возбуждения, рассказывала: «И така хороша старушенция! Я иду, а вона коровку доить. Дону, каже, чи не допоможеш мені подоить, бо ця корова така скажена, хочь почеши їй за вухом! Я чесала, чесала, а як побачила, що бабуля дуже стара, то і сама доила».

– Чи не брешэш ты, Нинка,– забеспокоїлась Зина Носик,– може ты видьма?

Но молоко всё же выпили и наконец уgomонились.

Я ещё долго не мог уснуть. Вспомнил рассказ Антона Семёновича. Перед закрытыми глазами, как на киноленте, поплыли яркие картины. Представлялись шатры кочевников в этой долине. Меж них скакал татарский конник, которого видел в Оружейной палате в Москве, и... всё вдруг

заволокло туманом, дымом пожарищ, сгнуло... И вот спят, разметавшись в разных позах, потомки хазар, печенегов, запорожских казаков, русских богатырей и татар... Какое удивительное смешение племён и народов успокоилось в глубоком сне дружбы и согласия...

* * *

Утреннюю тишину нарушил сигнал. Подъём. Было ещё темно. С гор спустился туман, забивший долину, как ватой. Вставать не хотелось.

В стороне фыркали лошади. Обозные готовились к погрузке. Ахмет, Керим и Селим – коренные жители Байдар – обступили Степана Акимовича и требовали доплаты за услуги. Они заломили высокую цену, и Дидоренко возражал. По их словам доплата нужна на корм лошадей, на ремонт обуви.

– Ваши лошади овсом не балованы. Видно, как вы их кормите! Одна сухая шкура и на подмётки не согдится! Не на то просите!

– Зачем обижаешь, хозяин, тут ваш жирный конь не шагает, падать будет. Наш идёт, овёс надо, – настаивал Керим. Штой чего, разговор ненужный. Нэ дашь – не паедим, – отрезал Селим.

В затянувшийся спор вмешался Антон Семёнович:

– Поехали, товарищи, на корм и сбрую дадим. Ахмет хлопнул в ладоши и потёр ими в знак скрепления договора.

Светало. Густой туман медленно выползал из долины, как по трубе, открывая тёмные горы и небо. Спят Байдары.

Наш сигнал разбудил петухов и, вспомнив свои обязанности, они распелись на разные голоса и на все лады.

Вскоре в окна замелькали редкие огоньки. Короткий завтрак, уборка лагеря. В четыре часа покидаем обжитую стоянку Байдарского аула. За Байдарами дорога сузилась и пошла в гору. Нас сопровождали весёлый гомон птиц и тёмная полоса леса.

Час марша привёл нас в нормальное состояние. Пропали лень и остатки сонного настроения. Лесные массивы то поднимались над дорогой, то опускались в глубокие балки, перемежались с живописными зелёными полянами и лугами. Следопыты разбрелись по лесу. Кто-то набрёл на лещину с орехами. Увлёкшись орехами, догоняли колонну бегом.

От Байдар шёл с нами проводник, один из местных жителей-татар. Его порекомендовали байдарские комсомольцы, он приветлив и словоохотлив, и видать, не новичок вождения экскурсий, хорошо ориентируется в родных местах. Проводник шёл впереди вместе с Барбаровым и группой любознательных ребят.

В лёгкой одежде и обуви, покрытый бронзой загара, он легко шагал, ничем не стеснённый и не связанный.

Барбаров, напротив, — затянут воинским ремнём, на котором справа висела увесистая кобура, а слева, на портупее тяжёлая сумка с планшетом и книжками. Сапоги печатали армейский шаг. Коротая время, он рассказывал эпизоды о покорении Крыма русскими армиями Румянцева и Суворова.

— Подтянись! — скомандовал Антон Семёнович, ожидая отставших, которые, услышав команду, бегом выскакивали из-под укрытий деревьев и из всех щелей.

Кончилась узкая дорога. Перед нами выросло Нечто из серого камня с массивным перекрытием. Ворота. Мы остановились и умолкли, поражённые увиденным.

Это была грань между тем, что было и что теперь предстало перед нашими глазами. Слева всё заполнило огненное зарево, от которого нет сил оторваться и увидеть что-то другое. Из необозримой глади выплывал огромный шар легко и плавно, словно кто-то его подталкивал невидимой сильной рукой из глубин моря. Вот он оторвался от черты слияния воды и неба и поплыл. Всё ожило, засверкало искрами — и море, и небо, и, земля. Осветились розовым сиянием отвесные скалы, острыми шпильями уходящие ввысь и падающие куда-то в пропасть. С высоты обозрения, как из-за гигантского занавеса, открылся лёгкий простор воздуха, неба и моря. Оно спокойное, чистое и казалось, просвеченное на большие глубины.

От моря по склону всходила к нам полоса сплошной зелени, сверкающей прекрасными красками света и тени. Всё покоряло, в груди останавливалось дыхание, хотя воздух был лёгок, свеж, наполнен неизведанным смешением запахов трав, зелени и моря.

Когда поднималось солнце, на крыше ворот уже маячило несколько верхолазов, застывших в неподвижных картинных позах.

И вдруг, как провозвестник начала дня, как гимн всему живому, грянул «Интернационал».

В груди сдавило, перехватило дыхание... и покатились слёзы. Отчего? Может быть, ошеломила награда за все невзгоды прошлой короткой жизни? Может быть, это — очищение от человеческой скверны и полёт в будущее — сильное и прекрасное?

Кто знает, что потрясло так неожиданно и сильно в эти короткие минуты.

Очнувшись, я увидел и почувствовал, что какое-то подобие душевной бури коснулось и других, что не один я такой сентиментальный размазня.

5. ПО ГОРНЫМ ТРОПАМ. «ШАЙТАН МЕРДВЕНЬ»

Вниз по дороге катился наш обоз, грохоча колёсами и скрипя всем, что может скрипеть в сухой татарской арбе.

Мы не пошли вслед за обозом. Проводник повернул влево и повёл вверх по крутизне. Ловко переступая с уступа на уступ, легко преодолевая препятствия из очищенных природой камней и провалин, мы уподобились стаду горных коз на переходе к новому пастбищу. Так поднимались всё выше и выше, местами цепляясь за корни, крепко вросшие в камни, за опущенные ветви деревьев, преодолевая чащу диких кустарников. Шли по узкой полосе, которую проводник называл тропой, намного сокращающей маршрут. Как ни вглядывались, а тропы не замечали.

Всё внимание было обращено на то, чтобы не поскользнуться в неверном шаге и не обрушиться вместе с камнями в заросшую бездну. Смелчаки обогнали проводника, скрылись в зарослях, перекликаясь на разные голоса.

Малыши и девочки мужественно и весело проделывали опасный путь. С нами был Антон Семёнович, а с ним мы ничего не боялись.

В эти минуты и часы, связанные с опасностью, каждый сам того не сознавая, хотел быть героем.

Антон Семёнович, следуя сзади с Левшаковым, видно не разделял наших радостных порывов. На его глазах карабкались музыканты с инструментами, виртуозно выпутываясь из кустов и напоминая раструбами ловких оленей с ветвистыми рогами.

Авангард Калабалина достиг какого-то рубежа. Там уже слышались победные крики «индейских воинов».

К ним подтягивались остальные.

Кончился тяжёлый переход. Мы увидели открытое пространство с округлыми низкими холмами, гладко устланными травой и яркими цветами. На склонах гор, в расселинах и глубоких балках тянулись к небу гигантские сосны с огромными кронами. В воздухе стоял крепкий смоляной дух, смешанный с запахами трав и цветов.

В затенённой впадине обнаружили весёлый ручеёк. Он вытекал из узкого ущелья между щёками скал, скатываясь чистыми и холодными струями. Освежились и набрали воды в баклажки. Солнце светило и грело щедро.

После короткого отдыха двинулись дальше. Шли по мягкому ковру, будто плыли, то поднимаясь по отлогим холмам, то скрываясь меж ними.

Девочки украсились цветами и шли, как сказочные феи.

Голоногие собраты Гришки, Котляры, Калошкины, Куслии шагали отдельными стайками, не подавая признаков усталости и недовольства.

Справа от круто сходящей вниз неровной поверхности, укрытой низкорослой зеленью, отдельными высокими деревьями, взгромождёнными на отвесных слоисто-покрученных скалах, привлекала и звала другая жизнь с людским жильём, близостью моря. Сверху мы видели крошечные строения с ярко окрашенными причудливыми крышами. Узкими лентами петляла дорога, ползущая вниз.

По времени и скорости продвижения должен бы и начаться спуск «с крыши на землю». Невзирая на прелесть плоскогорья, хотелось приблизиться к морю. Оно тянуло к себе теплом и лаской.

Но где же спуск? Проводник всё шёл и шёл, успокоившись после крепкого разноса Макаренко.

Нетерпеливые атаковали его вопросами, не видя конца пути и места, где можно спускаться. Татарин загадочно улыбался и всё обещал:

Ничего, ребята, мы подходим к Шайтан-Мердвеню.

– Какой медведь?

– Нет, это не медведь. Это, по-русски, Чёртова лестница,

Передовой отряд ожидал у прорвы между скал, почуяв, что именно здесь и есть что-то похожее на спуск. Догадку подтвердил проводник. И мы покатались горохом по очень крутому откосу, высеченному в скале, загромождённому камнями самых причудливых форм и размеров.

В головокружительном галопе старая гвардия помнила о пацанах, вовремя оказывалась там, где нужно помочь. Малые не требовали помощи, самоотверженно карабкались на камни.

Девочки также мужественно обходились без рыцарских жестов хлопцев, но изредка в их рядах прорывалось крылатое восклицание «Чорти шо!».

Виктор Николаевич с тихой улыбкой перемещался по препятствиям шагами болотной цапли, преодолевая подчас двойные порции «ступеней». Время от времени оглядывался на маячившую где-то вверху фигуру Левшакова, плывущую как бы в облаках, напоминая ангела из полотен средневековых живописцев. Терскому мешала бежать кожаная табакерка, отскакивавшая в сторону на пристёгнутом ремешке. Он не мог обойтись без неё, так как часто курил самодельные папиросы.

Наша обувь будто специально приспособлена к горным путешествиям. Мягкие лосевые подошвы эластично задерживались на камнях, влипая в их разнообразную форму. Совсем иное сапоги с твёрдыми и скользкими подошвами. Их обладатели – Антон Семёнович, Дидоренко и Барбаров – не могли так свободно перескакивать, не рискуя оказаться в пропасти. Нам и в голову не приходило выразить им сочувствие либо подумать о помощи.

В Антоне Семёновиче как всегда и везде мы видели человека-героя, которому нужно подражать. Поэтому бессовестно обгоняли его, стремясь доказать, какие мы ловкие, сильные и умелые. Ведь он сам воспитал эти качества.

Поэтому «Шайтан-Мердвень» каждый покорял самостоятельно.

Уже внизу на твёрдой дороге мы долго ждали «схождения» начальства и заскучали. Когда оно приблизилось, проводник не на шутку струхнул.

На этот раз обошлось благополучно. Виктор Тимофеевич, объявившись последним из-за последнего камня спуска, раскатисто возгласил:

– Какая чудная дорога! Прелесть, ангельская лестница, красота, – при этом широко расставил руки с поклоном, как бы добавляя: «Нате меня! Я ваш!»

Багровое лицо, на котором пучками вскочили брови, разодранная до каблука туфля, измученный вид доведённого до отчаяния человека вызвали такой откровенный, неудержимый хохот хлопцев и девчат, что, казалось, заплясали горы. Звук эхом взлетел назад по «Чёртовой лестнице» и бросился вниз, пробуждая тишину ущелий и пропастей. Калошкин подвизгивал как поросёнок. Музыканты сыграли туш, чувствуя своего маэстро.

Обоза не видать. Он где-то в поднебесье петлял по извилинам дороги.

Не вредно бы перекусить, но получили приказ двигаться дальше с остановкой в Кикенеизе.

По расчётам Барбарова идти около десятка километров. Коммунары двинулись за Калабалиным. Проводника отпустили. В стороне с ним рассчитывался Степан Акимович. Из группы взрослых, стоящей от меня в нескольких метрах, доносились отдельные фразы Виктора Тимофеевича:

– Чёртов башибузук, негодяй! За что ему платить?! Он же проводник на тот свет – вот кто он! Каторжник!

Левшаков резко рубил воздух рукой, дав теперь волю своим чувствам, как за пультом перед тупым музыкантом.

Удовлетворив мальчишечье любопытство, я догонял товарищей. О, я хорошо узнал цену терпения Виктора Тимофеевича!

Дорога петлями увлекала вниз. Иногда открывались просветы с видом на море, на дали с густой растительностью, покрытой синевой, на отвесные скалы с ползучими зелёными жилками, на дачи и отдельные постройки, которые рисовались отчётливее.

День был в разгаре, когда передовой отряд вступил в Кикенеиз. Посёлок с наклепленными строениями, разбросанными вверх и вниз, был оживлён. На главной улочке довольнолюдно. По ней двигались и местные жители, и приезжие горожане-дачники в пёстрых лёгких одеждах с зонтиками, с сумочками и сумками. Это, по-видимому, центр Кикенеиза с торговыми заведениями – лавками, рундуками, киосками, огромными бочками, выстав-

ленными впереди погребов. Хозяева зазывали в магазины, наперебой предлагая свои товары, пробы вин, расхваливали их всяк по-своему.

От безделья и поисков зрелищ побрели на базар. Глаза поразило множество свежих и сушёных фруктов, арбузов и дынь. Жёлтобокие красавицы дразнили сладким ароматом.

До прихода обоза не могли покупать. Наши сбережения там, в саквояже Антона Семёновича: списки и деньги.

Торговцы обратили внимание на вторжение голоногих пришельцев и конечно насторожились.

– Ходитэ, хлопци, хай йому бис! – махнул рукой Семён. Он брал дружески ребят за плечи и увлекал с базара. В самом деле, зачем толкаться с пустыми карманами, да ещё, чем чёрт не шутит, как бы чего «не соглзить»!»

Собрались у школы. Маршрутная комиссия имела договорённость о ночлеге.

Ждём Антона Семёновича. В палисаднике школы хозяйничала квочка в окружении выводка. Она размашисто гребла землю под яблонькой, часто вместе с цыплёнком, попавшим под горячую «лапу». За работой квочка не забывала поворачивать шею и одним глазом смотреть в небо. Особый сигнал заставлял малюток замирать на месте и в страхе дожидаться «отбоя».

Ещё издали послышался родной скрип и грохот колёс. Вместе с обозом пришли наши руководители. Арбы, едва ставшие на место, атаковали всякого рода «службы», «ответственные лица» и простые добровольцы. Вмиг разбирали упаковку продуктов, определяя на нюх, что где упрятано сытыми интендантами.

Васька разрывался на части, регулируя потоки ящиков, коробок, мешков, корзин, плывших в руки бойких потребителей.

– Ну куда ж ты тягнешь? – голосом расстроенного тромбона молил он, отбирая назад какой-то лишний мешок. В самом деле, зачем «Мухе» столько соли?

К чести столовой комиссии, в которой не последнюю скрипку играл Русаков, пищевые вопросы были скоро улажены. Обедали в школьном дворе, без салонных бесед. Уплетали и тушёнку, и ветчину, и консервы рыбные, и огурцы, и гущённое молоко, устроившись под густой тенью орехов и шелковиц.

Быстро насытились и отпросились у Антона Семёновича испустаться. Ведь глядя сверху – до моря рукой подать!

А море, такое близкое, всё отступало и отступало, заслоняемое то могучими тополями, то заросшими возвышенностями, то усадьбами, которые

нужно обходить, порождая нетерпеливый азарт.

Стремительный бросок продолжался не менее часа. И наконец прибрежная полоса зелени отступила, открывая бледную бирюзу неба и слепящую солнечными искрами волнистую синеву моря. С разбега ноги погрузились в тёплую гальку. На нас катились, слегка пенясь, сине-зелёные волны, рассыпаясь по отлогому берегу и мимоходом зализывая неровности и увлекая с собой разноцветные камешки, подобные семечкам.

Через минуту в воде торчали головы, которые фыркали, кричали, охали и ахали.

Держаться в воде легко, не то что на речке, и выходить на берег вовсе не хотелось. Тонуть никто не собирался; об этом не думали и благо, что нашу свободу никто здесь не ограничивал назойливой опекой.

Нам недолго пришлось наслаждаться морем. Павел Перцовский командовал выходить. Оделись, побросали кто дальше плоские камешки – и до свидания, море!

Спешим. Отпущенное время на исходе, и подъём не то, что спуск – в гору не побежишь. Снизу вверх лучше увидели богатые дары природы, оказавшись в зоне садов и виноградников. Участки сходили террасами с насыпной землёй, подпертыми стенками из камня. Видно, немало трудов положено на эти сады. С веток деревьев подмигивали краснобокие яблоки, сахарные груши и незнакомые южные плоды, а виноград сам напрашивался в гости, только подставляя рот.

Перцовский повёл цыганским глазом по рядам, разгадывая грешные желания, и коротко остерёг: «Не баловать, братва, сады не поповские!»

Поневоле руки заложили за спину.

На подходе к Кикенеизу мы увидели на пригорке Антона Семёновича. Он сидел в одиночестве под тенью дерева. Рядом поставлены сапоги. Босые ноги отдыхали. Они были женственно малы и очень белые.

На голове вместо привычной фуражки – тубетейка. От этого нос как бы увеличился, лицо удлинилось, глаза без очков добрее и утомлённее. Я никогда не видал «Антон» в домашнем виде, и здесь он открылся человеком простым, добрым, которому так же нужен отдых, что раньше не приходило в голову.

Видно наше вторжение было неожиданным, и он надел очки.

– Я сейчас буду, товарищи, идите в лагерь.

Пошли с чувством неловкости, как случайные свидетели чего-то недозволенного.

В лагере всё уже было готово к походу. Решили без ночлега двигаться к Симеизу. Было около шести вечера, когда Семён построил колонну.

В Симеиз вошли, когда окончательно сгустились сумерки, и на небе вспыхнули звёзды. Курортный городок встретил прохладой, освещёнными

улицами, праздными прохожими, которые останавливались на тротуарах и провожали колонну восторженными взглядами. Впереди развевалось знамя. Люди стекались из тенистых улочек, выходили с парковых дорожек и беседок, с пляжа. Стояли на балкончиках домов, приветствуя руками, платочками, шляпками. На тротуаре Дидоренко и Барбарову закрыли дорогу, засыпая вопросами.

Узнав, кто мы такие, стали предлагать помочь с ночлегом, питанием. Это был рабочий народ, люди, приехавшие из русских городов страны на отдых. Что-то по-родительски тёплое было в их заботах.

Маршрутная комиссия с Шершнёвым и Дидоренко повела колонну на ночлег в клуб Союза строителей. У входа коммуны встретил член правления ГПУ Михаил Маркович Букшпан, наш шеф и друг.

Антон Семёнович скомандовал: «Смирно!» и отпароттовал:

– Товарищ член правления! Коммунары-«дзержинцы», совершив сегодняя однодневный сорокакилометровый марш, прибыли на отдых. Все здоровы, настроение бодрое. Начальник коммуны – Макаренко!

– Здравствуйте, товарищи «дзержинцы»! Поздравляю вас с героическим походом! Вы проявили мужество, стойкость и дисциплину. Желаю вам хорошо совместить переходы с отдыхом. Набирайтесь новых сил, закаляйтесь. Впереди вас ждут большие, интересные и трудные задачи. Ура, коммунары, молодцы!

– Ура! Ура! Ура! – прокатилось по рядам с дружными аплодисментами. В наступившей торжественной тишине послышалось:

– Под знамя – смирно! Салют!

Под чёткий знамённый марш торжественно вдоль строя, печатала шаг знамённая бригада Разумовского, во главе с Харламовой. По бокам маршировали ассистенты Студецкий и Соколов. Никаких следов усталости, недетского напряжения похода.

6. НА ПУТИ К ЯЛТЕ

На новом месте не спалось. Едва утренний свет постучался в окна, как непоседливые «старики» начали дружно оставлять постели. «Робеспьер» успел оглядеть ближайшие закоулки, насладиться утренней свежестью.

Во дворе обоз готовился к выезду... без главы столовой команды Кравченко.

По дороге к Симеизу он бесследно пропал. Искали, возвращаясь назад, давали сигналы в три корнета, но Василь не отзывался. Разведчики вернулись в час ночи ни с чем, пожимая плечами.

Ахмет тоже ничего не мог пояснить.

– Я не знал, куда девался Васка, штой чего, нэ виноват, начальник!

Вера Ефименко и Русаков видели, что Вася соскочил на ходу, может «по своим делам». Думали – догонит...

– Так какого же вы чёрта не остановили шарабаны!– возмущался Ка-лабалин, теребя Русакова за грудки. В перепалку вмешался Букшпан:

– Я приму меры, товарищи, найдём, успокойтесь. Не такой он растя-па, как вы говорите.

Утром Васька не появился. Настроение несколько упало. К морю бежали без обычного весёлого гама.

Завтракали в столовой санатория. Букшпан привёл коммуны в тот самый дворец, который мы видели с вершины скалы «Дива».

На закуску в маленьких тарелочках подали паюсную икру. К удивлению персонала столовой наши девчата, попробовав её на язык, скривились и больше к деликатесу не прикасались. Чёрную икру заменили красной. Этой наши принцессы оказали более тёплый приём.

«Неразборчивые» хлопцы с удовольствием ели и ту и другую.

На рейд подошёл большой пассажирский катер «Зарница». Антон Семёнович сказал, что это наш. Пристани не было. Переправлялись катерными шлюпками. Их пригнали к берегу матросы. На палубу катера высаживались без трапа, с борта на борт.

Палуба из узких деревянных досок, чисто вымытая, просторная, уставленная скамьями вдоль бортов, а под тентами – поперёк. Снизу через вентиляционные люки с решётками слышался шум механизмов, оттуда же поднимался тёплый запах смазки.

Резвую беготню пацанов охладил строгий моряк в картузе с лакированным козырьком: «Сидеть на местах и не шастать, вишь посудина крепится!».

Сто пятьдесят пассажиров равномерно поместили по обоим бортам. Посадка закончилась. Подняли якорь и шлюпки, заработали двигатели, дрогнул корпус, вспенилась под кормой зелёная волна, и медленно поплыл мимо берега, открывая всё новые картины.

Вдали от прибрежной пёстрой полосы, изрезанной бухтами, впадинами и скалистыми выступами, выделялась цепь горных вершин, покрытых бледными серо-голубыми красками.

Нет слов, чтобы выразить восхищение: на самом краю отвесного выступа увидели дворец из сказки. Скалу подмывали нескончаемые удары волн, а она стоит как каприз человеческого творения, вызов бурным стихиям моря и ветра. Косые лучи солнца окрасили в розовые тона и оголённый

выступ берега и каменные россыпи, в белом ожерелье морской пены, и малые коробочки построек, вкраплённых на взгорье, и стены восхитившего нас чудо-дворца.

– Ласточкино гнездо, – сказал кто-то из команды.

«Зарница» шла, слегка покачиваясь на волнах, вызывая непривычные ощущения неустойчивости и лёгкое головокружение.

За кормой уходила ровная дорожка, и над ней кружили чайки. Пацаны свесились с бортов, глядя на узкие уходящие полосы и пытаясь коснуться воды.

– Не глядите на воду, травить будете! – предупреждал боцман. Он ходил по палубе, отдавая команды матросам.

– Ялта, ребята, смотрите, где мы будем жить! – воскликнул Барбаров, показывая на берег. «Зарница» подходила ближе к берегу. Слева открывался вид холмистой долины, с линией построек у самого моря.

Синие горы отступили вдаль, прикрытые нависшими белыми облаками. «Зарницу» обгонял большой теплоход с пассажирами. На подходе к порту он оглушил Ялту зычной сиреной. Мы увидели маяк на узкой каменной полосе. Входили в залив, образованный берегом и длинным, входящим в море причалом. У его стенки стояли под разгрузкой большие пароходы.

«Зарница» вошла в конец залива. В машине звякнул телеграф, и она сбавила ход. Матросы стояли на носу, готовясь к швартовке. Мы с нетерпением ожидали высадки, скорее бы стать на твёрдую землю. Бросили трап. На берег выходили взводами по команде.

Лакированный козырёк повеселел, подмигивал, малых похлопывал по плечу, приговаривая: «Молодцы, ребята, не оскандалились. Ишь – палуба чистая! Так держать!»

– Дядя! Так мы же старые моряки! – не выдержал похвалы Скребнёв, – аж всё в ракушках!

На берегу расплылись в улыбке Сеня Марголин и Семенцов. Они встречали всех, как старых друзей, которых бог весть сколько не видели. Своего «кинщика» Иванова Ивана (третьего)¹ Марголин даже расцеловал.

За его спиной стоял, съёжившись, Кравченко, весь помятый и грязный, с угольными пятнами на лице и рубашке. Лицо кривила вымученная улыбка. Несмотря на поникший вид, в уголках глаз светилась радость: как никак снова среди своих, а там что будет.

¹ Ивановых Иванов в коммуне было пять

– А, Мукичка! Який же ты «лыцарь» став! Соромно на тебе глянуть! – язвили девчата, проходя мимо на построение.

Васю окружили, расспрашивали, сочувствовали. История его исчезновения оказалась проще, чем думали.

Оторвавшись от обоза, Васька попал не на ту дорогу и заблудился. Ночевал в заброшенном сарае.

– И вот дойшов! вздохнул Васька с радостным облегчением.

Подошёл Антон Семёнович.

– Ну, здравствуй, герой! А мы тебя ждали. Где твой обоз?

– Та хто ж його знае, куды вин дивався. Як с кручи упав! И шукав и кричав, хиба найдёшь в этих горах и куцах! Та и сам заблудився...

– Найдётся обоз, становись в строй! – сказал Антон Семёнович и лукаво подмигнул. Видимо, находчивость Васьки пришлась ему по душе.

– Есть стать в строй! – распрямылся Васька и бегом устремился на своё место.

Шли по главной улице, накалённой солнцем. Справа сомкнутая линия домов, один на один не похожих ни размерами, ни формой, ни отделкой фасадов, ни окраской, но почему-то приятных для глаз. Слева сквер с цветами, невысокими деревьями, подстриженными кустами, киосками и беседками. За сквером – открытая набережная и синее море. Всё жадно схватывалось на ходу, запоминалось.

Остановились на взгорье у самого моря. Внизу пляж. Взгорье покрыто низкорослыми раскидистыми деревьями, над ними возвышается маяк.

– Приехали! – объявил Марголин, останавливая музыкантов.

– Ура! – раздался победный крик в четвёртом взводе, состоящем из пацанов. Алексюк размахивая флажком, прыгал на одной ноге. Немного отступив от обрыва, стояли каркасы для палаток с готовыми нарами из свежеструганых досок. Они издавали приятный запах хвои.

Не распуская строй, совет командиров распределил палатки. Это был лагерь коммуны, перенесённый чудодейственной силой из Харькова в Ялту, с той разницей, что добавилась штаб-палатка для Антона Семёновича и две палатки для персонала.

Не теряя времени, каждый взвод ставил свой дом. Девочкам помогали старшие коммунары, но первым был устроен штаб с флажком на штоке.

Раскладывали матрацы, и каждый занял своё место так, как было в лагере коммуны.

Прибыл обоз. Как же были обрадованы и Русаков и Ефименко, когда увидели своего шефа живого и невредимого! Обрадовался и Ахмет, тиская «Васку» в крепких объятиях.

С повозок сняли корзины, уборочный инвентарь, какие-то сундучки, коробки и папки Виктора Николаевича, брезенты. Брезенты расстилали в палатках под ноги, как полы. В стороне вытряхивали одеяла. Через полчаса постели были застланы. Девчата извлекали свои украшения и с привычной деловитостью обставляли свой походный быт, придавая ему надлежащий уют.

Русаков из рук в руки передал Антону Семёновичу саквояж, чемодан и ящик с пищущей машинкой.

Когда окончили оборудование лагеря и он вытянулся двумя стройными рядами палаток, украшенных флажками, раздался короткий сигнал общего сбора.

Строились на площадке лагеря, где была установлена высокая мачта. Об этой существенной детали позаботились Сеня Марголин и Семенцов.

На небольшом деревянном помосте-трибуне стояли Антон Семёнович, Барбаров, Дидоренко, Швед, Сторчакова и Ваня Ткачук – пионерский вожак младшего поколения коммунаров.

Внесли знамя коммуны. Ассистенты без винтовок.

– Коммуна, равняйся, смирно! Командирам сдать рапорта! – скомандовал Ваня звонким голосом.

Командиры взводов сдавали Ване рапорта, подтянутые и серьёзные, как это ежедневно делали Антону Семёновичу перед общим собранием в коммуне.

Рапортовали о благополучном прибытии на отдых. На подъём флага выделили лучших пионеров: Красную Любу, Торского Витю и Гуляева Шуру.

– Флаг Союза Советских Социалистических Республик поднять, – командовал Ткачук, повернувшись в салюте лицом к мачте.

Под звуки «Интернационала» медленно поднимался флаг, разворачиваясь в высоте над строем под напором морского ветра. Никогда не забыть этой минуты! Поднят флаг нашего государства. Его подняли пионеры-«дзержинцы», олицетворяющие юность страны.

В торжественной тишине зазвучал взволнованный голос Антона Семёновича.

– Дорогие товарищи коммунары! Сегодня, 3 августа, мы закончили нелёгкий поход от Севастополя к Ялте. Перед вами дни интересного отдыха

в лучшей здравнице страны. Больше смотрите, изучайте этот чудесный край. Он неповторим, как неповторимо ваше детство в большой коммунарской семье. Вы всегда будете помнить эти дни. Набирайтесь же новых сил, здоровья, чтобы в трудное время встретить ветер лицом.

Отчётливо представилось, что всё окружающее: и солнечный день, и лазурное море, и эту землю, на которой стоим, и нашу юность, и счастье, которое так недавно пришло к нам, нужно беречь и защищать. В спокойных лицах товарищей, в самом себе я прочитал клятву: «Будем беречь и защищать, где бы ни настигла гроза».

7. НА ОТДЫХЕ

Лагерная жизнь вступила в свои права, подчиняясь привычному распорядку и ритму с той лишь разницей, что не было производства и школы.

После зарядки лавиной катились с нашей кручи на пляж. В это время дежурные убирали в палатках территорию. Где-то раздобыли шланг и по очереди освежали брезентовые полы. Днём палатки открыты всем ветрам, валиком подкатанные вверх.

Питались в летней столовой ТОГПУ (транспортного отделения ГПУ). Это лёгкий павильон типа «поплавка» над самым морем. Кормили хорошо. Наше самообслуживание облегчало труд работников столовой.

Виктор Николаевич со своим активом художников разработал план культурных мероприятий на всё время отдыха. Он включал экскурсии, лекции, работу натуралистов и художников, сыгровки оркестра, концерты, посещения кинотеатра, встречи на футбольном поле. Предусмотрены были и «окна» для свободного времени, которое каждый мог использовать как хотел.

Ещё до восхода солнца рыбаки занимали места на берегу. Пахло морем и водорослями. Волны разбивались о камни, забегая во все закоулки. Солёная вода больно щиплет ссадины на коже, но никто не обращает на это внимание, когда хорошо клюёт, когда среди бычков мелькнёт и ставрида и скумбрия! Шеф рыбаков Терский. Солёная вода, палящее солнце вымочили и окончательно иссушили его тощую фигуру, обесцветили шевелюру и брови. Но глаза по-прежнему светились весёлым, добрым огоньком.

Когда нет клёва, охотились за рачками. Они ловко прятались в камнях, маскируясь песочной мутой.

На многолюдном пляже своя жизнь. Врач Николай Фролович Шершнёв не рекомендовал много торчать на солнце. Быть может, поэтому больше сидели в воде.

Первое время конфликтовали с командой Освода. Жалобы на нарушение запретной линии купания доходили до Антона Семёновича, но вскоре наступило перемирие. Коммунары помогали осводовцам поддерживать порядок, получив лодки и даже осводовскую форму. Привыкшие к активности, мы сами стали теперь следить за порядком.

В один из дней я попал в неприятное приключение. Мои товарищи по кружку натуралистов Гуляев, Чёрный и Глебов, осматривая достопримечательности Ялты, приметили в парке «Курзала» золотых рыбок. В наших харьковских аквариумах таких красавиц нет. Ходили к директору, просили отпустить за плату, если нельзя подарить. Директор выслушал и отказал. Тогда обещали взамен прислать потомство редкостного африканского циклозона! И это не помогло.

Тогда мы решили действовать на свой риск – рыбок взять без дозволения, а после тайно подкинуть деньги. Из лагеря вышли вчетвером, когда совсем стемнело. Для маскировки надели чёрные костюмы. Банку вшили в чёрный чехол, затянутый резинкой. Круглый бассейн фонтана расположен на главной аллее, неподалёку от входа. В нём-то и плавали золотые рыбки, переливаясь красками в вечернем освещении. Полюбовались и пошли в тенистую часть парка к проточному водоёму с каменной тумбой фонтана. Водоём укрыт тонкими, низко свисающими ветвями плакущей ивы. Он ещё днём был разведан Глебовым, и теперь мы шли наверняка. Под ивой стояла парковая скамья. Не снимая обуви, я тихо ступил в воду. От холода ноги сразу задубели. Ручей не глубокий, с каменистым дном, воды едва по пояс. Путаясь в водорослях, я понял, что голыми руками рыбку не взять. Друзья стали «на часах». Водил сложенными ладонями во всех направлениях. Рыбки толкались о пальцы, прикасались к ногам, но в западню не шли. Я уже подумал, что можно поймать, запутав её широкими листьями, как вдруг произошло неожиданное.

К скамье подходили Антон Семёнович и Барбаров. Они были так близко, что бежать было уже бесполезно. «Часовые» сигналили, но слишком тихо.

Не зная, куда деваться, я опустил в воду, ноги сами подогнулись в коленях. Погрузился по самую шею, прячась за тумбу фонтана. Они сели на скамью спиной ко мне. Их спины можно достать рукой. Стоило им оглянуться, и я пропал.

Журчат струи фонтана, заглушая дыхание и тихие стоны от холода. Только бы не выдать себя кашлем или чиханием. В минуты волнения это случается!

Антон Семёнович что-то говорил Барбарову. Ко мне долетали отдельные слова и фразы, смысла которых я не мог понять.

Я лежал без движения спиной на камнях. На моё счастье к скамейке подбежал Алексюк и сообщил:

- Антон Семёнович, вас просят срочно в лагерь!
- Есть в лагерь!– сразу поднялся Макаренко и они ушли. Из кустов выскочили корешки. Они помогли выбраться на сушу. В первые минуты я не мог ни двигаться, ни говорить, тело тряслось в ознобе. Меня потащили к тёплому пляжу. На ещё не остывшей гальке я отогрелся, перестал клацать зубами. В лагерь возвращались как побитые.

Утром следующего дня по лагерю прошла печальная весть. Под большим секретом Алексюк рассказал своим корешам о смерти матери Антона Семёновича. Сам Лёнька всё узнал из телеграммы.

Антон Семёнович собирался в Харьков. О причине отъезда коммунарам говорить не велел.

Вспоминалась живая, маленькая, всегда аккуратно одетая Татьяна Михайловна.

Те, кто навещал её, знали, что она очень любила своего Антошу, заботилась о нём как единственный родной человек. Её частыми гостями были пацаны. Она всех называла на «вы», со всеми была приветлива. Их маленькая квартира при коммуне сверкала чистотой. Не располагая достатком, она всегда старалась угостить «деток» каким-нибудь лакомством. Особенно вкусными были её блинчики. У неё всегда находились интересные книжки. К ним мы относились особенно бережно и обязательно возвращали, думая, что их читал Антон Семёнович.

И вот – не стало скромного и доброго человека, не стало друга и матери.

После короткого совещания в штабе Антон Семёнович сообщил дежурному об отъезде на несколько дней в Харьков.

Заместителем оставили Барбарова.

* * *

Антон Семёнович не поделился с нами своим горем и от этого ему было ещё тяжелее. Солнечные дни нашей юности он не хотел омрачать тенью траура, которая так безжалостно коснулась его лично.

Мать... Мама. Обыденная, привычная и будто бы вечная. И вдруг её не стало... и больше никогда не будет. Каждый из нас, его воспитанников, мог ему посочувствовать, пережив потери своих матерей.

Под тяжёлым впечатлением происшедшего вспомнилось и моё прошлое детство, моя мама. Она и вся её родня были религиозны и с моим отцом-«безбожником» постоянно вели войну. Вернувшись с фронтов

гражданской войны, он продолжал работу на своём заводе ВЭК в Харькове, где мы постоянно жили. Днём на заводе, а вечером, при керосиновой лампе, работал дома, насекая напильники. Вставал очень рано и до ухода на завод тоже работал. В семье я старший. По утрам сидел у разбитой шибки окна и слушал заводские гудки, чтобы напомнить отцу. После второго гудка отец бросал наковальню и бежал на завод, боясь опоздать в проходную. Мать оставалась дома. Когда отца не было, приходили бабушка и сёстры матери, мои тётки, и настраивали мать против отца-«антихриста». Одна из тёток даже советовала отрубить голову, «когда он спит», Меня часами заставляли стоять перед иконами, читать молитвы. За ослушивание ставили на колени на пшено или соль. Мать плакала, жалея меня. К приходу отца родственницы разлетались, как чёрное воронье. Так продолжалось до 1925 года, когда отец потерял зрение. Для него это было страшно. Он любил читать, хорошо рисовал, играл на струнных инструментах, смешно копировал попов. И вдруг всё переменялось, он стал беспомощным. Давление на мать усилилось ещё больше. Родня требовала бросить отца, угрожала ей родительским проклятием, а «щенков» забрать.

Кроме меня, было ещё трое – братья Костя и Андрюша и сестра Шура. Она была совсем малая.

Настал день, когда к высокому крыльцу нашего дома подкатили подводы, какие-то люди стали выносить вещи, равнодушные и спокойные. Вынесли всё. Где-то на возах пристроили мать, братьев и сестру.

Я упёрся и на подводу не сел. В пустом доме осталась кровать отца, наша детская кровать, в которой спали все братья, картина, нарисованная отцом, и два фикуса. В пустых комнатах каждый звук усиливался непривычным эхом. Мы остались одни.

Поздно вечером пришла мать. Я забился в угол и смотрел на неё не мигая. Мать подошла, положила руку на голову и тихо плача, спросила: «Ты не забудешь маму?» Когда мать собралась уходить, отец решил проводить её. В руках он нёс два вазона с фикусами. Перед самым домом тёток из-за палисадника выскочила какая-то чёрная тень и бросилась на отца. Я подбежал ближе и увидел одну из маминых сестёр. В её руках был нож. Этим ножом она ударила отца по лицу. Отец опустился на колени и застонал. Я не заметил, как мать куда-то исчезла, а я смотрел на рану под глазом, из которой лилась кровь.

Просить помощи не у кого. Улицы безлюдны и темны.

- Папа, папочка!– наконец вернулась ко мне речь,– тебе больно?
- Мне больно не от ножа, сыночек, ты ещё не всё понимаешь.

Я гладил его по голове и лицу, не зная, что делать.

Вспоминая теперь эти страшные минуты, я не могу понять, за что на отца свалилась такая жестокость богобоязненных святош? А мама? Неужели я когда-нибудь назову тебя предательницей? А может быть, я и не увижу тебя?

Погружённый в невесёлые думы, я пошёл к морю и устроился в лабиринте любимых камней. Шум прибоя успокаивал, а прохладные брызги охлаждали внутренний жар, как ласки матери. Здесь меня нашли Мезяк и Глебов.

Толкнув меня в бок, Мезяк сказал: «Чего раскис, мы давно за тобой зырим!»

В Ялтинский порт входил красавец парусник. На его борту прочитали название: «Товарищ». По мере приближения к причалу белое оперение парусов быстро спадало, оголяя реи и мачты. Над палубой, на большой высоте, управлялись с парусами маленькие фигурки моряков.

В середине дня в лагерь пришёл отряд пионеров-«артековцев». Они подошли строем под барабанный бой. Три барабанщика шли впереди и бойко выстукивали дробь, перекликаясь с горном. Наш барабанщик Чевелий Шура оценил их искусство. Это его любимый инструмент в оркестре.

По сигналу наши пионеры выстроились в шеренгу и поприветствовали гостей. После официальной части на открытой полянке развели небольшой костёр. Вместе пели пионерские песни. Особенно дружно звучала любимая «Картошка». Гости рассказывали, как они праздновали пятилетие Артека, как им хорошо и весело живётся у самого моря.

В этой встрече участвовали Пётр Осипович Барбаров, Швед и Камардинов. Они рассказали о коммуне, о том, как мы учимся и работаем. От костра перешли к играм. Артековцам понравился «Горлёт». Они явно уступали «дзержинцам», но играть научились быстро и обещали ввести «Горлёт» в Артеке. Автор игры был счастлив. Под конец встречи пионеры подарили нам вымпел, значки и десять новых пионерских галстуков.

В ответ Ваня Ткачук вручил пионервожатой книжки с памятными надписями и акварельки с видами Ялты, работы художников Терского. Приход гостей был неожиданным, и мы не были готовы преподнести специальные подарки. Обещали прислать коммунарский фотоальбом. Провожали гостей всей коммуной в строй. Артековцы выходили из лагеря под марш нашего оркестра.

8. ЭКСКУРСИИ

С возвращением Антона Семёновича из Харькова начались экскурсии по городу.

Учебное парусное судно «Товарищ» ещё стояло в порту, и мы успели его посмотреть.

Запомнился приподнятый лёгкий корпус с изящными обводами у носа и кормы, высокие мачты с мудрёным такелажем, стрелой-бушпритом, выдвинутым с носа. Парусник напоминал птицу, которая приготовилась к взлёту. На судне у трапа нас встретили вахтенный помощник и юнга. Им было поручено ознакомить с судном. Шла уборка. В ней участвовало много таких же хлопцев, как мы, но что-то нас разделяло. Чистую палубу они натирали кирпичами, сливали водой, тёрли швабрами, воду сгоняли прямоугольными резинками, надетыми на палки, и всё это повторяли снова и снова. Чистили сверкающие на солнце медные части, что-то красили.

Экскурсоводы блеснули знанием судна и его частей. На нас обрушился поток незнакомых морских слов: киль и кильсоны, шпангоуты, стрингеры, шпигаты, пиллерсы и т. д. и т. п. Не успели мы опомниться от этой абракадабры, как последовало продолжение: спардеки, ботдеки, полубак, ют, шкафуты, трюмы, рундуки. В глазах потемнело от сознания собственного невежества. Это были настоящие морские «волки», живые герои из морских рассказов Станюковича и Стивенсона.

Из рассказов мы узнали, что «Товарищ» побывал в других морях и океанах, в разных широтах и собирается совершить кругосветное путешествие. Мы также узнали, что морские, «волки» – курсанты мореходного училища – будущие штурманы и капитаны дальнего плавания. На «Товарище» родилось тайное желание многих хлопцев стать моряками. В конце экскурсии команда потчевала гостей обедом. Мы на морском ветерке проголодались и обед был в «аккурат».

Ели наваристый флотский борщ. Ещё до обеда его запахи с камбуза щекотали ноздри. Ели из морских бачков, принимая первое морское «крещение». Хозяева предложили добавку. Богатыри Грушев, Долинный и Дорохов согласно кивнули головами, но Семён Афанасьевич из-под стола показал им кулак. Второе блюдо – макароны по-флотски – тоже очень вкусно. А на десерт досталось по апельсину из запасов «загранки».

В городе мы вместе с Антоном Семёновичем осмотрели домик А.П. Чехова, краеведческий музей. Увидели копию декрета, подписанного В.И. Лениным – «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». На наших глазах этот декрет претворялся в жизнь.

Вечерами ходили в кинотеатр «Курзал». Местные парни стали заглядывать на наших девчат и пытались завести знакомства. Не получая взаимности, ухажёры обозлились и стали приставать грубо и назойливо. Девчата отражали «жениховство» сами, как могли, терпели, никому не жалуясь, а когда дело дошло до хулиганства, об этом узнали старшие хлопцы. Однажды девочки возвращались в лагерь после сеанса небольшой группой. Их подстерегли и окружили, не пропуская дальше. Попытка вырваться из кольца не удавалась, публика из кино разошлась по домам, милиции поблизости не было, и девчонки оказались во власти взрослых парней.

Их стали грубо толкать, «мазать» ладонями по лицу, наступать на ноги. Всё сопровождалось отвратительной руганью и оскорблениями. Силы были неравные, вырваться не удавалось. Девчонки отбивались хлесткими затрещинами, царапались. Тогда их стали бить. Жестокостью отличался верзила в модном костюме и кепи с длинным козырьком.

Увлёкшись расправой, хулиганы не заметили, как оказались в окружении неизвестных ребят в тёмных костюмах. Из сомкнутого круга верзилу потащили за воротник. Сильная рука волокла его по мостовой в переулок, не давая встать на ноги. Поднялся переполох, улицу прорезал свист, вызывающий подкрепление. Но наш круг смыкался всё плотнее.

– А теперь им дайте дорогу, гады ползучие, – раздался голос, который услышали все. Девчат пропустили за оба круга.

– Что с ними сделать? Говорите!

Девочки ещё не пришли в себя после пережитого ужаса, побоев и оскорблений.

– Дай им по морде, а мы посмотрим, – предложил Волчек Лене Пихоцкой.

– Руки не хочу пачкать, – брезгливо скривилась Пихоцкая.

– А я дам! – вызвалась Вехова и влепила одному из окружённых добрую оплеуху.

Девочки с охраной пошли в лагерь, им не пристало оставаться при «мужском» разговоре, который был продолжен тут же.

Верзилу «полировал» Перцовский в переулке. Сбитый с ног, он катался на дороге, мычал, пытаясь встать, но Павел укладывал его новыми порциями «под микитки».

В кругу их было восемь. Ни одному не удалось сбежать. От мощных затрещин они шатались и падали, уже не надеясь вырваться. Наконец кто-то в животном страхе закричал: «Спасите, убивают!»

– Не визжи, свинья, спой нам петушком и отпустим! – потащил крикуна Водолажский к ближайшему забору.

Остальных тоже перестали «перебрасывать», сделав перерыв на «художественную часть».

– Лезь на забор, ну! – поддали «солисту» под зад. И тот полез.

– Пой!

Он стал на забор. От испуга и позора голос «не прорезался».

– Пой, Кирька, чиво тянешь! – поддержали с партера друзья, полагая, что это финал.

Кирька кукарекнул.

– Ещё два раза и погромче, детка, – попросил Водолажский, – на «бис».

Последний раз Кирька крикнул со всхлипом и свалился с забора.

– Ну как? Будете трогать наших девчат?

Круг разомкнулся. Слюнявые, окровавившиеся, вымазанные в грязи незванные ухажёры пятились задом. Отойдя на безопасное расстояние, один из них крикнул: «Головорезы, мы ещё посчитаемся».

– Хоть сейчас, если недодали, – весело ответил Орлов.

Последним отпустили верзилу. Он не бежал, а шёл, выписывая ногами немыслимые кренделя от усталости. Он дал Павлуше тэт-а-тэт «благородную» клятву не поднимать «шухер» и никогда не встречаться.

В лагерь шли при лунном свете, постелившем на море дорожку. Тишину нарушал лёгкий шорох волн по гальке. Всё дышало миром и поэзией.

Группу при входе встретил дневальный Гонтаренко.

– На вечерней поверке был Антон. Где вас, чертей, носило?

– Записали в рапорт?

– А то нет! Землянский всех перекатал!

– Влипли! – подвёл итог Перцовский, – будет на орехи!

Утром вся компания отдувалась в штабе под домашним арестом. Но с памятного вечера вся местная шпана смотрела на коммунаров с почтением.

Ялтинцы уже хорошо знали коммуны и всегда приветствовали наш строй. Без походов не было ни одного дня. Побывали у живописного водопада «Учан-су» в «Массандре» с её старинными парками, познакомились с всемирно известным винзаводом «Массандра», но... без дегустации. Один полный день провели в Никитском ботаническом саду. Вначале нам рассказали об основателе сада – молодом энтузиасте Христиане Стевене, о времени учреждения сада и обстановке, в которой работал учёный. Всех поразило этот факт. Один человек науки с несколькими рабочими и учениками-детьми без помощи администрации края собрал со всех континентов земли,

выходил и вырастил огромное количество редкостных деревьев, кустарников, цветов! Здесь прижились гималайские кедры, вавилонские ивы, маслиновые рощи, грецкие орехи, смоковницы, пробковые дубы, розовое дерево, пальмы, гигантские агавы. Он раздавал тысячи саженцев поселенцам Крыма, чтобы расселить их по всему полуострову. Ему мешали, но он настойчиво продолжал своё дело.

В советское время Никитский ботанический сад стал крупнейшим научно-исследовательским учреждением. Огромную площадь посадок невозможно осмотреть в один день, но и то, что нам удалось увидеть, не могло не восхитить нас подвигом Стевена.

Ранним утром 24 августа отправились походом в Алупку. Это самый интересный отрезок пути, который мы не прошли пешком, следуя из Севастополя в Ялту. Перед нами Ливадия с дворцом и парком. При входе арка с надписью: «Крестьянский курорт». Бывший дворец Николая II осмотрели снаружи.

«Ласточкиным гнездом» любовались с берега. Оно напоминает и древний замок, и шахматную фигуру, и королевскую корону из сказки. Страшит висящий над морем балкон, выдвинутый с отвесного обрыва и создающий иллюзию недолговечности прекрасного настроя.

В Мисхоре остановились на небольшой привал. Антон Семёнович показал дачу, где жил А. М. Горький. Привлекала внимание композиция фонтана «Арзи». Грустная красавица с медным кувшином застыла у струи, не замечая притаившегося похитителя—разбойника Али-бабы. Желая поближе познакомиться с Али-бабой, вскарабкались на каменно-хаотическую громаду фонтана, где фотографировались в картинных позах мести над злым турком. Поплавали вокруг «Русалки», устремившей безжизненный взгляд в сторону родного берега.

Отдохнув и освежившись холодной водой фонтана, продолжили путь в Алупку. Дорога шла в гору. В каменном окружении стен, покрытых богатым убранством, у подножья синеватых зубчатых гор перед нами предстала панорама Воронцовского дворца. Издали она оживляла и дополняла ландшафт, как бы перекликаясь своими уступами, зубчатыми стенами, башнями и стрельчатыми башенками с вершиной Ай-Петринского хребта. На подходе к дворцу мы не увидели ни единого здания: перед нами сразу выросла крепость. У подножья широкой каменной лестницы нас ожидала группа экскурсоводов с Барбаровым. Сюда он добрался раньше нас на катере и подготовил встречу.

Нас разделили на пять групп и повели осматривать музей по разным маршрутам. Экскурсовод нашей группы, молодая женщина, рассказала об истории развития и освоения Южного берега Крыма в XIX столетии, о губернаторе Новороссии графе Воронцове, об огромной его власти и богатстве. Среди царских вельмож Воронцов играл первую роль в освоении Крыма и особенно южного берега. Обладая богатством и неплохим вкусом, он строил этот дворец руками крепостных, которыми руководили талантливые мастера из разных стран. Главным архитектором был англичанин Э. Блор.

Показывая дворец снаружи, наша провожатая обращала внимание на разные архитектурные стили из разных эпох, с большим вкусом и талантом совмещённые в едином ансамбле. Мы проходили по средневековым улочкам между высоких стен и башен с узкими окнами-щелями, через арочные каменные ворота.

Высокие стены, подпёртые скрепляющими выступами, закрывали солнце, в улочках царила прохлада, и создавалось впечатление, что мы перенеслись в средневековье и шагаем в крепости, подготовленной для отражения штурма.

Но обстановка менялась. Западная часть дворца не походит на восточную, а северная на южную. Наша провожатая говорила обстоятельно, но быстро, не повторяясь, имея постоянный план показа и рассказа. Мы не успевали запоминать множество имён, которые она называла, архитектурные стили, названия парковых устройств, прилегающих к дворцу, и многое другое. Нам не доставало образования и подготовки для таких зрелищ. Перед нами раскрылся целый мир прекрасного, сотворённого рукой человека.

Проходя по комнатам, кабинетам, парадным залам, мы поразились огромным собраниям произведений искусства, разнообразию оформления самих помещений, роскоши обстановки. Кажется, нет никакого сравнения между «Ситцевой комнатой» и залом парадной столовой, всё же их объединяет стремление зодчих, художников, оформителей, декораторов, творцов уникальных предметов подарить человеку радость.

Для отопления дворца архитекторами и мастерами была создана целая серия каминов самых разных по форме, отделке, окраске, по набору дорогостоящих материалов, которые служат не столько прямому назначению, сколько украшению. Сколько вложено труда в резные массивные потолки, панели, в рамы красочных панно, в ниши, внутренние фонтаны! Чего стоит только стенной шкаф в Китайском кабинете, выполненный в сложнейшем рисунке по дереву! Чего стоила заготовка каменных брусков для стен дворца, обработка их ручным способом из монолита местного диабазы и укладка стен на века по свинцовым прокладкам без единой щели!

В благодатном климате дворцу понадобился и зимний сад, освещённый стеклянной крышей и окнами. Здесь собраны редкостнейшие тропические растения, которые поднимаются под самый потолок. Их как бы вечно созерцает ряд безмолвных бюстовых скульптур из драгоценного мрамора.

Заканчивали экскурсию с южного фасада на Львиной террасе. Здесь много солнца, отражённого стенами и порталом восточного стиля. По обочинам широкой лестницы на выступах покоятся, как стражи, мраморные львы. Здесь они настоящие архитектурные цари. Из шести скульптур, исполненных в разных композициях, нас привлекла фигура спящего льва. Осматривая льва со всех сторон, я почему-то увидел не грозного царя зверей, а сморенного тяжёлым трудом большого сильного человека, положившего натруженные руки на твёрдую плиту и под щеку. Тяжёлые веки, ослабленные щеки – всё выражало уснувшее утомление и добродушие. Но горе тому, кто его разбудит! Возможно, итальянский скульптор Бананни выразил вовсе иной замысел, но для меня его лев оставался в детском восприятии именно таким.

На лестнице фотографировались. На львов садиться не разрешалось, но тяготение к ним было большое и фотограф с трудом размещал группы. Парк осматривали самостоятельно. Роль экскурсовода перешла к Антону Семёновичу. В верхнем парке естественный ландшафт взгорья усовершенствован умелой рукой человека. Горы как бы отступали, открывая обширные поляны предгорья. Венчает красочную панораму зубчатая гряда скалистой вершины Ай-Петри. Как зелёные свечки, разбросаны кипарисы в виде аллей у зданий и отдельными группами на фоне солнечных полей. Многие поляны и уголки имеют свои названия. Не мог не привлечь внимания «Большой хаос» из нагромождения огромных камней.

Здесь дали себе волю наши альпинисты и фотографы, то бегая, то прыгая по причудливым глыбам, то ящерками ползая между ними, стремясь понять, какой дьявол набросал так беспорядочно и щедро столько горных кусков, окружённых буйной стеной деревьев и кустарников.

«Лебединое озеро» манило к себе прохладой и тишиной. В спокойной воде отражались причудливые деревья, солнечные блики, скупо проникающие через зелёную чащу, каменные глыбы берега. Медленно и горделиво скользили по водной глади хозяева озера – чёрные лебеди, отражаясь в зеркальной глади. От плавных движений красных лапок расходились круги. Видимо, посетители парка подкармливали лебедей, потому что нашу группу они встретили у берега, и разглядывали выжидательно-пытливо своими глазками-бусинками. В озере плавали и золотые рыбки, которые напомнили мне холодную ванну в Ялте, – плечи передёрнуло, по спине пробежали мурашки.

На дорожках вокруг озера стояли парковые скамьи.

На отдых нет времени. Было уже около четырёх часов дня, а нам ещё многое предстояло повидать. Попутно с новыми зрелищами память не оставляли живые картины дворца. Антона Семёновича одолевали вопросами. В библиотечном корпусе собрано 60 тысяч томов французских и английских изданий, и они не разрезаны... Это вызывало недоумение: почему Воронцов, зная французский и английский языки, не читал книг? Антон Семёнович ответил, что библиотека парадная, выставочная, что книги в ней такие же экспонаты, как скульптуры, картины и другие виды искусства.

Художников восхищали картины, скульптуры Аполлона Бельведерского, Афродиты, «Матери и ребёнка», «Первые шаги», но и тут много было непонятого и они спрашивали и спрашивали. Интересовались жизнью самих художников Васильковского, Тропинина, Ярошенко, Айвазовского, Крамского. Русакову полюбилась яркая картина Питера Снейдерса «Кладовая рыб». Он прикидывал, что можно приготовить из такого богатого разнообразия. Маленький Игорь Панов спросил: «А сколько стоит этот дворец?»

Меж оживлёнными разговорами направились в Нижний парк. Мы увидели, чем он отличается от Верхнего парка: строгим оформлением аллей, стрижкой декоративных кустарников, разнообразием форм разных цветников и обилием нежнейших роз разных колеров, вплоть до чёрного, посадками редких тропических деревьев, особенно пальм и кипарисов.

А на контрастной поляне Верхнего парка привлекло внимание раскидистое дерево со многими наклонёнными в разные стороны стволами, без коры. Дерево называли «Бесстыдница», потому что в определённое время года оно сбрасывает кору и оголяется. Среди пород деревьев мы находили знакомцев, которых видели в Никитском саду. В зелёных насаждениях устроены уютные уголки с фонтанами. Их много, все разные. Фонтан амуров представлен сложнейшим барельефом, высеченным из белого мрамора, с отнюдь не детскими лицами римлян на детских фигурках амуров. Или фонтан слёз: он укрыт тенью беседки из густых вьющихся лиан, как бы выражающий утихшую скорбь...

В фонтане «Трильби», напротив, воплощена яростная сила жизни в вечном стремительном потоке и неизбежности жертв в борьбе.

Покидая Нижний парк, мы прощались с Алупкинским дворцом, спускаясь к берегу моря. Надолго или навсегда? Этого никто не знал.

Берег встретил вздыбленным нагромождением бесформенных камней и скал. Чуть повыше каменного барьера в скалах ютились тощие деревца с жилистыми, покорёженными стволами и ошипанными ветками. Под их редкой тенью растёт жиденькая травка, распозавая колючими кучками. В штормовую погоду её достают горькие морские брызги. Какой контраст с пышной зеленью парков и какая неистребимая жажда жизни!

Расположились отдохнуть на тёплых камнях. Волны накатывались на берег, лениво обшаривая все закоулки, обдавая распылёнными брызгами. Мы сидели, зачарованные красотой бесконечной дали, синью и вознёй солнечных зайчиков. Несмотря на монотонность шума, повторение накатов, каждое мгновение было чем-то новым, не похожим одно на другое.

Непоседливый народ недолго предавался баюканью и грёзам. Высотников потянуло на вершину скалы, оттуда смотреть было ещё интересней, хотя общий вид был тот же самый.

Вечерело. Началось построение и повзводная проверка. «Нетчиков» не оказалось. Арьергардный флажок Алексюка поднялся над головами, и колонна тронулась в обратный путь.

От мыса Ай-Тодор оставшийся отрезок пути мне предстояло покрыть одному. Антон Семёнович распорядился выслать в Ялту гонцов, чтобы предупредить администрацию столовой о нашем опоздании к ужину. Командир 1-го взвода вызвал добровольцев. Я отозвался первым, хотя были и другие желающие.

– Не сдрейфишь? – спросил мой приятель Акимов.

– Не-е! – отозвался я и с тревогой посмотрел на дорогу, которая уже в нескольких метрах терялась среди опускавшихся сумерек. Я побежал. От горизонта поднималась луна. Стало светлее. Уходили назад придорожные столбики, деревья, окаймляющие дорогу, редкие слабоосвещённые дома. Справа всё время слышался шум прибоя. Поравнялся с какой-то дачей, отступившей вглубь от дороги. За забором послышался громкий собачий лай. Мгновение, и из калитки вырвалась свора, которая сразу понеслась ко мне. Об отступлении не могло быть и речи. Я остановился и замер в страхе перед белыми кудлатыми чудовищами. Крик не получился. Я закрыл глаза, ясно сознавая, что сейчас произойдёт. В каком-то уголке сознания пронеслись картинки короткой жизни. И вдруг послышался громкий пронзительный крик: «Поллукс, Цезарь, Черкес – назад! Ко мне!» Я открыл глаза. На помощь бежала женщина. Лицо её было мертвенно бледным. Она подбежала ко мне и крепко обняла, прижимая к себе.

– Чей ты, откуда ты взялся? Боже, долго ли до несчастья! Сильно испугался? – она гладила меня по голове, успокаивала.

Увидев, что я прихожу в себя, она предложила зайти в дом и выпить чашку чая. Мне захотелось и пить и есть, но времени не было.

– Ну, беги, если так некогда, ты хороший мальчик!– Она ещё раз обняла меня, и мы расстались. Вначале я не бежал. Пройдя с полсотни шагов, оглянулся. Женщина ещё стояла, освещённая луной. Я помахал рукой.

В Ялту прибежал в одиннадцатом часу. Задание Антона Семёновича было выполнено.

Последние дни августа. Коммуна не выходила за пределы города. Отдыхала и развлекалась на месте. Ослаблений в режиме не допускалось, требования не снижались. Образцовая чистота, личная гигиена, дежурства, дневальства, поверки, вечерние рапорта и общие собрания, подъём и спуск флага, передача дежурств – нисколько не обременяли. Система и порядок были лучшей гарантией нашей свободы, источником хорошего настроения. Изредка на собраниях «парились» рыбаки, опоздавшие к утренней поверке. Рыбу ловили с камней и с узких мостков на сваях. Не всем и не всегда сопутствовала удача. То клёва нет, то неподходящая насадка, то снасти путает волна. Но бывали дни, когда рыба сама искала рыбаков. Тогда улов артельно сдавали в столовую. Виктор Николаевич сам взвешивал персональный улов и записывал очки в зависимости от породности рыбы, размера, сортности и количества штук.

Свободное время всегда заполнялось полезным делом. Художники рисовали пейзажи горные и морские. Некоторые специализировались исключительно на морских пейзажах, подражая Айвазовскому. В кружке накопилось большое количество набросков, этюдов, сделанных в разных местах райского уголка страны. Особенно плодовитыми были ближайшие помощники Терского: Сергиенко, Плачковский, Овчаренко, Сучкович, Дашевский, Зорин.

Литературная группа занималась дневниками похода. В газете появлялись свежие рассказы, очерки, репортажи. Санька Сопин не расставался с репортёрской папкой даже во сне, храня её под подушкой. Из её недр извлекался злободневный юмор, загадки, головоломки, пословицы. Члены редколлегии много писали, и сами: Вася Зайцев, Ваня Сватко, Миша Борисов, Фима Ройтенберг, Саша Агеев, Муся Беленкова, Лена Соколова давали материалы почти каждый день. Вся корреспонденцию обрабатывал Антон Семёнович и после редакторской правки перепечатывал на машинке. Каждый номер обязательно украшался творениями наших художников. Газета выходила ежедневно. Её ждали и прочитывали по несколько раз. Проблемные публикации становились темой разговоров на совете командиров, на общем собрании.

В предвечерние часы Виктор Тимофеевич собирал под раскидистым платаном оркестр. Репетировалась новая увертюра «Торжество революции», написанная самим Левшаковым.

В составе оркестра в отпускное время были не только коммунары, но и рабочие мастерских коммуны Жора Ковалевский, Капустин, Лёня Шмигалёв, несколько опытных музыкантов с завода ХЭМЗ, где Левшаков также организовал оркестр. Они пользовались ещё незанятыми инструментами, которых в коммуне насчитывалось больше шестидесяти. Как ни стремился Виктор Тимофеевич к уединению во время сыгровок, это никак не удавалось. Всегда на сыгровках собирался разный народ из отдыхающих. Многолюдное присутствие мешало капельмейстеру, а некоторых музыкантов смущало. Зато после трудовой сыгровки, как бы в дань терпению оркестра и зрителей, исполнялись хорошо отработанные вещи. Как правило – дирижёрскую палочку Левшаков передавал Ване Волченко – командиру оркестра и любимцу коммунаров. Нередко выступления оркестра заканчивались массовыми танцами.

На пляже и на лодочной станции мы стали своими людьми. Лодки для катания давали бесплатно, то ли потому, что мы завоевали общую симпатию, то ли из сочувствия («где уж им брать деньги»), а скорее всего за нашу верную службу по спасению утопающих. В нашем активе значилось несколько спасённых.

В один из дней погода испортилась. Сильный ветер гнал к берегу кипящие волны. На прибрежной мели они поднимались мутной стеной, таранами ударяясь о береговые препятствия. За шумными ударами и раскатами, подобно пушечной канонаде, ничего не было слышно. Пена и брызги доставали дома набережной, нашу столовую на сваях подмывало до самого пола и опасно подталкивало и покачивало. Над волнами летали чайки, поднимая пронзительные тревожные крики. Они садились на гребни, ловко балансируя крыльями.

Как непохоже это море на голубое и тихое с белыми кружевными башками, которое мы видели у Байдарских ворот! Но как оно прекрасно в своей грозной силе!

В этот день пострадали рыбацкие сети, выставленные у берега стенками на высоких кольях. Их забросило далеко от берега, перепутало с морскими водорослями, набило галькой, ракушкой, морскими звёздами, студнем медуз и живой рыбой в ячею.

К вечеру стало утихать. Из порта выходили на промыслы рыбацкие шаланды. Они то зарывались в пенные буруны, то показываясь на гребнях,

то скрываясь в пучине. Какое уважение вызывали у нас труженики моря! Какие крохотные судёнышки отважно вступали в борьбу с разъярённым морем в привычных буднях труда!

Для будущих моряков и не моряков тоже – это были наглядные уроки мужества.

По вечерам, свободным от «Курзала» и летней эстрады, собирались у штаба-палатки Антона Семёновича послушать его рассказы о Крыме.

Обстановка в штабе походная: просто сколоченный стол, покрытый ватманом на кнопках, вокруг него деревянные лавки. На столе пишущая машинка. Над ней висела лампочка с бумажным абажуром. В деревянной подставке крымского изделия стопка острых карандашей. По углам две постели на нарах – Антона Семёновича и Барбарова. Возле нар чемоданчики. На третьих нарах, не занятых постелью, лежали интересные предметы: курительные трубки, резные и выжженные палочки, деревянные со-пилки, несколько разных фесок, морские раковины и шлифованные камни разных форм с рисунками видов Крыма. Всё напоминало экспонаты музея. Их руками не трогали, лишь смотрели и удивлялись: когда Антон Семёнович приобрёл и зачем? Подарки? Память для себя?

Накануне отъезда, после праздничного ужина, коммуны пригласили на концерт в летний клуб КрОГПУ. В программе местные и гастролирующие артисты: певцы, жонглёры, рассказчики и гипнотизёр. Посмешили рассказы М. Зощенко в талантливом исполнении Владимира Хенкина.

С гипнотизёром случилось недоразумение. Он вызывал из публики на сцену желающих и усыплял. Вздрыбленная шевелюра, глаза, мечущие молнии, движения рук, интонации голоса от резкого до замирающего внушали страх. Уснувшие выполняли его команды, двигаясь по сцене, как лунатики с закрытыми глазами, находили спрятанный стакан и пили воду. Ложились на спинки стульев, опираясь затылками и пятками, и не прогибались, вставляли и профессионально делали стойки, раздевались до пределов приличия и лазили по канатам.

В рядах зрителей напряжение и тишина. Ни вздохнуть, ни чихнуть. Пробуждённые после сеанса виновато моргали глазами, озираясь вокруг, находили свои одежды и смущённо скрывались за кулисами.

Когда начался новый сеанс, на приглашение гипнотизёра откликнулся и Митька Гето. Что-то затевая, он плутовато повёл глазами. Гипнотизёр усадил Митьку в кресло. Повторились его манипуляции, открытые ладони маячили перед глазами.

– Вы хотите спать, вы хотите спать, вы хотите спать... Вы спите... – слышался монотонный голос мага.

Митька по-барски развалился в кресле, притих и стал похрапывать и свистеть носом, подавая все признаки глубокого сна. Но странно, команды гипнотизёра он не слушал и никуда не двигался. Посидев с минуту и похрапев, он стал почёсывать затылок. Затем встал и пошёл медведем на гипнотизёра. Кажется, в этот момент маэстро остолбенел и сам загипнотизировался. С закрытыми глазами Гето ногтями что-то снимал с его фрака, брезгливо стряхивая на пол. От прикосновения Митькиных лап маэстро дёргался, закрывался руками. Гето лениво потянулся и сладко зевнул. Изумлённо раскрыл глаза и со вздохом сказал: «Я не хочу спать». Потом придвинулся вплотную к партнёру, скорчил страшную рожу, и на весь зал гаркнул: «Чого вы до мене чипляетесь! Чи я кролик?»

Публика ахнула, ряды всколыхнулись, захлопали в ладоши. Послышались выкрики «Браво», «Бис», «Молодцы!» Митька низко раскланивался направо и налево, отходя в глубину сцены. Обернувшись, он взял безжизненную руку перепуганного маэстро и повёл его к рампе. Аплодисменты вспыхнули с новой силой.

Опомнившись, гипнотизёр тоже стал кланяться. Митька пожал ему руку и пошёл на своё место. Занавес задёрнули.

По дороге в лагерь Митька признался, что гипноз его «не взяв», а «гипнотизёр халтурщик и фармазон».

– А как же с другими? – не поверили Митьке товарищи.
– Может, они слабаки, а может, своя братва-артисты, – закончил Гето.

Антон Семёнович на концерте не был. О весёлом сеансе ему рассказал Барбаров. Степан Акимович остался при мнении, что сеанс гипнотизёра – «чистая халтура».

Ему возражал Букшпан: «Этого не может быть, мы проверяли программу, а срывы случаются. Митька сам кого хочешь охмурит – посмотри на его глазищи!» Так и не узнали правды.

9. ДОМОЙ

Лагерь пробудился с первыми лучами солнца. Не спится в день отъезда. Отпуск прошёл и как миг, и как длительное удовольствие. Наступило равновесие между праздным времяпрепровождением и стремлением к переменам. Потянуло домой в Харьков.

Ещё до подъёма сбегали на пляж. Городских пляжников не было. Море, тихое и прозрачное, ласкало загорелых пацанов в последний раз.

Поплавав и поплескавшись у берега, выскочили на свою горку.

В лагере движение, сборы. Опускаются палатки, пакуются корзинки. Идёт генеральная уборка площадки. В столовой встретили городские руководители, молодёжные организации, сотрудники ГПУ, которые заботились о нас в течение похода и отдыха. Они пришли проститься и вместе сфотографироваться. Во время завтрака, в котором они приняли скорее символическое участие, тепло беседовали с нами, расспрашивали, как прошёл отдых, что понравилось и запомнилось.

В лагерь пришли подводы за багажом, управились с погрузкой – паковали палатки: корзинки принимали от каждого взвода. Последним опустил флаг штаб Антона Семёновича. Его коллекция крымских сувениров пополнилась несколькими экзотическими мундштуками. Хозяйство «музея» заботливо убирал Алексюк.

Вскоре от лагеря остались лишь оголённые нары, сиротливо выстроенные рядами.

Певучий сигнал общего сбора. Трубил сам Волчек, загадочно посматривая по сторонам и улыбаясь глазами, как бы говоря: «Ну, что, кончилась лафа, хлопцы!»

В порту призывно колыхнула воздух густая сирена теплохода «Крым». Комфортабельные теплоходы «Крым», «Грузия», «Абхазия», «Армения», «Украина», «Азербайджан» курсировали по Крымско-Кавказской линии и часто заходили в Ялту. Они как братья-близнецы, их отличали только по названию. Сегодня нас на борт принимает «Крым».

Построились, вынесли развёрнутое знамя. Звучит торжественный марш. Вдоль строя проходит знаменная бригада, блестя на солнце штыки винтовок ассистентов. Строй провожает знамя к голове колонны с салютом. Колонна окружена плотной стеной официальных гостей и курортников.

Антон Семёнович в коротком выступлении поблагодарил местные власти за сердечный приём коммунаров, за тепло и ласку. Обращаясь ко всем провожающим, он сказал о дружбе и единстве советских людей, о солидарности рабочего класса, благодаря чему воспитывается новое поколение рабочих и крестьян.

– Коммунары-«дзержинцы», – заключил Антон Семёнович, – где бы вы ни были, с кем бы ни общались – всюду вас встречают как лучших представителей молодого поколения страны. Гордитесь этим и высоко несите знамя нашей коммуны!

Колонна пришла в движение. Весь её блистательный строй пел под оркестр:

Дзержинцы, дни прекрасные
Впереди цветут.
Вас знамёна красные
К лучшим дням ведут.
Великими дорогами
Коммуна пусть идёт,
Эй, веселей, эй, веселей,
Трубачи, вперёд!
Дни тяжёлые забыты,
С лучшей долей, с лучшей волей
Наши жизни перевиты
Песней молодой.
Коммунары, трудовой дорогой,
Вспоминая подвиги отцов,
Бодрым шагом идите к жизни новой,
Маршем радостным новых борцов.

Шествие вылилось в праздничную демонстрацию. Но вот прозвучала вторая сирена и началась посадка. Степан Акимович был уже на борту и договорился с вахтенным помощником организованно пропустить коммуны. Мы перестроились и стремительной цепочкой, без шума и лишних движений, перекатили на палубу. Пассажиры только ахнули от удивления, что такая махина людей за пять минут переместилась с берега на теплоход.

С высоты борта мы смотрели на причал, как с крыши пятиэтажного дома. Там продолжался людской водоворот. Напирали на трап, едва втискиваясь в узкий проход, зацепляясь вещами, и чем меньше оставалось времени до конца посадки, тем более увеличивалась давка.

Наконец поток прекратился, людской шум прорезала третья сирена. На пристани остались провожающие. Среди них мы увидели и наших друзей, которые провожали от лагеря. Подняли трап.

— Отдать кормовой! — послышалось с мостика. Заработали двигатели. По корпусу прошла мелкая дрожь. Звякнул телеграф. Под кормой за бурлили винты.

— Отдать носовой!

Причальные тросы наматывались на барабаны лебёдок. Подчиняясь командам, «Крым» плавно отходил от берега, между ним и причалом ширилась пенная полоса воды. Люди махали платочками, шляпами, что-то кричали. На середине бухты «Крым» развернулся и дал трёхкратный прощальный сигнал.

За кормой остался маяк. Он становился всё меньше и меньше. Справа уплывали живописные домики, улицы Ялты, зелень, синева предгорий, впадин и гор.

Что-то уходило от нас навсегда. Да свидания, Ялта! Прощайте, неповторимые дни детства, прожитые в твоём солнечном мире!

Часть III

1. ВПЕРЁД, ДЗЕРЖИНЦЫ!

Кончился крымский поход. Загорелые, окрепшие душой и телом, полные незабываемых впечатлений, повзрослевшие, возвращались домой. На подступах к коммуне встречали друзья и знакомые. И вот он – наш дом! Родной и единственный. Едва дождавшись команды «Разойдись!», бросились осматривать хозяйство. Планы Соломона Борисовича сбывались. Заканчивалось строительство кирпичного дома для ИТР, вынесенного за футбольное поле в лес. Пока это было единственное капитальное здание. Остальное представляло собой скопище деревянных построек и пристроек, больших, средних и малых, сооружённых из «отходов». Особенно несуразной показалась кузня Филатова, которая перекочевала с тыла на открытое место перед самым фасадом и воссела на бывшей клумбе. Соломон Борисович объяснил сие перемещение как вынужденную уступку пожарникам. Он водил по двору Антона Семёновича и Дидоренко торжественный и взволнованный, как по полю выигранного сражения. Царственным жестом указывал на плоды своего триумфа. Его массивная бритая голова горделиво красовалась в ожидании лаврового венка. А почему бы и нет? Ведь сделано доброе дело! Сараи? Так это же не южный берег Крыма!

Внутри здания засверкал свежими красками настоящий спортивный зал; будто здесь и не было никаких станков! Их место заняли новенькие снаряды: шведская стенка, параллельные брусья, турник, кольца, канаты для лазания, конь, трапеции и даже маты! За дальней стенкой – души для мальчиков и девочек. Войти в зал ещё нельзя – полы свежеевыкрашенные. Смотрим и глазам не верим: как мог наш Гобсек решиться на такое расточительство!

– Ура! Качать Соломона Борисовича – не выдержали пацаны, опомнившись от сказочного видения. Нервы Когана не выдержали – блеснула слеза. Он расслабленно ответил на крепкое пожатие Калабалкина и как бы про себя заметил: «Разве я барахольщик? Вы ещё не то увидите!»

Каморку биологов реконструкция не затронула: гурами, гулии, вуалехвосты спокойно плавали в своих водоёмах, избавленные от гула станков и душераздирающего визга пил.

Станки столярно-механического смонтированы в пристройке к «Стадиону». Мы простили Соломону Борисовичу захламлённость производственного тыла времянками и мусором, который заполз и на дорожки, и на цветники перед фасадом. И на кузню посмотрели не так удивлённо, как в первый момент, понимая, что не жилища она на этом свете.

Империя фанз нам надоела порядочно. Построенная из хлама, она, как магнитом, притягивала к себе другой хлам, который был нужен нашему производству. Свежий глаз, впитавший иные панорамы, подсказывал: сжечь бы всю барахолку кричащей нищеты и строить так, как дом ИТР и спортзал! Да не пришло ещё время. Пока что представлялась одна возможность: придать этому царству убогости какой-нибудь вид.

Аврал начался с налёта, как только закончили осмотр. Совет командиров распределил участки. Походная система взводами перешла в отрядную. После столь длительного отдыха работали с наслаждением: скребли, чистили, мели. Взрыхлённые и политые цветники улыбались посвежевшими красками. Каждый цветок кланялся над струями поливок, как бы благодаря своих избавителей и спасителей. Карл Иванович не дал им погибнуть, но гибель была уже близка.

Дорожки перед домом посыпали свежим песком. Единственный тротуар, протяжённостью от углов здания до парадного входа, вычищался и споласкивался водой.

Дебри тыла с головоломными лабиринтами и баррикадами попали под жестокую обработку. Соломон Борисович и его маршалы Лейтес, Мошанский, Орденакс и Сыч грудью отстаивали всё, что должно ещё пожить на свете. Пылали костры, пожирая в очистительном огне мусор и рухлядь.

Внутри здания уборка затянулась до позднего вечера. В сверкающие чистотой спальни вносили проветренные одеяла и матрацы, застилали чистые простыни, заправляли кровати, натирали паркет и с упоением думали: в гостях хорошо, а дома лучше.

* * *

Наступило время школы. Появились заботы у кандидатов на рабфак. В самом деле: не сидеть же в коммуне до поры, когда вырастет борода! Явных кандидатов набиралось человек тридцать. Их не упрекали, как засидевшихся невест, но жизнь предъявляла свои требования. На улице ещё так много ребят, нуждающихся в нашей помощи!

Фомичёв и его товарищи – актив коммуны, комсомольцы, лучшие производственники не на шутку встревожились, когда машиностроительный институт отказал в приёме на 1-й курс своего рабфака. Нет стипендий и мест в общежитии.

Рабфак! Это была ступень к дальнейшему образованию рабочего человека, это перспектива учёбы в институте, возможность для рабочего человека стать инженером, о чём часто говорил нам Антон Семёнович.

Институт мог взять на II и III курс студентов. Но кто решится сдавать экзамены без подготовки на эти курсы? А где жить? Коммуну превратить в ночлежку?

Педагогический совет коммуны, а вскоре и совет командиров были поставлены перед сложной проблемой: как быть, что делать? И решение пришло: нельзя ли открыть собственный рабфак? Например, как отделение Машиностроительного института? Перспектива заманчивая, а как её осуществить? Кто разрешит и узаконит, где взять оборудование, преподавателей? Как их разместить? Дебаты были бурными. ССК Харламова, не справляясь с разгорячёнными ораторами и шумом, перешедшим парламентские рамки, обратились за помощью к Антону Семёновичу.

Что-то было в его лице строгое и торжественное. Что-то новое излучалось его глазами. Наступила тишина. Мы смотрели на Антона, как на взведённый курок.

– Товарищи! А ведь в самом деле, почему бы нам не открыть свой рабфак! – очень спокойно начал Антон Семёнович. Мне думается, что к такому решению мы давно готовы. Если институт предлагает II курс, то почему мы не можем сами начать с первого? Наш преподавательский состав может, я думаю, перестроиться. А если будет надо, пригласим и других. Что касается организационных вопросов – поручите их мне. Думаю, рабфак у нас будет. Тут он сделал паузу и, улыбнувшись, добавил без всякого пафоса: «Дня через два».

Совет замер. Антону мы верили как святому, но поверить в такое? Первый раз на совете началось настоящее столпотворение. Впрочем, продолжалось оно недолго. Лицо Антона Семёновича посуровело и в кабинете вновь стало тихо.

Как-то в один из зимних вечеров Антон Семёнович читал нам письмо А. М. Горького. В кабинете полно ребят. Неожиданно потух свет. Это случилось не часто. Сидим тихо, переговариваемся и не знаем, сколько продлится досадная темнота. И вдруг – голос Антона Семёновича: «Да будет свет! Раз! Два! Три! Отсчитывая, он хлопал ладонями.

По счёту «три» ярко вспыхнула лампочка. Поражённые невероятным фокусом, мы даже испугались и лишь спустя некоторое время разразились нашими аплодисментами.

Этот случай помнили, но разгадку... найти не могли.

И вот теперь ещё один фантастический полёт. Возможно, что идею открытия рабфака в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского он вынашивал давно; возможно, что именно сегодня это решение вызрело окончательно.

Соломона Борисовича идея рабфака тоже обрадовала: «Граждане, мы сохранили рабочие руки. И какие руки! Золотые руки! Вы понимаете, что это значит? Вы ещё не понимаете!» За дверью кабинета он тыкал пухлую ладонь радостным кандидатам, щедро обещая обтирку в цехах и спецовку из «рубчика».

15 сентября рабфак был торжественно открыт. В коммуне остались прославленные токари, слесари, столяры, формовщики, литейщики. Педагогический состав пополнился хорошими преподавателями по истории, математике, физике. По русскому языку и литературе – профессор С. П. Пушкинов, по украинскому языку и литературе – профессор Е. С. Могура.

Рабфаковцами I и II курсов стали 70 человек. При вступлении сдавали экзамены.

* * *

После крымского похода секретарём комсомольской ячейки избрали Сашу Акимова. Он работал в столярной мастерской, был ударником, активным комсомольцем, спортсменом, по характеру – весёлый, никогда не ноющий, общительный. К нему тянулись, признавая авторитет вожака.

Под его руководством комсомольская ячейка стала работать активно, входя во все сферы жизни коммуны. Однажды на работе, после короткого разговора, он предложил мне вступить в ряды ВЛКСМ. Его предложение меня обрадовало, как выражение доверия, признание достойным носить звание комсомольца. В комсомол принимали не любого желающего. Делали отбор по производственным достижениям, показателям в учёбе, в поведении, политической подготовке и пролетарской сознательности. В биографии учитывалось социальное происхождение, хотя в нашем составе «столовых» потомков «голубой» крови не встречалось.

До разговора с новым секретарём, находясь постоянно в среде комсомольцев, я видел, что они лучше и активнее других, больше загружены общественными и политическими делами. В отрядах, совете командиров, на общих собраниях их голос был решающим.

На закрытых комсомольских собраниях обсуждались такие вопросы из жизни коммуны, куда не было доступа беспартийным. В повседневном быту члены комсомола не проявляли личного превосходства, не бравировали своим званием. Каких-то выгод и благ не имели. Наоборот, к ним предъявлялись самые высокие требования Антона Семёновича, вместе с тем безоговорочное доверие и уважение.

К этому времени комсомол стал настоящим авангардом коммунаров. Комсомольские ряды росли за счёт актива.

Я подал заявление и был принят. Из помощника стал командиром своего 12-го отряда и только теперь по-настоящему осознал, какая ответственность лежит на плечах лидера. У нас не стало штатных воспитателей, хотя, будучи педагогами в школе и на рабфаке, они оказывали постоянное воспитательное влияние как члены коллектива. В отрядах главными воспитателями были командиры. Выполнение отрядом режима дня, санитарное состояние спален, закреплённых объектов уборки, личная гигиена подопечных, их поведение, дежурства по коммуне, участие во всей общественно-политической жизни, ответственность за это и многое другое возлагалась на командиров.

В моём отряде не стало Шейдина и Колесника, они работали в токарном. Шейдин полюбил книги и читал запоем. Косметическая «полировка» Васи Фёдоренко и крымское солнце пошли на пользу.

Я не оставлял спорт. С появлением спортзала условия подготовки улучшились. Группа энтузиастов в любую погоду проводила зарядку на воздухе, после чего пробегали пять километров, освежались холодным душем и разогревались на снарядах.

После трудового дня занимались в секциях: бокса, борьбы, гимнастики. Появились инструкторы по видам подготовки. Делали осторожные пробы обучения запрещённым приёмам – «джиу-джитсу». Руководил секцией борьбы инструктор Сиротин. Тренировки проводились при закрытых дверях. За общую физическую подготовку я и поныне благодарен наставлениям Мюллера и Семёну Афанасьевичу Калабалину.

* * *

В начале декабря 1930 года коммуна встречала делегацию красных фронтовиков из Германии. Земля достаточно подмёрзла, чтобы можно было добраться до Белгородского шоссе, не утопая в грязи. Весной и осенью, из-за отсутствия мощёных дорог, коммуна была отрезана от окружающего мира со всех четырёх сторон света. Каторжным трудом людей и лошадей доставлялось самое необходимое для поддержания жизни.

В этот день светило солнце, замёрзшие кочки прикрыл первый снег. Гостей встретили у шоссе при выходе на тропу, ведущую в лес.

Их было человек пятьдесят подвижных крепышей, здоровых и румяных. У них свой духовой оркестр со странными инструментами, в несколько узких раструбов в басах и баритонах.

Встреча была по-братски тёплой и торжественной. Все в форме красных фронтовиков, в тельмановских фуражках. Мы впервые увидели стойких борцов за революцию в Германии. Два оркестра сыграли «Интернационал». Дирижировал Волчек. Начальные познания немецкого сковывали свободное общение с товарищами. Дополнением в таком же объёме русским с их стороны достигалось взаимное понимание. Главным же средством разговора были жесты, мимика и братские интернациональные чувства. После тёплых приветствий, пройдя цепочкой через лес, гости отдельным взводом построились в нашей колонне. Впереди – знамя коммуны. Оркестры попеременно играли марши. Нам понравился их марш «Рот-фронт» – марш отрывистый и бодрый, с чёткой дробью барабанов, резкий, напоминающий выстрелы. Заканчивался марш скандированием «Рот-фронт» с поднятием вверх крепко сжатых кулаков. Это был строй, немцев и русских, скреплённый классовым единством.

Гостей принимали в «Громком клубе». Митинг интернациональной дружбы открыл Пётр Осипович Барбаров. В президиуме – немецкие представители делегации и коммунары Сторчакова, Швед, Акимов.

В зале гости рассредоточились между коммунарами. Слово предоставили товарищу Питеру Брандту. Докладчик рассказал об обстановке в Германии, об организации красных фронтовиков-тельманцев, об их борьбе с фашизмом, о тюрьмах и застенках, где томятся лучшие борцы за рабочее дело. Он говорил о бессилии правительства Германии обуздать вооружённые отряды штурмовиков, бесчинствующих по всей стране. Рабочие крупных промышленных городов Германии, немецкие коммунисты, красные фронтовики, под руководством испытанного борца Эрнста Тельмана ведут мужественную борьбу с фашистами, но их поддерживают германские и международные империалисты, трепеща в животном страхе перед красной опасностью.

В заключение Питер Брандт выразил надежду, что только рабочий класс Германии способен активно бороться с поднявшими голову громилами и, на примере Страны Советов, добиться победы.

– С нами Советский Союз и международный пролетариат! Эс лебе дойче коммунистише партай! Эс лебе – Ленин! Эс лебе Тельман! Эс лебе

коммунистише Интернациональ! – закончил вдохновенную речь Питер Брандт под бурные аплодисменты всего зала. Все встали. Два оркестра играли «Интернационал».

Наш «Громкий клуб» никогда не был таким громким. Гром оркестров перекрывали возгласы немцев и коммунаров.

В переводчики напросился Соломон Борисович. Он говорил, что понимает немецкий язык. Но когда оратор делал паузы для перевода, наш переводчик заикался и парился, произнося какие-то фразы, из которых понять что-либо было невозможно. Страшно сконфуженный, краснея и борясь с одышкой, он нашёл в себе мужество сказать: «Товарищи, я не могу так быстро переводить культурную речь». Он выглядел студентом, начисто срезанным на экзамене, смешным и жалким.

Коммунары и гости встретили чистосердечное признание добрыми улыбками.

Когана сменила наша скромная преподавательница немецкого языка.

Молодец «Феминина»! – шепнул с уважением Грушев.

После митинга гостям показали коммуны. Экскурсоводов было немало. Как могли, рассказывали о своих делах, с гордостью говорили о рабфаке, показывали учебные кабинеты. В цехах храбро обещали, что скоро у нас будет завод с хорошими станками. Сами рабочие, они видели нашу бедность и понимали нашу неловкость. Но вместе с нами они верили, что будет «карашо».

2. РАДУЖНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Зимой 1931 года нашу мирную почву время от времени начали колебать толчки. В воздухе повеяло новыми ветрами. Чаще бывали члены правления. В кабинете Антона Семёновича появлялись незнакомые нам люди, о чём-то совещались. В один из дней приехала группа инженеров с Александром Осиповичем Броневым. Она привезла проекты и смету перестройки производства. Наши желания облекались в технически обоснованную форму, с чертежами и расчётами. Обсуждался профиль специализации коммунаров, предлагались проекты номенклатуры будущей продукции. Правление ГПУ предлагало освоить выпуск таких видов продукции, которые не производит наша промышленность. В сферу нового производства включить коммунаров и на этой базе готовить своих специалистов высокого класса.

На фоне нашей кустарщины и нищеты такая задача в то время казалась несбыточной мечтой, и всё же коммуна шла к её осуществлению.

Инженеры осматривали наши цеха, станки, слушали их хриплое дыхание, как диговинку, рассматривали приспособления под общим грифом «Голь на выдумки хитра» и бесконечно удивлялись, как можно работать и выполнять промфинпланы на таком оборудовании. Невероятно! В окружении чумазных, замасленных пацанов они представлялись людьми иного мира. Неужели им, крупным старым инженерам, с холёными, интеллектуальными лицами, людям, одетым в приличные костюмы, доведётся работать и строить невиданное в Союзе производство вместе с этими «бывшими»? Соломон Борисович сопровождал образованных коллег. В их коротких репликах он чувствовал приговор и, как обиженный человек, искал в наших глазах сочувствия и поддержки, как у союзников.

Он ещё носил обиду в сердце. На праздничном концерте, посвящённом третьей годовщине коммуны – так его песочили в дерзкой пьеске, так насмехались над его «стадионом»... В старческой памяти бродили отрывки:

«...Из фанеры, из картона,
На постройке стадиона,
Если буря зашумит,
Он за ветром полетит...»

А что вы были без Соломона Борисовича? У вас было что-то лучшее? – шептали его губы. – А что значит сказать со сцены при всём начальстве?

«Киев – город знаменитый,
Кустарями он набитый,
Двести тысяч кустарей
Там живут среди людей.
Кустари народ бывалый,
И доход дают немалый.
И наделали бы дел,
Если бы не финотдел».

– Изведайте, господа хорошие, мою чашу! Вы пришли на готовенькое! – говорила вся угнетённая фигура Соломона Борисовича.

После осмотра у инженеров сложилось полное представление о нашем хозяйстве. Грандиозность задачи требовала больших средств на постройку заводских корпусов, покупку новейшего оборудования, инструментов, приспособлений, привлечения специалистов, пополнения коммуны новыми воспитанниками и связанного с этим строительством жилья. Было над чем подумать.

После важных обсуждений характера будущего производства было решено строить завод электросверлилок. За образец взяли электросвер-

лилку австрийской фирмы. Нам её показали и дали подержать в руках.

В коммуне прошёл слух, что главным инженером будущего завода утвердили Горбунова, который и возглавит стройку. Он – один из группы инженеров, побывавших в цехах. Александр Осипович сказал нам, что «он мужик крутой и не терпит никакой волюнки». В состав его помощников вошли инженеры Георгиевский, Андреев, Силков. Им нужно было ещё понять и поверить, что бывшие беспризорники могут освоить новое производство со многими неизвестными для самих инженеров.

Один из монтеров, незадачливый остряк, издевательски прокаркал: «Скорее у вас волосы вырастут на ладонях, чем сделаете сверлилку со своими босяками!» Это было на заводе ВЭК, в конструкторском бюро, куда Горбунов сдал заказ на выполнение чертежей.

* * *

Вздрогнула и зашаталась империя кустарщины, но ещё не рухнула. Казалось, что наступил её новый расцвет. Деньги не рождаются от безделья, их зарабатывают трудом.

Выполнялся промфинплан 1-го квартала. Комсомол выдвинул встречный план, ломающий все коммерческие «потолки» издавших виды людей старого режима. Отчаяннее задышала труба литейного, вздрагивал и трясся барабан Ганкевича, загруженный патронными гильзами. Теперь он работал круглосуточно. Снабженческий аппарат валился с ног, добывая литейное сырьё, очищая свалки арсеналов мировой и гражданской войны.

Непрерывным потоком текли потребителям маслёнки Штауфера, ударники к огнетушителям, поршни и шестерни для тракторов, и всё же токарей, как уставшая кляча, сдерживал литейный: они отставали, ругали Когана, проклинали Ганкевича. В токарной группе работали лучшие производственники-комсомольцы: Фомичёв, Козырь, Никитин, Юдин, Кравченко, Захожай. Маленький юркий Игорь Панов устроился на решётчатой подставке, осваивая своего «британца». Положение можно исправить, сменив деревянные опоки на металлические. Тогда производительность литейного увеличится вдвое и не потребуются дорогостоящая киевская глина, поступавшая с большими перебоями. По мнению токарей, киевский кустарь просто шантажировал Когана собственным литейным барабаном. Его откровенно обвиняли в саботаже и слегка припугнули «тёмной».

По производительности все цеха опередил швейный, выдав продукции на 130%. Интерес к производству приобрёл однобокий характер выколачивания денег на новый завод. Вместе с накоплениями в госбанке росли и

личные заработки. В секретере Антона Семёновича хранились сберегательные книжки каждого коммунара, куда отчислялись личные сбережения после вычетов на содержание.

Нас интересовал вопрос, как растёт наш банковский актив, но Соломон Борисович был скуп на такую информацию.

В этот кульминационный период своей деятельности он ловко пользовался своеобразной дипломатией, отражая справедливые нападения: обещал, стучал пальцами в грудь, успокаивал, заверял, показывал личный пример, смешил красноречием, часто отступал в лабиринт своих временок и там, до времени, терялся, запутывал следы. Он шёл к цели извилистыми путями, но верил в силу коммунаров и в свой талант.

— Разве это дети, это звери! — как-то в минуты подъёма говорил он Антону Семёновичу, — вы посмотрите, как они работают. Ах, как они работают! Мы построим два завода, это я вам говорю! Вы теперь уже хотите Кавказ? Об чём речь!

* * *

Зима наступала исподволь. В январе землю сковало морозами, едва побелив снегом. В феврале подули холодные ветры с заносами. Из сугробов откапывали начисто занесённый жилой и производственные фонд нашего «тыла».

В рабфаке дела наладились, как-то быстро ушли в прошлое беспокойства и сомнения. Здесь отвлекались от цеховых шумов. По программе рабфака изучались предметы: математика, физика, химия, черчение, украинский язык, русский язык и литература, немецкий язык, советское строительство, история классовой борьбы, история ВКП(б), политэкономия, теория советского хозяйства, биология, физгеография, экономгеография, военное дело, автодело и физкультура.

По всем предметам Антон Семёнович укомплектовал квалифицированный преподавательский состав, обеспечил учебниками и наглядными пособиями. Постановке учёбы придавалось первостепенное значение. Регулярно собирались педсоветы. Не могло быть и речи, чтобы выпустить из коммуны студента, не закончившего рабфака, приравненного по общему образованию к средней школе.

Мы любили преподавателя русского языка и литературы Сергея Петровича Пушкинова. Высокого роста, атлетического сложения, изысканно вежливый, он всегда был в хорошем настроении и нас заряжал добрым настроением на учение. Его коллега Евгений Селивёрстович Магура преподавал украинскую литературу. Его пышные запорожские усы на малом лице раздувались от искреннего огорчения, когда он видел рассеянность и скуку во взглядах. Вздвигал нас патетическими восклицаниями.

– Товарищи! Вы хотите бути инженерами? Так працюйте над українською мовою!

Те, к кому он обращал горячие слова, чувствовали себя неловко и «працювали».

Математику преподавали Березняк и инженер Андреев из группы Горбунова. Андреев, мягкий интеллигентный человек, относился к нам с уважением и учил не только по учебникам Шапошникова и Киселёва. Его урок держал в напряжении все 45 минут. Домашние задания по математике прорабатывались без «халтуры» индивидуально или коллективно. Нельзя было придти к Андрееву с неприготовленными уроками.

Социально-экономические науки, историю ВКП(б) преподавали Омельченко и Белоус на украинском языке.

По этим наукам лучше успевали те, кто имел широкий политический кругозор и природный дар слова. К таким относились на нашем курсе Швед, Камардинов, Юдин, Панов, Бобина, Хохликова, Сторчакова. Мне также эти предметы давались лучше, чем другие, особенно политэкономию. Очень помогало моё замещение по политчасти в отряде Васи Фёдоренко. По складу характера я не мог отставать и по «нелюбимым» предметам. Всё, что связано с кличкой «Грак», меня пугало.

После работы и занятий всё шло обычным и привычным порядком. Каждый находил для себя увлечение: радиолюбители просиживали вечера у своих двухламповых и трёхламповых приёмников, изокружковцы изобретали новые воздухоплавательные аппараты, художники работали с крымскими эскизами, биологи колдовали над рыбками, отсаживая в банки молодь, похожую на просо с глазками, физкультурники занимались в спортивном зале, налаживали коньки и лыжи.

3. ЛЫЖНЫЙ КРОСС

Хранителем лыж – щедрым подарком администрации стадиона «Динамо» – был Миша Борисов, белявый пацан, с жёсткой, во все стороны щёткой волос и лицом мудреца. Под склад спортивного инвентаря он приспособил площадку-тупичок на лестнице запасного хода. В складе поддерживал образцовый порядок. Каждая пара лыж под номером, смазана мазью и связана на распорках, заведён в тетради учёт выдачи и приёмки. Было бы всё хорошо, только помещение холодное. Трижды Миша своими руками лепил печки. Сам, с некоторым уклоном к индивидуализации, уюту, оклеил стены вырезками из журналов и перенёс в эту обитель свою кровать. Жить бы ему да поживать в своих «апартаментах», но совет командиров трижды направлял к нему «злых духов» Госпожнадзора, которые разваливали печки.

Косвенным виновником этих жестоких акций был, вероятно, Соломон Борисович. Совсем недавно он пережил страшное потрясение. Запуганный огнеопасностью своих цехов, он вдруг услышал крики «пожар», «горит стадион» и топот бегущих ног. В это время он находился в кабинете Антона Семёновича и на его глазах чуть не упал в обморок.

К счастью, тревога оказалась ложной. Просто лучи заходящего солнца отражались в стекле приземистых окошек и они засветились заревом пожара... С этой поры у Соломона Борисовича ещё больше обострился нюх на все отопительные очаги и особенно на стоящие не на месте.

Сегодня выходной день. Февральский мороз сковал снежные сугробы. Под ногами поскрипывает, ветер обжигает щёки, щиплет за уши.

В каморке холодно. Миша выдаёт лыжи для кросса ГТО. Семён Калабалин проверяет каждую пару. С ним отправляется 50 человек по маршруту: коммуна – станция Мерефа, что в пригороде Харькова. У нас ещё нет лыжных костюмов, поэтому идём в зимней парадной форме без шинелей. Наш руководитель в жёлтой кожаной куртке. На голове кавалерийская фуражка. Всё нарочито не по сезону. У него те же ботинки, гамаши, брюки-галифе, хорошо пригнанные по его статной фигуре. Глядя на его свежее лицо, будто не подверженное стуже, на белозубую улыбку, невольно выпрямишься и принимаешь такую же молодецкую позу.

Участники кросса не нагружены кладью, если не считать бутербродов, да сумки с медикаментами, куда Коля Шершнёв не забыл приспособить баночку с гусиным жиром на всякий случай.

– За ушами смотрите, – напутствовал врач, – и не притащите мне на пле-е-чах лопухов.

В основном лыжная группа к длительному переходу подготовлена тренировками в окрестностях коммуны и городском парке.

После завтрака построились у парадного входа. Короткое прощание с однокашниками и с завистью смотрящими на счастливых пацанами.

– Привет Северному полюсу! – ломким баском напутствовал Филька Куслий.

Калабалин широким шагом пошёл вперёд, прокладывая лыжню. Его движения лёгкие, пружинистые, изящные.

На ходу не разговаривали. Калабалин вразумительно пояснил: «Дышать ртом – всё равно, что есть носом».

За городом в поле сделали небольшой привал. Поправили крепления, потёрли уши, которые перестали чувствовать холод и были уже под угрозой. Смотрели друг на друга, нет ли отмороженных щёк и носов, и не напрасно. У «графа» Разумовского побелел нежный подбородок и его пришлось оттирать снегом.

Наш путь пролегал вдоль железной дороги. Неподалёку, параллельно нашей лыжне, тянулась санный колей. По ней вышагивали вороны, отыскивая поживу. Их вспугнули наезжавшие лошади с заиндевелыми мордами. В санях сидели молчаливые хозяева в кожаных и тулупах, в шубяных рукавицах и недобро посматривали из-под нависших бровей на подбитую ветром «комсу».

– Здоровеньки булы, сынки! – шутливо задевал бородачей Семён.

Те, не утруждаясь ответом, нахлёстывали лошадей.

– У-у-у, куркульня чортова! Бояться, щоб не посидали в сани! – смеётся им вслед Семён, по-цыгански оглядывая лошадей.

Наш путь оживлялся разнообразием ландшафта. За открытыми полями следовали перелески, рощи, холмы и овраги, замёрзшие ручьи и речушки, красочные домики, изредка проходили дачные поезда, по 12-15 вагонов тёмно-зелёной окраски.

Морозную тишину пререзал звучный паровозный гудок. Приветствуя нас, весело постукивали колёса на стыках рельс. И паровозики были какие-то весёлые, с торопливыми размахами поршневых штоков, вращением колёс, окутанные дымком, шипящим паром, создавая картину резвости и быстроты.

– Летом здесь красота, хлопцы, – нарушил разговорный запрет Шурка Агеев.

– Тебе везде красота снится! – возразил Серёжа Соколов, которому не очень нравились литературные восторги Агеева.

Я думал, что и зима украсила по-своему всё вокруг: нагрозила белыми хлопьями зелёные лапки ёлок, обволокла голубоватой вуалью ветки деревьев, укрыла белой шубой долины, холмы и овраги, изрисовала кружевными узорами стёкла окон.

А воздух прозрачный, чистый и будто звенит. И как бы в подтверждение красоты земного мира с веток ближнего дерева вспорхнула весёлая стайка красногрудых снегирей, – стряхнув пушинки инея.

Мы скользили легко, успевая за Семёном Афанасьевичем. Время от времени он выходил из строя и внимательно осматривал всю цепочку. Она была похожа на поезд, который с каждым километром наращивал скорость.

Быстрый шаг переходил в бег, в простые и сложные повороты, в спуски с горок, с торможением палками, в подъёмы «ёлочкой» и «лесенкой»... С подъёмами было сложнее. Лыжи скользили, не слушались, тянули назад. Виновицей оказалась мазь. Возможно, в расстройстве чувств Миша подмазал лыжи не по погоде.

Среди участников кросса были мои сподвижники по утренней гимнастике и бегу. Нас уже не называли «психами». В лыжном походе пригодились и «второе» дыхание, и автоматизм движения, и мышечная закалка. Удивлял выдержкой наш вратарь Харченко – с пороком сердца бежать 60 километров!..

Мерефа – небольшой дачный посёлок с деревянными домиками разных форм и окрасок, с прямыми частыми улочками в виде аллей. Во дворах, огороженных лёгкими заборами, фруктовые сады. Между дачами много насаждений.

Здесь расположены дома отдыха, санатории, летняя эстрада-«раковина» и кинотеатр.

Придя в Мерефу, мы оккупировали станционный буфет, чтобы остыть и попить горячего чая. Наши бутерброды насквозь промёрзли, покрылись искорками. Недорогой чай был по карману и, растапливая изморозь с крошками хлеба, восстанавливал силу.

Семён Афанасьевич, откинув фуражку к затылку, смачно прикусывал свой бутерброд, растягивая удовольствие всем напоказ.

– Сейчас мы и бычка бы умяли, правда? – похлопал он по своему животу. Интеллигент Разумовский возразил: «Говорят, что сытый желудок отвлекает кровь от мозга. Все обжоры глупы и ленивы».

– Молодец, Коля, ты не здорово пошамал и твои мозги ещё мелют бузу, – встрял Захожай. – А я бы с удовольствием перемолол во-о-о-т этого поросёнка! – и в зубах не застрянет.

Он показал на блюдо под стеклом буфета.

– Мне хватило бы крови и сюда и вот сюда! – Саша выразительно ткнул пальцем в живот и голову. Шутка понравилась. Под сводом буфета грянул дружный хохот. Буфетчик смеялся вместе с весёлыми хлопцами, предлагая «откушать поросю».

– Вы не очень угощайте, у него буржуйские замашки, – не унимался «граф» Разумовский, разогревая сукном музыкальные пальцы.

Буфетчик, элегантно склонившись, развёл руками под новый взрыв общего хохота.

Насладившись зрительной и натуральной пищей, мы перешли к делу: протирали лыжи, поправляли крепления, переобувались. Сушить мокрую обувь и носки не было ни времени, ни места.

Вася Агеев почувствовал себя неважно, его знобило. Об этом он поделился с братом Александром. И вид у него был тусклый, лицо посерело и осунулось.

– Держись, Васька, не скидай. До коммуны дотянешь? Дотянешь, – ободрил Агеев-младший.

В обратный путь встали на свою лыжню.

Калабалин ускорил марш, отдавая преимущество бегу. В вечерние сумерки мы достигли знакомой тропы в нашем лесу.

В предвкушении дома и близкого отдыха что-то ослабело в нервной концентрации, ноги налились свинцом, болели спина и руки.

Мороз усилился, подул колючий ветер с позёмкой. Ваське стало хуже. Он окончательно выбился из сил и уже не мог идти. С ним остались четыре человека, а группа, в последнем стремительном броске вырвалась из тьмы на освещённую площадку перед парадным входом коммуны. Ваську подкрепили сахаром из запаса Семёна и доставили в больничку к Шершнёву.

Участников пробега у парадного встретили болельщики с Антоном Семёновичем. Калабалин отдал рапорт:

«Товарищ начальник коммуны, группа коммунаров в составе 50 человек в скоростном марафоне выполнила нормы ГТО по лыжному спорту.

Командир группы Калабалин».

4. ДВА ОТЦА

Хороша жизнь в коммуне! Интересная работа, учёба на рабфаке, спорт, вечерняя занятость в кружках, общественные и комсомольские дела, музыка, театр. Кипучее окружение товарищей.

И всё же меня не покидало угрызение совести, вины перед отцом. Прошло около пяти лет разлуки, и я стал вспоминать. После распада семьи, мы недолго оставались в пустой и большой квартире. Отец тосковал, не находя себе места, надеясь, что всё образуется и мать вернётся. Но этого не случилось. Я узнал, что у бабушки простудили меньшого брата, двухлетнего Андрюшу, что он заболел бронхитом. Перебрались мы тогда на другую квартиру на Холодной Горе. Устроились у молодых хозяев. Нам выделили отдельную комнату. Летом ходили за город на реку Уды – ловить рыбу и там как-то отвлекались от общего горя. Здесь же, на Холодной Горе, отец устроился на работу у частного Жеваго. Ощупью наскребал крупные напильники и зарабатывал на прожитие. Вечерами он любил слушать моё чтение. Книги давали хозяева из своей библиотеки, особенно увлекал Генрих Сенкевич. Иногда слушали скрипку Ивана Адамовича – хозяина дома. И так шло время.

Настал день, когда нам предложили перебраться в другое место. К хозяевам вселялись родственники.

После долгих поисков отец нашёл жильё в селе Большая Даниловка, под Харьковом. Это была хатка под соломенной крышей. Хозяйка Горпина Фёдоровна ещё молодая женщина, рано овдовела и осталась с тремя дочерями. Жили бедно. Выращивали для себя картофель и овощи. Горпина Фёдоровна ходила на заработки к соседям Суворовым. Когда-то у них была паровая мельница, большой дом, во дворе сад и цветники, ухоженные дорожки. Мельницу отобрали, а дом оставили. Горпина Фёдоровна управлялась за гроши у них на хозяйстве, у других брала на дом стирку, и семья кое-как существовала.

Нас встретили приветливо. Девочки почему-то называли меня паньчем и относились с деревенским почтением. Вскоре к нам переехала мать отца – моя бабушка, маленькая, худенькая старушка. Дедушка умер в больнице, и она осталась совсем одна. Звали её Текля Матеушевна. Здесь её перекрестили в Фёклу Матвеевну и этим обидели её шляхетский гонор. Вместе с гонором в семью вошёл новый иждивенец на отцовские плечи. Говорила она плохо, по-польски и по-русски. Раздражала отца диалектом. Иногда он выговаривал ей на чистом польском языке, напоминая, как нужно говорить, чтобы не испортить мою русскую речь.

Бабушка утешалась тем, что в отсутствие отца обучала меня польским молитвам.

У Суворовых были квартиранты – молодая семья Фёдоровых. Муж Иван Лаврентьевич, жена Мария Григорьевна и шестилетняя дочь Таня. С этой семьёй мы быстро познакомились и часто бывали у них.

Мария Григорьевна, 24-летняя красивая женщина, взяла надо мной материнское шефство: следила, чтобы я был чист и опрятно одет, кормила лакомствами своей кулинарии, к вечернему чаю подавала на узорных блюдах крем-брюле. После чая играла на фортепиано, иногда пела. Были вечера, когда собиралось трио: отец с балалайкой, Иван Лаврентьевич с гитарой, а Мария Григорьевна за пианино. У них хорошо получалось. Играли русские и украинские вещи.

Часто все вместе ходили на прогулки в лес или на речку.

В лесу мы промышляли с отцом и дровами. Он хорошо лазал по деревьям, ломал сухие дубовые ветки и собирал вязанки. Моя ноша была по силам, а себя отец нагружал так, что в пору на подводу. И малая вязка натирала мои плечи, сучьями царапала кожу.

В этой жизненной идиллии мне часто приходила мысль: «А что дальше? Неужели я буду нахлебником у отца? Кто ему поможет, если не я?» Созрело решение искать работу и освободить отца от расходов на мою жизнь.

В 12-летнем возрасте, июльской ночью, когда все спали, я встал и оделся. Свой выходной костюм и обувь приготовил с вечера. Вероятно, по костюму девочки называли меня панычем. Это была чёрная бархатная курточка с белым воротником, бархатные короткие штаны, чулки и ботинки. Свой наряд я берёг и надевал только по праздничным дням. В парадном виде, бесшумно нажав на щеколду двери, я вышел на улицу.

В моей неокрепшей душе боролись многие чувства,— главное жалость к отцу, оставленному без помощника. Я был его зрением: читал книги, налаживал рыбацкую снасть, готовил приманки на крючки, водил по лесу на дровозаготовках, сообщал новости, информировал об окружающем; о людях, об их отношениях к нам. Уже пройдя, как мне казалось, бесконечную улицу Бочанку, я хотел было вернуться, слёзы застилали глаза. Но ложное чувство иждивенства, желание освободить отца от материальных тягот, толкало меня вперёд, в неизвестное.

Планы мои были простые: устроиться на работу, где-то подучиться, подрасти и тогда вернуться домой, помогать во всём отцу и быть всегда вместе.

А покамест потерпит...

В центре города, на Павловской площади, я рассматривал витрины магазинов, толкался среди пешеходов, куда-то спешивших и занятых своими делами. Потолкался возле булочной. Здесь хорошо пахло. У входа вертелась лохматая собачонка. Когда выходили с покупками, она становилась на задние лапки, танцуя перед покупателями. Ей бросали довески хлеба. Я давно проголодался и завидовал бойкой нищенке.

За этими наблюдениями и застала меня стайка грязных мальчишек, заросших и одетых в тряпье. Не успел опомниться, как они меня увлекли, уходя от милиции, будто рыбу бреднем, в переулок.

В безлюдном закоулке состоялся разговор беспризорных с «маменьким» сынком. Узнав, кто я есть, они посочувствовали и пообещали работу. Я тогда не понял тонкого издевательства «высокой» договаривающейся стороны — представителей «воли» и во всё поверил.

Вечером на Харьковском вокзале они затолкнули меня в ящик под вагоном, сами устроились в других местах состава и вся компания поехала «на работу» в Севастополь...

И вот теперь, после лыжного кросса, мне неодолимо захотелось пови-
дать отца. Как он там, что с ним? Не так далёк к нему путь.

Правда, я ещё не готов помогать ему. Моя мечта ещё не сбылась.

Под влиянием сильного чувства я не сразу заметил, что удаляюсь от
коммуны, что никого не предупредил об уходе, не взял письменного отпуска.
Откуда-то появились сволочные мыслишки: «Побудешь немного и вер-
нёшься. Как прогулка. Никто и знать не будет».

Через час я бежал по Бочанке, у обочины санного тракта, который вёл
через Даниловку в Цыркуны, Тишни и более удалённые сёла.

В Даниловке все знали друг друга, и большие и малые. Встречные про-
хожие меня не узнавали. И я был этому рад.

Наша хатка стояла в центре села, на углу, внешне вокруг неё ничего не
изменилось.

Во дворе чистила дорожку Оля, младшая дочь Горпины Фёдоровны. Я
её узнал, хоть она стала почти взрослой.

– Ой, мамо!.. – крикнула она в сенцы – кто до нас приехал!

Краснея, бросила лопату у крыльца, и молча потупилась.

Из сеней на крыльцо выбежала Горпина Фёдоровна, без платка, – Ой,
лишенько, кажись, Лёня приехал? – только успела выкрикнуть, как вслед за
ней вышел отец.

Я сдерживал порыв и не бросился к отцу. Вместо этого спокойно по-
здоровался с женской половиной и лишь затем подошёл к отцу, опустив
повинную голову.

– Здравствуй, сыночек, – почти шёпотом проговорил он, и крепко об-
нял. Он долго держал меня в объятиях.

Вошли в хату, стали друг против друга. Он как бы рассматривал меня
снизу вверх, видя что-то смутное. Он нашёл то, что долго искал и боялся
вновь потерять. Я тоже смотрел на него. Такая же рослая фигура, ширина
плеч, большие сильные руки рабочего человека, чистые открытые глаза,
без всяких признаков слепоты. Лишь в черноте волос проступали белые
прядки.

Сели за стол. Он слушал, не перебивая, склонив голову на руки...

Горпина Фёдоровна хлопотала у плиты над ужином. Оля зажгла керо-
синовую лампу. Она была бойче своих сестёр. Те уюстились в углу под
образами и о чём-то шептались. Божьи лики над ними освещены лампадкой
и выражали какое-то грозное осуждение.

– Папа, где бабушка? – спросил я, не увидев своей наставницы.

Отец молчал. После паузы ответил: «Нет нашей бабушки... Умерла». Теперь я её никогда не увижу, никогда! Все помолчали. Неужели это всё?

При свете лампы я узнал деревянный стол, за которым когда-то громко читал книги, писал. Здесь мы обедали. Стоят на своих местах деревянные лавки – «ослоны», деревянная кровать с горкой подушек, большой фамильный сундук для приданого, сохранивший старинную окраску. На стенках картины отца и семейные фотографии в обрамлении украинских рушников, русская печь с набором рогачей для чугунков и горшков и узкий деревянный шкаф для посуды.

Земляной пол гладко вымазан серо-зелёной глиной, прочный и чистый. Такие полы в хатах бедняков называют доливками. Какое мелкое, будничное и убогое было всё здесь в сравнении с нашим коммунарским дворцом! И в то же время почему-то дорогое, берущее за сердце, как ушедшее навсегда вместе с детством.

После ужина я стал собираться домой, в коммуны.

Из слов отца я понял, что он на меня не в обиде: «Значит там лучше и так всё сложилось». В душе он казнил себя и обвинял только себя, что не смог сам вырастить и воспитать детей.

– Что ж, Советская власть всё может, а такие отцы... одна помеха...

Он не договорил, видно было, что ему тяжело продолжать разговор на эту тему. Он опасался отпускать меня на ночь глядя. Оставлял ночевать. Но я не мог согласиться. Утром рабочий день, занятия, обязанности, ответственность, да неизвестно ещё как для меня сложится конец сегодняшнего дня.

Я пообещал, что буду приходить часто.

Отец проводил меня за ворота, и мы попрощались. В темноте обнял его вздрагивающие плечи и, как в детстве, коснулся щёки. Она была влажная.

– Ничего, сынок, – говорил он, успокаивая, – всё будет хорошо. Учись, и дай бог, чтобы мы были вместе, хотя я не верю в нашего жестокого бога. Я потерплю. Не забывай меня и чаще приходи. Ведь мы всегда с тобой были друзьями. Правда?

Так мы расстались после короткой встречи без свидетелей.

Я не шёл, а летел, охваченный тревогой и даже страхом. Представил себя на «середине», а в том, что меня вызовут, не было никакого сомнения. Комсомолец, командир отряда, дежурный по коммуне, командир знамённой бригады и так бездумно нарушил дисциплину, эту нравственную основу, которую сам поддерживал, соглашался с ней и за нарушение взыскивал с других. Выходит, что я сам себя обманул. И как, чем можно оправдываться перед товарищами, перед Антоном Семёновичем?!

Посреди улицы петляла весёлая компания, пьяно горланя песни, подыгрывая на гармошке. Как бы не задержали – мимолётно скользнула мысль, и я приготовился к сопротивлению. К счастью, меня не заметили. Миновав Шишковку, поднявшись на гору и увидев прожекторное освещение коммуны, я помчался насколько хватило духу.

У поста дневального встретил дежурного по коммуне Ваську Камардинова. Он будто бы ожидал позднего гостя. Постное выражение его лица не сулило ничего хорошего. На наших часах пробило «одиннадцать». Они, как нарочно, висели над аркой парадной лестницы, ведущей в спальни.

Дневальная, маленькая Маня Бобина, с испугом посмотрела на меня и молча опустила глаза.

– Тебя ждёт Антон, – с высоты объявил Васька.

В ногах сразу появилась предательская слабость. Перед дверью в кабинет я остановился и немного пришёл в себя. Собравшись наконец с духом, постучал.

– Войдите! – услышал я до боли знакомый голос. Антон Семёнович встал и вышел из-за стола.

– Где ты был? – сразу звякнул сталью его голос. Передо мной стоял второй отец, суровый и строгий. Через стёкла пенсне его глаза прожигали меня насквозь.

На подбородке выступала знакомая чёрточка.

– «Пропал!» – мелькнуло в сознании. И не ощущая уже ни времени, ни пространства, кое-как выдавил: «У отца».

– У отца?! Так какого же чёрта ты никому не сказал!!!

– Я думал, я хотел...

Но он перебил:

– Ты дрянь, ты просто дрянь, понимаешь? Почему ты не сделал самое простое, не взял отпуск? Почему ваша светлость заставила искать себя всей коммуной? Кому придёт в голову, что нормальный коммунар, коммандир и не дурак, возьмёт вдруг, так себе, и пойдёт?

На паркете я заметил чернильное пятнышко. Я тупо смотрел на него и подумал:

«Странно, как оно могло здесь появиться?» Это была почти невменяемость. До кабинета я знал, что нарушил порядок, дисциплину. Но я не подумал о том главном: для чего нужна дисциплина!

– Два часа ареста! – донеслось до меня откуда-то издалека. – Отбывать наказание завтра. С 17 часов!

Всё перевернулось в моей душе. Я хотел броситься и обнять Антона Семёновича. «Значит простил. Значит поверил, что я не подлец, не предатель». Но сентименты у коммунаров не были в чести. Поэтому я вытянулся

в привычной стойке и, не в силах сдерживать радостную улыбку, ответил: «Есть два часа ареста».

Лишь спустя много лет, став педагогом и внимательно изучая труды А.С. Макаренко, я понял истинный смысл одного из самых глубоких положений его теории: наказание в советской школе не должно принимать не только физических, но и нравственных страданий. Оно лишь должно разрешать конфликт. Как в интересах личности, так и в интересах коллектива.

5. ЧЕСТНОЕ СЛОВО БОЛЬШЕВИКА

Приближалась весна. Санные дороги, связывающие нас с внешним миром, оживились обозами, завозившими в коммуну стройматериалы. От темна до темна везли доски, кругляк, железнодорожные шпалы, кирпич, гвозди, стекло, оконные рамы, рулоны толя, шифер. Всё это богатство не вмещалось в складские клетушки нашего «тыла». Стали оккупировать площадь по бокам главного здания, под открытым небом. Штабели кирпича росли и росли. Застучали молотки, зазвенели поперечные пилы, как из земли вырастали жилые бараки. Пахло свежими досками. Из ближайших деревень Даниловки, Цыркунов, Шишковки и из города потянулись строительные рабочие, комплектовались бригады. Справа и слева от главного здания всё сносилось. Готовилось место под строительство.

В один из мартовских дней приехал Броневой. В коммуне он редкий гость и появление его богатырской фигуры было сразу замечено. Окружённый строительным начальством, он ходил по территории. Начальник снабжения Лейтес с блокнотом в руке торопливо сеял названиями и цифрами. Лейтес – правая рука Соломона Борисовича, молчаливый хранитель его коммерческих тайн, но под строгим взглядом Александра Осиповича он играл чистыми картами.

Ознакомившись с делами на стройке, Броневой пошёл на производство. В механическом его облепили замасленные пацаны. Многих он знал в лицо и по именам. У него были некоторые личные симпатии.

В цехе опасно подрагивал вал трансмиссии, под потолком тряслись шкивы, хлопали на них скользкие растянутые пасы, десятки раз сшитые и перешитые.

В кажущемся хаосе торжествовало виртуозное и привычное умение взнуздывать дряхлых «коз», «бельгийцев» и «британцев», которым определено историей ещё в резвом аллюре поработать на Советскую власть.

Быстро мелькали рабочие руки, на полочках росли стопочки маслёнок и тракторных деталей. Каждая новая маслёнка прибавляла рубль в бюджет коммуны.

К сопровождающим примкнул Соломон Борисович, дежурный по коммуне Козырь и Степан Акимович. Коган порывался что-то объяснить, но Броневой встречал его суетню взглядом, в котором Соломон Борисович не видел ничего определённого.

В столярный цех пробивались с трудом, преодолевая предмостные укрепления из сугробов и полуфабрикатов. Площадь «Стадиона» не вмещала накопившейся продукции, заготовок, облепивших со всех сторон печные трубы. Даже узкие проходы были завалены. Пахло клеем, воском, древесной пылью, испарениями дерева. Слышались скрипы цикли, шуршание шлифовальной шкурки, удары деревянных молотков. Из-под рубанков выкручивалась мягкая стружка. В группе девочек ловко мелькали деревянные лопаточки-шпаклёвки. Они покрывали отшлифованные поверхности красителями, подсохшие детали полировали. После этой работы производственный цикл считался законченным и наша продукция: столы, кресла, табуретки – отправлялись заказчику.

Александр Осипович пробирался к верстакам, по рабочему прятал в широкой ладони тёплые руки жрецов лёгкой промышленности, подбадривал.

– Давай, Володька, на совет командиров,– сказал Броневой, обращаясь к Козырю. Вслед за всеми, переваливаясь на сугробах, двинулся на совет и Соломон Борисович. Он знал, что без него там не обойдётся. И было несколько странно, что чем больше он выкладывался, чем больше брал на себя головоломных задач, бросая в жертвенник всё личное – необходимый отдых, семейное благополучие, маленькие земные радости,– тем больше с него спрашивалось и требовалось, подталкивалось к граням невозможного, как нечто обыденное, назначенное ему судьбой, а не исключительное и не героическое.

После сигнала на совет командиров, прозвучавшего мажорными перебивками в помещении и на дворе, кабинет заполнился командирами и активом. За столом секретаря совета Семён Никитин.

Накануне большой ломки совет был пополнен особо деловыми и напористыми реалистами. Семён Никитин стал во главе совета, воплощая в себе эти качества. На совет явился также начальник строительства, инженер Горбунов и его помощники Силаков и Георгиевский.

Всё внимание обращено на Броневого и он начал сразу: «Ну как, товарищи, берём быка за рога? Начинаем строить завод электросверлилок!».

Совет разразился аплодисментами. Начиналось долгожданное новое. Александр Осипович продолжал: «Нашей промышленности и армии нужны эти маленькие и удобные сверлилки. Первый вопрос денежный. У вас на расчётном счёте в банке триста тысяч рублей. Это раз. Так и быть, дадим ещё четыреста тысяч». Аплодисменты и поднявшийся шум надолго прервали речь.

Дождавшись тишины, Броневой продолжил: «Но этих денег мало. Нужно ещё триста тысяч. Их негде взять, если вы сами не заработаете в этом году на старом оборудовании», – при этом повернулся в сторону Соломона Борисовича.

Коган приподнялся с дивана. Его нижняя губа опустилась ещё ниже.

Обращаясь к Антону Семёновичу, Броневой спросил: «Выдержите?».

Тот спокойно ответил: «400 тысяч давайте сейчас. Остальное наше». В кабинете стало тихо. И в этой тишине раскатистый хохот Броневого слился с новым всплеском аплодисментов. Он поднял указательный палец и весело погрозил где-то посередине между Антоном Семёновичем и Коганом.

– Товарищи, – продолжил Антон Семёнович, – перед нами огромные задачи. Мы не имеем права медлить. В этом году планируем построить завод, спальный корпус, капитально перестроить внутри наше здание, построить жильё для рабочих и технического персонала, принять в коммуны 150–200 новых ребят. Наша цель идти в ногу с пятилеткой, с индустриализацией страны, с рабочим классом, готовить из вас грамотных специалистов.

После Антона Семёновича говорил начальник строительства. Он сказал, что выполнить программу строительных работ возможно только при наличии материальных средств, незамедлительного освобождения помещений – главного здания от детей и имущества и принятия рабочих на все запланированные объекты.

Его выступление встретило недоумение и у «детей», и у Соломона Борисовича, и Броневого.

– Как освободить? Куда? А выполнять производственный план кто будет? – с места воскликнул Александр Осипович.

– Триста тысяч – это сумма, батенька!

– Да, сумма, кто понимает! – вмешался Соломон Борисович, – и вы как новый товарищ не выбивайте из-под себя ступ.

Строитель развёл руками и осторожно сел на своё место.

Никто не сомневался, что мы уже вовлечены в водоворот новых грандиозных событий и отступления не будет.

В высказываниях коммунаров кипел единый порыв: «Даёшь завод!»

Шурка Захожай с украинской неторопливостью сказал: «Так что давайте гроши, Александр Осипович, и по рукам!»

Под вешалкой пацаны визжали и в невыразимом экстазе потирали ладошки.

Горбунов слова не брал. Он внимательно следил за ходом собрания, которое называлось советом командиров, и немало удивлялся, почему взрослые солидные люди подняли этот разговор в присутствии детей, да ещё так недавно взятых с улицы.

Когда Антон Семёнович спросил, разделяет ли он энтузиазм коммунаров, он сухо, не поднимая головы, ответил: «Я инженер и предпочитаю работать со взрослыми людьми».

— А я по-вашему в бирюльки играюсь? — подскочил, как ошпаренный, Соломон Борисович.

Демарш Когана не сразил Горбунова. Он вызвал смех коммунаров и тонкую улыбку Антона Семёновича. Ледок Горбунова не погасил пламени. Что ж, товарищи,— перекрывая гомон, заговорил Броневой,— укатали вы меня, даю четыреста тысяч! В подкрепление сказанных слов он резко, сверху вниз, рассёк воздух рукой, как отрубил.

— Ура! — дрогнули стены от крика, аплодисментов и топота ног.

Захожай вскочил и, не помня себя от счастья, бросился к Броневому и хлопнул своей ладошкой в широкую ладонь.

— Слово?

— Купеческое! — прижав к себе восторженного Сашку,— ответил Броневой.

— Э-э-э нет! — спохватился Никитин,— вы дайте чекистское!

— Кроме шуток, ребята, даю честное слово большевика! И в придачу новую полуторку.

В шумном, возбуждённом говоре не все расслышали последнюю фразу.

Заседание затянулось. В окна смотрели вечерние сумерки, Александр Осипович стал собираться к отъезду. Никитин объявил заседание закрытым, и гурьба провожала Броневого к машине.

У Антона Семёновича остались Коган, Дидоренко, начальник строительства и Горбунов.

Подойдя к машине, Александр Осипович спохватился: «Да, товарищи, совсем забыл; в каком походе отдыхаете летом?»

— В кавказском! — дружно ответили мы, как давно принятое решение.

— Это хорошо. А деньги есть?

— Будут.

— Желаю успеха.

— Слышал, что он сказал про полуторку? — подтолкнул плечом меня Гонтаренко, когда мы проводили начальство.

Наш разговор прервал всегда желанный сигнал в столовую.

Радостная весть птицей облетела всю коммуны.

По коридорам, на лестнице, в вестибюле, в столовой – всюду гудели голоса, всяк по-своему переносил и пересказывал события исторического заседания совета командиров.

Аккуратист Никитин писал протокол.

6. НЕ КАЖДОМУ СВОЁ

Большой поворот к бурным событиям – производственному штурму и строительству – не явился помехой в подготовке кавказского похода. На полный ход работала комиссия. В её состав вошли старые участники и новички. Васька Кравченко попробовал отпираться:

– Та що ж вы, товарищи, я и обзог загубив, як той шляпа, а вы обратно выбираете!

– А чем тебе плохо, Вася! Сидишь на гарбе, от пуза шамаешь, ещё и командуешь, – с полными щёками смеха, серьёзно говорил Дорохов.

– От и берись сам и сиди на той гарбе с татарами, а я не хочу!

Но Ваську уломали. Из новичков в комиссию вошёл Игорь Панов. Он и мал ростом, да башковит. Ему и Марголину поручено строительство лагеря в Сочи.

Он ездил с Антоном Семёновичем по маршруту Харьков–Владикавказ–Тифлис и теперь рассказывал весь план похода: где что будет. Всё расписано. Вот одно плохо: попадает ночёвка на Крестовом перевале, а том холодно и летом снег бывает. По объёму переходов, посадок и пересадок, ночёвок и размещения в городах кавказский поход для комиссии сложнее крымского.

Только ли для комиссии? А для Антона Семёновича? Разве просто организовать, хотя бы питание на всём пути, к тому же в других республиках!

Степан Акимович со своим штабом энергично предпринимал меры в том же направлении. Шли письма, телеграммы, пробивались транспортные «пробки».

Вездесущий Орденанс с подручным Сыном командировались в щекотливые сферы. Их информации с мест приводил в систему Мощанский и докладывал Дидоренко.

Параллельно с подготовкой коммуны к кавказскому походу, группа из пяти человек – Лёни Глебова, Лёвы Салько, Вани Иванова, Серёжи Мезяка

и меня возмечтали отправиться в самостоятельную экспедицию. Манили алтайские дали.

Идея экспедиции принадлежала Салько. Его отец геолог, профессор, ежегодно возглавляет экспедиции студентов Харьковского горного института на практику.

Салько и бросил зерно в нашу почву, обещая обо всём договориться с отцом. Будучи приёмным сыном Антона Семёновича, он авторитетно ружался за успех в переговорах с ним.

– Дело верное, Антон отпустит!

Стали готовиться, серьёзно принялись за изучение Алтайского края.

В воображении рисовались горы, альпийские луга, быстрые реки, с переправами на лодках, скачки на лошадях, счастливые находки редких ископаемых, охота, вечера у костров и многое, многое...

В один из выходных дней погостили на квартире Салько-старшего.

Его квартира скорее походила на антропологический музей. Пол устилали медвежьи шкуры, на стенах множество чучел пернатых и шкурок зверьков, на полках гнёзда с птичьими яйцами, банки с пресмыкающимися, в террариумах ужи, змеи, ящерицы, веретеницы и прочие виды «гадов голых».

На стенных коврах развешена коллекция охотничьего оружия. В других комнатах шкуры тигров, рысей, куниц, барсуков. Книжные шкафы до потолка с книгами в хороших переплётках и шкафы с образцами минералов.

Наше глазенье сопровождалось разноголосым птичьим гомоном. Узни-ки клеток знакомились с нами а, возможно, по-птичьему жаловались.

Богатство и разнообразие экспонатов окончательно вскружило нам головы.

В комнатах африканская температура, воздух напоитан смесью запахов мёртвого и живого, к которому нужна привычка.

Профессор Салько вкратце рассказал о своих экспедициях, работах со студентами на Алтае, Памире, в Приморском крае, в Крыму и на Кавказе. Практика этого года предстоит на Алтае. Он согласился включить нашу группу в состав экспедиции на положении студентов. В геологии, как науке, мы, прямо скажем, плавали, но на подсобные работы вполне годились. На этом и порешили.

Мы получили карту-десятивёрстку, ознакомились в деталях с маршрутом. Всё шло на лад и время экспедиции совпадало с нашим отпуском.

В коммуне намерения «заговорщиков» сохранялись в тайне. Началась лихорадочная подготовка. Штаб – фотокружок, Глебов и Мезяк – члены

фотокружка. Остальные зачислялись и стали осваивать «фотографию». Из продуктового склада притащили огромный ящик, задвинули под стол и задрапировали длинной скатертью. Он стал тайником, куда посыпались путевые сокровища. На имущество составлен список и каждому определено, что положить в тайник. Носили и клали без постороннего глаза.

Оставалось нерешённым главное – согласие и «благословление» Антона Семёновича. Лёва никак не решался поднимать этот вопрос, отговариваясь разными причинами, и когда наступил критический момент, он замялся и прямо сказал:

«Боюсь говорить Антону, иди ты».

С тетрадами, десятивёрсткой, маршрутом, выбрав подходящий час, когда в кабинете никого не было, я вошёл. Компаньоны остались за дверью. Начало предстоящего разговора мысленно репетировал не один раз и чувствовал себя подкованным.

Антон Семёнович был занят, что-то быстро написал и, не отрываясь от работы, спросил: «Что?»

– Антон Семёнович, мы задумали поехать на Алтай... С экспедицией, понимаете? Он приподнял брови.

– Кто это «мы» и с какой экспедицией? – Голос был располагающим.

Я раскрыл конспект и подробно изложил наши планы. Антон Семёнович слушал с интересом. В моём изложении пахло романтикой, сносными географическими сведениями и аргументацией. Я говорил о физической закалке, мужестве в покорении гор и рек, о полезных для нас познаниях и просил отпустить.

– Разрешите, Антон Семёнович. Мы оправдаем ваше доверие и нигде не опозорим коммуны!

Он помолчал, постучал пальцами по столу, улыбнулся и вдруг спросил:

– Ты не один здесь? Веди их сюда.

– Есть вести!

Я открыл дверь, и вся компания выстроилась перед столом.

– Подойдите ближе. Располагайтесь. Голос Антона Семёновича звучал дружелюбно.

На столе лежала моя тетрадь и карта.

Мы взяли стулья и окружили стол. Хорошее настроение Антона Семёновича предвещало успех. И действительно, он стал рассказывать об Алтае в таких красках, с такими подробностями, что и в книгах не писано, которые удалось нам прочитать. Похвалил за хорошую проработку географии, одобрил смелость и порыв и вдруг, как бы опечалившись, сказал: «Но...»

Этот маленький слог у Антона Семёновича всегда был наполнен особым содержанием.

Масляные улыбки компаньонов как языком слизало. От природы круглое лицо Мезяка постно вытянулось и застыло.

– Дорогие мои мальчишки, вы всё хорошо придумали, только забыли одно: с кем я на Кавказ поведу пацанов?

– Как, Антон Семёнович! Разве едут не все? – вырвалось у меня с изумлением.

– Да, могут не поехать. Отпущу вас и другие захотят. У них появится соблазн, хотя Кавказ ничуть не хуже Алтая.

– Да, но мы первые! – возразил Глебов.

– Это не имеет значения. Разрывать коммуны я не могу, пожалуйста, увольте меня от этого.

В голосе появились знакомые металлические оттенки.

– Другое дело отправиться вам из Сочи, скажем, в Красную Поляну! И самостоятельность, и горы, и ручьи. Если есть порох, можете выстрелить. Против такой экспедиции, без отрыва от коллектива – возражать не буду. Придёт время и вы станете взрослыми, и тогда хоть на край света. На Алтай, Памир, Гималаи. Покоряйте вершины, открывайте неизведанное. А пока побудем вместе, не спешите. Это вам надо больше, чем мне.

Я хорошо знал принципиальность Антона Семёновича, не раз был свидетелем резких столкновений с приезжавшими всяких рангов. И всегда он брал верх. Он умел отстаивать свою позицию чёткими, ясными доводами.

Разговор был окончен. Отдав положенный салют, мы вышли.

В фотокомнате стоял ненужный теперь ящик. На боковой стороне тушью было написано «Верх. Осторожно. Не кантовать. Фотопринадлежности».

Глеб с досадой пихнул его ногой. Но Иванов успокоил: «Зачем, может пригодится?»

– Пацаны, а не рвануть ли нам в самом деле в Красную Поляну или ещё куда? – осторожно предложил Мезяк. Идея показалась интересной.

* * *

Наступили дни, когда не хватало времени. Какие-то скрытые пружины управляли нашей жизнью. Что-то не сделать вовремя, значит отстать. Нас подхлестывали всё новые задачи и новые планы. Мечты на глазах становились реальностью. Пока держалась морозами дорога – возили материалы. Когда оттаяла почва, землекопы бросились рыть котлованы под фундаменты завода. Распутица и мешанина разрытой земли сопровождали нас всюду. Грязь подплывала под самое крыльцо главного здания и только героизм дневальных не пускал её дальше в святая святых.

Строительное начальство гневалося на блюстителей чистоты, когда часто спешило в кабинет на «пару минут». Спешил начальник строительства Носалевич, спешили его прорабы и десятники.

Получив отказ на отселение коммунаров, они всё-таки добились частичного вторжения. На втором этаже отселили девочек из спальни, закрыли Тихий клуб, начали ломать стену. По проекту из двух смежных помещений предусматривался театр на 400 мест, с балконом ещё на 100 мест. Двери на парадную лестницу наглухо забили, и строители пользовались тыловыми окнами. В цехах штурмовали промфинплан 2-го квартала. На стене, у входа в столовую Терский развернул красочное поле сражения в золотистой рамке. Дрались «красные» и «синие» за светлый город коммунистической архитектуры с нашим дворцом в центре. Снизу наступала армия из трёх фронтов: механического, столярного и швейного. Каждый день отмечался линией столкновения противников, каждый день выпускалась сводка «Положение на фронтах».

В роли наших врагов выступали: перебои в литье, плохое оборудование и простои по этой причине, нехватка материалов, резцов, смазки, элементы нераспорядительности, расхлябанность.

С каждым днём накал соревнования нарастал. На цеховых собраниях слушались яростные выступления. Крыли и Когана, и Ганкевича, и снабженцев. Переходящее знамя коммуны вручалось победителям каждую пятитдневку на торжественных собраниях. Побеждали поочерёдно, то механический, то швейный цех. Чаще знамя удерживали девочки. Штаб соревнования в таком накале не мог допустить ошибки при подведении итогов.

Столярный цех на левом фланге вёл отчаянные бои без существенного успеха. Ему вручалось рогожное знамя. Это кусок рогожи на палке. На собрании, в обстановке ликования победителей, завоевавших красное знамя, мужественные знаменосцы столяров принимали рогожку, под шуточную мелодию оркестра «Чижик-пыжик». Этот крест несли бригадиры. Ритуал рогожи не оборачивался в насмешки и мстительное злорадство победителей. Он был наглядным показателем отставания в стремительном беге вперёд. Он был напоминанием о том, что отстающих бьют. В других условиях, в вероятных схватках с настоящим врагом удары будут сильнее. Нас закаляли не только физически, но и духовно.

К концу квартала столярный, накопив резервы, быстро продвинулся вперёд, опрокидывая бегущего «врага», и вместе с механическим, ворвался в город, водрузив красный флаг на левой башне. Его продукция была реализована в срок.

Александр Осипович свой договор, скреплённый большевистским словом, выполнил. Строительство располагало средствами. Машина, новенькая «полуторка», пришла на второй день после совета командиров. Ею завладел коммунары Чарский, к великой зависти многих автомобилистов. Вокруг него увивались и Гонтаренко, и Боярчук, и Шурка Чевелий. Миша Чарский, один из первых колонистов-горьковцев пришедший в коммуну, вышел в самостоятельную жизнь, работал слесарем в механическом и теперь стал штатным водителем машины.

В середине мая торжественно отпраздновали закладку фундамента. Присутствовало много гостей, все рабочие, преподаватели коммуны, выступало много ораторов.

Вместе с Ваней Ткачуком Александр Осипович спустился в отрытый котлован и заложил капсулу с текстом «нашим потомкам». Строитель тут же, в кирпичной кладке, замуровал её раствором.

Антон Семёнович с волнением говорил: «Товарищи! Сегодня мы положили первый камень в фундамент нашего завода. Пусть же наш труд станет частью труда всех строителей нового общества. Да здравствует наша победа. Ура!»

Ответное «ура» потрясло воздух. Перекрывая людские голоса, гремел «Интернационал». Слушали, сняв головные уборы.

А на втором объекте по левую сторону главного здания, уже поднялись кирпичные стены спального корпуса, окружённые строительными лесами.

Каменщики мостили дороги к Белгородскому шоссе. Прямой линией в 2000 метров она соединит коммуну с городской магистралью. Месяц назад Горкоммунхоз обратил, наконец, внимание на долгие ходатайства совета командиров и начал земляные работы.

Дело не клеилось, подрядчики работали плохо, тянули волынку, стремясь сорвать копейку, а время шло. Тогда за эту работу взялись коммунары, поразив десятника сказочными темпами. За шесть дней профиль дороги был сделан по всем техническим требованиям. Вдобавок отрыли водосточные каналы по обочинам. Бесплатно!

Все отряды работали по 8 часов в день, принесли в жертву производству и школу.

По сведениям Соломона Борисовича потеряно сорок тысяч «чистеньких». Он кричал и хватался за сердце: «Как можно в такое время. Разве это палка в колёсах? Это бревно. Всем пальцам на одной руке одинаково больно, а с другой стороны, снабженцы низко кланяются коммунарам за такой подарок». Отныне круглосуточная транспортная связь с городом начала

действовать.

Пригрело весеннее солнце, высохли дорожки и полянки. Потянуло на свежий воздух, в лес.

Рабфаковцам тяжело высиживать последние уроки, а впереди экзамены. После занятий и работы торчали на стройке, лазали по лесам, присматривались к работе каменщиков и плотников. Труд ручной. Раствор замешивали в ящиках, кирпичи носили на спине в деревянных «козах», потолочные балки вытёсывали топорами.

Отобьёт плотник линию меловым шнуром, поплюёт на ладони и тешет. Получается ловко в его руках. Плоскость стёса гладкая и ровная. Не терпелось и ребятам испробовать плотницкое ремесло. При первом знакомстве строители отмахивались, как от мух. Прораб Дель бесцеремонно выставял с объекта. Когда стали добровольно помогать на подноске кирпичей и раствора, он подобрел.

Кирпичей накладывали в «козу» по 12 штук. Таскали по трапам на верхние подмости. И рабочие нет-нет, да и дадут мастерок в руки. Одно удовольствие класть кирпич на кирпич по «отвесу» на мягкий раствор. У плотников, перенимая их ухватку, тесали брёвна.

Деля привели в окончательное умиление, когда целый отряд захотел взяться строить тротуар перед корпусом. Всю работу делали самостоятельно от разметки до заливки бетоном. За этим приятным занятием нас и застал голос Алексюка: «Тебе, Глебову и Лёвке – срочно к Антону!»

Глебов работал неподалёку, а Салько нашли на крокетной площадке.

Короткое тревожное совещание, догадки, волнение. И откуда оно берётся, когда вызывают к Антону? Вызывали не всегда за проделки, но и по разным делам. Всё же первым делом каждый обращался к анализу своих «теней».

Войдя в кабинет, мы ничего не узнали в его строгих формах. Не кабинет, а театральная сцена. Справа избушка Бабы Яги, на ветках дерева зловещий филин с горящими глазами и ворон. Из-за кручёного ствола торчали три головы Змея Горыныча, слева раскинут шатёр. Его верхушка украшена конским хвостом. Полотно разрисовано яркими узорами и крупными хищниками. У входа вытянулись два стража с колчанами стрел. При беглом взгляде, в них трудно узнать человеческое. Щедрый грим изуродовал природные черты. По одежде и вооружению они представлялись степными воинами.

Стол Антона Семёновича закрыт плакатами с славянской вязью: «Если прямо ехать – убиту быть», «Направо ехать – женатому быть», «А налево ехать – богатому стать».

Необычное оформление, перенесённое из сказок, привело в недоумение.

Я посмотрел на друзей и увидел вместо лиц поглупевшие вопросительные знаки. Пахло спектаклем. Какая роль предназначена нам? Кроме «стражей», в кабинете никого не было. Вдруг из-за шатра, над конским хвостом появилась голова Терского. Она выплыла снизу. Бесстрастное худое и вытянутое лицо слегка подёргивалось, выжимая улыбку и само было очень смешным. Мы не сдержались. Терский вызвал невольный смех.

Антон Семёнович, объявившись из декораций, наградил нас не суровым, но и не весёлым взглядом, в котором говорилось, что это ещё «цветочки».

Вошёл Федя Борисов с трубой.

– Вызывали, Антон Семёнович?

– Давай сбор на совет командиров.

Кабинет заполнился через минуту.

– Ага, Ваньки-турки! – закудахтал скрипучим смехом Землянский, – попались?

В коридоре под дверью толпился народ в ожидании весёлого представления.

Сенька открыл заседание и дал слово Антону Семёновичу.

Тот нагнулся под стол, там что-то звякнуло. В поднятой руке завертелась сковородка.

– Товарищи! Перед вами три богатыря: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Дружные аплодисменты. Мы не раскланялись, не зная, кто есть кто.

– Не кажется ли вам, что в фотографии открылись некоторые новшества?

На стол неторопливо поднимались тарелки, вилки, ложки, чашки.

Присутствовавшие с приоткрытыми ртами смотрели во все глаза. Стол заполнялся явно нашим имуществом: рюкзаками, пачками соли, кулёчками и баночками, кастрюльками, биноклем, охотничьими припасами и мелочами быта – зубным порошком и щётками.

– Объясни, Илья Муромец, – обращение ко мне, – откуда сей домашний комфорт?

По сковородке стало ясно, что имущество извлекалось из ящика «фотопринадлежностей». Я глянул на свои оголённые руки (мы работали в голшейнах) и понял, почему мы представлены былинными богатырями.

За кулисой спрятался Боярчук – староста фотокружка – и на миг выглянул из любопытства, оскалившись жёлтыми зубами.

Не вызывало сомнения – ящик притащил в кабинет он.

Его называли Рыжим, да он и в самом деле весь рыжий – глаза, волосы и веснушчатое лицо. Ванда – подумал я. Его работа. Оправдываться не было смысла. Я рассказал всё начистоту. Кухонный инвентарь позаимствовали временно. Продукты положены как сухой паёк. На месте думали жить охотой и рыбалкой.

– Хорошо, нормы провианта не завышены, но зачем, скажите, на целый взвод вот это?

Антон Семёнович нагнулся и достал из-под стола полную пригоршню сухарей. Он держал сухари, чтобы не рассыпать и поворачивался так, чтобы показать всем. Поднялся смех. Боярчук, под шумок, согнувшись, подкрался к ящику и взял сухарь.

– Положи, – грозно шагнул к нему Глебов. Тимка поспешно бросил сухарь в ящик.

Терский не менял места, только беззвучно смеялся. Импровизация шатра и всё оформление – дело его рук. «И вы, Виктор Николаевич?» – подумалось с обидой.

Шатёр наш, из ящика. Это кусок списанного киноэкрана, припасённый для палатки.

– Куда вы собрались, в экспедицию? – с невинным видом спросил Землянский. – А в хозкомиссию не хотите? И сухарики захватите! Ха-ха-ха! – он откинулся на спинку дивана.

Глебов до рези в глазах гипнотизировал Рыжего. Салько опустил голову. Это он по заданию сушил сухари у себя дома без риска. Антон Семёнович с утра до ночи работал, мать, Галина Стахивна, по командировкам Наробраза. Он сам не заметил, как засушил пол-ящика.

В выступлениях командиры судили конспирацию и сектантство. Особенно изощрялся «учёной» риторикой Швед.

Санька Сопин, махнул рукой, сказал: «Нехай катятся!»

– И меня возьмите! – подал слабый голос воин у шатра – буду стоять на варты.

Теперь мы узнали маленького Котляра. Его выступление развеселило совет командиров. Антон Семёнович смеялся вместе со всеми, и тут же сказал: «Товарищи, это же безобразие! С некоторых пор у нас возникают какие-то группки. Одни просиживают вечера у своих радиоприёмников, другие пичкают африканских циклозона, третьих не оттащить от машины. И получается, что к общекоммунарским делам они потеряли вкус. Не читают книг и газет, перестали участвовать в массовых кружках, на собрания смотрят как на повинность. Я считаю, что это эпидемия, и ведёт она к политической отсталости.

– Полюбуйтесь этими «героями», – обращение в нашу сторону, – у них ведь «благородные» намерения. Решили путешествовать... без коммуны. Ушли в подполье. Забыли всё на свете и даже наших пацанов. Разве я про-

тив личных интересов? Но и о нас помнить не грех. Иначе мы всю коммуну поделим на хутора и станем вроде куркулей. Что касается этих запасов, их я думаю использовать для вылазки на нашем кавказском маршруте». Предложение Антона Семёновича приняли единогласно.

– Отнести всё на место! – тоном приказа сказал Макаренко Боярчуку.

Когда все разошлись, Рыжий начал складывать припасы в ящик. Мягко опустился шатёр и открыл Виктора Николаевича в полный рост. Опечатав ящик, Тимка, сгорбившись, потащил его на второй этаж. «Добрыня Никитич» шёл следом.

Лёвку и меня в коридоре встретила Галина Стахивна.

– Лёвушка, как ты мог... у нас... сухари... и вся эта история. Что с тобой? Что всё это значит? – Она с укором посмотрела на меня.

7. НА ЭТАПАХ ПОХОДА

Кавказский поход! Весь год о нём мечтали и готовились. Все цеха выполнили промфинплан. Отдых был необходим. Производственный штурм, школа и другие нагрузки требовали разрядки. С другой стороны, и строители не давали нам жизни. Им не так интересно, куда мы едем. Мы им просто мешали, занимая помещения, которые надо было ремонтировать.

В этом году, при доброжелательном «скрипе» Соломона Борисовича, была пошита белая парадная форма девочкам и мальчикам.

Вместе с другими вещами личного гардероба и предметами, необходимыми в походе, новая форма бережно укладывалась в корзину.

Последние дни перед отпуском, в обстановке строительного размаха и «подталкивания» наш ритм жизни нисколько не изменился. Все знали, что с первой минуты нашего убытия затрещат стены и потолки, посыплется штукатурка и начнётся хаос перекройки нашего дома. И всё же требования к чистоте и распорядку до последних часов предъявлялись неизменно строго.

На утренних проверках чаще стал присутствовать Антон Семёнович со своим беленьким носовым платком. Только изредка ему удавалось показать на нём пыль, снятую на карнизе или с труднодоступных мест интерьера.

Последнее заседание совета командиров состоялось за четыре дня до отъезда.

Обсуждались итоги выполнения плана и соцсоревнования, комиссия докладывала о готовности к походу.

Возник спор, кому вручить переходящее знамя. Равными претендентами были девочки 11-го отряда и мальчики 4-го отряда. Командиры Пихотская Лена и Ключник Вася горячо отстаивали свои позиции. Спор затянулся и зашёл в тупик.

Кто-то предложил на период похода назначить постоянную знамённую бригаду. Это был выход. После обсуждения кандидатов знаменосцем утвердили Конисевича, ассистентами – Александра Захожая и Сергея Соколова. Нас поздравили и вечером мы приняли знамя.

Я гордился новым званием и оказанной честью. Значит, история с экспедицией не поставила крест на моём добром имени. Между тем, багаж с палатками, хозяйинвентарём и прочей кладью отправлен в Сочи.

В списках багажа значился знакомый ящик «фотопринадлежностей» и старое охотничье ружьё – одноствольное, 16 калибра и «чоковое». Я выпросил его у сторожа Шмыгалева, оно валялось на чердаке. После чистки и смазки ружьё проверили в лесу и убедились, что оно стреляет. Нет слов, как мы были счастливы этим приобретением!

Утром 14 июня, в день отъезда ССК Никитин зачитал в столовой приказ о начале похода. Все действия определены точно по времени. После завтрака отряды переносили имущество коммуны в подготовленные помещения.

В пять часов вечера коммуна в новой парадной форме построилась против своего дворца. Всё население рабочего посёлка – преподаватели, инженеры, снабженцы, начальники цехов, рабочие, строители – окружили на проводах наш парадный строй.

На время похода Соломон Борисович оставлен исполнять обязанности начальника коммуны. И снова тёплая слеза катилась по его щеке.

Пронося знамя вдоль стройной шеренги с золотыми маковками тубетек, я не чувствовал ни земли под ногами, ни веса знамени. Я видел скользкую линию счастливых и красивых лиц своих товарищей в ритуальной подтянутости.

Слушали поздравление Антона Семёновича, его прощальную речь, бросали прощальный взгляд на родной дом.

В освещении солнца он был красив стройными контурами, цветом черепичной крыши, игрой слюдяных блёсток в стенах, золотистой вывеской и реющими флагами на башнях.

Его освежали ещё нетронутые краски цветников, которые всё время мы берегли. Что станет с ними?

Перестроившись в походную колонну по шести, мы шли по новой дороге. Оркестр играл марши. С нами не было Семёна Калабалина. Зимой он расстался с коммуной, вступив на большую дорогу жизни. Под Ленинградом в «Сосновой Поляне» принял детский дом и стал его заведующим.

Строем командовал Антон Семёнович.

Вслед за колонной двигались подводы нашего обоза.

До отхода поезда у нас было время погостить в клубе ГПУ. Здесь, на Совнаркомовской, мы не первый раз. После парадов и демонстраций на 1 Мая, годовщин Октябрьской революции и в юбилейные дни ВЧК, чекисты столицы Украины встречали нас, как родных. В зрительном зале присутствовали на торжественных заседаниях, слушали доклады. Знамя коммуны, вместе со знаменем шефов, стояло на сцене. Через каждые 15 минут менялся состав караула. Смена протекала торжественно, не нарушая хода собрания. В перерывах мы пользовались читальным залом, комнатой игр, осматривали выставки, лакомились в буфете сладостями, рассчитанными на наш приход, и чувствовали себя поистине, как дома, соблюдая этикет и правила приличия. После официальной части нас награждали концертной программой. Привлекались хорошие силы харьковских театров. Наш вид в элегантных костюмах, с контрольными ромбами на рукаве привёл чекистов в восторг.

После концерта, проводов и добрых пожеланий строем направились на вокзал. Время было позднее. На привокзальной площади, отгородившись подводами от многолюдья, в темноте переоделись в повседневную школьную форму. Разгрузили подводы. Кроме личных корзин, нас окружили штабеля ящиков и мешков, весь арсенал уборочного инвентаря до мелочей, фонари «Летучая мышь», бидоны с керосином¹. Весь груз раскреплён по взводам.

Самая тяжёлая часть ноши возложена на старших коммунаров 1-го взвода и музыкантов.

В составе поезда в нашем распоряжении три вагона. Походная комиссия активно руководила посадкой. В третьем вагоне, вместе с малышами и девочками, ехал Антон Семёнович.

На рассвете 15 июня поезд катил в направлении Владикавказа.

* * *

Выезжая из Харькова, мы прощались с рассветом щедрого украинского лета. Кавказ представлялся ещё более благодатным местом, как курорт.

¹ Горючее в багаж не приняли. Бидончики взяли с собой под присмотром Марусиченко и Миши Борисова. Соломон Борисович оторвал от цеха два огнетушителя.

Каково же было удивление, когда вместо солнца и тепла Владикавказ встретил непроглядной пеленой мелкого дождя и тумана.

Сквозь окна, запотевшие каплями, ничего не видно. Выскочившие на перрон разведчики тут же промокли и в шутку стучали зубами. Наш оптимизм дал осечку. Не могло быть и речи о немедленном походе. График нарушался. Что делать?

За рельсами железной дороги стояли промокшие лошади нашего обоза. Прилизанная дождём шерсть сделала более рельефными их кости и рёбра. Неужели обозы наших походов должны иметь такой тощий вид? Арбы не лучше лошадей. Хозяйский глаз производственников определил что-то общее в экипировке обоза и нашими станками.

Позавтракали. Время тянулось в скучном бездействии. Степан Акимович с группой помощников отправился в город выяснить возможность перемещения из вагонов в другое место, чтобы переждать ненастье.

А тем временем в вагоне успели обжиться. ССК Никитин и ДЧСК Брегель делали обход по приёмке и уборке вагонов.

Второй взвод попал в рапорт за вишнёвые косточки. Перед приходом комиссии здесь шёл бой. Стреляли из пальцев скользкими косточками по живым целям.

С вишнями произошла целая история. Дождь не помешал разведать ближайший базар и сделать закупки. Ели все в полный аппетит и вдруг по вагонам покатила тревога: «Антон разнёс музыкантов и дал по два наряда».

— За что?

«Говорят, понос нападёт. Лопают, как поросята, немытое, а потом от уборной не оторвёшь?» Грозился отобрать вишни и сдать Кравченко. «Стрелки» сразу присмирели и кинулись подбирать косточки.

К вечеру дождь усилился. С возвращением Дидоренко приняли решение — ночевать в вагонах.

* * *

Утром погода не улучшилась. Нам сказали, что так будет несколько дней.

Нависшие тучи скрыли горы. Возчики-осетины ругались и торопили с отъездом. Они уверяли, что солнце будет за городом, а здесь яма.

Началась погрузка. Шесть подвод едва уместили наши корзины и тяжёлые ящики. Увязывать нечем. У нас нет верёвок. Группа Кравченко осталась при обозе.

Возчики в чёрных широкоплечих бурках суеились вокруг арб, кричали, размахивали руками и доказывали, что груз большой, а денег мало. Обозная комиссия успокоила их тем, что груз в пути съедят и к Тифлису арбы совсем опустеют. От станции пошли строем. В плохую погоду особенно чувствуешь силу оркестра. Вдоль строя откуда-то набрались толпы детей. Взрослые рассматривали нас из-за домашних укрытий.

Подчиняясь строевому порядку, тактам марша, мы не могли обходить выбоины, грязь и лужи. Шагали смело, напропалую.

Левшаков возглавлял шествие с дирижёрской палочкой. Он промочил полотняные брюки выше колен и чертыхался на все стороны. Его мужество восхищало. Нам же в коротких трусах терять было нечего.

Позади строя плёлся обоз. На каменистых кочках и в ямах рассыпалось и падало имущество. Две шеренги первого взвода отправились в помощь обозникам. Но поход начался и Антон Семёнович уже не остановит его. К обозу возвратился Степан Акимович. Каждый стремился быстрее вырваться из чёртовой ямы, где второй день наши планы путают непредвиденные препятствия. Наконец, город позади. На первом километре Военно-Грузинской дороги сделали небольшой привал – подтянуть ряды и дожидаться обоза. За нами успевала только одна подвода. Через гонцов узнали, что Степан Акимович добывает верёвки и будет догонять колонну вместе с обозом.

Перешли на свободное движение, без строя. Антон Семёнович обращал шеренгу, которая заняла всю ширину дороги. Сам шёл посредине. Мы втягивались в теснину гор с отвесными скалами. Сверху поливал дождь, всё было скользким и желания лазать по скалам не было. Шеренгу Антона Семёновича постепенно обгоняли и уходили вперёд.

Наконец вышли из полосы дождя.

Справа бурлил Терек. Он был мутный и злой. В какой-то ярости с пеной и шумом дыбился на препятствиях, кипел, перекачивал камни. Мы любовались его буйной силой, остановившись на краю отвесного каменного берега, но вскоре убедились, что долго стоять нельзя. Берег как бы покачивало, кружилась голова, что-то тянуло в пучину, а оттуда живым не выбраться. Вспомнилась лермонтовская Тамара.

Передовой отряд остановился на восьмом километре. Светило солнце, было тепло. Мы устроились на камнях в ожидании Антона Семёновича и обоза. Перед нами открылись красоты горных далей в зелени и красках. Настроение светлое и недавних испытаний как не бывало. В реке вода холодная и мутная. В отлогих местах берега, где Терек расширялся и был тише, заходили в воду, брызгались. Девчата визжали и грозили жаловаться Антону.

Подтянулись все остальные. Антону Семёновичу было жарко и он расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике рубашки.

Теперь, когда все были вместе, начался очередной переход до привала на обед. Неугомонные следопыты рассыпались на придорожных скалах, изучая многочисленные надписи туристов. Осматривая надписи, пытались представить авторов, и потянуло написать что-то своё. На большом привале пообедали. Расположились у водопадов, и здесь никто не смог удержаться от купания. Кристально чистые струи тяжело падали на плечи, спины и сбивали с ног. Под водопадами копошились кучи тел, принимая ледяной душ и массаж. Картина нашего наслаждения увлекла и Виктора Тимофеевича.

Сбросив лёгкую одежду, он протиснулся в «кучу-малу», топорща усы и покрывая. Мощным потоком с него сбило тусы. Он стыдливо рухнул на каменное ложе, а мы бросились прикрывать его стыд своими рядами. В сравнении с его дородной, лежавшей пластом фигурой мы выглядели, наверное, как поросёта-сосунки около матери.

От купания нас отвлек знакомый голос, доносившийся откуда-то с высоты. Задрав голову, мы увидели Землянского. Это он оповещал горную округу о своём присутствии и, конечно же, знаменитым кличем «Ваньки-турки». И вдруг он камнем полетел вниз. В страшное мгновение весь лагерь замер от ужаса. Девочки закрыли глаза руками. Никто, кроме Антона Семёновича, не заметил Алёшкиной «удачи».

– Водолажский! – скомандовал Антон Семёнович, – возьми пять человек, только не шляп. Захватите верёвки и приведите его ко мне.

Ни в лице, ни в фигуре Антона Семёновича мы не видели растерянности. Только глаза его потемнели, стали злыми. Дидоренко молча передал ему бинокль.

Пятёрка Водолажского ловко поднималась всё выше. Альпинисты, кроме верёвок, ничем не располагали, но оказывали друг другу помощь. Медлить опасно. Мы не знали, что с ним и в каком он состоянии. Больше всего тревожило: жив ли!

Вскоре добрались до точки, с которой «стартовал» наш отчаянный «Робеспьер». Он спокойно сидел на толстом суку дерева в разодранной рубашке. Дерево, вросшее в скалу, случайно оказалось на пути Алёшки в пропасть.

К нему петлёй спустили верёвку. Второй конец закрепили за камень и, лёжа грудью на обрыве, смотрели, как он закрепляет в петле свою ногу. Вот он сполз с сука и закачался над пропастью. Когда тащили, ловко отталкивался от стены ногой и даже улыбался, обнажая золотой зуб.

Едва ступив на твёрдую почву, спросил: «Антон видел?»

– Видел.

– Кричал?

– Нет. Танцевал гопака.

Круглые глаза Алёшки расширились и ещё больше округлились.

Закончив спуск, Орлов успел сказать общему любимцу:

- Тебе следует морду набить!
- Алёшка, какой чёрт тебя толкнул в пропасть? – спросил спокойно

Акимов.

– Сам не знаю, вроде бы под ногой откололся камень, – ответил Землянский рассеянно, не сводя глаз с Антона Семёновича.

В это время к Землянскому мчался весь лагерь. Алёшку подвели к Антону Семёновичу.

– Пять нарядов, знатный командир! – отчеканил Антон Семёнович и пошёл к обозу.

- Есть пять нарядов!

В группе девочек кто-то заплакал.

Пять нарядов – это десять часов дополнительной работы. Наказание небольшое. Однако нарядами наказывали новичков-воспитанников, а не коммунаров. И тем трагичнее такое наказание для коммунара-активиста и общего любимца. Другое дело, если бы он получил пять часов домашнего ареста! Тогда бы все сгорали от зависти.

В вечерних сумерках вошли в селение Ларс. Оно небольшое, пересечённое дорогами. Снова нависла пелена дождя. В Ларсе наш отдых и ночлег. Дождь гонит в укрытие. Размещаемся в небольшой школе. Здесь всего два помещения под классы, забитые партами. Всем не поместиться. Девчата отгородились корзинками. Один класс достался младшим – четвёртому взводу. Так распорядился командир Сопин, укладывая своих пацанов бок о бок, как одесскую камсу. Антону Семёновичу достался какой-то уголок. Левшаков и Терский устроились в сарае, с дырявой крышей. Кто-то сказал, что это бывшая казарма русских солдат–покорителей Кавказа. В казарме нашли приют члены хозкомиссии и музыканты. Степан Акимович устроился на возу под брезентом.

Никакого освещения нет ни в школе, ни в сарае. Откуда-то возникла старушка и поднесла Антону Семёновичу зажжённую керосиновую лампу с закопчённым стеклом. При таком освещении она показалась мне Бабой Ягой. Из-под повязки паклей выбились седые космы. Крючковатый нос лежал на загнутомверху подбородке. Неподвижные белёсые глаза сковывали холодом. Я съёжился от неприятного чувства. Антон Семёнович вежливо поблагодарил старушку, не придав её сходству с Бабой Ягой никакого значения.

Для охраны лагеря Антон Семёнович назначил ночной караул из 40 человек. Возглавить караул приказал мне, вручив свой револьвер и часы. В распоряжении караула две боевые винтовки с патронами.

Сориентировавшись в местности, я расставил посты по 3 человека. В охране лагеря, особенно ночью, была реальная необходимость. Вокруг дикая местность, был возможен набег бандитов, скрывавшихся в горах.

Скромно поужинав, лагерь укладывался спать. Слабый мигающий свет из окошек казармы привлёк моё внимание. Казалось, что здесь спать не собирались. На примусе по-домашнему посвистывал чайник Левшакова. Хозкомиссия, Левшаков и Терский хлопотали над сотворением горячего ужина. Намечалась яичница.

Первое яйцо разбил Виктор Николаевич и заиграл носом, но тут же скривился в кислой гримасе. Второе яйцо оказалось не лучше. Аппетит пропал. По предложению предхозкомиссии Кравченко решили пересортировать два ящика с яйцами. Из годных утром сделать завтрак для всех.

Принесли посуду и артельно принялись за работу. Раскрасневшийся Левшаков воодушевлял брезгливых личным примером и взял на себя неприятную функцию эксперта по качеству. Верный своим правилам, Терский вёл отсчёт особям, попавшим «во здравие» и «за упокой» и следил, чтобы не дай бог в темноте не ошиблись. Яйца расшибались в великом количестве. Тяжёлый запах сероводорода стал выползать наружу через щели сарая. Бдительные часовые дальних постов заподозрили газовую атаку и начали перекликаться тревожным свистом. Чайник Левшакова уже кипел, сердито хлопая крышкой. Когда все яйца были перебиты, выяснилось, что нет скородки.

В сопровождении Дорохова и Русакова Левшаков отправился в посёлок. В окнах разбросанных по долине домиков ни единого огонька. На стук в двери хозяева не отвечали, будто вымерли. Отчаявшись в успехе, стучали в дверь последней лачуги. Левшаков стучал настойчиво и сильно, шёпотом ругал всё на свете. Наконец скрипнула дверь, и на пороге возникла знакомая старуха. От неожиданности я отпрянул от крыльца. Выслушав Левшакова, она что-то прошамкала беззубым ртом и сердито захлопнула дверь.

– Ну, погоди, царица Тамара, я тебя и на том свете найду,– вскипел Левшаков.

– Старая контра! – громко добавил Русаков, чтобы слышно было за дверью. Дорохов изготавился было свалить избушку, да что возьмёшь от старой ведьмы!

Между тем голод давал себя чувствовать и тогда было решено зажарить яичницу на дне кастрюли. Идею подал, разумеется, Терский. В нём всегда жил изобретатель. Жарили в несколько приёмов, пока не насытились все. За ужином восстановилась мирная обстановка. И чайник успокоился, залитый свежей водой, и в груди Левшакова улёгся гнев, и фитилёк засветил ярче, подмигивая тёплой компании, расположившейся кружком по-турецки у низкого импровизированного стола.

В стороне, через пролом крыши, дождь освежал помещение. Прихлёбывая чай, Левшаков рассказывал истории из походной жизни участника двух войн. Причём в рассказах преобладали анекдоты. Больше всех доставалось фельдфебелю.

Оставив весёлую компанию, я пошёл проверять посты. И вовремя. На дороге задержали неизвестного. Навстречу мне шёл связной Николай Матвеев сообщить о случившемся.

Задержанный молодой джигит по-русски не говорил. Всё время порывался освободиться и что-то кричал, хватаясь за кинжал руками. В конце концов выяснили, что кунак изрядно подвыпил и возвращался домой. Его с миром отпустили, пожелав спокойной ночи.

Настало время менять посты. Спавшую смену поднимали, стараясь не разбудить остальных. Нагретые места занимали сменённые. Мне спать не полагалось. Пистолет за поясом и часы Антона Семёновича обязывали бодрствовать. Под утро, когда всюду было тихо и спокойно, я присел на развилку низкого дерева. Рядом привычно шумел Терек, уносясь в Дарьяльское ущелье. Дождь перестал. Меж очертаниями гор выступило чистое небо с одинокой яркой звёздочкой. Монотонный шум реки убаюкивал. Стало тепло и уютно. Ослабевшие веки всё чаще падали на глаза. Стряхнув сладкое наваждение, я решил ещё раз обойти посты. По дороге встретил Антона Семёновича и доложил о том, что всё в порядке.

– Иди немного поспи, – тихо сказал он, – я тебя подменю.

Я знал, что возражения неуместны. Это был приказ. Передав часы и пистолет, направился в казарму, где Абдулла Русаков приготовил постель. Но сон прошёл. Может быть, потому, что из-за меня раньше времени поднялся Антон Семёнович.

* * *

Стремительное движение коммуны по Военно-Грузинской дороге было неожиданно прервано наводнением и разрушениями дорог бунтующей Арагвой. Как ни стремились мы найти какой-то выход – пути вперёд не было. Все, кто был впереди нас у места катастрофы, возвращались и рассказывали страшные истории, благодарили судьбу, что вырвались из западни.

Началось горькое отступление по окружному маршруту – в Тифлис через Баку. Развевались мечты перейти горные перевалы, напиться нарзанной

воды. Возникли немалые заботы с транспортом, билетами, дополнительными расходами. Большой помехой был громоздкий, тяжёлый груз.

Несколько форсированных переходов с ночёвкой в селе Чми, и мы снова вступаем во Владикавказ. К счастью, дождя, не было. В ожидании дачного поезда, расположились временно во дворе начальника станции.

Как обычно, играл оркестр. Исполняли «Лезгинку», «Кабардинку» и «Шамиля». Начались танцы. Вначале демонстрировали искусство отдельные танцоры. Не взирая на высокий танцевальный класс горцев, в пляс пустился и маленький Шмигалёв, захватив зубами столовый нож и дико тараща глаза.

Скоро вся площадь превратилась в весёлый фестиваль. Всё двигалось, веселилось.

– Спасибо, дети, большое спасибо, дорогие! – благодарили оркестр счастливые джигиты, прикладывая руку к сердцу и кланяясь.

В это время Антон Семёнович и Дидоренко по телефону решили вопрос о Баку. Ночевали в привокзальной ограде. На другой день выяснилось, что едем от Беслана в Баку в девять часов вечера.

Подали дачный состав. В чистых вагонах разместились свободно. На перроне, перед окнами нашего вагона Степан Акимович прощался и рассчитывался с ездоными. В награду за службу передал несколько мешков овса, который взяли из Харькова на подкорм лошадей. Нам он был уже не нужен. Осетины растрогались. Наперебой уверяли, что он самый лучший начальник и звали в гости.

Небольшой, в 21 километр, отрезок пути и мы на станции Беслан. Здесь встретило столпотворение. С Военно-Грузинской дороги отступали не только мы. Разведка первого взвода расчистила площадку за оградкой перрона. Как только отнесли вещи, выставили караул.

Из Грозного Антону Семёновичу обещали прицепить к составу поезда три вагона, но начальник станции ошибся: вагоны прицепили к другому поезду, который уже ушёл. В ожидавшемся составе мест не было. Начальник станции окончательно растерялся. В разговоре с Антоном Семёновичем с его носа упали очки. Он возился под столом и был совершенно беспомощен. Стало ясно, что посадку надо провести самостоятельно.

Степан Акимович с помощью первого взвода оттеснял толпу с линии перрона. По его команде музвзвод и линейная охрана образовали оградительную цепь. На перроне появился начальник станции и призывал пассажиров к сознательности – в первую очередь пропустить детей. В чрезвычайной обстановке Антон Семёнович коротко пояснил всем порядок посадки, повзводное раскрепление груза, призвал спокойно и внимательно слушать его команды. Поезд стоит десять минут и все должны сесть. Особая забота о 4-м взводе малышей и о девочках. В помощь к ним прикрепили 1-й взвод. На его плечах и обозный груз.

Стемнело. Где-то вдалеке гудок паровоза. Вдруг вспыхнули яркие огни тёмного великана. Стало тихо, как перед грозой. Затаили дыхание сотни людей, готовые ринуться на штурм. Ещё на подходе поезда к перрону в вагоны вскочили наши разведчики и с 1-го до последнего определили их вместимость. Едва состав со слабо освещёнными окнами замер, скрипя тормозами, Антон Семёнович получил подробную информацию.

В нарастающем шуме громко прозвучала его команда: «4-й и 3-й взводы на перрон! Посадка в два конечных вагона!»

Быстрая цепочка пацанов и девочек потянулись по перрону к дальним вагонам. Их сопровождали и помогали нести вещи старшие, по расписанию.

На перрон последовательно выходили музыканты и второй взвод. Посадка превратилась в настоящий штурм. В заполненных вагонах поднялась тревога. Пассажиры приготовились к обороне, связывая всё происходящее с бандитским налётом. Проводники вагонов, не получив известия о непредвиденной посадке, грудью закрывали тамбуры.

После второго звонка на перроне ещё оставался первый взвод. Он успел нейтрализовать сопротивление проводников и пассажиров и обеспечить посадку младших. С тяжёлыми ящиками в руках ожидал команду Антона Семёновича. Когда команда была подана – взвод превратился в стенобитную машину. Бесперывным потоком, с невероятной лёгкостью передавались грузы с рук на руки и прокладывали путь в вагоны, на площадки переходов.

Наконец, посадка окончилась. Поезд медленно тронулся с места. Я со знаменем, ассистентами Соколовым и Захожаем оставались на перроне.

Стояли, не трогаясь с места. Мы не имели права даже в такой обстановке нарушить ритуал внесения знамени. И вот команда Антона Семёновича из вагона:

«Под знамя – смирно–сальют!»

Оркестр играл торжественный марш, выставив трубы из окон. Ассистенты вскочили на подножку вагона, я передал им знамя и, на скаку, поезд уже набирал скорость, таким же манером получил место на подножке следующего вагона.

Пассажиры успокоились, увидев вместо бандитов, обыкновенных и вполне вежливых детей. Спальные места? Их не стало! Сидели на всех полках, сдавленной массой, стояли в купе и коридорах. Тамбуры и туалеты завалены до потолков ящиками и корзинами. Стояли и на одной ноге, а некоторые приспосабливали своё тело куда-то к потолку. Главная беда – жара и противно-сладковатый смрад разопревших тел, носков, портянок и кто его знает ещё каких смесей! Кружилась голова и тошнило.

– Пацаны, давайте полезем на крышу, – предложил предприимчивый Глебов – ох и красота наверху, ветерок! Перспектива крыши, конечно, понравилась, но прошли времена «воли». Пришлось смириться с реальностью и дышать невероятным газовым коктейлем.

Попытка раскрыть окна не удалась. Поднялись крики о сквозняках. Проводники переоделись, сняв служебную форму, а вместе с ней сложили и свои полномочия.

Так всю ночь варились в ужасном котле, без сна. Каким-то чудом Николай Фролович пробрался в наш вагон с пузырьком нашатырного спирта. К счастью, обошлось без обмороков.

На другой день, совершенно измученные, с головной болью, остановились на станции Дербент, у самого Каспийского моря. Здесь наша каторга кончилась.

Пассажиры катились горохом из вагона, как с тонущего корабля. Мы помогали выносить их вещи. Поезд стоит час. Мы успели освежиться в море и навести порядок в вагонах. Дежурные расставляли вещи и мыли всё подряд. В первую очередь освободили туалеты, тамбуры и по возможности коридоры. Командовал «парадом» Землянский. Дежурный по составу Вася Ключник не стал напоминать «Робеспьеру» о нарядах. В этом не было необходимости. Наказание Алёша старался отработать как можно скорее. Из запасов бредущихся «старичков» Землянский умудрился побрызгать в туалетах одеколоном.

После купания захотелось есть, и мы осадили станционный буфет. Расхватывали свежие овощи и вишни. Снова стреляли косточками, будто и не было кошмарной ночи. Вишня встревожила нашего доктора. Он волчком вертелся вокруг буфета и, сильно заикаясь, кричал, что запрещает «ж-ж-ж-ра-ть» немывтую ягоду. Перед отходом поезда ещё раз искупались в тёплой морской воде.

Зной не спадал, от раскалённых крыш в вагонах было жарко,

как в печи. Но окна открыты и не сравнить теперь новую обстановку с тем, что было. Часть пассажиров вернулась. На их лицах изображалось счастливое изумление. Проводники оказались на местах, в своей форме и разговаривали с коммунарами уважительно, как с хозяевами вагона. Третий звонок, и поезд покатил в Баку.

* * *

Кавказский поход до места отдыха в Сочи не доставил нам особого удовольствия. Тяжелейшие переходы по жаре, посадки и пересадки, ночёвки в непригодных помещениях на полу, ночные ожидания транспорта, без сна, караульная служба после переходов, встречи в городах, непрерывные концерты оркестра, переборки багажа мало соответствовали представлениям о нормальном отдыхе. И всё же, оглядываясь назад, мы ни о чём не жалели. Во всех перипетиях похода рядом с нами был Антон Семёнович. Ему было ещё тяжелее, но мы не видели его с помятым лицом, усталого, расстроенного. И каждому хотелось быть таким, как он спокойным, сосредоточенным, подтянутым.

В походах проявилась красота нашей дисциплины, прошли проверку физические и духовные качества. «Не пицать!» – таким был девиз коммунаров и никто не пицал.

Несколько дней в Баку посвятили обзорным экскурсиям нефтепромыслов в «Чёрном Городе», с лесом буровых вышек и насосов, с лакированными поверхностями нефтяных озёр, нефтеперегонному заводу. Здесь познакомились с рабочими-нефтяниками и подружились с ними. Случайно встретили друзей, которые побывали на экскурсии в коммуне.

Жара стояла невыносимая. Наши школьные костюмы тёмного цвета, хотя и маскировали неизбежные пятна от лазания по вышкам и прикосновения к нефтеперегонным агрегатам, стали шкуркой, обжигающей тело.

На вечер прощального дня рабочие промысла пригласили нас в свой парк «Белого Города». На встречу пришли в лёгкой одежде. В парке свежесть, фонтаны. После митинга, на котором собралось много народу, наш оркестр дал концерт. Исполнялись классические вещи.

В качестве сюрприза решили подать «Кавказские эскизы», но в кульминации «Шествие Сар-Дарья» публику словно подменили. Поднялся шум. Слушатели вскакивали с мест, протестуяще размахивали руками, свистели. Оркестр умолк.

Как выяснилось, азербайджанцы не принимали музыки с чествованием царских персон.

Музыканты согласились, что нужно уважать местные особенности и перешли на танцевальную музыку. Мир восстановлен. Танцевали кавказские, русские и украинские танцы.

В Тифлисе наш поход вошёл, наконец, в плановые рамки. Здесь кому-то ожидали пионерские, комсомольские и общественные организации города. Встреча была торжественной, с оркестром и цветами.

В отведённую школу для жилья шли строем вместе с пионерскими дружинами. Поочерёдно играли оркестры, а в перерывах пели пионерские песни. Это был парад юности, праздник юного поколения двух столиц – Украины и Грузии. Об этом свидетельствовало и само уличное шествие. Впереди колонны, за знамёнами, шли Антон Семёнович, городские руководители, чекисты.

Устроились хорошо. Нас прикрепили к столовой. Это было особенно кстати. После Харькова мы не ели горячей пищи.

Прежде всего занялись гардеробом. После путевых испытаний содержимое наших корзин требовало ревизии. Кое-что нуждалось в стирке, особенно парусиновые рубашки. Стирали под краном колонки во дворе школы. Гладили по методу Коли Разумовского. Слегка влажную вещь складывали по рубчикам, заворачивали в простыню и клали в постель. После ночи рубчики брюк отглаживались, как лезвие ножа.

На следующий день ознакомились с городом. На окраинах в узких извилистых улочках кипела бойкая жизнь. Рядом с государственными магазинами господствовала частная торговля. Хозяева на разные голоса зазывали покупателей. У шашлычной много завсегдатаев. Тут же на задворке резали овец. Рядом винная лавка. Собаки подлизывали кровь и раздирали внутренности. Вино из бурдюков и бочек лилось в бесчисленные бокалы. С тачки продавали гигантские серповидные огурцы.

- Двадцат пять капзик агур-е-е-ц! – Падхадите, дэти!
- Нажи, бритва точим, точим бритва и нажи!

Это выстроился ряд точильных станков с точильщиками в фартуках до пола.

- Чистым, блистым, палируем маз-шнурки, маз-шнурки!

В шорной лавке любовались искусной конной сбруей ручной работы, кавказскими поясами, наслаждались ароматным запахом кожи. На память сторговали один пояс. Побродив ещё немного по царству частного капитала, спустились к Куре.

На второй день на грузовых машинах отправились в Мцхет. Здесь осмотрели ЗаГЭС. Гидростанция первой пятилетки – гордость не только грузинского народа. Осуществляется Ленинский план ГОЭЛРО. Вход на станцию по пропускам. Нас пустили в сопровождении ответственных товарищей. Осматривали во все глаза и плотину и машинный зал. Сооружение подобного рода мы видели в первый раз. О Днепрогэсе только слышали. Как бы подчёркивая младенческий возраст гидростанции, в стороне возвышался Мцхетский собор. Вокруг него пусто, тихо. Лишь галки на кресте

оживляли скучную панораму. Ярко предстали разные эпохи. Здесь я узнал, что грузины тоже христианского вероисповедания.

В следующий вечер, накануне отъезда, нас пригласили в клуб ГПУ.

Нарядились в белые костюмы. Настроение после отдыха праздничное.

В оркестре произошла заминка. У валторниста Швидкого Троши заболел живот. Он позеленел, согнулся и не мог оторвать скрюченных рук от больного места. Доложили Левшакову. Скандал. Вот-вот построение.

– Пацаны, идите сюда, – шёпотом позвал Федя Борисов своих корешков. Через дверную щель видно: Троша лежит на столе с глиняным горшком на животе. Возле него Виктор Тимофеевич с палкой. Он что-то говорил больному на ухо. Лицо Трофима покрыто потом, кривилось в гримасе. Оханья сменились тяжкими стонами. На наших глазах, живот вытягивался в горшок. Троша корчился и выгибался «мостиком».

– Терпи, терпи, казак, как рукой снимет – успокаивал Виктор Тимофеевич, похаживая вокруг стола. Наконец в наше сознание проник смысл всей процедуры. Вместо обыкновенных медицинских банок поставлен горшок, и он хорошо сработал!

– Тр-р-рах! – удар палки, и горшечные черепки распались вокруг стола.

Трошка скатился с «операционки» с радостным возгласом: «Здоров!» и бросился в открытое окно.

Оркестр не задержал коммуны с построением. Собирая музыкантов, Виктор Тимофеевич сохранил полную непроницаемость.

8. МЫ В СОЧИ

Теплоход «Абхазия» благополучно доставил пассажиров из Батуми на Сочинский рейд. Шлёпнулись в воду якоря. Из кают всех классов потянулись на палубу, всем нужно выбраться на берег первыми.

За время рейса дисциплина и организация коммуны снискала уважение всей команды. Чего стоят одни концерты оркестра, создавшие приятное и праздничное настроение на теплоходе!

Среди пассажиров у нас были друзья. Путевые знакомства завязываются быстро. Своим положением мы вызывали сочувствие, особенно у женщин. Сочувствие хорошее. Наш вид, задор, устремления, отношения друг к другу не вызывали слезливых вздохов о сиротстве.

Когда капитан распорядился в первую очередь высадить «детвору», публика не стала протестовать.

В Сочи нет береговых причалов. Повзводно размещались на шлюпках с постоянными спутниками «корзинками». Укладывали их, не создавая крена. К счастью погода благоприятствовала, лишь у берега слегка подбрасывало. Выпрыгивали в воду и, растянувшись цепочкой, передавали корзинки

на берег. Продукты успели съесть в пути и в Сочи не перегружались тяжестью ящиков. Последним с «Абхазией» прощался оркестр. Отвалив от борта, музыканты грохнули весёлую «Польку-бабочку». Пассажиры кричали «ура» и размахивали шляпами. А на берегу собирались пляжники.

Большой и радостной неожиданностью была встреча с Александром Осиповичем Броневым. Он был на отдыхе и встретил подшефных в цивильном костюме. Над белоснежной косовороткой богатыря возвышалась крупная голова с шапкой чёрных волос, смеющиеся глаза приветствовали наш выход на берег. Его окружили, как родного человека.

Антон Семёнович отдал рапорт. Броневой был осведомлён о зигзагах нашего похода, поздравил с успехом и сказал, что иначе и быть не могло.

До построения обменялись с Александром Осиповичем своими новостями. Интересовались делами в коммуне. Он погрустнел и сказал, что без нас плохо.

Быстро построились. Оркестр громовыми раскатами марша взбудоражил спокойствие сочинского берега. Играли «Фанфарный». Впереди колонны шли Антон Семёнович, Броневой и Марголин.

Вышли на главную улицу и заняли всю проезжую часть. Над ней возвышались тротуары и постройки. По правую сторону, едва доставая педали, катил на велосипеде Панов. У него важные полномочия. Выдерживая важность собственной роли, награждал нас улыбкой с выщербленным зубом.

Город в зелени и улица вела как бы через большой тропический сад. Мы привыкли к многолюдью сопровождающих. Сочи не был исключением. Нас провожали в самый лагерь. Оркестр играл марш за маршем. Впереди – веером поднятые фанфары с нарядными подвесками пересвечивались солнечными зайчиками и выговаривали нашу радость.

Я не чувствовал тяжести знамени в этом прекрасном порыве. Позади остались невзгоды дороги, а впереди отдых и море. От морского вокзала до лагеря шли около часа. Место лагеря огорожено, обсажено деревьями, на возвышении, у моря. За забором с одной стороны маяк, с другой – православная церковь.

Палатки ещё не натянуты, и огороженные досками нары представлялись кораблями со спущенными парусами. На совете командиров Игорь развернул план размещения взводов. Всё у него было рассчитано с математической добросовестностью и всё же командиры делали поправки. В открытые ворота ещё шёл народ, осаждая лагерь со всех сторон, как на крёстном ходе в престольный праздник.

Антон Семёнович и Броневой удалились в укромное место, расположились в тени на траве и вели беседу. Возможно теперь, за столько дней и ночей, он разрешил себе отдых, предоставив оборудование лагеря нам самим. Опыт с палатками приобрели ещё в крымском походе. Работали с удовлетворением, соскучившись по настоящему делу. Отдельная группа ставила палатку штаба. Над ней заполоскался, в морском ветерке, первый красный флажок. В штаб поместили наше знамя.

– Ура! – крикнули пацаны, возвещая начало жизни на этой земле.

Мест всем хватало. В отдельной палатке музыкальные инструменты, хозяйственная утварь и наш ящик «фотопринадлежностей». Какая неожиданность – он цел и невредим. Сторожевой отряд из первого взвода занял посты. Удовлетворив любопытство, стал расходиться народ – это курортники местных санаториев.

После ухода гостей ещё веселее закипела работа. Марголин, Боярчук и «кинщик» Иванов натягивали провода электропроводки, Коля Шершнёв устраивал больничку, Шура Сыромятникова распаковывала библиотечку. «Адъютант» Алексюк оборудовал штаб. Здесь расселяются Антон Семёнович, Дидоренко, Шершнёв и Марголин. Сеня Марголин, ещё юный человек, крепко связал свою жизнь с коммуной. Он постоянно находился среди нас, всегда в работе. Электричество, сантехника, демонстрация фильмов, оформление театральных декораций вместе с Терским, иллюминация праздников, отдельные хозяйственные поручения, командировки – это его амплуа. Смуглого по природе, сочинское солнце превратило его в эфиопа. На кофейном лице сверкали выразительные глаза и белые зубы. Доставка багажа в Сочи и постройка лагеря – это тоже его работа. И место выбрал хорошее. Добился, что столовую нам дали совершенно отдельную.

Когда натянули палатки, лагерь выстроился двумя линиями перпендикулярно к берегу. В каждой палатке электрическая лампочка. Оборудовав лагерь, с крутого берега побежали к морю, протапывая удобную дорожку.

С этой минуты началась борьба за право свободного купания, На якоре болталась знакомая табличка, а за ней на лодках стражи «ОСВОДа»...

Столовая комиссия ушла договариваться о порядке питания. Нам отвели уютный павильон летнего типа, расположенный в Приморском парке в тени деревьев. Подход к нему через ярок, по деревянному настилу с перилами, как в древний замок. Вместо королевских стражей комиссию во главе с Тоней Торской встретили две симпатичные девушки.

Познакомились. Торская как новая хозяйка представила членов комиссии: Русакова, Дорохова и Розу Красную.

Рассчитана столовая на 80 человек за четырёхместными столами. На каждом столе вазочки с цветами, разложены приборы. Приветливая заведующая столовой повела знакомить с кухней. Всюду чистота, порядок. Обед приготовлен ко времени. Тоня, с карандашиком в руках, распределяла постоянные места на две смены. Интервал между сменами полчаса. На обратном пути Дорохов ушёл вперёд, через пляж, чтобы дать сигнал на обед. Путь по пляжу короче.

Так, 31 июля коммуна остановилась на отдых.

Отвлёк ли он нас совершенно от харьковских дел и забот? Из рассказов Броневого и писем из коммуны, предстала безрадостная картина. Об этом Антон Семёнович рассказал на общем собрании. Строительство ведётся не по графику. Главное здание разорено, снята крыша, ободраны стены. Школьный корпус не перекрывается. На заводском корпусе работы приостановлены. Новая литейная остаётся в проекте.

Главная беда – нехватка рабочей силы. Часть людей переброшена на другое строительство, остальные волеются. Это сезонники из окрестных сёл.

– Я так и знал, что это граки и саботажники! – возмущался Фомичёв.

– Какой же может быть отдых, если ехать нам некуда: всё разорили и разводят руками. Давайте поедим назад и до зимы что-то сделаем, – предложил Сопин.

В письме Соломона Борисовича сообщалось, что приобретаются новые станки в разных городах и что командирован представитель в Мосинторг. Запестрели марки станков с такими названиями, что язык поломаешь. Вспоминая «бельгийцев», в новые станки не верили. Не хватает денег, а заработать некому. Принятые заказы ожидают возвращения коммунаров.

Между строк письма мы видели страдания и слёзы Соломона Борисовича, чувствовали, что ему очень одиноко и горько без нас. К тому же он не заводчик, а всего лишь коммерческий директор. Так называлась его новая должность. Нам тоже стало горько.

После размышлений, я пришёл к выводу, что в отсутствие Антона Семёновича запахло анархией, что делу, за которое вместе с ним боролся коллектив, нашим надеждам, нанесён существенный удар. Примерно так же, видимо, рассуждали и другие.

– Гнать головотяпов к едрёной феньке! – грозно поднялся Землянский.

Они вредители, факт вредители! Почему сняли людей со стройки? Зачем разобрали крышу, а новую не ставят? А? Нам нужны сверлилки? Нужны. А им не хочется. И дураку нечего думать!

Алёшку не одёрнули. Все примолкли.

– Так что, выходит коммуне конец? Ты чудак, Зуй! – выступил рассудительный Юдин. Гадики, может, и мешают, вредят. Но им и без тебя шеи свернут. Я согласен с Сопиным. Кончать отпуск и ехать в коммуну.

Его перебил Никитин: «Куда поедешь? Спать негде, столовой нет, ничего нет. Нужно время. За август, хоть лопнут, а построят что-нибудь? Предлагаю послать наших уполномоченных на место. Просить товарища Броневого разобраться с головотяпством».

Антон Семёнович попросил слова.

– Товарищи! Дела, действительно, плохи. Мы взялись за большие задачи, а при таких масштабах не всё идёт гладко. Кто-то снял рабочих. Их послали на строительство совхоза. А кто скажет, что строить совхозы не нужно? Нас обнадеживает закупка новых станков. Мы уже имеем свой автотранспорт. Приобрели бетономешалку. Инженеры конструируют электро-сверлилку. Разумеется, разладилась организация работ, не хватает материалов, денег. Нет вашего глаза, ваших рук. Мы обсудили положение с товарищем Броневым и будут приняты меры. Вам очень нужен отдых. Месяц – небольшой срок, а здоровье подлатаете. Правда, Витька?

Колошин согласно мотнул головой.

– Не обещаем к вашему приезду всё подать в готовом виде. Придётся здорово поработать. Поэтому советую набираться сил.

Когда Антон Семёнович закончил, больше выступлений не было. Никитин закрыл собрание. Но Землянский не успокоился, всё порывался в уполномоченные, чтобы сворачивать шеи «гадам», как будто он их отсюда видел.

И мы не совсем успокоились. В разговорах между собой оставались при мнении, что Антон жалеет нас, а сам первый бы поехал в Харьков.

В этот день отправили письма Носалевичу. Когану и Горбунову.

* * *

Структура нашего быта, ставшая привычной, позволила с лёгкостью окунуться в безмятежный отдых. Дни регулировались мягкими пружинами распорядка, ничто и никого не дёргая.

Главная благодать курорта – солнце, воздух и вода. Сюда добавим хорошее питание, поскольку продуктами нас обеспечивал Сочинский горкурортторг.

Лагерь часто посещали гости: беседовали, играли в волейбол. Появились постоянные соперники. Бывали и мы в гостях – в санаториях им. Фрунзе, им. Совнаркома. Играли на их площадках. Когда коммуна отправлялась на экскурсии, они скучали. Очень привыкли к оркестру. Особенно нравилась вторая рапсодия Листа. Левшаков много репетировал, разучивая всё новые сюиты, концерты, фрагменты из оперной музыки, произведения революционной тематики.

В середине августа Сочинский горком комсомола предложил нам оказать помощь совхозу в Адлере по сбору фруктов и табака. Урожай выдался хороший, а рабочих рук не хватало. Выехали машинами со знаменем. По дороге пели песни, играл оркестр. На Адлеровском взгорье раскинулись плантации табака. Работа незнакомая и нас коротко проинструктировали. Раскрепили участки по взводам. Командиры взводов стали бригадирами.

3-й взвод девочек направили в сад собирать груши.

– Вам, девчата, лафа, – слегка кольнул их бригадир Кравченко и про нас не забывайте!

– Ха! – подбоченилась Вехова, – курите табачок на дурнячок, а грушки сами поедим!

Наши бригады приняли вызов на соревнование с комсомольскими бригадами города. В работе требовалось внимание. Каждый ряд листьев в табачных кустах был отдельным сортом. Снимали листья и складывали по сортам в кучки. Из кучек низали на верёвки и подвешивали под навесы для постепенной сушки. Листья большие, как лопухи. К обеду наши бригады задание выполнили. Разгорячённые работой, духом соревнования и палящим солнцем, побежали к морю освежиться. После обеда подвели итоги. Победили «дзержинцы». Сказалась наша производственная сноровка, привычка к труду, чувство высочайшей ответственности. За труды и награда. В лагерь везли ящики отборных груш и благодарность совхоза.

* * *

В Сочи, как и в других местах наших путешествий, коммуна быстро снискала авторитет и уважение. Мы постоянно общались с курортниками и местными жителями. Наш лагерь был у всех на виду. О коммуне писали

в местных газетах. Частыми гостями бывали фотокорреспонденты.

По вечерам выходили гулять в Приморский парк. Он широкой полосой вытянулся вдоль берега, покрывая роскошными массами зелени и прибрежное взгорье до самого пляжа. После душного дня здесь приятно походить по тенистым аллеям и уголкам, посидеть на скамейках, полакомиться мороженым.

В один из вечеров, в глухом углу парка, группа неизвестных парней жестоко избила рослого Дорохова. Разбили голову. Весь в крови, он едва дотащился до лагеря. Дорохова не так беспокоила голова, как испачканная парадная рубашка. Пятна не отстирались, а где взять другую? Дикое происшествие было непонятным. Стали искать причину и вскоре пришли к заключению, что это могла быть месть за местных девчонок. Да и сам Дорохов намекал на что-то в этом роде, потому что некоторые музыканты из оркестра ХЭМЗ, которых Левшаков пригласил в Кавказский поход, взрослые коммунары-выпускники завязали знакомства с местными красавицами. В наглаженных парадных костюмах, с модными причёсками, рослые, сильные, они пользовались головокружительным успехом.

После Дорохова враждебные выпады не прекратились. Коммунаров встречали и в парке и в городе, неожиданно, как бы из засады. Били, издевались, обзывали трусами. Это были взрослые парни, одетые под моряков, в клёшах и тельняшках. При встречах у них был численный и физический перевес. Отбивались, как могли, не жаловались, но и весь отпуск терпеть не собирались. И вот однажды после сигнала «спать» и вечернего обхода, когда в палатках наступила тишина, музыканты и два старших взвода незаметно вышли из лагеря, а точнее – проворно выползли. Дневалил Витя Богданович. Он пошёл на огромный риск и задерживать «пластунов» не стал. Форма – тёмные рубашки и брюки – надёжно маскировали. К парку шли по тропинке пляжа. Так незаметнее и ближе. Играла музыка. На танцплощадку не пробиться. Наши франты быстро отыскивали своих партнёров. Танцевали, как всегда, несмотря на странную одежду.

Тем временем три взвода скрыто рассредоточились в кустах и вели наблюдение за площадкой. И вот в плотной массе танцующих что-то случилось. Послышались крики, женский визг. Наши поспешно отступали через толпу на выход. Следом выскакивали разъярённые преследователи. Всё шло по плану.

На центральной аллее рядом с засадой убегающие остановились и повернулись лицом к врагу. Хулиганы, предвкушая лёгкую добычу, как в угаре, бросились на горстку смельчаков. И тут из укрытий выступили наши главные силы. Усыпанная крупным песком аллея обеспечивала

идеальную устойчивость, и всё же удары валили с ног. Но и к «морякам» собиралось подкрепление.

Дрались в молчаливом упорстве. Ни одна из сторон не отступала. В жарком азарте мы не заметили, как между нами возникли маленькие фигурки пацанов из четвёртого взвода.

Котляры, Фильки, Гришки, очертя голову бросались в ноги и ловкими захватами валили парней наземь. Мы начали теснить хулиганов. Но тут послышались милицейские свистки.

– Братва, рви когти! – зычно крикнул кто-то из «моряков».

Все бросились вниз, к пляжу. Мы бежали тоже, понимая, что в этой ситуации не позорно бежать и победителям. У ворот лагеря наше потрёпанное воинство встретила часовая Тамара Мороз, сменившая Богдановича. Она была в курсе дел, и мы беспрепятственно растаяли в своих палатках.

В штабе горела лампочка. Антон Семёнович печатал. В ночной тишине стук клавишей был хорошо слышен. Наши сердца тоже громко стучали, но, к счастью, неслышно для Антона.

Свежее, умытое ночным дождём утро не радовало. Улеглись буйные страсти ночного приключения. Им на смену пришли раздумья. Что же было? Возврат к улице, шаги в прошлое, в эпоху кулачных боёв: улица на улицу, слобода на слободу? Искали оправдания. Вспоминали обиды: разбитая голова Дорохова, призывы бить «коммунию».

Наивно было рассчитывать, что наш уход из лагеря и бегство от милиции останутся неизвестными. Думал ли кто-нибудь всерьёз, что такое вообще можно скрыть от Антона? С самого раннего утра мы принимали на пляже поздравления горожан и отдыхающих: «Наконец-то проучили хулиганов!». Но мы чувствовали себя виноватыми. Так повелось, что вину всегда брали на себя.

В самом деле, почему с самого начала не рассказали обо всём Антону Семёновичу? Ложное чувство стыда удерживало нас от признания, как нам казалось, своей беспомощности? Ведь и так при всём благополучии коммуны ему изрядно доставалось за нас от известных и нам «олимпийцев». Выходит, не всё и не всех «перековал» Макаренко?

Издержки ночной стычки – ссадины, «фонари», припухшие губы, пятна на щёках усердно замывали морской водой. Радужная гамма обнаружилась лишь на лице Севки Шмыгалева. Его припудрили и на людях не показывали.

Громкий сигнал «общий сбор» с лагерного взгорья трубили три корнета. В их звуках слышались тревожные нотки.

– Кажется, началось! – толкнуло щемящее предчувствие.

В лагерь бежали с пляжа, с лодок, из парка, дежурные по столовой. Как по тревоге, занимали места в строю. Антон Семёнович недовольно встречал опоздавших. На скамейках музыкантов сидели «гости». С полувзгляда

узнали ночных «друзей». Они выглядели инвалидной командой с больничных коек. Подвешенные на бинтах руки, пластырные наклейки, перевязки, вздутые скулы, заплывшие глаза, раскраска йодом и зелёнкой – всё рассчитано напоказ и объясняло причину визита. От них тянуло запахом лекарств.

Строй вытянулся в предгрозовой тишине.

Маленький Севка спрятался за широкой спиной басиста Ковалевского и смотрел не мигая, одним незаплывшим глазом.

Антон Семёнович прошёл вдоль строя, как бы пристально изучая его и остановился посередине.

– Мне кажется, дорогие курортники, что пора нам кончать отпуск. Вы настолько поправились и окрепли, что не знаете, куда девать силу.

Вчера избили группу граждан. Завтра станете вырывать деревья. Боюсь, что одичаете. Он сделал жест в сторону пострадавших и добавил: «Будете оправдываться?»

Пострадавшие злорадно уставились на строй.

– Можно мне сказать, Антон Семёнович? – выступил из строя Володя Козырь.

– Говори, – недобро отозвался Макаренко.

– Я скажу, что это не граждане, а шпана. Мы никого не трогали. За что они покалечили Дорохова? Вы не знаете? Кто побил Скребнёва, Шатаева, Стреляного? Они! Кто издевался над пацанами? Они! Кто обзывал дрейфунами и собирался напасть на лагерь? Они и до нас боговали, били пионеров. Думали, что и с нами так будет. Ну и... Смотреть на них стыдно. Дядьки, а раскисли. Но у Вас, Антон Семёнович, мы просим прощения. Мы всё понимаем. Поверьте.

Володя запнулся от волнения и умолк.

– Алексюк, ты тоже участвовал? – спросил Антон Семёнович, прервав хрипловатым голосом тягостную паузу.

Из строя выскочил десятилетний Лёнька, флажконосец, доверенный работник штаба, наш общий любимец, и одним духом выпалил: «Они кулаки, Антон Семёнович. Обзывали сывками и звали бить коммунию. Я таких всегда буду бить. Я их не боюсь».

– Гляди, герой какой?! – протяжно-лениво пробасил перевязанный громила. Презрительная гримаса у него не вышла; лицо и так походило на раздавленный блин. С нами были два уполномоченных милиции. Они подошли к Антону Семёновичу, что-то тихо сказали и направились к жалобщикам:

– А ну-ка, голуба, ступайте с нами.

От такого поворота события опешили все: и мы, и жалобщики. Наконец, кто-то из побитых опомнился: «В чём дело? Мы же мириться пришли!»

– Разберёмся, а пока давайте в машину.

На улице, за оградой стоял крытый фургон.

Наше искреннее раскаяние, коллективное ощущение вины, должно быть, тронуло Антона Семёновича. Редкий случай – он не привёл в исполнение свой приговор. В Харьков мы не поехали. Остались отдыхать. Но несколько дней ходили так, как будто нас самих побили. Но на танцплощадке был установлен прочный мир. Наши кавалеры без оглядки кружились в вальсе с сочинскими примадоннами.

Экскурсии в Красную Поляну, на Агурские водопады, в дендрарий, в Худяковский парк, в Новый Афон, другие приятные заботы постепенно вытесняли чувство вины перед Антоном. Пробил час и для нашего сепаратного плана. О нём напомнил запечатанный ящик «фотопринадлежностей». Выбрали хостинское направление. На трёхдневный поход сухарей было много. Излишки раздали малышам.

Антон Семёнович отпустил нас сразу и даже разрешил взять мелкокалиберные винтовки. Мы не удивились: своих обещаний, даже самых незначительных, он не нарушал.

К концу сборов к нам присоединился Виктор Николаевич. Мы очень обрадовались. Как рыбака мы его уже знали. Но ходили слухи, что он превосходный стрелок. Он добровольно взялся нести злополучный экран, из которого так искусно сделал когда-то шатёр в кабинете. Виноватая улыбка явно указывала на то, что ему перед нами неловко. Мы же делали вид, что ничего не помним.

В рюкзаки уложили самое необходимое, не забыв о соли, спичках, иголках с нитками, фонариках.

В Хосту ехали поездом. Линия железной дороги шла у самого берега лазурного моря, спокойного и тёплого. От станции в горы вела тропинка. По обе стороны густой лес. Вскоре он закрыл море и небо, и под его шатром в тишине как бы наступили сумерки. Глебов шёл впереди с ружьём наизготовку, высматривая добычу. Мы все были начеку, опасаясь неожиданной встречи с диким кабаном или медведем. Хотя и понимали, что из нашей «пушки» такого зверя не завалишь.

Первый привал делаем на открытой горной поляне. На опушке деревянный остов домика. По виду он поставлен давно и почему-то не достроен. Домик обследовали. Нашли две позеленевшие патронные гильзы. Слева в каньоне журчит ручей. За каньоном высится округлая, покрытая густым

лесом, гора. Виктор Николаевич пояснил: это гора Ахун. Солнце шло к горизонту, и мы стали подумывать об ужине. Лёва Салько размышлял о фазанах и медвежатине.

Окружив пляшущие огоньки костра, мы были счастливы ощущением полной свободы. Кондёр с мясной тушёной пошёл как изысканное ресторанное блюдо.

После ужина, оставив дежурным Иванова, отправились обследовать окрестности. Едва выйдя из леса, остановились, как вкопанные.

– Смотрите, что это? – тихо спросил Гуляев.

Метрах в тридцати резко раскачивались кукурузные стебли. И вдруг над ними поднялась огромная голова медведя. Она поворачивалась в разные стороны, обнюхивая воздух. Мы замерли в страхе. Гуляев первым начал движение в сторону леса, не отрывая глаз от вполне реального зверя. К счастью, медведь был настолько занят кукурузными початками, что на нас его внимания не хватило. За Гуляевым попятились и остальные искатели приключений. Добравшись до первых деревьев, мы развернулись и бросились бежать, не разбирая дороги. Не знаю, как другие, но я с такой скоростью не бегал ни до, ни после этого случая.

Иванов встретил удивлённо: «Чего летите, как от медведя?»

– От него и бежим, – кое-как выговорил пересохшим языком Глебов. В это время появился Терский. Услышав наш рассказ, он рассмеялся.

– Медведи не опасны, если их не обидеть, – сказал он. Опасны зимние шатуны и подранки. Мы немного успокоились.

– Хлопцы, а что будем делать, когда всё-таки он пойдёт на нас? – поёживаясь, спросил Салько.

– Стрелять в голову, – ответил я.

– Лучше в ухо, – уточнил Глебов.

Когда стало темнеть, на ночлег перебрались в ущелье к речушке. Выбрали открытое место под отвесными скалами и развели костёр. Валежника нашлось достаточно, на всю ночь. Костёр осветил стоянку, стало веселее. Потрескивали сучья. Вверх, как в трубу, поднимался дым, фейерверком рассыпались искры. Они хороводом кружились над костром, затухали, падая пеплом, вместо них поднимались другие.

В густой темноте по ущелью плавали светлячки, заполняя воздух призрачно-голубоватым свечением.

Коротая время, Виктор Николаевич рассказывал сказки, блестяще перевоплощаясь в лица героев. Вся экзотическая обстановка располагала к мечтательности. Далеко за полночь сказки начали клонить в сон. Разместились в шатре. Под его пологом казалось безопаснее. Выставили часового. Первым заступил Глебов.

* * *

Три дня были заполнены подъёмами на гору Ахун, неудачной охотой на пернатую дичь, стрельбой по мишеням, фотографированием. Глебов, Мезяк и Гуляев – давнишние члены фотокружка, и не случайно наш ящик получил такое название.

В первое утро после ночлега, я обнаружил пропажу. Исчез кошелек. Он был в кармане брюк. В кошельке наши общие деньги на дорожные расходы. Вероятнее всего, кошелек выпал из кармана брюк во время бегства. Поиски оказались безуспешными. Значит, на билеты денег нет. Сорок километров до Сочи шли по шпалам, наслаждаясь природой. Остановились в Новой и Старой Мацесте, выходили на пляж. От мацестинских грязелечебниц тянуло нестерпимым духом. Точь-в-точь – та яичница, над которой колдовал в Верхнем Ларсе Терский. Только здешний запах господствовал постоянно в природном, так сказать, масштабе.

Мимо, по расписанию, проходили дачные поезда, дразнившие возможностью легко добраться в лагерь. А куда денешь Виктора Николаевича? Для «зайца» он слишком заметная фигура!

Наша кладь полегчала. Вес «шатра» естественно, не изменился, но Терский принципиально отклонял нашу помощь.

По дороге вернулись к теме медведя. Заспорили, кто первым дал стрелка. Глебов сваливал на Мезяка. Серёжа краснел, надувая щёки и доказывая, что дорогу ему прокладывал Глебов. Словом, шагали весело. Виктор Николаевич посоветовал не очень спешить. Каждый шаг, по его выражению, никогда не вернётся. Над его простыми словами задумались и некоторое время молчали.

В лагерь пришли поздно вечером, когда все спали. В штабе Антон Семёнович играл в шахматы с Шершнёвым. Вошли все вместе и я доложил о возвращении. Занятый игрой, он осмотрел нас боковым зрением и спросил:

«Почему с опозданием?»

Я объяснил причину вынужденного перехода, но о медведе предпочёл умолчать.

– Шляпы, – выразительно бросил Антон Семёнович.

Партия тут же закончилась, и он спросил: «Ну, как, сбили оскомину? Отдыхайте, подробности расскажете утром».

И как бы между прочим добавил: «Вашему примеру последовали ещё несколько групп».

Время неумолимо приближало отъезд. С каждым днём становилось больше и больше друзей. В лагерь ходили группами и поодиночке. Зачастую экскурсионные группы, знакомились с нашим бытом, восхищались порядком, организацией.

К нашему удивлению, стали заглядывать и «моряки», предлагали дружбу и пригласили на футбольное поле. Мы не стали артачиться. Футбольный матч для города-курорта – немалое событие. Скромное футбольное поле, в окружении трёх рядов деревянных скамеек, привлекло массу болельщиков. Не хватало мест.

Коммуна в полном составе, при всём параде, на самых лучших местах. Их забронировали для нас «моряки».

В Харькове наши любители футбола не пропускали ответственных матчей команды «Динамо», особенно международных. Запомнилась игра с чешской командой «Чёрные буйволы». Они на самом деле играли в масках с рогами для устрашения противника и в чёрной форме. Напряжёнными были встречи с турецкой сборной. Однажды их вратаря припечатали мячом к штанге. Выдающимися мастерами были братья Фомины: Константин в защите, Владимир и Николай – в нападении. Скоростью бега и виртуозными комбинациями прославились Шпаковский и Привалов. Душа команды и любимец зрителей – вратарь Трусевич. Наши футболисты учились у динамовцев, перенимали их приёмы и мастерство.

Встреча с «моряками» проходила в упорной борьбе. Фактически против нас играла сборная города, укомплектованная взрослыми опытными футболистами.

В матче отличились Волченко, Капустин, Луций, Шмыгалёв. Сева явно подражал Николаю Фомину, принимая «свечки» на носок и выкручивая мяч из ног противника. Небольшого роста, он в прыжках превосходил противника, принимая мяч головой.

Надёжно стоял в воротах Харченко. Он успевал брать мячи по всей площадке ворот, вызывая аплодисменты и одобрительный гул всех болельщиков. На его ворота было много подач, но он взял даже одиннадцатиметровый. Матч закончился со счётом 3:2 в нашу пользу. Пацаны выскочили на поле и вместе с другими зрителями начали качать победителей. Смущённые «моряки» дружески жали нам руки.

Много приятных минут нам доставляли наши маленькие соседи. В школе неподалёку от лагеря разместился детский сад. Как только мы обжились, малыши нанесли нам визит по всем правилам этикета. Молодая застенчивая воспитательница представила по очереди всю группу трёхлеток. Их было тридцать чистеньких, ухоженных. Девочки с разноцветными бантами, в ситцевых платицах в горошек, в белых панамках. Некоторые с зонтиками. Дружба продолжалась весь отпуск.

В лагерь они приходили с утра. Шли строем, взявшись за ручки, и разногласно пели. Появились личные привязанности, Каждый малыш нашёл себе личного друга. Виктор Николаевич не знал покоя. Они находили его всюду. Его рассказы, импровизированные сказки, смешные гримасы, ментальные рисунки, портреты с натуры завораживали малышей. Они смотрели на Терского, как на живое многоликое чудо.

Нашли дорогу и в штаб-палатку. Чинно усаживались на скамейках и серьёзными глазами рассматривали строгого дядю. Он был занят работой и они не мешали, зажав руки в коленках. Алексюк попытался однажды выдворить эту компанию, но Антон Семёнович запретил ему это делать. А вскоре атмосфера «думной палаты» вообще расстроилась по инициативе Антона Семёновича. Он нашёл в малышах интересных собеседников. С каждым познакомился, с первого раза запомнил имена. Каким-то чутьём малыши распознали в «серьёзном дяде» очень доброго человека. Он подарил каждому карандаши, тетрадки и стал их учить рисовать. Они облепляли его со всех сторон и завороченно следили за каждым движением его руки. Тут же пробовали повторить сами.

Дети настолько вошли в нашу жизнь, настолько мы привыкли к ним, что Ваня Семенцов, не то в шутку, не то всерьёз, сказал: «Давайте прихватим этот инкубатор в Харьков – нехай живут и пасутся. Прокормим».

– А родители, – возразил Разумовский, приняв предложение Вани всерьёз.

– Через десять лет получат готовеньких.

Семенцов повторил слова Антона Семёновича. Когда незадачливые родители сдавали в коммуны «негодного мальчика», Антон Семёнович говорил: «Примем с одним условием: не появляйтесь три года и тогда получите его в готовом виде».

В лагерную жизнь вошёл ещё один малолеток. В Сочинском парке поймали медвежонка. Его обнаружили у столовой. Бросились ловить, но он сам пошёл нам навстречу. Видно, вкусные запахи пищи давно привлекали мишку к очагу питания. Кто-то из местных сказал, что до этого медвежонок жил в пионерлагере. Но пионеры разъехались, и мишка осиротел. Пушистый малыш всем понравился. Специально по поводу новичка Никитин созвал совет командиров, где постановили: «Учитывая, что мишка не игрушка, а живое существо, поручить присмотр и уход за ним Боярчуку и Гуляеву и оградить от общественной опеки».

С этого времени медвежонком любовались издали. Малыши подолгу наблюдали за ним, тихо устроившись за деревьями на полянке. Они первыми открыли, как двумя лапками, запрокинув бутылку с соской, мишка «пил молочко», довольно урча и причмокивая. Самым интересным показалось то, что медвежонок, опорожнив бутылку, долго катал её по земле, а после снова прикладывался к соске.

В конце августа погода испортилась. Задождало. Сильные ветры поднимали крупную зыбь с гребешками. Отсиживались в палатках. Читали, играли в шахматы. Из Харькова приходили нерадостные письма. Соломон Борисович сообщал, что сдвигов в строительстве нет, и ожидал нас, как «манны небесной». Он получил выгодный заказ на детские кровати и маслѐнки. Старые станки отремонтированы. Только жить негде, а работать вполне можно.

Отпуск утратил свою привлекательность. Вдоволь надышались морем, загорели, насытились впечатлениями. От праздности одолевало томление. Руки чесались по работе.

Между тем, маршрутная комиссия улаживала дело с железнодорожниками по отправке багажа. Закупили билеты на теплоход «Армения». Погода улучшилась. На рейд уже заходили после штормового перерыва корабли.

За день до отъезда сворачивали палатки. Предстояло путешествие по морю в Одессу. Оно входило в маршрут похода, и средний состав коммунаров обрадовался новой перемене обстановки, новым впечатлениям.

«Старики» понимали кружный путь, по-своему, как вынужденную проволочку времени и «волынку», чтобы в Харькове кое-как подготовились к нашему возвращению.

Багаж отправили в сопровождении Боярчука и мишки. Ему отвели место в вагоне как важному пассажиру. Деток не взяли. Они подняли плач, и наши отношения с ними дошли чуть ли не до разрыва. Пришлось успокаивать и Терскому, и врачу, и Антону Семёновичу. Заплаканные, убитые горем, они бродили по лагерю, отыскивая своих «нянек», не понимая, что происходит. Расстроенная Надежда Павловна, так звали их воспитательницу, никак не могла собрать их вместе, чтобы увести. Все цепко держали «за ручки» уезжающих и навзрыд плакали.

За изгородью лагеря стоит церквушка. С ней вначале были некоторые «контакты» на антирелигиозной почве, а в общем сосуществование проходило довольно мирно. Батюшка обслуживал немногочисленную «паству» верующих, и мы не мешали. Перед нашим отъездом шло богослужение. Жидкий перезвон колоколов настроил чуткое ухо Виктора Тимофеевича и он сказал: «Ей-богу, правит попик благодарственный молебен! Сгиньте, мол, антихристы, в геенне огненной». Нередко так оно и было. Поп нас терпеть не мог, хотя и делал вид, что мы ему безразличны.

Вечером отправились в клуб ТО ГПУ. Коммуну встретили чекисты. Сегодня прощание. По традиции шефы и старшие товарищи дали концерт лучших артистов эстрады, угостили праздничным ужином, устроили всевозможные развлечения.

9. ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

4 сентября – день нашего отплытия – был тёплый и солнечный. На море штиль. Одеваемся по-походному. Корзинки отправили к пристани. Ещё раз осматриваем обжитое место и строимся. Детский сад ещё спит после вчерашней трагедии прощания, Что-то непрошенное заволакивало глаза, стало грустно.

Остановились у здания ТО ГПУ. Рапорт чекистам об убытии. Здесь собрались уже толпы провожающих. К колонне пристраивались наши друзья: комсомольцы, отдыхающие санаториев, старые большевики. Их группу возглавил соратник В.И. Ленина товарищ Шелгунов. Он с палочкой, в тёмных очках, плохо видит, но шагает бодро.

У пристани открылся митинг. Выступали секретарь горкома, Шелгунов и от коммунаров – Швед. В ярких словах он благодарил всех, кто создал условия для нашей жизни, воспитания и прекрасного отдыха. Митинг венчал триумф единства коммуны со всеми присутствующими.

По расписанию «Армения» не пришла, и после митинга у пристани ещё долго шли беседы.

«Армения» стала на рейде, когда стемнело. Свой приход возвестила густой протяжной сиреной. С капитаном порта была договорённость в первую очередь принять коммунаров, но начавшаяся давка перечеркнула этот договор. Чрезвычайными усилиями первого взвода и оркестрантов удалось проводить на пристань девочек и усадить в баркас. К «Армении» баркас таскал на буксире паровой катер. Его рейсы казались долгими, вызывали недовольство.

Теплоход освещён всеми палубными огнями. Вдоль борта строчки иллюминаторов. Он прекрасен, но нам не до эстетики. Шестым рейсом закончилась наша мучительная переправа.

На просторной палубе вздохнули полной грудью. В каютах мест не досталось, и мы расположились в кормовом отсеке, под ярусами спасательных ботов. С высоты борта осматриваем огоньки вечернего города и прощаемся.

Где-то высокого над нами капитанская рубка – священный центр корабля. Оттуда исходят все команды и распоряжения. А кто из нас не мечтал подержать в руках штурвал корабля!

По времени стоянка окончилась. Подняли трап. На баке гремели цепи якорей. Забурлили винты. Глубоко внизу мелодичный звон телеграфа. «Армения» развернулась на курс.

В отведённом отсеке палубы расположились свободно. Часовые заняли места, ограждая от посторонних. Классные пассажиры будто провалились под палубу, устраиваясь в каютах, и мы свободно разместились по бортам. Над головой чистое звёздное небо, вокруг необозримый простор,

скрываемый пеленой ночи, а внизу, по отвесу вдоль борта, живая светло-зелёная полоса фосфористого света и монотонный шум разрезаемой волны.

«Армению» долго провожали дельфины. Тёмные тела проносились у борта ракетами, на небольшой глубине их было хорошо видно. Время от времени они высоко взлетали над поверхностью, увлекая за собой длинные шлейфы сказочных самоцветов. Младшие уже спали, а мы никак не могли оторваться от чарующего видения.

Утром вскочили до сигнала, чтобы встретить рассвет, полюбоваться игрой солнца и моря. Дул лёгкий ветер, поднимая искристую зыбь. Лишь на полубаке чувствуешь, как судно медленно проваливается куда-то вниз, а потом плавно выносится наверх на могучих руках.

По корабельному расписанию участвовали в приборке. Драили, лопатили, окатывали палубу. Упругие струи воды из шлангов стекали в узкие жёлоба у бортов. Морская работа нравилась. Боцман нас похвалил. После уборки получили «добро» от старпома на осмотр судна. Излазили все закулки палубных надстроек, заглянули в просторную, хорошо освещённую дневным светом капитанскую рубку, прикоснулись к штурвалу. В штурманской рубке карты, навигационные приборы. В центре на массивной тумбе возвышается компас, сияя надраенной медью. Штурман рассказал, как прокладывается курс, определяются склонения, девиация. Показал секстан. Мы поспешно кивали головами, скрывая таким манером своё невежество, полное и позорное, как нам казалось, в морском деле.

По бесконечным поворотам железного трапа со скользкими блестящими поручнями и рифлёными ступенями спустились в машинное отделение. Здесь было душно и шумно. От запаха смазочных масел и духоты стало дурно. Но малодушия не показывали.

Высокие двигатели закрыты кожухами. Их называли главными. Осмотрели множество насосов, генераторов, пультов управления, бесконечное переплетение кабелей, труб, окрашенных разными красками, главный пост управления. Всё вместе казалось грандиозным и невероятно сложным. Целый завод. Если не больше. Вахтенный механик пояснил, что оборудование

на «Армении» изготовлено на заводе «Русский дизель». Импортное лишь на теплоходах «Крым» и «Грузия». С заводов Круппа. Оно получше отечественного, но у нас есть уже опытные образцы, которые превосходят зарубежную марку.

Чистота потрясающая. Поручни ограждений разрисованы «в шахматку». Медные трубки, манометр, телеграф надраены и отполированы, защитные кожухи окрашены, плиты подтёрты, хотя для непривычного человека скользки. Вахтенные машинисты делали своё дело с гаечными ключами и ветошью в руках. Они мало обращали внимания на «салажат».

Осмотрели роскошные салоны, кают-компанию, красный уголок, кубрики команды, ботдеки и снарядки, палубные механизмы и заключили, что «Армения» – уютный, хорошо оснащённый плавучий городок.

На палубе пассажиры отдыхали в шезлонгах, читали журналы, играли в шахматы. Одеты легко, по-домашнему. Этот вполне цивилизованный вид никак не вязался с их вчерашним поведением во время посадки. Патефон наигрывал модные чарльстоны и фокстроты. Несколько пар танцевали.

Наш оркестр не играл джазовой музыки. И эти патефонные мелодии мы воспринимали как буржуазную отрывку.

Филька Куслий презренно бросил: «Крутят задом, как обезьяны, – буржуи недорезанные – аж глядеть противно».

Козырь расхохотался. Не в музыке дело. Эти халявы не умеют танцевать. А чарльстон – это неплохо!

На следующий день, в два часа дня, увидели маяк, а за ним высокий берег Одессы. «Армения» вошла в порт. Коммуну встретил оркестр пограничников. Среди чекистов выделялась богатырская фигура, в которой мы сразу узнали Броневого! По его виду нам показалось, что он встречает нас хорошими новостями. Он сгребал нас охапками в свои могучие объятия, а малышей сочно целовал. Новостями, однако, не порадовал. Сказал откровенно: «Без вас дела не будет, но и отправлять пока некуда. Правление не разрешит выезд до особого распоряжения – погуляйте в Одессе».

– Как не разрешит?! – возмутились «старики». – Мы сами поедem. Надоело валяться, хватит волюнки!»

И тут Броневого как-то загадочно сказал: «А станки какие привезли, ох, станки! А завод какой – на весь Советский Союз!»

В город поднимались по широкой Потёмкинской лестнице. Остановились у памятника Ришелье, построились, и первый марш грянул вдоль всего приморского бульвара.

Через центр шли с развёрнутым знаменем. Светлый южный город. По обочинам улиц акации. Лёгкие, невысокие дома, витрины магазинов, парикмахерские, учреждения, кафе. Улицы нешумные, нет спешки. Прохожие аккуратно одеты, по сезону. Они будто прогуливаются и отдыхают, обласканные теплом.

На Ришельевской Степан Акимович устроил нас на жительство в спортивном зале клуба трамвайщиков. Он полон снарядов, и пацаны запищали от радости.

Распрощались с пограничниками и стали осваивать новое жильё. Начали, конечно, с уборки!

Броневой в тот же день отправился в Харьков, пообещав кое-что «протолкнуть». Мы завидовали ему.

В Одессе жили неплохо. Без экскурсий не проходило дня. Оперный театр – гордость одесситов произвёл и на нас большое впечатление. Одесситы утверждают, что только в Париже и Вене построены две его копии, но самый красивый и удачный в смысле акустики – одесский.

Удалось побывать на предприятиях, осмотреть порт, увидеть пароходы в доках. Здесь, полностью вынутые из воды, они смотрятся совершенно иначе. На бульваре Фельдмана посетили Пушкинский музей.

На Канатной ознакомились с мореходным училищем дальнего плавания. Во все глаза осматривали учебные кабинеты, экспонаты, флаги, макеты парусных судов и пароходов. Всё было хорошо, как-то солидно, выполнено в натуре и в старинных гравюрах и фотографиях. Отсюда направлялись на практику будущие штурманы на парусники «Товарищ» и «Вегу». Здесь пахло морем, просмолёнными канатами, романтикой.

Сопровождая экскурсии, Антон Семёнович много рассказывал об истории города. Здания строились из лёгких блоков ракушечника. В результате под городом образовались пустоты – катакомбы.

Побывали и на известном во всех портах мира рынке «Привоз». Здесь можно купить всё. Вы хотите бритву «Золинген»? – Пожалуйста! Вы хотите фрак? – Пожалуйста! А материал на тройку «Индиго»? – Пожалуйста! Даже паровоз! А может, вы хотите иметь болячку? – Пожалуйста!

Паровоз мы купить не могли, болячки нам не требовались. Покупали оригинальные мелочи, игрушки. Кошельки держали покрепче. Одесские карманщики и нам внушали «уважение».

Одесситы – вежливый, воспитанный народ. Всегда расскажут, как и куда пройти, где что можно увидеть.

Дни стоят тёплые, и мы постоянные купальщики на «Лонжероне», «Большом фонтане» и «Люстдорфе». На окраине города у моря лачужки рыбаков, потрёпанные временем и кое-где сохранились снарядные воронки, поросшие кустарниками и бурьяном. Пропахшие морскими ветрами, накалённые солнцем, бедные, но очень опрятные, эти домики нам тоже нравились.

Насытившись впечатлениями, исходив пешком все закоулки города, мы были благодарны «Одессе-маме» за уют и ласку, но тоска по дому не давала покоя. С разговорами о коммуне вставали, с ними ложились спать. Хвостами ходили за Антоном Семёновичем и Дидоренко: «Что там? Какие

новости? Почему мы здесь околачиваемся?» Скребнёв и Петька Романов пригрозили побегом в Харьков.

На советах командиров требовали заказывать билеты и ехать без разрешения. Всеобщую настойчивость подогревали письма Когана. Они кричали болью: «Всё «горит», нет спален, нет столовой, нет школы».

И вдруг радостная весть. 14 сентября получена долгожданная телеграмма: «Выезжайте в Харьков. Броневой». Ликованию нет предела. Кричали «ура», прыгали и обнимались.

Очень выдержанный, неподверженный никаким влияниям местных жаргонов Степан Акимович поднял руку и перекрыл всеобщий праздник громогласным «Ша»! От удивления всё сразу стихло. А он манерно растегнул свою полевую сумку, сладостно воздел очи куда-то к небу и движением фокусника извлёк на свет божий пачку железнодорожных билетов. Едем! Музыканты кинулись к инструментам и грянули «Краковяк». Степана Акимовича подняли на руки и принялись качать.

* * *

Утром 16 сентября мы уже в Харькове. Воздух родного города! Родные улицы, площади! Родные люди! Коммуну встретил Александр Осипович и другие члены правления. Построились вдоль перрона.

– Смирно! – скомандовал Антон Семёнович и, выйдя из строя, отдал рапорт Броневому:

«Коммуна прибыла из похода благополучно. Все коммунары здоровы, горячо приветствуют своё правление и заверяют, что немедленно включатся в новую работу и с честью выполнят возложенные задачи».

Приняв рапорт, Броневой произнёс небольшую речь: «Товарищи коммунары! Не будем закрывать на правду глаза. Вас встретит чрезвычайная обстановка. Правление надеется, что вы проявите стойкость и не «запищитесь».

Желаю успеха».

Ещё на дальних подступах к коммуне стали замечать важные перемены. Вот показались какие-то новые здания. Что-то поднялось справа и слева от нашего дворца. Как всегда, при возвращении из походов, нас встречали жители посёлка: рабочие, преподаватели, шишковские соседи.

Среди них было много незнакомых людей. Но почему сквозь радость встречи пробивается чувство какого-то смущения? Даже у Соломона Борисовича, добросовестно державшего «под козырёк», что-то подрагивало под нижней губой.

Всё разъяснилось, когда мы ступили на территорию своих владений. Перед нами открылась картина, от которой в глазах сделалось темно. Всё перерыто и перекопано. Горы строительных отходов. На месте цветников разбитая автомобильная колея, заполненная грязью. Предфасадная часть завершала картину разрухи и хаоса. Никогда «не пищали» коммунары, но тут хотелось завывать волком. И наверное бы завывали, если б не коробки цехов нового завода. Он уже поднимался под лесами, захватывая своим торжественным великолепием. При их виде мы забыли обо всём на свете и разразились громогласным «ура». Соломон Борисович смущённо убрал со щёки самую дорогую слезу.

Не распуская строй, Антон Семёнович объявил, что поход не закончен, что сохраняется взводная, а не отрядная система, вплоть до особого распоряжения.

Для размещения мальчиков выбрали столовую. Это новое помещение, не похожее на бывший уютный зал с росписями потолков и стен. Оно включало в себя две бывшие классные комнаты, кухню с прежним залом, часть коридора, планёрскую комнату Степана Акимовича и было готово принять сразу четыреста человек. Кухонный цех опустился в подвальное помещение. Раздаточная соединилась с кухней электрическим подъёмником. Здесь работы уже закончены, но всё надо мыть, чистить, скоблить. Такая же картина в комнате для девочек. Кабинет Антона Семёновича избежал «реконструкции». Из него выскакивали в расстроенных чувствах первые визитёры, прорабы и десятники. Особенно кипятился старший прораб Дель. Он так мчался по коридору, что его каштановая шевелюра и пышные усы стелились за ним будто на ветру.

Лёнька приступил к обязанностям и вызывал нужных людей, соблюдая непроницаемый нейтралитет. К вечеру первого дня отмыли и отчистили временное жильё. Выскобленный от грязи паркет попаклевали и натёрли мастикой. Отмыли и двери и окна. Остатки нечистого духа изгнали добрым сквозняком. Зал преобразился, будто сбросил с себя покрывало.

* * *

На другой день нашего возвращения приступили к делу. Работали 4 часа на производстве и 4 – на строительстве, в бригадах. Осваивали

профессии маляров, штукатуров, бетонщиков, плиточников. Столярные и лакокрасочные работы были уже не в диковинку, и с ними мы справлялись вполне профессионально.

Быстро наловчились гонять тачки по дощатому настилу. Четвёртый взвод цепочкой подавал кирпич. Старшие трудились на участках отделки рядом с мастерами. Через неделю уже снимали обрешётку спального корпуса «А». Открывались свежештукатуренные стены.

После стройки выходили все до одного убирать двор. Несмотря на усталость, работали весело, с азартом, шаг за шагом приближаясь к главной цели. На вечерних рапортах докладывали Антону Семёновичу об итогах рабочего дня на каждом участке, в каждой бригаде.

На общих собраниях, в присутствии Носалевича, Деля и бригадиров били по узким местам, тормозящим принятый темп. В большей части конфликты разгорались вокруг нехватки материалов. Доискивались до конкретных виновников, доставалось снабженцам.

Под воздействием вездесущих и нетерпеливых заказчиков как бы обнажался каждый участок, где учитывалось и главное и «мелочи», раскрывались все деловые и человеческие качества. До позднего вечера в кабинете Антона Семёновича работал оперативный штаб. Он состоял из бюро комсомола, командиров взводов, бригадиров участков, редколлегии, руководителей стройки. Здесь определялась программа работ следующего дня, распутывались сложные узлы снабжения и финансирования. Ежедневно штаб выпускал сводки о ходе строительных работ.

На стройку добровольно вышли наши преподаватели и даже члены их семей. Они весело включились в «игру», не отставая от своих учеников.

Сентябрь стал месяцем штурма, месяцем невиданных атак по всему фронту стройки. С каждым днём всё отчётливее вырисовывались контуры наших планов, росли, как на дрожжах, новые корпуса, прорисовывались контуры новой площади перед линией фасадов. На месте вчерашних свалок для мусора вновь благоухал розарий. Как сказочной рукой, начертаны дорожки, насыпаны и обсажены цветами новые клумбы.

Строительство перемещалось на левый фланг, к заводу. Только перед его фасадом ещё вращались барабаны бетономешалок. На первом этаже бетонировались фундаменты под станки, по периметру здания заканчивались работы на балконе второго этажа. Кровельщики закрывали крышу.

В правой части на втором этаже зал для конструкторского бюро. Здесь уже работают инженеры Горбунова: Георгиевский, Андреев, Силаков.

Невероятные темпы строительства заставили старых специалистов оценить всё окружающее по-новому, поверить в свои будущие молодые кадры. В конструкторском бюро за чертёжными столами работали Наташа Мельникова, Шура Сидоренко, Маня Бобина, Аня Редина. Под руководством инженеров они выполняли рабочие чертежи электросверлилок.

Между главным корпусом и заводом сооружён, на уровне второго этажа, висячий мостик «А-Б». Он как бы соединял быт с новым производством. В переоборудованном главном здании разместились учебные классы и кабинеты, зрительный зал со сценой, полукружный подвесной балкон, за стеной которого – киноаппаратная. Её компактные размеры и оборудование не вязались с прежним названием «кинобудки». Как только открылся спальный корпус, мы переключились на нормальный ритм жизни. В октябре у нас стало три ударных направления: школа, промфинплан старого производства и пуск нового завода.

Приступили к монтажу станочного парка. Эту работу выполняли специалисты с харьковских заводов. Когда распечатывались ящики, у нас перехватывало дыхание. Из промасленной упаковки извлекались станки разных габаритов, назначения и названий – всё трудно перечесть. Перед нами открылся технический мир зарубежных достижений разных стран с непривычными названиями фирм – «Келенбергеров», «Арчдейлей», «Гильдемейстеров», «Вандереров», «Гассе и Вреде», «Самсон-Верк» и других. Особое чувство вызывали станки заводов «Красный пролетарий» и «Комсомолец». Их принимали как старых друзей. Всё это богатство вверялось нам, и мы понимали, что теперь самое главное – это учёба. Мы даже представить не могли, что такая миниатюрная машина, какой была сверлилка, потребует столько оборудования.

После школы и работы бежали на завод. Весь инженерно-технический состав объявил себя ударным – обязался работать без выходных дней до окончания монтажных работ и пуска завода. Подъёмно-механических средств не было. Станки закатывались в цех вручную, с ломиками, на катках из труб и по команде: «Раз-два, взяли! ещё – взяли!» поднимались над стендами и опускались на шпильки фундаментов ручными таями.

Девочки не отставали от мальчиков. Швейный цех был упразднён, и они переключились на заводские работы.

Смонтированные станки: револьверные, строгальные, токарные, фрезерные, шлифовальные на глазах выстраивались в ряды. Вместе с инженерами изучали чертежи и паспорта. Новое оборудование представляло «тёмный лес» не только для коммунаров. Оно потребовало тщательного изучения в первую очередь от технического руководства завода. Приданные

к станкам образцы инструментов в наборах не могли обеспечить потребности производства. Встал вопрос об их изготовлении и на месте. Возникла необходимость в инструментальном цехе, как самостоятельной отрасли для изготовления резцов, калибров, шаблонов, точнейших измерительных приборов. Высокородные «иностранцы» требовали импортных смазок, эмульсий, и это создавало дополнительные проблемы.

При «анатомических» исследованиях изучалась каждая деталь якорного устройства, изоляции, качества предохранительных лаков, способы обмотки, конструкции и системы взаимодействия шестерён, их модулирования и термической обработки. На помощь, в порядке шефства, пришёл коллектив инженеров Харьковского электромеханического завода. Узнав нас поближе, они записали в Книге отзывов:

«Коммуна может показать всему миру примеры воспитания трудовой дисциплины и внутреннего распорядка. Это образец коммунистической формы общежития, быта и труда. Желаем коммунарам доказать, что 7000 сверлилок будет дано в намеченный срок».

* * *

В годовщину Великой Октябрьской социалистической революции на торжественном заседании в клубе ГПУ коммунары рапортовали председателю Балицкому об окончании строительства завода, спального корпуса и переоборудовании главного корпуса. Наша финансовая система с честью выдержала все испытания жестокого режима экономии, постоянного ограничения материальных потребностей, всё подчинялось единой цели. Построен завод всесоюзного значения. В народное хозяйство поступают советские сверлилки с маркой «ФД-1», за которые государство не будет платить золотом. Реально воплощается в жизнь заветная мечта Антона Семёновича о подготовке из коммунаров грамотных специалистов со средним и высшим образованием.

На праздник в коммуну съехались гости: члены правления, рабочие заводов ХЭМЗа, «Серп и Молот», «Свет шахтёра». Им показывали новые спальни, классные комнаты, кабинеты, новый зрительный зал «Громкого клуба», читальный зал и библиотеку. Гости радовались нашим достижениям и гордились молодой сменой рабочего класса.

В седьмом часу вечера приехал председатель ВЦИКа Григорий Иванович Петровский. Его встречали коммунары и повели показывать коммуны. Вместе с группой опытных экскурсоводов высокого гостя сопровождали

Макаренко и Броневой. Григорий Иванович, очень подвижный, легко поднимался по лестницам, всем интересовался до мелочей, задавая вопросы, держался просто и радовался ещё больше, чем мы.

После знакомства с коммуной Григория Ивановича повели на завод. Прозвучал сигнал общего сбора. Коммунары строились в механическом цехе на первом этаже. Отдельная группа в новых спецовках заняла места у станков. В цехе Григория Ивановича встретили главный инженер Горбунов с группой своих коллег, новый начальник механического цеха Овчинников, инструкторы и мастера. В шеренге встречающих был и Соломон Борисович.

Гостей повели на балкон, где уже разместился оркестр.

У распределительного щита часовые Стреляный и Анисимов. Рубильник перевязан алым бантом. Торжественная тишина. Марголин включил большой свет. Красочно заиграли полотнища транспарантов, живые цветы по краям балкона, блеск фанфар, праздничные наряды гостей. Григорию Ивановичу вручили ножницы и он, поздравив всех с днём рождения завода, сказал, «Сегодня вступает в строй ещё один первенец нашей индустриальной пятилетки. Вы построили замечательный завод на свои средства и собственными руками. В этом особая ваша заслуга перед государством и Коммунистической партией. Сегодня вы широко открыли двери в светлое будущее. Ещё раз поздравляю вас с замечательной победой и объявляю завод открытым».

После исполнения «Интернационала» фанфары мажорно проиграли сигнал на работу. В это время Григорий Иванович разрезал ленту и включил главный рубильник. В наступившей тишине один за другим включались в работу станки с автономным управлением от собственных моторов. В рабочем гуле станков, в быстром вращении шкивов, свободных от приводных ремней, в лёгком шорохе фрез, в искорках опилок шлифовальных, в ритмичных ударах долбежных ощущалась могучая сила нашего дебютанта.

Без команды, захваченные торжественностью момента хозяева и гости грянули победное «ура». Григорий Иванович с сопровождающими пошёл по рядам станков.

10. ПОПОЛНЕНИЕ

В буднях труда и учёбы коммуна готовилась к приёму новичков. Приём намечался из детских домов и с улицы. Ещё бродят на «воле» тысячи голодных, грязных, одичавших детей. Ликвидация беспризорности продолжается.

С постройкой нового корпуса у нас открылись 150 вакансий. В детские дома Кролевца, Нежина, Винницы, Богодухова за пополнением поехали Кравченко, Оноприенко, Захожай и Пихогская. Им даны полномочия подобрать 50 воспитанников, преимущественно девочек. 100 человек одним приёмом решили взять с улицы. Сторонники одновременного приёма видели плюсы в том, что не будут растянуты сроки и через один-два месяца новички придут в норму. Если принимать небольшими партиями, с меньшим риском анархических влияний, то появится больше мороки.

На заседаниях совета командиров и бюро комсомола Антон Семёнович доказывал необходимость риска, связанного с одновременным вводом 150 новичков.

* * *

Два часа ночи. Командир сторожевого отряда Звягин поднимает по списку ребят. Их приглашали в кабинет. Они не знали, зачем будят так рано, и спросонку недовольно бурчали на Жорку.

В кабинете собралось 20 человек. Антон Семёнович в гимнастёрке с портупеей через плечо, в кожаной тужурке, в военной фуражке, в брюках-галифе и сапогах походил на комиссара времён гражданской войны.

– Извините, товарищи, что разбудили так рано. Прошу одеться для операции. Что такое «операция», мы знали, но Антон Семёнович пояснил: «Остановимся на вокзале. Приёмная комиссия разместится в зале 1-го класса в составе Шершнёва, Акимова и Скребнёва. Район облавы – привокзальные улицы, площадь и поезда. Брать по возможности добровольно. Не исключены сопротивления. В этих случаях будьте осторожными».

Ночи прохладные, и мы надели тёплые рубашки.

Через 10 минут грузовая машина катила всю компанию в Харьков. Прежде никому не приходилось бывать в такой роли. Совсем недавно нас самих ловили. И как ни благородна наша теперешняя задача – подобрать «корешков» с улицы и дать им новую человеческую жизнь, где-то в душевной глубине, против здравого смысла, копошились вздорные обрывки чувства непорядочности... В оперативную группу Антон Семёнович включил не только старших. В неё вошли в качестве агитаторов – Филя Куслий, Жёна Зорин, Гриша Соколов и Алексюк – милые наши пацаны.

Город спал. На вокзал приехали около 3-х часов утра. Антон Семёнович, выйдя из кабины, взял с собой меня и Алексюка, и мы направились к начальнику вокзала.

Остальные остались у машины.

Начальник вокзала, узнав, что мы в качестве пункта сбора облюбовали зал первого класса, пришёл в ужас.

– Товарищ Макаренко, это невозможно. Вы забываетесь, вы... Соберите их где угодно, но в первый класс я не позволю, это анархия! Вы представляете, что там будет? К чёрту ваших беспризорников, я не хочу сидеть в ДОПРе.

Антон Семёнович бесстрастно ответил: «Это наши дети, войдите в их положение. Даю вам слово, что краж не будет. Общий порядок гарантируем».

– Это ваша гарантия? – начальник вокзала ткнул пальцем в нашу сторону. – Это же смешно! Я умываю руки. За все последствия отвечать будете вы.

– Это нас устраивает, – ответил Антон Семёнович.

Когда мы вернулись к машине, возле наших уже стояли, кутаясь в клифты и переминаясь, несколько «новобранцев». Это Куслий сделал небольшой рейд и привёл пятерых добровольцев.

Комиссия, получив разрешение занять пост в зале первого класса, увела с собой и эту первую группу.

Разделившись по три человека, мы разошлись по участкам. Я был в группе с Глебовым и Гонтаренко. Нам поручили обследовать поезда и «обслужить» прибывающих и убывающих «зайцев». Не вызывая своим видом никакого подозрения, мы «накрывали» своих бывших коллег в ящиках под вагонами, в тамбурах, в станционных будках, в туалетах, возле буфетов. Задержанных вводили в зал. Убежать от нас было трудно, а после объяснений на «родном» диалекте многие «сдавались» добровольно. Кое-кто уже слышал о нашей коммуне и им не верилось, что их туда примут. Были и случаи активного сопротивления. Тут мы действовали решительно и не только убеждением.

К пяти часам утра комиссия зарегистрировала 148 человек, из них 7 девочек. На этом операция закончилась.

Пассажиры первого класса сами по себе переместились в более безопасные места ожидания и зал, когда мы вошли в него, показался обычной ночлежкой. На диванах вполовину спали грязные, одетые в лохмотья подростки. Некоторые играли в карты прямо на полу. В воздухе плавал табачный дым. Отдельной группой в несколько человек сидели прилично одетые парни и с претензией на шик курили дорогие папиросы. Они успели перекинуться с членами комиссии парой слов на вполне цивилизованном языке и заверили, что они не шпана и попали сюда случайно.

Антон Семёнович вышел на середину и обратился к пёстрой толпе с небольшой речью:

– Товарищи! Сегодня у вас начинается новая биография. Коммуна им. Дзержинского открывает вам свои двери и у вас будет свой дом. Будете учиться и работать. Будете строить новую жизнь.

Толпа заволновалась, загудела. Кто-то поднял руку, чтобы спросить. Но Антон Семёнович отвёл вопрос: «Поговорим на месте. Время будет. Сейчас мы торопимся и я объявляю дальнейший порядок: мы вас пока оставляем здесь на вокзале. Через два часа придём со знаменем и оркестром. Охрану не оставляем. Милиции тоже не будет. Для поддержания порядка выберите старших. Просьба к вам единственная. До нашего возвращения уберите зал. Всё. До встречи через два часа.

Антон Семёнович двинулся было к выходу, но вдруг остановился как бы в нерешительности.

– Девочек мы, пожалуй, возьмём сразу. Доставим на машине, как настоящих леди. Согласны?

Всё совершилось в таком темпе, что если бы кто и возражал, всё равно вместе со всеми заорал бы во всю мочь: «Согласны». Девочки выбрались из толпы, жеманно пожимая плечиками.

– Пожалте в карету, – галантно развёл руками Филька Куслий.

Перед отъездом Антон Семёнович сказал начальнику вокзала, чтобы тот не вздумал входить на временно занятую территорию, если не хочет беды. И успокоил: «На два часа моего разговора хватит. Пока будут сообщать, что к чему, спорить – будем здесь. Пусть видят, что мы их не силой тащим. Так они будут озадачены и покладисты: «Что же дальше?»

– Ну и ну, – только и смог ответить начальник. Он точно был уже под гипнозом наших действий и, прежде всего, действий Антона Семёновича.

Ровно через два часа утреннюю тишину привокзальной площади расколол гром оркестра. Белый парадный строй подошёл к вокзалу. На звуки оркестра из помещений, как по сигналу ринулись навстречу лавины беспризорных.

Вокруг нас завертелась праздная публика, привлечённая необычным зрелищем.

Члены комиссии вышли из строя и построили толпу против нашей колонны. Это оказалось не простым делом. Строились долго, толкались, наступали на ноги, ругались, боялись уступить место, чтобы не оказаться лишними.

Наши вышколенные строевики смотрели на суетливую возню «клифтов» с сочувствием. Началась проверка по списку. Маленький Скребнёв громко называл фамилии и в списке ставил галочки. В строю оказалось больше, чем было зарегистрировано. Это Антон Семёнович тоже предвидел.

Отделив сверхплановых кандидатов в особую группу, он поручил ССК Никитину всех переписать. В это время приехала комиссия по делам несо-

вершеннолетних, вызванная по телефону. Часть детей отправлялась в распределитель. Они умоляюще посмотрели на Антона Семёновича. Ему было очень тяжело, но и он не мог ничего сделать. Наши жилищные возможности были весьма скромными. А кроме того, по вопросу самой величины коллектива у Антона Семёновича были какие-то особые соображения. Он их не раз высказывал правлению, но в этих материях мы не разбирались.

Между тем Никитин строит общую колонну. Из новичков сформировали 3 взвода, рассредоточив через один между нашими взводами. Для похода по городу новые взводы приняли командиры Студецкий, Семёнов и Шейдин.

Невиданный в истории парад растянулся по площади в ожидании команды.

Пёстрое каре поразило начальника вокзала. Перед строем он крепко тряс руку Антона Семёновича и, глотая слёзы, говорил: «Докладываю, товарищ Макаренко. Ваши чумазы убрали зал. Можно сказать, вылизали. А я... ну простите старика, сомневался».

– Спасибо и вам, не во всё с первого раза можно поверить, – прощаясь, ответил Антон Семёнович и повернулся к строю.

Колонна двинулась. Ошеломлённые музыкой, блеском коммунарской формы, людским окружением, новички подтягивались и старались «держаться ногу».

На Сумской стало тесно. Вся улица забита народом. На всех балконах тоже народ. Жители Харькова знают нас не первый год и всегда приветствуют наш строй вот так горячо, сердечно, но такое и они видят впервой.

В ярком контрасте колонны люди видели как бы весь путь жизни коммуны от кошмарного прошлого до прекрасного настоящего, так зримо воплощающего величие цели и сегодняшние достижения Советской власти.

За городским парком публика отстала. Незнакомые люди прощались и говорили нам самые добрые слова. До лесопарка перед нами первая свободная дорога. Под марши оркестра пошли быстрее. С поворота на нашу дорогу мы почувствовали себя дома.

Для приёма пополнения коммуна приготовилась. Натоплена баня. Карпо Филиппович в белой куртке, накрахмаленном колпаке, весь сияющий, ожидал в раздаточной с праздничным обедом и с «добавкой». Столы накрыты белыми скатертями, уставлены цветами.

Через большие окна зал освещался осенним солнцем, всё дышало праздничным торжеством.

Приёмной комиссии помогали командиры отрядов. На площадке за домами парикмахеры всех подряд стригли под «нулёвку». Остриженных препровождали в баню. Оттуда переодетых в новое бельё и одежду Николай Фролович вёл в свою «больничку». Впрочем, теперь это уже новый двухэтажный дом, оборудованный по всем правилам медицины. После осмотра некоторых пришлось оставить в палатах для стационарного лечения. Вся приёмная процедура проходила с добрыми шутками, весело.

За время санобработки совет командиров сформировал новые отряды. Их стало 29 с половинным количеством новых воспитанников. Расширился и состав командиров отрядов. Это назначение не стало проблемой – каждый коммунар подготовлен на командира отряда, а многие побывали в этой роли по несколько раз. Подбирать в отряды новичков Антон Семёнович разрешил самим командирам на свою ответственность и с учётом разных возрастов.

Настало время, когда повели и в столовую, разместили за столами и сказали, что здесь их постоянные места. Дежурный Митя Гето усердно обслуживал свои столы и, слегка манерничая, вспоминал время, когда его так элегантно обслуживали Торский и Красная.

Деликатно, без «вякания», как бы мимоходом напоминали, как нужно себя вести, какие в коммуне требования и порядки.

Вечером, когда стемнело, по сигналу «общий сбор» все пошли не в «громкий» клуб, а на площадь перед зданиями, куда указал дежурный по коммуне. В окружении цветочных клумб возвышалась собранная горка из тряпичного хлама. К чему она здесь, кто позволил обезобразить прекрасный уголок благоухающих роз и левкоев? Возле горки похаживали Боярчук и Матвеев, что-то ещё ворочая в ней шестами. Когда все были в сборе, окружив тесным кольцом зловещую кучу, с парадного крыльца сошёл Антон Семёнович. Он попросил раздвинуть круг. На скамейку сзади круга поднялись фанфаристы. В напряжённой тишине кто-то из новичков почти догадался: «Пацаны, дело, кажись, керосином пахнет».

Алексюк тут же одёрнул болтуна.

Антон Семёнович поднял руку. Фанфары взметнулись вскинутые единым порывом вверх и раздался сигнал «внимание». Из парадной двери вышли с факелами три коммунарки, одетые под древних гречанок.

Круг разомкнулся и пропустил их в середину.

– Огонь зажечь! – скомандовал Никитин. Полыхнули в небо языки яркого пламени, поднялись клубами едкого дыма.

Стояли тихо, не шевелясь.

Когда костёр разгорелся, осветив призрачным светом весь парадный ряд домов, Никитин сказал: «Слово имеет Антон Семёнович».

– Товарищи новые воспитанники! Сегодня в этом огне с вашими вещами догорает всё страшное прошлое. Никто не должен вспоминать о нём. Пусть это яркое пламя станет счастливым символом вашего второго рождения, а чёрный пепел развеет ветер! Добро пожаловать в новый дом!»

С парадного крыльца оркестр грянул песню «Наш паровоз», и эту песню подхватили триста голосов.

В этот памятный вечер Сеня Марголин приготовил сюрприз – кинофильм «Путёвка в жизнь».

1. МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ

В коммуне любили мечтать. Мечты были разные: о походах, о новом заводе, рабфаке, о будущем после коммуны. Мечты опережают жизнь, а жизнь диктует свои законы. Она сталкивает с неожиданными трудностями, а подчас и с досадными срывами. Наши мечты зарождались на реальной основе и воплощались в реальную действительность огромным желанием и трудом всего коллектива.

Мечта перерастала в конкретную задачу и подчиняла себе все наши людские и материальные средства. Так было с постройкой завода.

Мы вышли на рубеж очередных задач по освоению сложных орудий производства и новых в Союзе видов продукции без иностранных специалистов. Старенькая «Империя» Соломона Борисовича рухнула, выдав с боем 600 тысяч рублей на завод и на скромное житие мечтателей. Наше производство при всей моральной и технической отсталости всё же вовлекло коммуну в современную орбиту соцсоревнования и ударничества пятилетки, с промфинпланами и хозрасчётом, рентабельностью и режимом экономики.

Оно подготовило новую производственную базу и производственные отношения, воспитало сознательное отречение от некоторых удобств во имя общей цели всего народа. Теперь в старых цехах никто не работает. Дорожки к «стадиону» позарасти муравой.

Он ещё стоит, как могикан, наклонившись к Шишковскому Яру и по ночам тревожит Соломона Борисовича щемящими воспоминаниями. Снизойдём до чувств и мыслей этого человека. Его детище помогло нам построить завод, но на днях «стадион» разберут на дрова, как и все другие временные постройки и пристройки.

В новой расстановке руководящих кадров Соломон Борисович занял кресло начальника отдела снабжения и сбыта. Коммерческая сфера нового производства властно опустила свою руку на его издававшие виды плечи.

Его новое кресло ещё не сверкает алмазами. Прервался денежный поток с его производства, порывались связи со старыми заказчиками. Электро-сверлилка пока что журавль в небе, мечта: «Ох-хо-хо, когда-то она даст доход»! А расходы наступали со всех сторон и росли не по дням, а по часам.

Появилось 150 новых ртов. И одеть, и обуть, и спецовки выдать. А где брать? Разве поймут его новые инженеры? Они ещё ничего не понимают!

Не сиделось в кресле Соломону Борисовичу. Ездил, просил, брал авансы и кредиты, заключал договоры, рассыпал обещания и раскидывал свои «сети» в солидных организациях.

В переходе от уличной беспризорщины к жизни в коммуне немалое значение имели не только новая одежда и обувь, но и спецовки. Рабочая одежда и ежедневные четыре часа работы обязывали новых воспитанников втягиваться в трудовую жизнь. Бескомпромиссный режим дня от подъёма до отбоя поставил их перед многими испытаниями. То, что нам казалось обычным и лёгким, для них было трудным и непонятным, иногда вызывало несогласие и протесты.

Для новичка-подростка беспрекословное подчинение маленькому Алексину казалось «бузой». Назревали конфликты, появились записи в рапорт, начались разборки на общих собраниях. То, что новичкам представлялось мелочами, как-то: не вытер ноги при входе со двора, рассыпал под столом крошки хлеба, опоздал в класс, плохо убрал спальню, огрызнулся девочке, выругался по привычке, — всё замечалось и вело на «середину».

Шлифовальщиками «граней» прежде всего были командиры отрядов. Они терпеливо разъясняли, показывали своим личным примером, как нужно себя вести, не заглядывая в книгу «правил хорошего тона». И требовали. Особенно впечатляли новичков случаи, когда командир «отдувался» на общем собрании за проступки подчинённых. Командиров наказывали, но после собрания они и не думали выговаривать за это виновному. От подъёма до отбоя командир был главным воспитателем. Старые горьковцы и дзержинцы, сами прошедшие большую школу Антона Семёновича, стали его надёжными помощниками.

В школе роль «шлифовальщиков» выполняли педагоги, на заводе — мастера, инструкторы, бригадиры.

Новички вовлекались в кружки и оркестр, пробовали себя на театральных подмостках, приобщались к спорту и военным играм.

Как и прежде, Антон Семёнович выкраивал время на строевую подготовку новичков, на гимнастические упражнения в строю. Виктор Николаевич в новых масштабах развернул работу изокружка, художников, скульпторов, авиаконструкторов, планеристов, изобретателей, рыбаков и ещё реже появлялся в своей семье. Он возбудил вокруг себя кипящий водоворот многообразной деятельности, задавая ребятам крепкую мозговую трёпку ребусами, шарадами, расчётами, загадками, играми, и открывался им всё больше как добрый волшебник.

Вскоре стали стираться грани между старыми и новыми. Лица новичков приобретали выражение деловитости и мажора. Недавние «вокзальники» уже так же умело острили, научились незаметно подставлять плечо, когда требовалась помощь.

Посетив коммуну, поэт Александр Жаров записал в книге отзывов: «Коммуна дзержинцев – прекрасная фабрика переделки людей. Вношу предложение: организовать в музее коммуны фотоотдел, в котором можно было бы увидеть портреты ребят в первый день их прихода на эту социалистическую фабрику. «От дикаря до ленинца» – вот название этого отдела».

2. КАВАЛЕРИСТЫ

В дополнение к школьным урокам по военному делу при Харьковском 6-м кавалерийском полку организована кавалерийская секция для коммунаров. Зачислили 50 человек. Под влиянием кинофильмов на темы гражданской войны и общей тяги мальчишек к лошадям желающих стать кавалеристами оказалось больше, но по отбору совета командиров в секцию вошли лучшие рабфаковцы 2–3-го курса.

Занимались в закрытом манеже с зеркальными стенами. На первых занятиях мы почувствовали, что такое настоящая военная дисциплина. Она отличалась даже от нашей дисциплины. Нас принял на подготовку участник гражданской войны и будённовских рейдов П.К. Крыжановский. Высокого роста, лёгкий в походке, стройный и подтянутый, он с первой встречи привлёк к себе внимание и обращался к нам, как к обычным курсантам. После необходимых теоретических уроков начались практические занятия.

На всё время курса раскрепили лошадей. Лошадь привыкает к всаднику так же, как всадник к ней.

Мне достался крупный ветеран гражданской войны, дончак по кличке Аскольд. Старшим нашей группы назначили Землянского. В строю он шёл головным номером, и ему пришёлся под стать резвый англичанин Вольт.

Когда усвоили строевые команды, научились сидеть на лошади, подтягивать подпругу и кое-как держаться в седле со стремянами и без них, начались мучительные уроки учебной рыси. Казалось, что перетряхиваются все внутренности. Сами собой трясутся локти, мельтешит в глазах. Чтобы не упасть со скользкого седла, его крепко сжимали ногами, до крови раздирали колени.

Крыжановский с середины манежа длинным ремённым хлыстом управлял строем. Подчиняясь хлопкам, лошади держались нужного аллюра и по командам перестраивались. Всадники также стремились управлять лошадьми корпусом и шенкелями, постоянно поглядывая в зеркала на свою осанку. Не у всех она была кавалерийской. Первое время на красавцах-конях кое-как держались, как мешки.

В учебной рыси осваивался кавалерийский строй и перестроения «вольт направо», «вольт налево», «по головному номеру направо и налево назад», «кругом».

Из-за явных неудачников-«мучеников» Крыжановский останавливал строй, заставлял спешиться и строго отчитывал за ошибки.

Мне он чём-то напоминал Левшакова, с той разницей, что в его руке не дирижёрская палочка, а магический хлыст, который подчинял лошадей и всадников.

После двухчасовой езды мы полностью выходили из строя. Ломило в костях, дрожали ноги, жгли кровоточащие потёртости. Но главной приметой становилась походка. «Граф» Разумовский почти со слезами расправлял свои длинные ноги и не без злости удивлялся: как это Крыжановский умудрился сохранить «некавалерийские» ноги. Ведь он в седле с первой империалистической!

Но домой возвращались в хорошем настроении. Смеялись, вспоминая свои ошибки, шутили над неудачниками. Больше всех, хотя и в более осторожных выражениях, доставалось нашему военруку Добродицкому. Он и в самом деле подавал слабые надежды в кавалерийской науке. В тряске учебной рыси он с седлом сползал на холку своего Орлика, под чепраком взбивал хлопья пены. Между собой мы в шутку говорили, что он «взбивает масло». В коммуне нам хотелось побравировать осанкой и шпорами, поразить товарищей «малиновым» звоном. Но, спускаясь по лестницам, мы цеплялись шпорами за края ступеней и как связанные хватались за перила. Вместо шика на первых порах выходит конфуз.

На занятия ездили два раза в неделю. С каждым разом нагрузки переносились легче. Научились правильно держаться в седле, сливаться с конём в одно целое и легко управлять им. Лишь отдельные неудачники наказывались учебной рысью. Таким персонально подавалась команда: «Сбросить стремя, учебной рысью – ма-а-рш»!

В строю менялись аллюры. Вскоре перешли на взятие препятствий. Когда выдали шашки и усадили на деревянных лошадях рубить лозу, мы подумали, что скоро станем красными дьяволятами.

Пришло время, когда рубили лозу на полном скаку. Хорошо срубленная лоза должна опуститься вертикально, рядом с обезглавленным прутиком. Это достигалось за счёт остроты шашки и резкого кругообразного взмаха с правильным выносом корпуса. Рубили поочередно, каждый получал замечания и оценку Крыжановского. Когда надо было показать высший класс, он сам вскакивал в седло и валил прутики с идеальным искусством. Ему стремились, конечно, подражать, но всем это не удавалось. Добродицкий в одной из атак срубил... кончик уха своего Орлика. Спешившись, залитый краской, он молча выслушал Крыжановского и принял из его рук «специальный приз» – деревянную шашку. Тяжело пережив неудачу, которая угнетающе подействовала на всех, Добродицкий прекратил поездки в манеж. Как можно срубить ухо, когда умная лошадь стрелой несётся вперёд, не ворочая головой!

Мы закончили шестимесячную подготовку и получили удостоверения. За нашей группой последовала другая. Перед выпуском мы совершили настоящий кавалерийский рейд в Чугуев, где посетили в лагерях энскую воинскую часть и провели совместное учение. Это был незабываемый день. Мы почувствовали, что можем хоть сейчас пойти в настоящий бой, и горе нашему врагу.

3. НА ЗАВОДЕ

Только один месяц – декабрь 1931 понадобился нам, чтобы освоить новое производство. У нас не было времени на более длительные сроки. Двухэтажное здание завода вместило литейный, механический, инструментальный и сборочный цехи. Второй этаж расположен по периметру здания в виде сплошного внутреннего балкона. Его поддерживали ряды железобетонных колонн и ограждали защитные перила. Дневной свет поступал через стеклянную крышу. На втором этаже смонтировано оборудование для сборочного цеха. Сборщицы электросверлилок в основном девочки. Только девочки стали обмотчицами, но некоторые работали наравне с мальчиками и на станках в механическом цехе.

На первом этаже главный цех – механический. Здесь расположено более 50 станков. Каждый станок обрабатывает детали разной сложности, и в расстановке коммунаров у станков предусмотрена степень их квалификации и способности. В самом начале труднее было «вокзальному» пополнению, но и среди них оказалось много способных ребят, которым помогали мастера и опытные коммунарские бригадиры – Ермоленко, Кравченко, Юдин, Никитин, Сеня Козырь, Землянский.

Группу станков – револьверных полуавтоматов – обслуживал опытный мастер Фёдор Иванович Кушнир. Он обучил работать и меня на «Гильде-мейстере С-40». Группы токарных и револьверных станков обрабатывали станины сверлилок, верхние и нижние щиты, производя одновременно многие операции: внутренние и наружные проточки, райберовки, раззенковки, сверловки отверстий для крепления, шлифовки. Многообразие и очередность обработки обеспечивал набор инструментов, подготовленных на-стройщиком и закреплённых в специальных патронах на массивном барабане.

Точность обработки контролировалась разнообразными измерительными приборами. В терминологии станочников появились новые слова: «сотка», «полусотка», «допуск», «микрон», «калибр».

За точность шла борьба. То и дело к готовым деталям подходил мастер с микрометром, с калибрами, реже со штангенном и проверял качество и точность обработки. Кронциркуль, как измеритель точности обработки, вышел из употребления. После проверки мастера детали поступали в ОТК. Здесь были приборы, которые содержались в постоянном температурном режиме под стеклом. Некоторое время не ладилось дело у фрезеровщиков, которые стояли у «Вандереров». Причиной оказалась особая сложность рабочих операций. На помощь пришли инженер Горбунов, мастер Василий Серов и начальник цеха Овчинников. Фрезеровщики зашагали в ногу со всем заводом.

В январе 1932 года завод выпустил первую партию электросверлилок. Наша марка «ФД-1». Сбылась мечта Антона Семёновича и всех «дзержинцев».

На празднике, посвящённом этому событию, от имени общего собрания коммуны, от комсомола и совета командиров Толя Гапеев, Игорь Панов и Дуся Брегель преподнесли Антону Семёновичу поздравительный адрес. В нём говорилось:

«Дорогой Антон Семёнович! Разрешите Вас поздравить с теми достижениями, которые имеются в коммуне благодаря твёрдому и умелому Вашему руководству. Желаем Вам новых сил для дальнейшей упорной работы над воспитанием нового человека».

Приятно войти в чистые светлые цеха, легко работать на новых станках. К концу работы станки обтирались, убиралась стружка, смазывалась

каждая деталь. Всё по инструкции. Санитарное состояние цехов и отдельных станков ежедневно обследовал дчск.

Из малышей нового пополнения, по их инициативе была создана нужная организация, которую старшие называли «Союз-транс». В неё включились Витя Кидалов, Иванов-4-й, два девятилетних брата-близнеца Коля и Петя, которым в коммуне присвоили фамилию Братчиных. Они оба беленькие, подвижные, внешне неразличимые. Чтобы установить, кто из них Колька, а кто Петька, нужно под рубашкой показать родимое пятнышко. Оно было у Петьки. Своим сходством братья замечали следы проказ и вводили в заблуждение дежурных. Те не знали, кого следует записать в рапорт. Братчины нашли себе посильное занятие в «Союзтрансе» и работали играючи.

Новообразованная «корпорация» при входе в механический цех вывешивала яркий плакат-рекламу: «Внимание!!! Коммунарский «Союзтранс» принимает поручения:

1. По переноске деталей и инструментов.
2. По выписке и доставке из кладовой деталей и инструментов.
3. По передаче записок и распоряжений.
4. По разысканию нужных товарищей.

Обращайтесь к командирам «Союзтранса» В. Кидалову или Иванову-4-му. «Союзтранс» имеет агентуру во всех отделах коммуны. Выполняет все поручения быстро, аккуратно и дёшево».

Выразительная реклама позволила «Союзтрансу» сразу обзавестись клиентурой. В качестве транспортных средств использовались тачки на двух резиновых колёсах. Члены «Союзтранса» катали их по цехам в обе смены. Как добавочную нагрузку «Союзтранс» взял на себя перевозку стружки от станков в склад утильсырья. Стружку цветных металлов свозили в литейный цех. Как связные «союзтрансовцы» намного облегчили работу заводоуправления по руководству цехами. За рабочую смену ребята проделывали многокилометровый путь, не жалуясь на усталость. Вертаться около станков, они изучали их работу и всё «наматывали себе на ус».

Инструментальный цех был на особо почётном положении. В нём изготавливались все режущие инструменты из сверхтвёрдых сталей. На обычные резцы напаивались твёрдые пластинки из стали «победит». Самостоятельно выпускались фигурные резцы из самокальных сталей и затачивались специальными точилами. Инструментальщики научились делать измерительные скобы и калибры с доводкой до высоких точностей,

всевозможные шаблоны и приборы, не уступающие заграничным. Когда кончался запас импортных шарикоподшипников и снабженцы не могли их найти в наших организациях, встал вопрос об их изготовлении на месте, в условиях нашего завода. Эксперимент удался, и цех обеспечил полную потребность производства своими, коммунарскими подшипниками.

В инструментальном работало несколько человек старых рабочих. Свой опыт они передавали коммунарам.

Нет слов для оценки наших инженеров. Все они крупные специалисты, с большим стажем. В молодое отечественное производство они включились с радостью, работали творчески, с полной отдачей сил и знаний. Производство подшипников тоже наладили они. Отошло в прошлое и их неверие в наши способности. После штурмов на строительстве, которые вызывали ужас, они переменили о нас мнение и первым это сделал Николай Алексеевич Горбунов. Он стал не таким суровым и несговорчивым. Его окончательно сразил «Союзтранс» как стремление к работе даже и самых маленьких, которым вместо катания тачек следовало бы играть в лошадки!

И в коммунарской среде никто не называл инженеров «старыми спецами». Их уважали за преданность делу, мастерство, за деловитость, а эти качества у коммунаров ценились превыше всего. И пусть они ходят при галстучках, пусть носят пиджаки с бархатными воротничками – это теперь никому не бросалось в глаза и не давало повода для обвинения в «буржуазности».

В учебную программу рабфака были введены новые предметы: электротехника, литейное дело, технология металлов, машиноведение и пресово-кузнечное дело. Эти предметы преподавали Горбунов, Георгиевский, Андреев и Силаков. Андреев вёл и уроки математики. Сами инженеры, они не забивали головы заумной инженерией, которая нигде и никогда не понадобится. Они учили грамотно пользоваться техническими справочниками и разбираться в нужных для практики формулах, чертежах, схемах. «Свеженькие» знания мы тут же переносили на завод и работали как бы с открытыми глазами.

* * *

Первый квартал 1932 года шёл неровно. Ещё были колебания в суточных планах, ещё мешали технические неудачи, нехватка дефицитных материалов, перебои с подшипниками. Хромало качество литья из-за усадочных раковин. Задержка в литье сказывалась на работе токарей и револьверщиков, они в свою очередь тормозили сборку. Все колебания отражались в диаграмме соцсоревнования и токари выбирали любую возможность, чтобы неурочно проникнуть в цех и стать за станок.

Но режимом дня возможности ограничены. В ночное время входы на завод закрыты, и вот при всех запорах, в цеху загорается свет. Включаются

станки, двигаются люди. Рассматривая через окно эту чертовщину, сторож Шмигалёв протирает глаза, как бы борясь со сновидением. Его черноносый пёсик тут же, но тревоги не поднимает. Сторож кидается в сторону кабинета, но навстречу из темноты вырастает фигура, преграждая путь. Шмигалёв вскидывает ружьё.

– Данила Кузьмич, не волнуйтесь, это наши... Ночная смена, понимаете? – Шмигалёв узнал голос Захожая.

– Какая смена? Как она попала в цех?

– Да вы не шумите. Мы немножко поработаем и пойдём спать. Добре?

– Да вы меня, сучьи дети, под монастырь подведёте, скажут, спит на посту, а в цеху орудуют.

– Ничего, обойдётся. Зато план завтра будет.

Данила Кузьмич понимал, что спорить нет смысла. С такими хлопцами шутки плохи. Он отходит в сторону и становится на входе как «на сухере», охраняя работающих.

В цех мы пробирались через окно на втором этаже. С дневальными тоже добились полного понимания. Командир сторожевого отряда Фёдоренко велел им держать язык на замке. Мы нарушали дисциплину. Риск был страшный. Но мы шли на него.

Каждый день у станков вырастала горка готовых деталей и мастера диву давались. Как будто эти запасы подкидывала нечистая сила. «Накрыл» заговорщиков Антон Семёнович. Он поздно ночью возвращался из города, и, конечно, не прошёл мимо цеха, в котором светились окна.

На «середине» собрания стояли лучшие из лучших, ветераны и бригадиры, комсомольцы и командиры отрядов – Землянский, Юдин, Ермоленко, Луцкий, Орлов и сам «президент» Никитин. В истории коммуны дело небывалое. Наклонили буйные головушки и слушали гневные выступления младшего актива. Ярыми противниками «партизанщины» выступили Швед и Камардинов, Сторчакова и Харланова. Они крыли, не взирая на лица. Винные не оправдывались. Всех наказали арестом.

Особую позицию занял Соломон Борисович. «В порядке справки» он сказал: «Товарищи, правдами или неправдами план квартала всё равно выполним. Мы стояли на одной ноге и хромали. Теперь стали на две ноги и будем героями. Мы имеем широкого потребителя и, слава богу, навсегда кончаем с декохтом. Сверлилка – это дорогая вещь. Это не маслёнка или какая-то голошейка. Вы будете миллионерами. Это я вам говорю!

Я выступаю против вашего постановления. Как можно наказывать героев? Они сделали что-то плохо? Они заслужили переходящее знамя и доску почёта, и я обе руки поднимаю против наказания».

Соломона Борисовича слушали внимательно, с уважением. Но когда он кончил, все до единого проголосовали за арест.

4. ПОДАРОК

В начале апреля коммуна добилась ритмичной работы завода. План I квартала был выполнен. Своей радостью мы решили поделиться с нашими шефами и членами правительства. В солнечный весенний день группа коммунаров отправилась в город с рапортом и подарками. В группе – члены бюро комсомола: Толя Гапеев, Вася Камардинов, Саша Оноприенко, Лиля Тулецкая и я. Все при полном параде. В лакированных шкатулках пять электросверлилок с памятными надписями. В нашем распоряжении новенькая «Эмка». За рулём Боярчук. От счастья у Тимки на носу плясали веснушки и не закрывался рот. Недавно он получил шофёрские права.

На Совнаркомовской, в управлении ГПУ, первый визит нанесли Карлу Мартыновичу Карлсону, заместителю председателя ГПУ. Рапорт отдал Гапеев. Я преподнёс шкатулку. Ответив на наше приветствие, Карл Мартынович вынул из шкатулки подарок и внимательно осмотрел его. Потом вставил штепсель в розетку и нажал выключатель. Сверлилка заработала, тихо зажуужала.

Повернувшись в нашу сторону крупным торсом, Карлсон сказал: «Обратите больше внимания на качество» и пальцем нажал на станину. Пристально рассматривая указанное место, я обнаружил крошечную раковину, не больше пшённного зёрна. А он продолжал:

«Качество нашей продукции должно быть выше, чем за границей. Мы не можем делать посредственные вещи. Запомните это. Поздравляю вас с первым успехом».

Приём был окончен, и мы отправились к Александру Осиповичу Броневому, обескураженные сухостью Карла Мартыновича. По звонку из проходной Броневой ожидал нас и встретил очень радушно. Приняв рапорт и подарок, усадил вокруг стола и, ласково поглаживая корпус сверлилки, похвалил: «Какие же вы молодцы. Вы сами не знаете! С вами мы ещё не только сверлилки будем делать! Правление намечает расширение производства. Ещё много хороших ребят бродит по улицам!»

– Александр Осипович, включите сверлилку, – попросила Тулецкая и залилась краской.

- Зачем?
- А, может, она не крутится?
- Ах вы, бесенята! Как же она не будет крутиться, если у меня хорошие отзывы от заказчиков!

Из управления поехали в штаб войск Украины и Крыма к командующему. О посетителях доложили. Наш приезд был неожиданным. В это время сам командующий И. Э. Якир был занят на заседании Военного Совета и поручил принять нас своему адъютанту. Адъютант принял рапорт, выслушал устный рассказ о наших делах и обещал всё передать командующему, как только тот освободится. При нас адъютант открыл шкатулку и внимательно осмотрел драгоценный сюрприз. Его молодое лицо озарилось улыбкой:

– Спасибо, ребята, молодцы. Неужели сами сотворили? Здорово! Поздравляю! Всё передам! Как сказал.

Он отдал нам честь и солидно пожал каждому руку.

Теперь Боярчук катил свою «Эмку» на площадь Тевелева к дому ВУЦИК. В приёмной председателя секретарь попросил немного обождать. Мы уселись на мягких диванах и осматривали внутреннее убранство. На стенах портреты вождей, на подоконниках цветы. Старинные часы во всю высоту комнаты отмахивали огромным маятником. Напротив часов – письменный стол секретаря и несколько стульев. Паркетный пол без ковров с красивым орнаментом старинной работы. Тишина и маятник убаюкивали, но мы не переставали волноваться. За годы жизни в коммуне, в Харькове и походах мы встречались с разными людьми и всегда держались с достоинством, а сегодня нас принимают у высоких государственных деятелей. Как тут будешь спокойным.

Когда из двери кабинета вышел посетитель, нас встретил сам Григорий Иванович. Он сразу вспомнил, что совсем недавно разрезал ленточку на празднике пуска нашего завода. Его глаза смотрели на нас через стёкла очков и ласково, и внимательно. Он словно взвешивал наши человеческие качества. Сверлилка интересовала его меньше. Старый революционер-большевик, борец с царским самодержавием, бывший член 3-й Государственной Думы, а ныне, как его любовно называли всеукраинский староста, а точнее – председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, был прост и доступен. Интересовался подробностями нашей жизни, успехами в учёбе, перспективами коммуны и личными планами.

За подарок сердечно поблагодарил и сказал: «А я вам pošлю бочку мёда. Ешьте на здоровье пампушки и попивайте чай. Будет время – пожалую в гости».

От площади Тевелева наш путь за город, в дачный посёлок Померки к председателю ВЧК ГПУ Украины Всеволоду Апполоновичу Балицкому. Он очень занят и давно не был в коммуне, и нам очень хотелось его порадо-

вать. Идея коммуны, как живого памятника Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, принадлежала ему. Во дворе дачки нас встретила жена Балицкого Людмила Александровна – миниатюрная, хрупкая женщина. Мы знали, что она отличная наездница, гонщица на мотоцикле, водит автомобиль и скоро станет лётчицей. Вслед за ней вышел и сам Всеволод Апполонович, отдыхавший здесь после многодневных военных манёвров. В его могучей фигуре с гривой светлых волос было что-то львиное и вместе с тем очень доброе.

Он поблагодарил за подарок и по-домашнему сказал, что на манёврах не спал трое суток и немного приболел. Затем попросил Людмилу Александровну угостить нас чаем и занять. Мы не стали утруждать его рассказами, видя, как у нашего бати слипаются глаза. Из вежливости отказались и от чая, но Людмила Александровна повела на веранду и усадила за стол. Всеволод Апполонович, извинившись, ушёл к себе. Заметив, что мы голодны, Людмила Александровна накормила нас обедом, а уже потом попотчевала чаем с малиновым вареньем. Выяснилось, что Всеволод Апполонович не приболел, а серьёзно болен. У него высокая температура, и он храбрится только ради гостей. Мы поблагодарили за обед и попрощались.

С Померок в коммуну приехали к вечеру. Рассказам не было конца. Первому обо всём доложили Антону Семёновичу. Замечание Карлсона насторожило его. Он даже немного расстроился и сказал: «Это нам всем хороший урок. Собираемся конкурировать с зарубежными фирмами, а явного брака не видим. Так мы их не побьём, а должны». С этими словами он отпустил нас, а сам тут же уселся за пишущую машинку. Позже я узнал, что в это время он спешно дорабатывал повесть «Марш 30 года».

5. ПАРОЧКИ

Совместный быт в одном коллективе, каким является наша коммуна, из мальчиков и девочек, юношей и девушек, не давал многим блюстителям нравственности спокойно спать. В самом деле, рассуждали они, как Макаренко мог допустить это безобразие, если у его воспитанников такое «прошрое». Бывшие наставницы в институтах благородных девиц, классные дамы гимназий, хозяйева закрытых пансионатов – они подвизались теперь на ниве советского воспитания и тащили в него разные концепции, которые давно были выброшены на свалку истории. Пребывание под одной крышей

воспитанников разного пола им казалось чудовищным и недопустимым. Буржуазных чистоплюев и хвастунов-выскочек Антон Семёнович не пускал на порог коммуны, ограждая её, как от чумы. Но это не значило, что проблем полового воспитания у нас не было. Тут Антон Семёнович был всегда начеку. Он добивался бережного, уважительного отношения мальчиков к девочкам. Ещё на первом году жизни коммуны совет командиров вынес постановление, запрещающее всякое жениховство и всякое «головокружение». «Никаких ухаживаний в коммуне!» – гласил текст постановления. Это был закон.

Жили мы, как братья и сёстры. Постоянный контроль «женоненавистных» пацанов был поистине вездесущим. Но жизнь есть жизнь. Появились и у нас глубоко законспирированные «парочки». Коротко встречались по углам коридоров, на дорожках сада, робко переглядывались на работе, за столиками на занятиях, при многих прочих обстоятельствах, не вызывая подозрений у простачков.

Главой корпорации «женоненавистников» был Алёша Землянский. От него не было житья ни «женихам», ни «невестам». Заподозренные в поражении стрелой Амура подвергались разгрому и бесконечным насмешкам Алёшки и его сподвижников. Виновные иногда страдали на общих собраниях.

В один из вечеров, после отбоя Антон Семёнович неожиданно-негаданно пригласил в кабинет «на чай» очень известных и очень уважаемых коммунаров.

Разговор повёл без предисловий и без чая.

– Ну, что, долго будете в коридорах подпирать стены? Если не прекратите, буду гонять палкой. Даю честное слово. Хотите?

– Антон Семёнович, разве мы по-плохому? – не поднимая глаз, попробовал оправдаться Козырь. – Сенька Калабалин, Глупов, Курлянчик ведь поженились на коммунарях...

– Встречайтесь, влюбляйтесь и женитесь после коммуны. У нас детский дом! Слышите? Детский, а не чёрт знает что! Вы думаете о вашем примере для других? – Взгляд, обращённый к Землянскому, с горечью спрашивал: «И ты, Брут?»

«Робеспьер» низко нагнул голову, пряча круглые, как пуговицы, глаза. Кто тронул его каменное сердце? Как это могло случиться?

Уже мягче Антон Семёнович доказывал, что для сердечных дел не наступило время, но что оно будет, когда они станут на ноги, и что он не против, если избранницами и подругами станут коммунарки. Но просил понять, что теперь любовь надо «законсервировать». Всю компанию отпустил в лирико-огорошенном состоянии. О чём они думали? Какое примут решение?

За дверью их поджидала группа пацанов. Они не скрывали, что приглашение «на чай» состоялось по их инициативе. В коммуне не ведали анонимок.

— Брысь отсюда, камса паршивая! (Имелась в виду мелкая рыбёшка — хамса, килька) — обрушился на них Землянский, но не выдержав тона, расхохотался. Пацаны ему были явно симпатичны, как младшие братья.

Вскоре в кабинете состоялся приём и для девчат, замешанных в ответной симпатии. Каждой был вручён изящный конверт с запиской. Конверты вручал Алексик. Антона Семёновича не было. Угощала чаем его жена Галина Стахивна.

Для «мужской» половины содержание этой беседы осталось тайной, но девчат как подменили. Они стали решительно уклоняться от стрелы Амура. Отскакивали от них, как от каменных. И хлопцы поняли: пока они учатся, свадеб не будет.

6. РОЖДЕНИЕ МАРКИ «ФЭД»

Мы только что вернулись из Бердянского похода. Всё там было хорошо. Познакомились с Азовским морем, выходили с рыболовной флотилией в море и помогали рыбакам добывать осетров. Вдоволь наелись арбузов. Бердянск понравился светлыми домами, парком с ракушечными дорожками, планировкой улиц, солнечными знойными днями и пляжами. И здесь обзавелись друзьями.

Этот поход и отдых были особенно полезны новичкам. Он поправил здоровье, запаслись яркими впечатлениями.

С большой радостью узнали мы, что уже строятся корпуса для завода плёночных фотоаппаратов. Ещё в начале июня в коммуну приехал Броневой. В большом зале нашего театра, со сцены, при всём сборе коммунаров и сотрудников, он достал из кармана какую-то маленькую штуковину и, показав её собравшимся, спросил: «А вы можете сделать?»

Даже не разглядев, что Броневой показывал, как следует, хором ответили: «А что такое? Конечно, можем!»

Броневой склонил набок голову, как бы прислушиваясь. В зале стало тихо.

— А вы знаете, что у меня в руке?
— Скажете, так узнаем.
— Это, товарищи, очень сложный и дорогой немецкий фотоаппарат «Лейка». Он нам очень нужен, но мы платим за него Лейтцу чистым золотом. Сложность в том, что мы не знаем фирменного секрета линз, рецепта стекла. А из линз делается объектив. Антон Семёнович уверяет, что коммуне это производство подходит.

Зал разразился аплодисментами. Антон Семёнович сидел в середине. Все повернулись к нему и аплодировали стоя.

А Броневой продолжал:

– Ваши инженеры уже начали проектирование завода.

Снова взрыв аплодисментов.

Теперь, когда мы возвратились из отпуска, перед нами опять была новая панорама. Против здания коммуны, в интервале двухсот метров, на недавно ещё пустынном взгорье поднимались в лесах корпуса завода, а на некотором удалении – жилые постройки. Нашей радости не было предела. Всё получалось, как в сказке: не успел сказать – уже делается.

Новое строительство на этот раз не нарушало ни планировки цветников на площади, ни благоустройства нашего быта. Под лазурным небом цвели розы, наливались соками жизни хризантемы, флоксы, левкой и лилии. Строительные материалы не валялись где попало, а аккуратно разместились под навесами. Нигде не было мусора, строительных отходов и бесконечных лабиринтов вспомогательных построек и пристроек. Видимо, какая-то властная умная рука с самого начала всё разложила на места и поддерживала неукоснительный порядок, сэкономила материальные средства и труд.

Нас приятно удивила система мощных дорог и дорожек, соединяющих строительные объекты и даже готовые отмостки вокруг стен будущих зданий. Они защищали от осенней распутицы. В новом стиле строительства явно угадывался почерк главного инженера Николая Александровича Горбунова.

В конструкторском бюро и в цехах электрозавода рождалась советская «Лейка», её называли «ФЗДом». Одновременно с техническим проектированием и строительством завода велась большая научно-экспериментальная работа. Мы не верили в чудеса, но реальность показалась чудом, когда на стол Антону Семёновичу положили три первых коммунарских фотоаппарата выпуска 1932 года. Наступила новая эпоха в нашем техническом прогрессе. Трудно обвинить коммунаров в сентиментальности, но в эти минуты в переполненном кабинете у многих навернулись слёзы радости.

7. В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

Осень у нас – студенческая пора экзаменов и устройства в учебные заведения. Наступило время прощания с коммуной.

Птенцы выросли и покидали родное гнездо. Поступали в харьковские вузы и втузы, в лётные школы, пограничные, танковые училища, в медицинский институт, университет, консерваторию. Университетская группа облюбовала юридический факультет. Сюда сдавали экзамены и поступали Санька Сопин (Санчо), Саша Оноприенко, Коля Матвеев, Костя Ширяев-

ский, Ваня Ветров, Федя Стирис, Иванов (Джонка), Трифонов. Выезжали группами в другие города, в Ленинграде поступали в Высшее инженерное военно-морское училище им. Дзержинского Сеня Юдин, Гриша Студецкий, «граф» Коля Разумовский, Саша Орлов и Игорь Орлов.

Театральный институт избрали Клава Борискина, Митя Терентюк, Ваня Ткачук и Шура Сыромятникова.

Все выпускники держали строгий экзамен в большую жизнь. В итоге было установлено, что все абитуриенты получили в коммуне основательную подготовку в школьных науках, а сверх того в совершенстве владели двумя-тремя специальностями и обладали завидной физической закалкой и дисциплиной. Это было как раз то, о чём говорил Антон Семёнович: «Подготовить грамотного, культурного рабочего».

После экзаменов все возвращались в коммуну и рапортовали: «Экзамен сдан, зачислены для продолжения учёбы».

Расширенный состав совета командиров с участием педагогов и заводской администрации определял выпускные денежные пособия, размер стипендии до окончания учебного заведения, выдавал новое обмундирование и сберегательные книжки, которые хранились в секретере Антона Семёновича, и куда всё время отчислялась зарплата каждого коммунара.

Материальный уровень коммуны настолько вырос, что позволил осуществить давнишнюю мечту Антона Семёновича: обеспечить выпускникам постоянную помощь на время учёбы в вузах и техникумах. Наступили дни проводов. Мы прощались с товарищами и друзьями. Как много общего образовалось за время жизни в коммуне, как оно сблизило нас, объединило, породнило! Забыты, огорчения, конфликты, наряды, рапорты с «серединной». Остаются крепкие узы товарищества и братства. Провожая друзей, мы не прощались. С ними поддерживались постоянная связь. Они приходили и приезжали в коммуну погостить. К нам приезжали будущие лётчики, танкисты, артиллеристы из прежних выпускников. Все они были при форме, со знаками отличия на петлицах, демонстрировали ловкость, военную выправку и вызвали невероятную зависть. Курсанты Вольского лётного училища Певень, Агеев, Дорошенко и Каплуновский уже летали на самолётах. Они повзрослели и возмужали. Но не все стремились к высшему образованию. Те, кто отличались выдающимися успехами на производстве,

оставались на заводе. Они вырастали до бригадиров, мастеров и даже становились начальниками цехов. В них жила «рабочая косточка». После выпуска они получали жильё при коммуне и переходили на самостоятельную жизнь. Среди первых были Горьковский, Чарский, Василенко, Кравченко, Землянский и другие.

8. СИМФОНИИ И ПАРОДИЯ

На праздник пятилетия коммуны наехало много гостей. Среди них члены коллегии ГПУ, редакторы газет, городские комсомольские руководители, фотокорреспонденты. Гости ненавязчиво занимали уполномоченные члены праздничной комиссии. Показывали спальни, учебные кабинеты, помещения для кружковой работы, спортзал и, конечно, цеха нового завода.

Годовой план в 7000 электросверлилок был выполнен. Это достижение было главным. О нём рассказывали красочно оформленные выставки, рисунки, фотографии и натуральные образцы.

Торжественную часть открыл Александр Осипович Броневой. С докладом о пятилетии коммуны выступил член правления Михаил Маркович Букшпан. Среди ораторов был и наш «Цицерон» – Швед. Сцена украшена большим портретом Ф.Э. Дзержинского, живыми цветами и знамёнами. На собрании правление отметило особо выдающуюся роль Антона Семёновича и наградило его памятными золотыми часами под горячие аплодисменты всего зала.

После торжественной части и перерыва гости заняли места в партере для просмотра художественной части.

Большой зал нашего театра празднично украшен и хорошо освещён. Он без перегрузки вместил гостей и хозяев.

На обширном балконе расположился оркестр, который играл и в перерыве и при входе публики в зал.

Наш театр после переезда в новое помещение перестал ставить доморощенные пьески. Репетировались и показывались вещи русской и советской классики, квалифицированно готовились наши концерты и вечера самодеятельности. Руководили театральной жизнью коммуны артисты театра Харьковской русской драмы – Л.А. Скопина, Н.В. Петров и А.Г. Крымов при содействии нашего любимого театрала Виктора Николаевича Терского. К нам выезжали артисты харьковских театров со своими программами.

На празднование пятилетия коммуны был приглашён в полном составе Харьковский государственный симфонический оркестр под управлением гостившего в СССР немецкого дирижёра Адлера.

Оркестранты приехали до торжественной части и мы успели с ними познакомиться. Адлер был уже стар и дистрофически худ, но прямой и высокого роста. Его безжизненное лицо с сеткой мелких морщин как бы обтя-

нуто плёнкой пергамента и высохшее. Мне показалось, что оно может зашелестеть. Усталые голубые глаза без эмоций. Красиво очерченный рот, прямой нос с горбинкой, высокий чистый лоб и густая копна откинутых назад серебристых волос подчёркивали какое-то величие всей его фигуры. В нём действительно было что-то орлиное. Осматривая коммуны, он ходил особняком, ни с кем не общаясь.

Ведущий художественной программы – как всегда, Виктор Николаевич Терский.

В зале потушен свет. Открывается занавес. На сцене оркестр. Из-за кулис вышел Адлер во фраке, белоснежной рубашке с чёрным галстуком-«бабочкой». Он привычно поклонился публике и занял своё место за пультом. Программа открылась симфонией «Эгмонт» Бетховена. С первыми движениями дирижёрской палочки Адлер магически преобразился. От каждого жеста его рук исходила чудодейственная энергия и передавалась в оркестр. Мне казалось, что из его длинных пальцев, из буйной шевелюры, которая стала подвижной, брызгали искры электрических разрядов и заполняли не только сцену и оркестр, но весь зал. Я чувствовал себя прикованным к этому демону и слушал под каким-то гипнозом. Грудь распирало, не хватало дыхания. Как мне показалось, в таком состоянии находилось большинство в зале.

Окончив первое исполнение, Адлер повернулся к залу под неистовые аплодисменты зрителей. Его глаза сверкали звёздами молодого огня, лицо просветлело, заиграло красками и стало живым. После Бетховена исполнялись произведения Вагнера, Моцарта и Шуберта.

Вторая часть программы была отдана эстраде. И здесь зрителей ждал сюрприз, хотя и совсем другого свойства. Без объявления конферансье на сцену выскочил сын нашего кузнеца Васька Филатов. Его щёки были размалёваны румянами. Ярко-зелёная русская рубаха в петухах опускалась до колен. Безразмерные штаны нависли из голенищ почти до пят. Рыжий хохолок волос и веснушчатая мордашка дерзко венчали несуслазную фигуру. Перед нами стоял типичный заводила захолустных вечеринок. Попасть на сцену Ваське не давали. Он не пропускал ни одной репетиции, но от дебюта его отставляли.

Не дав передышки зрителям, после божественных симфоний, Васька, врезавшись каблуками в сцену и раскачиваясь, зычным голосом затянул частушку:

Варяхи, да варяхи...
Прокричали пятахи...

Видно, тут он что-то позабыл и сделал паузу.

Во втором ряду партера сидел Антон Семёнович. Сверкнувшие стёкла очков нацелились на Терского, который выглядывал из-за края занавеса, и панически отмахивал Ваське знаки, как бы говоря: «Сгинь, исчезни, сукин сын!»

Филатов отрицательно повёл головой и продолжал раскачиваться, снова запел:

«А за ними куры
Хохлатушки дур...»

Потеряв надежду на мирное решение конфликта, Терский, крадучись, вышел на сцену и, высоко поднимая колени, тихо, чтобы не спугнуть певца, двинулся в сторону куплетиста. Весь он был удивительно похож на болотную цаплю, наметившую в жертву очередную лягушку. Не дав Ваське до конца оскорбить весь пернатый мир, он цепко схватил его за шиворот и потащил вон. Васька мотал головой, упирался ногами, пытался снять цепкую руку с загривка, но продолжал петь. В это время занавес опустился.

Зал содрогался от рукоплесканий. В невообразимом шуме слышались крики: «Браво! Молодцы!» Но артист не отзывался. Наконец занавес раздвинули, и Васька, сияющий от удовольствия, явился перед публикой. Он низко раскланивался на все стороны, картинно прикладывая руку к груди, слал воздушные поцелуи. И зал всё аплодировал, вызывая Терского. И вот рядом с Васькой стал Виктор Николаевич. Он неловко улыбался и тоже кланялся. Контраст фигур – тощего великана и расцвеченного малыша вызвал новую волну аплодисментов. Перед нами предстал Дон Кихот и Санчо Панса в новой интерпретации. Динамическая сценка вышла столь натуральной, было столько страданий и мук Терского и столько самодовольства, а затем оскорбленного достоинства исполнителя частушек, что всё это сошло за оригинальный номер.

На самом деле выступления Филатова в программе не было. Выбрав момент, он прорвался на сцену и сам организовал себе вождельный дебют. А что такое «варяхи», мы так и не узнали.

9. ЧАСОВЫХ ДЕЛ «МАСТЕР»

С уходом из коммуны «стариков» их места заняли новенькие. Среди них были смешные «граченята» из провинциальных детдомов, были добровольцы из «семейных», наслышанные о «манне небесной» в «коммунии».

Приводили героев из детских комиссий, прошедших все испытания городских улиц и не желавших прощаться с «волей». Эти куражились, сохраняя «позу». Бывало, что, в силу привычки, обчищали по мелочам своих близких, шкодили на заводе, растаскивая дефицитные инструменты и материалы.

Среди этой категории объявился маленький пацан Пищик, Наум Пищик. Ему не более одиннадцати лет. Худое, щуплое тельце. На головке тубетейка, длинная шейка, узкие плечики, тонкие длинные руки. Казалось, стоит дунуть и рассыпется сие творение в прах.

Характер у Наума спокойный. Он никому не мешал. С первых дней покорно воспринял неизбежное окружение, неплохо учился в школе, помогал Лёньке Алексюку в «секретарской» сфере. Он хотел работать в «Союзтранс» с Братчиным и Кидаловым, но там не оказалось вакансии. К нему призывки, старшие заботились о нём, старались прежде всего откормить.

Карло Филиппович нет-нет да и подсунет ему лакомый кусочек, пускай-де поправляется!

Однажды Пищик попросился в театр и его взяли. Он надел парадный костюм и выглядел франтом. Каково же было удивление отряда, когда в спальне, перед сном, Пищик извлёк из-за пазухи и положил на стол восемь пар карманных и ручных часов!

– Где ты их взял? – кинулись к столу ошеломлённые хлопцы, не веря глазам.

Пищик картинно выпрямился и улыбнулся, презрительно скривив губы. «Пошарил у нэпманов, вот где!»

– Да ты шо, шкетик, спятил? – подскочил к нему командир отряда Шейдин, – а ну-ка идём к Антону!

– Пожалуйста, идём, только не «шо» и не шкетик, а что! – готовый в эту минуту идти к кому угодно с достоинством процедил Наум.

– Смотрите на него! Без рукавицы не возьмёшь, – рассмеялся Севка Скребнёв.

Шейдин сгрёб часы и повёл Пищика в кабинет. Тот шагал впереди командира и, казалось, ничего не боялся.

Выслушав рассказ Шейдина и немного подумав, Антон Семёнович предложил Пищику остаться в кабинете для разговора тет-а-тет.

Как, в какой форме прошёл этот разговор, никто не узнал. Вопрос не поднимался ни на совете командиров, ни на общем собрании. В отряде Наум не удовлетворил любопытства, отнекивался и отмалчивался. Скоро к нему перестали приставать, а Скребнёв, смекнув, что всё это неспроста, объявил: «Ша, граждане, здесь что-то есть!»

Все помалкивали, и со временем история с часами забылась. В театры Наума не брали, хотя ежедневно автобус коммуны развозил 10–15 человек на разные спектакли как лучших, отличившихся в ударном труде и в учёбе. Один раз Пищик попросился в город, но ему отказали, и он больше не приставал.

Учился он по-прежнему хорошо и упросил Шейдина взять к себе на завод учеником в токарную группу. Здесь он также проявил хорошие способности. Его поставили сверловщиком на лёгкий станок. И всё же ореол таинственности и чуть ли не славы висел над Пищиком. И вот однажды о нём заговорили все. Он работал в заготовительном цехе на сверловке станин. Норму всегда выполнял, но его напарник по второй смене Гриша Фишбейн не находил свёрл в пенале. Обращался к мастеру, жалуясь на таинственные пропажи. Поиски ни к чему не привели. Мастер давал дефицитные свёрла «в последний раз», но пропажи повторялись. А Пищик не горевал и бесперебойно работал.

Однажды при выходе из цеха Наума обыскиали. Он вырывался, кричал и даже кусался. В кармане спецовки нашли два свёрлышка, завернутые в бумажку.

– Положи на место, – приказал Шейдин. Пищик молчал, не желая подчиниться. Дело дошло до Антона Семёновича. Свёрла лежали у него на столе. Антон Семёнович посоветовал Шейдину отдать пакетик Пищику и написал официальную записку:

«Тов. Пищик!
Немедленно отнеси свёрла в цех.
Извинись перед товарищами.

А. Макаренко».

После занятий Шейдин получил от Пищика записку Антона Семёновича с размашисто начертанной резолюцией:

«Отказать. Н. Пищик.»

Такой был характер в этом щуплом теле.

* * *

Наступила весна. Повеяло теплом, быстро пробуждалась природа. Одевались в молодую листву деревья, подсыхала земля, на лужайках зеленела трава. В рабфаке овладевало науками свыше двухсот человек с первого по четвёртый курс. Готовились новые выпускники, вынашивались планы о выборе профессий.

В это время в коммуны приехал заслуженный чекист Иван Порфирьевич Судаков. В органах ГПУ он с первых дней, награждён за заслуги перед революцией именным оружием, грамотами и ценными подарками. Старшие

коммунары знали Ивана Порфирьевича давно и очень любили его за простоту и весёлость.

Плотная фигура при среднем росте, правильные черты лица с живыми карими глазами, борода клинышком, всё в нём вызывало симпатию.

Его появление было как нельзя кстати. С ним можно было посоветоваться о выборе дальнейшего пути. Устроились на опушке леса. За рассказами и советами время незаметно прошло, и Судаков, очень занятый человеком, собрался попрощаться.

– Ох, и засиделся я с вами, ребята. Сколько тут на моих золотых?

Но золотых на руке не оказалось.

Наступила жуткая пауза. Иван Порфирьевич смотрел на пустое запястье молча с вытянуто-озадаченным лицом и в полном недоумении. Присутствующих словно громом пришибло. Судаков кашлянул, растягивая слова, проговорил:

– Ну, я пойду, товарищи, мне пора.

В это время из заднего ряда поднялся Пищик. Небрежно держа двумя пальчиками блестящий браслет с часами, протянул его через головы Судакову и безмятежно произнёс:

– Получите, пожалуйста, дядя маленьких не тронет, ловкость рук и никакого мошенства. Ферштейн зи?

– Как же ты это сотворил, сынок? – заикаясь от удивления, спросил Судаков.

– Секрет фирмы! – бойко ответил Пищик и вдруг поник и стал серьёзным:

– Только этого больше никогда не будет, никогда! Даю честное слово.

Как подкошенный, он упал на траву и залился горячими слезами.

– Не говорите Антону, я давал обещание. – Он продолжал рыдать, прижимаясь всё плотнее к земле и пряча лицо.

10. СТРАННЫЙ БОКС

С развитием коммуны, ростом её материальной базы улучшилась система физической подготовки коммунаров. Она принимала всё более совершенные формы. Появилось несколько инструкторов по отдельным видам спорта.

Футбольную команду тренировал мастер футбола, форвард сборной Украины Николай Фомин. Его игра на поле вызывала восторг спокойствием и виртуозностью. Из любых положений он умел принять мяч «на носок», вести к воротам, обводя противников. Он точно распасовывал мячи, создавал голевые положения, обладал сильным ударом с дальних дистанций. Коммунары благоговели перед ним.

Гимнастической секцией руководил Николай Иванов. Ему помогал Лёня Шмигалёв, старший брат Севы. Его «кресты» на кольцах и «солнце» на перекладине были для нас высшим эталоном.

Лёгкой атлетикой руководил инструктор по фамилии Смола. Он же проводил утреннюю гимнастику – зарядку.

Тяжёлую атлетику – гири, штанги, классическую борьбу вёл инструктор по фамилии Нафт. Случайное объединение «топливных» фамилий на спортивном поприще коммуны привлекло внимание любителей шуток.

Секцию бокса вёл Алексей Сиротин. Он – небольшого роста, в лёгкой весовой категории. Сероглазый, с причёской ёжиком и интеллигентным лицом. Когда он достаточно подготовил свою команду, было устроено несколько тренировочных боёв. В одном из них противником инструктора оказался тяжеловес Миша Долинин – богатырь коммуны. Победил Сиротин.

Лично я отдавал предпочтение лёгкой атлетике, хранил верность системе Мюллера. Сиротин обратил на меня внимание и предложил посещать его секцию. К этому времени у меня были уже неплохие показатели по лёгкой атлетике: бег на 100 метров – 11,1 секунды, прыжки в длину с разбега – 6,4 метра, прыжки в высоту – 1,75 метра. Одним из первых я сдал комплекс норм по ГТО и получил грамоту Всесоюзного совета физкультуры при ЦИК Союза ССР. Грамота с подписями Председателя Совета Антипова и ответственного секретаря СФК Григорьева с серебряным значком № 228. Сиротин знал об этом и посоветовал дополнить их «школой мужества» – боксом. Я согласился. Дела шли неплохо и после уроков бокса Сиротин начал отдавать меня в спортзал для занятий «джиу-джитсу».

Эти уроки я держал в строгом секрете, понимая запрет на разглашение борьбы. Бокс отошёл на второй план.

Однажды на лестнице спортзала меня остановил Гето.

– Так вот ты чем занимаешься! А ну, показывай свои приёмчики!

– Какие приёмчики? – сделал я удивлённое лицо.

– Знаю, видел. Он поднёс свой огромный кулак к моему носу.

Я отвёл руку и твёрдо сказал, что показывать ничего не собираюсь.

– Будешь, а не то заставлю!

– Нас же выгонят из коммуны.

– Не выгонят, если не разболтаешь.

Я не знаю, откуда у Митьки появилась эта идея. Неужели зависть? Опасение потерять лидерство? У нас не было задушевной дружбы, как с Колей Гонтаренко и Глебовым, но и враждовать не приходилось. Гето был крупным парнем, старше меня, сильнее. Пожалуй, теперь ему не было равных после Семёна Калабалина. Даже старшие признавали его силу и считались с ним. Чтобы выйти из положения – в коридоре уже обратили на нас внимание – я предложил ему встретиться на ринге. Митька боксом не занимался, полагая, что и так расправится с кем угодно. Митька торжествующе осклабился.

* * *

Перед началом встречи я обо всём рассказал инструктору. Сиротин усомнился в необходимости таким способом выяснять отношения. Но я упрямился, сказав, что это вопрос чести. В коммуне ринга не было, и мы втроём отправились на «Динамо», где коммунары соревновались. Тренировочный зал был свободен. В раздевалке переоделись. Сиротин подобрал по размерам перчатки и мы, по всем правилам, вышли на ринг. В зале было прохладно. Митька жаждал погреться. Сиротин ударил в гонг и мы начали. Гето бросился вперёд и тяжёлыми ударами прижал меня к канатам. Я ушёл в глухую защиту, ничем не сдавая. Митька осмелел ещё больше. Слава всевышнему, что его кулачищи не попадали куда следует. Я понял, что ему мешают перчатки. Он злился и продолжал «мазать».

В перерыве у нас не было тренеров и мы сами приводили себя в порядок. Гето тяжело дышал, вытирая пот. Сиротин сохранял нейтралитет и никому не давал советов. Он выполнял обязанности судьи, придерживаясь правил. Во втором раунде я сменил тактику. Хорошо представляя, к чему приведёт хотя бы один точный удар противника, я не раскрывался, но изредка посылал прямые правой, которые иногда касались и подбородка. Это окончательно вывело Митьку из себя. Он пошёл на меня медведем, совершенно раскрывшись. Он сгрёб меня и хотел выкинуть вообще с ринга. Судья остановил встречу, разъяснил Митьке правила. Я понял, что в ближнем бою он может меня ненароком изувечить, и держался на расстоянии, нанося удары то по лицу, то в корпус. Натренированный в беге, я сохранял дыхание, а Митька задыхался от ярости и беспорядочной растраты энергии.

До конца второго раунда несколькими ударами я добился нокдауна. Возможно, Гето поскользнулся, но, поднявшись, он вдруг опустил руки, дружески улыбнулся и сказал:

– Ну, хватит, повалили дурака, – пойдём мыться.

Рефери поднял руки в знак окончания «дуэли». Гето подошёл ко мне и обнял. Мы отправились в душевую.

Через несколько дней Митька пришёл в секцию бокса. Под руководством Сиротина он быстро овладел техникой боя. Теперь я не рискнул бы

выйти против него. В соревновании на первенство города я видел, как он в первом раунде заваливал своих противников в тяжелейший нокаут.

По выходным дням Гето открывал коммунарский буфет и торговал сладостями. В буфете были конфеты, пряники, пирожные, булочки, мороженое и лимонад. Это было персональное поручение Митьке от совета командиров. В буфете была необходимость – не все коммунары отпускались на выходные дни в город. К буфету выстраивались длинные очереди, я не всегда успевал что-то купить. Заметив это, Митька будто случайно стал оставлять мне любимые сладости, к которым и сам имел великое пристрастие.

11. ОКНО В КОММУНИЗМ. ДЕЛЕГАЦИИ

Жизнь коммуны, расположенной на окраине Харькова, всё больше привлекала внимание. Коллективы харьковских заводов «Свет шахтёра», «Серп и молот», ХПЗ, ХЭМЗ им. Ленина поддерживали с нами постоянную шефскую связь.

Многие делегации посещали коммуну, изучали наш быт, знакомились со школой и производством, передавали свой опыт, оказывая практическую помощь. Всех восхищала атмосфера нашей жизни, наш оптимизм, целеустремлённость. Свои впечатления гости коммуны записывали в книгу отзывов. Единодушное мнение сводилось к тому, что коммуна им. Ф.Э. Дзержинского является образцом коммунистического воспитания.

Наряду с советскими делегациями в коммуне часто бывали иностранцы. Когда мы были заняты в школе или на заводе, их встречал Антон Семёнович с дежурным по коммуне или с секретарём совета командиров. В отсутствие Антона Семёновича принимали гостей доверенные «дипломаты». Однажды в этой роли выступил и я.

Мы собирались в очередной Волжско-Черноморский поход. В это время приехали английские лорды – члены парламента. Они неторопливо выходили из автобуса. Как секретарь совета командиров я сопровождал Антона Семёновича. По дороге он шепнул: «Займись этими сам, я занят».

Их было человек сорок. Встретив делегатов, Антон Семёнович вежливо сообщил, что сопровождать по коммуне их будет «Президент республики ФЭД» Леонид Конисевич. Я представился. По важным улыбкам понял, что

гости не в восторге от такого гида, но что поделаешь, в чужой монастырь со своим уставом не полезешь.

Антон Семёнович оставил нас, и я повёл гостей в кабинет. Они медленно тянулись по дорожкам, рассматривая предфасадные цветочные украшения. В кабинете расселись на диванах и стульях. Я занял место за столом Антона Семёновича. Что и говорить, оказаться лицом к лицу с высокими гостями – дело нешуточное!

Вспомнился приём поляков, с мучительным переводом приветственной речи и злополучной молитвой. Здесь была переводчица. Можно говорить на родном языке, лишь думай, что и как.

По мере разговора гости вытаскивали карандаши и блокноты, начали что-то записывать. По всему было видно, что у них появился интерес. Я говорил о причинах, породивших массовую беспризорность, войнах, интервенции, блокадах и голоде. Говорил о мерах Советского правительства по ликвидации беспризорности, о том, как Владимир Ильич Ленин лично заботился о судьбе обездоленных детей, что забота о детях вообще одна из главных установок Советского правительства. О коммуне рассказ подробнее.

Гости задавали вопросы, уточняли, записывали. Осмотр коммуны поразил парламентариев. В спальнях они ко всему дотошно приглядывались, приноживались, ворошили постели, разбирая одеяла, простыни и пододеяльники, поднимали матрацы. Их поведение напоминало жандармский обыск с той разницей, что все вещи складывались после осмотра на место и расправлялись. Измеряли толщину стен, высоту спален, величину окон. Считали койки, переписывали обстановку.

Я спросил их, чем вызван такой пристальный интерес, на что последовал ответ: «То, что мы видим, невероятно, этого не может быть».

Полагая, что образованные британцы должны знать историю Российской империи, я заметил: «Мы не показываем потёмкинские деревни».

Видно, в переводе моё замечание не попало в цель. Сопровождающая девушка из «Интуриста» пояснила мне в сторонке, что гости пропитаны злонамеренной пропагандой, им рассказывали, что дети, девочки и мальчики, скопом спят под одним одеялом, а едят собак и кошек.

Как комсомольцу и агитатору мне были не новы её пояснения. Я знал о злобной клевете на наш образ жизни. И было вдвойне интересно повидать вблизи жертвы буржуазной пропаганды, а может быть, и самих её творцов. Кто знает!

После спального корпуса осмотрели учебный. Там шли занятия. Не нарушая распорядка, вошли в одну аудиторию, где шёл урок физики. Преподаватель Рубан прервал занятия, все встали и поприветствовали гостей.

На заводе гости разошлись по цехам. Они задерживались у станков. Узнавали знакомые фирмы; что-то обсуждали, заводили разговор с мастерами и станочниками. На их глазах обрабатывались детали, новейшими станками управляли подростки и дети, и заподозрить что-то, специально подстроенное для показа, было невозможно. В сборочном цеху увидели поточный процесс сборки и готовые электросверлилки. Работа шла своим чередом, каждый был занят на своём месте. На вопросы гостей отвечали коротко и с достоинством.

Порядок в цехах, чистота, начиная с ковриков при входе, приличный вид работающих, чувство достоинства, профессиональная квалификация окончательно сразили именитых туристов. Это можно было определить, не зная языка. А поскольку в разговоре они общались со мной, я понял их настроение.

Экскурсия затянулась до пяти часов вечера. В пять часов – сигнал с работы.

На прощание туристы попросили, чтобы я позволил сфотографировать себя. Я стал у парадного входа. В это время набежали ребята с работы, любители фотографироваться. Образовалась группа – кто лежал, кто сидел, кто стоял. Так нас и сняли. Прощались довольно тепло, благодарили, повторялось слово «президент», пожимали руку.

Через месяц я получил объёмистый пакет с английскими штампами. Развернув многослойную упаковку, обнаружил хорошо сделанную фотографию. В письме выражалась благодарность за хороший приём, «доставивший большое удовольствие» и показанное чудо.

* * *

Посетила нашу коммуну и большая группа видных политических деятелей Франции. Группу возглавлял президент Французской республики Эдуард Эррио. Об этом визите нам было известно заранее. Были также известны лояльные отношения президента к Стране Советов.

День был безветренный и солнечный. Гости приехали на роскошных автомобилях к обеденному перерыву. Машины ярко вписались в наши клумбы и вся группа была живописной. Их встретили Антон Семёнович, дежурный по коммуне Вася Руденко и политрук Юрченко. Сигнал «сбор музыкантов». Прямо с завода, не переодеваясь, музыканты быстро собрались на сцене.

В зрительный зал направились и французские гости. Там их приветствовали аплодисментами, исполнением гимнов. «Марсельезу» сменил «Интернационал».

Здесь как будто подул свежий ветер двух революций, скрепивший узамы два великих народа. Французы растрогались ошеломительно торжественной встречей и ещё более от того, что коммунары приветливо рассаживали их на места между собой. Когда в зале воцарилась тишина, обратили внимание, что Эррио ещё не сел, безуспешно отыскивая для себя место в первом ряду. Оказалось, что наши кресла несоразмерны с его крупной фигурой. Тут же со сцены подали два стула и поставили рядом. Он благодарно поклонился догадливым музыкантам и сел.

Волченко поднял дирижёрскую палочку. Играли фрагменты из опер «Кармен», «Риголетто», «Евгений Онегин». Заключили певучим попури музыкальных и песенных произведений украинской классики в обработке В.Т. Левшакова.

После каждого отрывка гости восторженно аплодировали. Заключительной части аплодировали стоя, кричали «браво». Музыкальное вступление оживило гостей, создало хорошее настроение. Они восторженно высказывали свои впечатления, поражаясь высокому исполнительскому мастерству, искусству юных музыкантов. Эдуард Эррио потрясал сжатыми ладонями над головой, выражая таким образом свои чувства и благодарность оркестру.

Далее гостям показали музей, где в документах, фотографиях и экспонатах представлена вся история и жизнь коммуны. Венчали выставку электросверлилка «ФД-1», электрошлифовалка «ФД-2» и самый юный – «ФЭД».

Наши фотографы Шура Гуляев и Лёня Глебов фотографировали гостей нашей маркой и давали ознакомиться с «ФЭДом» в работе. Гости попросили плёнку на память.

После осмотра цехов, где было немало удивлений, восклицаний и восторга, сверхнеожиданностью предстал чертёжный зал конструкторского бюро. Здесь вместе с инженерами работали дети, обыкновенные дети, которые их окружали и так приветливо сопровождали!

Под конец экскурсии, в дружеской с нами беседе, сопровождающий «Интуриста» поблагодарил за идеальную чистоту всюду, где они побывали, и за безукоризненное содержание... туалетов.

Что правда, то правда. Наши туалеты содержались безукоризненно. Коммунарская инструментовка поднялась до таких высот, что при жеребьёвке по распределению участков уборки отряды дрались за право уборки туалетов!

Всё же в торжественной обстановке встречи членов правительства Франции такое внимание интимным местам шокировало, и мы в неловкости притихли.

– Чего сникли, ребятаки, – весело улыбнулся сопровождающий, – гордиться надо, это мнение Европы!

Гости собрались на площадку к машинам. Настало время прощаться. Две девушки в газовых платьицах – Аня Красникова и Лида Иванова, с пышными бантами в причёсках, поднесли Эррио букеты чайных роз.

Девочки в лёгких нарядах с румяными счастливыми личиками сами напоминали букеты цветов. Эррио поднял их на руки и сказал:

– Я потрясён... Я видел сегодня настоящее чудо... чудо, в которое я бы никогда не поверил, если бы не увидел его собственными глазами. Я буду счастлив дожить до тех дней, когда в нашей прекрасной Франции будут такие прекрасные счастливые дети.

12. ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПОСТЫШЕВ

Никогда не забыть «дзержинцам» тот день! В водовороте наших будней неожиданно приехал член Политбюро, секретарь ЦК КП(б)У Павел Петрович Постышев.

Было солнечное июньское утро, благоухали цветы. На дворе тишина. Все заняты в цехах и в школе.

Появление на территории машин и посетителей всегда было в поле зрения сторожевого отряда и дежурного по коммуне. И в это утро Павел Петрович тотчас был встречен дежурным Семёном Зайцевым.

Павла Петровича мы видели на трибуне во время парадов и знали его в лицо. В коммуне, среди портретов руководителей партии и правительства, был и его портрет. И вот он среди нас, живой, приветливый, простой, скромно одетый! Без головного убора, в ситцевой косоворотке, с узким пояском, в брюках-галифе и сапогах, он ничем не выделяется среди обыкновенных граждан. Поздоровавшись, он сказал:

– Вот приехал познакомиться, как живёте-можете. Слышал, что и «Лейку» положили на лопатки? Это правда?

Дежурный Сеня Зайцев спросил разрешения Постышева заиграть «общий сбор». Постышев мягко отклонил его намерение, пожелав ознакомиться «в рабочей обстановке».

В сопровождении Антона Семёновича, дежурного по коммуне и небольшой группы коммунаров, Павел Петрович внимательно осматривал «всё, как есть», и очень внимательно выслушивал пояснения.

Его интересовали условия быта, учёбы, производственные достижения, использование свободного времени, уровень культуры. Во всём он доискивался мелочей. В библиотеке осмотрел книжный фонд. Здесь было собрано около 8 тысяч книг детской, политической, художественной литературы русских и украинских классиков и современных советских писателей. Как бы невзначай, перебирая книги, спрашивал у ребят, что прочитали. Ответы были разные, но большинство любили книги М.Горького. Подробнее о работе с книгой Павел Петрович знакомился в литературном кружке.

Осматривая учебные кабинеты, поинтересовался, всем ли обеспечены, нет ли нужды в дополнительном оборудовании. На заводе электроинструментов прошёл все ряды станков, знакомясь с их устройством и техническими возможностями. Брал в руки детали электросверлилок, каждому станочнику находил добрые слова, разговаривал как с давними знакомыми и друзьями.

В конце пребывания осмотрел фотозавод. У нас уже был принят годовой план производства 30 тысяч фотоаппаратов. В это время только что наладили выпуск первой серии. Наши фотоаппараты утверждены к массовому производству после государственной экспертизы. По её заключению были установлены некоторые преимущества в оптике «ФЭДа» в сравнении с германской «Лейкой». Заключение комиссии дало юридическое право на развёртывание производства.

Из желания ознаменовать посещение Павлом Петровичем коммуны ему преподнесли памятный подарок – наш «ФЭД». Он взял подарок в руки, открыл футляр. На корпусе каллиграфическая гравировка – дарственная надпись. Прочитал. Озабоченное лицо тронула улыбка. Глаза выразили чувство неловкости, волнения и благодарности. В каком-то раздумье он неторопливо протянул подарок хозяевам и сказал:

– «Негоже отказываться от даров, всё же принять сейчас не могу. Когда у вас появится много излишков, тогда другое дело. Не обижайтесь, ребята, вы ещё не богаты».

Как ни упрашивали Постышева «дипломаты», как ни убеждали от чистого сердца, ничто не могло изменить его решения.

Видно, чтобы разрядить неловкое положение, он спросил: «А новогодняя ёлка у вас намечается?» Вопрос поставил настолько неожиданно и о таком предмете, что мы не знали, как ответить.

Ведь только что на его вопросы отвечали бойко, не было «незнаек». А здесь молчали. Ёлка считалась религиозным предрассудком, связанным с праздником Рождества Христова. Что сказать секретарю ЦК партии, если мы, пионеры, комсомольцы, безбожники?

Увидев наше замешательство, Павел Петрович весело сказал: «Не бойтесь, дети, отныне будем праздновать Новый год с ёлочкой! И пусть теперь она повсюду станет детской радостью». Мы, конечно, обрадовались, но овации почему-то не вышло. Раздалось два-три жидких хлопка. «Безбожность» сработала безотказно.

Подойдя к машине, в окружении большого сбора ребят, Павел Петрович поблагодарил за приём и сказал, что коммунары-дзержинцы как молодые строители социализма открыли окно в коммунизм.

13. В НОВЫХ МАСШТАБАХ

Если мысленно подняться на некоторую высоту, то вам откроется красочная панорама замкнутого прямоугольника, где с одной стороны в стро-гой линии вытянулся ряд «старых» зданий с электростанцией, учебным и спальным корпусами, с другой – новые постройки четырёх корпусов фото-завода, жилого посёлка иной архитектуры. Равнина между старой и новой частями, очерченная лёгким штакетником, заполнена яркими пятнами цвет-ников, площадками, дорожками, фонтанами.

Старый сад, частично пострадавший при строительстве, пополнен но-выми посадками и хорошо ухожен. Здесь, как и прежде, собирается на сыг-ровки оркестр, в свободное время хорошо отдохнуть, в беседке почитать книгу, помечтать. За короткое время всё изменилось. Каждый день, каждый час раскручивался какой-то виток пружины, и всё поднимал на новую высо-ту. Численный состав коммунаров и воспитанников возрос до 400 человек, из этого числа – 180 комсомольцев и свыше 100 пионеров. Выросла и пар-тийная организация за счёт рабочих, учителей и коммунаров. Прежде всего мы расстались с бедностью. Ритмичный выпуск продукции двух заводов дал возможность ассигновать на очередной поход и отпуск 200 тысяч руб-лей, на посещение театров – 40 тысяч рублей в год!

Наши электросверлилки «ФД-1», «ФД-3» по типу американской фирмы «Блек и Деккер», электрошлифовалка «ФД-2» пользовались всё возрас-тающим спросом. Но самый большой доход приносил «ФЭД». Сбылись пророчества Соломона Борисовича. Чистая прибыль округлилась до 5 мил-лионов в год!

В силу необходимости возникли управленческие звенья, такие, как коммерческий и плановый, контрольный отделы, расширилась и укрепилась хозчасть Степана Акимовича. Возросла и нагрузка на Антона Семёновича.

Мы не знали, когда он отдыхал. Казалось, нет предела его человеческим возможностям. Он никогда не спешил, не принимал скороспелых решений. Никогда не говорил много. И всюду успевал, замыкая на себя все линии в руководстве сложнейшим социально-педагогическим комплексом. Единственное, на что он пошёл, это приём на работу в педчасть двух молодых сотрудниц. Одна из них, юная учительница Евгения Петровна Тренёва. Ей он поручил учёт коммунаров по специально разработанной системе, охватывающей все основные сведения о каждом воспитаннике от вступления в коммуну до выпуска. Эту работу Антон Семёнович все годы вёл сам. Вторая – Лидочка Бессонова помогала ему в секретарской деятельности. Обе работали в его кабинете. Бессонова быстро печатала на машинке под диктовку и с листа, обрабатывала массу текущего делопроизводства и материала для стенгазет, выдавала отпускные удостоверения в город, пропуска воспитанникам в спальни, печатала ежедневные приказы по коммуне, протоколы комитета комсомола и совета командиров. Возле её столика всегда вертелся народ по текущим делам.

Обязанности Евгении Петровны требовали спокойной сосредоточенности, знания каждого коммунара по документам и в личных контактах. Нередко отдельных ребят она приглашала на беседу. Никому не приходило на ум, что из этих бесед добывались важные сведения для картотеки.

Своей незаурядной внешностью молодая учительница привлекала в кабинет и незваных собеседников, равных с ней по возрасту. Но с ними разговор шёл быстро и мило расстраивался.

Теперь Антон Семёнович мог свободнее отлучаться по делам в Харьков и в другие города, зная, что в его отсутствие не накопится ворох канцелярщины. Он стал чаще выступать с докладами и лекциями перед педагогами города, в заводских цехах, перед родителями. Писал для газет и журналов, наращивал удары по твёрдолобым «олимпийцам», отбивался от их несуразных обвинений.

В обстановке напряжённейшего труда и непрерывной борьбы он находил время писать свои книги – «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», «Марш 30 года» – книги для нашего и завтрашнего дня. Его учителем, другом был Алексей Максимович Горький. В своих письмах М.Горький высоко оценивал педагогическую и литературную деятельность Макаренко, вдохновлял его, поддерживал в критических ситуациях.

По вечерам Антон Семёнович читал нам первую часть ещё не изданной «Педагогической поэмы». Засиживались допоздна.

Когда Антон Семёнович устал, его подменяли другие чтецы. Читали с замиранием сердца. Горьковцы, персонажи «поэмы», без труда узнавали себя под литературными именами, вновь переживая живую историю колонии.

В такие вечера Антон Семёнович читал и некоторые письма Горького. Акцент делал на сердечные слова и пожелания в наш адрес. В одном из писем говорилось: «Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочесть, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески – по-настоящему относятся друг к другу».

14. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Благополучие коммуны им. Ф.Э. Дзержинского было лишь ярким маяком среди бурного моря многочисленных, плохо организованных детских домов. У всех на глазах разваливалась колония им. Горького, переведённая на «олимпийскую» систему. Сигналы тревоги звучали из детских домов – наших соседей. Чтобы помочь делу, Антон Семёнович предложил Наркомпросу проект детского трудового корпуса. Идеи проекта показались чинушам настолько страшными, что они завалили его при первой возможности. Тогда было решено использовать наши силы на уже знакомой операции – подобрать на улице несколько сотен беспризорных детей.

Из среднего звена коммунаров Антон Семёнович выделил около ста человек. Небольшими отрядами с документами и деньгами они рассылались в разные города. В каждом отряде свой командир. Оперативники не тужили, предстоящие события не пугали их. Задание приняли как знакомое и нужное дело – протянуть братскую руку бывшим «корешкам».

Отряду Васи Кравченко поручалось собрать и доставить в коммуну сто человек пополнения! Старшие коммунары не вошли в опергруппу по причине занятости на рабфаке и заводе.

Вся операция длилась несколько месяцев – с весны 1933 года. Васю Кравченко встречали на вокзале. Он похудел, осунулся, но был «со щитом». Его обнимали и спрашивали: «Ну, как, Мукичка, ты ещё живой?»

– Та живой, як бачите, хай ему сто чертей, шутя отбивался Вася, следя за посадкой пополнения в специально поданные машины.

Вновь прибывших ожидали в коммуне. Раз посчитали, другой – получилось больше.

- Сколько ты привёз? – спросил Антон Семёнович.
- Сто, як и сказали.

– А почему сто десять?

Кравченко почесал затылок.

– Как же так можно, Вася, – упрекнул его Степан Акимович, – у нас же мест не хватит.

– Я и сам не знаю, дэ вони в чорта причепылыся, – в искреннем недоумении развёл Васька руками, исподлобья оглядывая нестройные шеренги.

– Ну, добре, не горюй, где сто, там и десять, – успокоил Антон Семёнович. Остальное было уже делом техники.

Вслед за отрядом Кравченко в коммуны возвращались другие наши посланцы, которые тоже полностью выполнили трудное государственное задание.

15. МИР ПОД УГРОЗОЙ

Прошёл ещё год. Коммунары, 500 человек, совершили очередной славный поход по маршруту: Харьков-Горький-Сталинград-Новороссийск-Сочи-Севастополь-Харьков. Много пройдено километров, много было незабываемых встреч и впечатлений. Хорошо запомнился Горьковский автозавод, где в руках у рабочих мы увидели свои электросверлилки «ФД-3».

Трудно передать впечатления двухнедельного путешествия по Волге, с остановками и экскурсиями в городах Приволжья! А что значило погостить у моряков на крейсере «Червона Украина» в Севастополе! Цель Волжско-Черноморского похода неизменна: как можно больше узнать о родине, увидеть новостройки I пятилетки, сблизиться с рабочим классом и самим почувствовать беспримерный энтузиазм миллионов людей под лозунгом «Догнать и перегнать капиталистические страны».

А в мире в это время уже сгущались тучи. Враги не отказывались от планов удушения первого социалистического государства рабочих и крестьян и открыто поставили на германский фашизм. Провокационный поджог рейхстага, захват власти в Германии Гитлером – вот их ответ на наши предложения мирного соревнования.

Арест фашистскими головорезами славного борца-интернационалиста Георгия Димитрова и учинённый над ним позорный процесс всколыхнули весь мир. Мужественный голос Димитрова с трибуны судилища с разоблачением кровавых планов «нового порядка» призывал к бдительности и активной борьбе всех честных людей на земле против заговора новых завоевателей.

Короткая мирная передышка была под угрозой. Восхищаясь беспримерным мужеством борца-коммуниста, окружённого палачами-судьями, коммунары на митинге выразили гневный протест против фашистского произвола и присоединили свои голоса к требованию освободить Георгия Ди-

митрова. Постоянно следя за процессом, мы понимали, что его жизнь в смертельной опасности, что он стоит на самом рубеже борьбы лицом к лицу с жестокими врагами всех трудящихся. Какова же была наша радость, когда узнали, что он победил, что они не смогли сломить его волю, удерживать в застенках и позорно отступились.

В обстановке нарастающей грозы наша военизация из игры превратилась в реальную военную подготовку. Осваивали парашютное дело, с площади футбольного поля взлетали планёры, продолжалась подготовка кавалеристов. На базе нашего автопарка проводились групповые занятия практической езды на автомобиле. На регулярных стрельбах из боевых винтовок добивались звания «ворошиловского стрелка». Массово сдавали нормы по комплексу ГТО, изучали ОВ и систему противогазов. Проводили военные игры на местности.

Мы понимали, что в случае войны – первый удар обрушится на нашу страну, на всех нас, и к этому готовились. Подросло новое поколение молодёжи, готовое защищать завоевания Октября. Заметно подросли и мы, коммунары «дзержинцы», готовые хоть сегодня в солдатский строй.

16. РАССТАВАНИЕ

Пришёл и мой день разлуки с коммуной. Ночью я плохо спал. Непрерывной вереницей текли воспоминания, одолевали бесконечные думы. С рассветом встал и вышел во двор. Захотелось развеяться и побыть одному, чтобы в последний раз обойти дорогие сердцу уголки и попрощаться с ними. Чувство восприятия окружающего обострялось. То, чего раньше не замечал, стало отчётливо выпуклым. В лесу набрёл на муравейник. Крохотные насекомые строили дом, двигались по своим тропинкам в разные стороны, тащили непосильный груз, укладывали его в лабиринты, снова возвращались и так без конца. Это их жизнь, способ общения, законы...

На верхушке дуба стрекочет непоседливая сорока. Быть может, завела прощальный разговор? Кто знает? На спортплощадке когда-то играли в бабки, в лапту. У ямы для прыжков обратил внимание на опорную доску. От времени она просела в грунт, покрылась трещинами. Сколько раз наступал на неё и не видел! С пригорка осмотрел дымчатую долину. Там где-то петляет под зелёным шатром любимая речка с нашей рыбалкой. Сколько пережито здесь счастливых часов! Дорога на взгорье совсем не изменилась. По ней в тот памятный вечер мы шли с дядей Игнатом в коммуны. Где он теперь?

Занимался обычный трудовой день. Всё так же спешат коммунары на работу, становятся к станкам. Заполняется разноголосыми шумами, движением, ребячьими голосами наш завод. Невольно и меня потянуло к станку. Зашёл в цех. Мастер Кушнир, как всегда, проверяет наладку нашей группы

«Гильдемейстеров». Но на моё место уже поставлен Сеня Стомахин. Он моложе и подражает мне, как старшему брату. Подвижный и смекалистый, он умел хранить «тайны». За преданность я полушутя называл его своим «поверенным в делах». Прощаясь, мы обещали не терять друг друга в жизни.

Конечно же, подошёл попрощаться к нашему бригадиру Алёше Землянскому. «Робеспьер» знал о моём отъезде, встретил улыбкой:

– Ну, как, ваньки-турки, отцаревались и с престола долой? Ну, давай, пробивайся! А помнишь мою баню? И худющий ты был, как шкапа! Мозоли с тебя натёр!

Он обошёл меня вокруг и хлопнул по спине:

– А теперь, ваньки-турки, выкохался, як той дуб!

Сменив настроение, добавил:

– Ты не забывай нас, пиши, как там устроишься. Если будет туго, то не срывайся. Поможем!

Протянув на прощание руку, скомандовал:

– По коням! Шашки к бою! Рысью в атаку – ма-а-рш!

Обойдя цех и попрощавшись с мастерами, рабочими и коммунарами-товарищами, я нанёс прощальный визит педагогам: Татаринovu, Терскому, Пушкинову, Магуре, Березняку, Левшакову, Рубану и другим, боясь кого-нибудь обойти.

Милые, добрые люди! Это вы подняли и поставили меня на ноги! Это вы теплотою своих сердец обогрели мне душу, научили любить жизнь! Это вы воспитали, дали образование, специальность!

Вы сделали всё, чтобы с гордостью сказать: он стал человеком!

Низкий поклон всем вам и вечная моя благодарность!

В смятённой душе и радость и щемящая боль. Всё обозримое окружающее, подвластное моим восприятиям, было дорогим и близким – родным домом: и шатёр голубого неба, и сад, и лес, и поля, и площадки, и дорога, которую мы полюбили, и великолепные здания и притихшие воробьи на карнизе...

И как же всё это останется без меня и ничто не изменится?

Эта жизнь неумолимо ускользала от меня за незримую черту, когда уже нет входа и никогда не будет. Туда ушла неповторимая пора детства...

В эти минуты раздумий, на грани настоящего и перед устремлением в будущее, явилась мысль: почему мы сами подгоняем жизнь? Зачем спешим и стремимся в будущее, не успеваем оглянуться, чтобы оценить прекрасное сегодня!

Ещё вчера я и мои товарищи были воспитанниками детского дома. А сегодня – мы студенты вузов и училищ, с документами, удостоверяющими личность!

И я получил свидетельство об окончании рабфака с хорошими оценками по предметам, характеристики педчасти и комитета комсомола, справку о производственной квалификации слесаря-инструментальщика 5-го разряда, спортивные дипломы, грамоты и значки.

Это не казённые бумаги, дающие лишь юридическое право на гражданство и путёвку в жизнь. Нет, они живые свидетели и заключительный итог огромной работы учителей, инженеров, мастеров, рабочих и старших товарищей – командиров и бригадиров.

Окончив прощальный обход, я пришёл в свою комнату, чтобы уложить чемоданы. Я с тяжёлыми чувствами укладывал выпускное «приданое», любимые книги и дневники, фотографии, памятные сувениры, боксёрские перчатки и кавалерийские шпоры, письма, либретто просмотренных театральных программ. В каждой вещи дорогие сердцу воспоминания.

За этим занятием меня застал Коля Гонтаренко, мой друг, напарник по спорту, теперь коллега по институту. Вместе с ним избрали для дальнейшей учёбы Горьковский институт инженеров водного транспорта им. В.М. Зайцева. Вместе с ним успешно сдали вступительные экзамены и зачислены в список студентов:

– Где ты бродишь, моя доля? Целый час ищу тебя. Иди к Антону Семёновичу, он ждёт.

– А ты?

– Я уже простился. Чемоданы вынесу сам.

Не сговариваясь, присели, помолчали. Из-за тучки выглянуло солнце и осветило нашу спальню. Теперь пора. Последний взгляд и мысль: как здесь было тепло!

Антон Семёнович встретил просто.

– Хотел сказать тебе многое, но передумал. – Он закурил и сел на диван, пригласил и меня сесть рядом. – Откровенно говоря, я не совсем доволен твоим выбором, у меня были другие планы. Он замолчал.

– Какие, Антон Семёнович?

– Учиться бы тебе в Литературном институте. Есть у тебя способности к этой работе.

– Но ведь сначала надо набраться опыта, увидеть жизнь...

– Тоже правильно. Но ведь жизнь рядом. Вглядывайся, изучай, а без теории трудно. По себе чувствую.

Я смутился. Антон Семёнович и раньше говорил, что у меня есть задатки литератора, но я принимал это как незаслуженный комплимент.

Заметив моё смущение, Антон Семёнович похлопал по плечу и улыбнулся.

– Не тужи. Начинать никогда не поздно. Если потянет к бумаге – собщи. Это верный признак. Я помогу. Коммуна поможет. Он поднялся с дивана и подошёл к столу.

– Забирай. Твои сбережения. Только не транжирь. Живи с умом.

Возле денег лежала моя сберегательная книжка. Эти книжки он изготовил и вёл сам, аккуратно записывая ежемесячные вклады из отчислений от заработка.

В эти минуты мне было вовсе не до денег. Я растерянно держал и деньги и книжку, не зная, куда их деть.

Он повернулся к окну, дымя папиросой. В наступившей тишине я слышал стук своего сердца.

На площадку собирались провожающие. Подошла «Эмка» и подала сигнал.

– Ну, давай, пора отправляться. Он подошёл ко мне, крепко прижал к себе и расцеловал.

Не избалованный нежностью, тем более его, я не мог сдвинуться с места. Я понимал, что он любил нас, но нежен он был только с малышами. И вот сейчас я с глухой тоской осознал, что расстаюсь с отцом, с мудрым учителем, самым дорогим для меня человеком!

В горле засвербило. Столько было слов, но из всего, что кричало и билось в сердце, я только и мог, что с трудом выговорить: «До свидания, Антон Семёнович. Спасибо вам за всё. Никогда вас не забуду!»

– Ну-ну, успокойся, мы ещё встретимся. До свидания, и будь счастливым!

Он крепко пожал мне руку, и я вышел из кабинета, плохо соображая.

У крыльца нетерпеливо гудела мотором «Эмка», Боярчук торопил и нас, и провожающих. Последние объятия, прощания. Машина тронулась, и всё осталось позади. До свидания, родной дом! Прощай, детство!

Конец первой книги.

Приложение

ЛЕОНИД КОНИСЕВИЧ И ЕГО ДРУЗЬЯ – ПУТИ И СУДЬБЫ

Записки Конисевича — это, несомненно, записки историко-документальные, свидетельство очевидца-участника одного из крупнейших ЯВЛЕНИЙ нашей отечественной истории. В них рассказано о событиях очень многих и разноплановых, упомянуты десятки людей, пути и судьбы коих так или иначе переплетены как с судьбою самого Леонида Вацлавовича, так и с деятельностью его великого Отца-Учителя Антона Семёновича Макаренко.

Но если о жизни и творчестве педагога-писателя мирового звучания знаемо много, то меньше — о судьбах его воспитанников. Вообще-то совсем отдельный разговор возможен о коллегах-соратниках Антона Семёновича. Он в этом уникален — в умении отбирать-подбирать соратников, выстраивать композицию педагогического коллектива, воспитывать-выращивать не только детей (колонистов, коммунаров), но и педагогов различного профиля.

Примерно три тысячи детей и подростков с изломанной судьбой, зачастую лишённых детства, прошли за 32 года через его человеческое сердце и педагогические руки. То, что среди этих тысяч нет ни одного человеческого брака — рецидива преступности, предателя, подлеца, лентяя — это, наверное, самое убедительное подтверждение значимости и эффективности его педагогической системы.

Потому-то и возникла мысль: в книге воспоминаний-размышлений одного из его воспитанников рассказать читателю и о них самих.

Предмакаренковские, т.е. предколониистские иль предкоммунарские годы у большинства похожи: неполная семья иль сиротство, бродяжничество,

кочевье по детдомам и приёмникам. Потому о них расскажу поменее. А вот о жизни в макаренковском коллективе и особенно о последующей судьбе, об этом мой рассказ. Начну с самого Л.В. Конисевича, ибо в его ЖИЗНИ есть такое, о чём лучше поведать извне – об иных его подвигах-достижениях ему самому молвить неудобно; по крайней мере, много десятилетий зная Леонида Вацлавовича, утверждаю: о многом из скромности он умалчивает.

Среди друзей-товарищей по макаренковскому сообществу, о коих рассказываю ниже, люди разные. Колонист-горьковец, а потом педагог-дзержинец и самый выдающийся последователь Макаренко. Переданный в коммуну из колонии им. Короленко, один из малышей, а потом строитель Комсомольска-на-Амуре и директор авиазавода. Любимец Терского, воин, педагог с полувековым стажем, трудящийся в школе по сю пору. Ещё один «комсомольчанин», известный в коммуне и в Комсомольске футболист, впоследствии художник по дереву и чемпион по шашкам...

Роднит их общий старт в большую жизнь в коллективе, созданном Макаренко, и верность коммунарским идеалам, верность Делу Учителя-Отца. У каждого на долгом жизненном пути бывали трудности и даже невзгоды, но воспитанные в макаренковском коллективе трудолюбие, принципиальность, верность девизу «Не пицать!» помогли каждому из называемых, равно как сотням других, всё выдюжить и достойно пройти по жизни самому, воспитать и провести по жизни детей, а иным – уже и внуков.

Говорю о сотнях потому, что имел счастье знать, почитать, семьсот-восемьсот из них – колонистов, коммунаров, соратников-педагогов и литераторов, а то и учеников Макаренко – школьного педагога.

Думаю, имею моральное право говорить так обобщённо, ибо знаю детей и внуков очень многих макаренковцев. И дети – «состоявшиеся», и внуки – «получившиеся».

МОРЯК. ПЕДАГОГ. ЛИТЕРАТОР

Леонид Вацлавович КОНИСЕВИЧ – как и все воспитанники Макаренко – человек непростой, трагической в раннем детстве судьбы. Оставшись полусиротой – с полуслепым отцом, на руках которого были младшие дети, он двенадцатилетним мальчонкой покинул родной очаг, чтобы облегчить жизнь семьи. Изведал вкус судьбы беспризорника.

Попав в коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (красочное описание этого дебюта вы прочитаете у самого Конисевича), он быстро освоился в коллективе, получил скоро звание «коммунар», стал заместителем командира отряда, затем и командиром, наконец, — знаменосцем коммуны. А то была честь наивысшая и доверие всеобщее.

Человек разносторонних способностей и форм их приложения. Редактор рукописного журнала коммуны. Корреспондент всех стенгазет — «Дзержинец», «Резец», «Шарошка». Легкоатлет, боксёр, борец и кавалерист. Описания его спортувлечений и тренировок, почитай, — одни из самых ярких в записках Леонида Вацлавовича.

Обладатель значка ГТО № 228 — считайте, Конисевич один из первых в стране обладателей столь значимого в предвоенное время значка «Готов к труду и обороне». Участник знаменитого в то время лыжного перехода Харьков–Мерефа, коим руководил другой герой моих заметок Семён Афанасьевич Калабалин, бывший тогда педагогом физического воспитания в коммуне.

Юноша, очень много читавший и узнавший из книг, в том числе о море и морях. Тяге к морю, дальнейшему выбору профессии способствовала, конечно, многолетняя дружба коммуны с экипажем крейсера «Червона Украина» — тогда флагманом Черноморского флота. Коммунары, известно, бывали гостями крейсера, военморы приезжали в коммуну. Совсем не случайно военными моряками стали многие: В. Цымбал, впоследствии Герой Советского Союза, П. Чеслер, Д. Чевелий, Ж. Лиф, И. Яценко, Б. Парфён, В. Богданович (морской лётчик), Б. Пенкин.

Любовь к морю и «морским» профессиям воспитывалась и системой ежелетных дальних походов-экспедиций, известно, за счёт заработанных в течение года средств. Маршруты пролегли по Волге и Северскому Донцу, на Азовское море и в Крым... Пароходные рейсы, встречи с экипажами боевых кораблей и теплоходов, с тружениками портов, выступления с концертами прямо на палубе, купание, состязания по плаванию, ватерполо, перетягивание каната.

Обо всём этом можно прочесть и в чудо-описании Конисевичем Крымского похода 30-го года.

Щемяще-трогательна сцена последнего разговора-прощания с Отцом-Учителем. Вызов «К Антону!» И непростая беседа. Антон Семёнович: дорога твоя в Литинститут. Леонид: поеду в Горьковский инвдохз.

Вспомним слова из макаренковской характеристики Конисевича: «Дисциплинирован, честен, способный и восприимчивый человек, прекрасный товарищ, горячо преданный коммуне. Обладает литературными

способностями, но сознательно избирает дорогу инженера». Узнав решение воспитанника окончательно, упрекнул Леонида в письме: мол, захлестнула тебя романтика моря.

Первая попытка «свидания с водой» в том горьковском институте завершилась неудачей, и Конисевич вернулся в коммуны. И такое случалось... Макаренко никогда не упрекал ребят, убедившихся в ошибке, принимал в коллектив, помогал и далее. Но та самая «романтика» всё же перетянула, и отправился Леонид вместе с Глебовым в Одесскую мореходку – училище по подготовке штурманов дальнего плавания.

Не без трудностей прошли годы учёбы. Первые учебные плавания. Первое назначение. Первый рейс по Черноморью. Первая «загранка».

...1936 год. Спецрейс теплохода «Курск». Как выяснилось значительно позже, со спецзаданием – на борту тяжёлогруженные контейнеры, группа юных бодрых пассажиров. Уже в далёкой Барселоне поняли: то части разобранных самолётов и те, кому предстояло сесть в кабины «курносых»... Во время огненного рейса попадали под эскорт чужих кораблей, подлодок, и под обстрел в порту Аликанте, когда «Курск» был прикрыт вставшим борт-оборт аргентинским кораблём с капитаном-антифашистом во главе.

Приняв на борт другой, тоже, видимо, сверхважный груз, «Курск» лёг на обратный курс. По возвращении на родину все участники огненного рейса были награждены правительственными наградами. Леониду Конисевичу вручили орден – «Знак Почёта» № 400, посеребрённый. Ордена – гражданские: ведь шли на гражданском корабле, суть задания тогда не афишировалась.

21 апреля 1937 года в лекции Антон Семёнович рассказал о первом из воспитанников, получившем орден: «Три дня назад я получил письмо от своего бывшего воспитанника, которое меня очень растрогало. Он пишет, что за один свой подвиг, сущность которого он в письме рассказать не может, но который заключается в том, что он не дрогнул перед смертью, за этот подвиг он получил орден. Он мне об этом сообщает и благодарит. Говорит просто: спасибо Вам за то, что Вы нас научили не бояться смерти... Может быть, он от природы храбрый человек, но уверенность в том, что храбрость есть достоинство, которому его научили, благодарность за такую науку – всё это качества нашего нового социалистического общества. Когда он пишет, Вы меня научили, то он благодарит не меня лично, а Советскую власть, коллектив дзержинцев, который ему это свойство дал».

Потом Конисевич плавал на Дальнем Востоке, в годы военные участвовал в высадке десантов на Парамушир и Сахалин. Создал на Камчатке, в селе Паратунка детский дом, первым из воспитательных учреждений страны получивший имя Макаренко.

В 50-е годы Леонид Вацлавович вернулся на украинскую землю и создал на Киевщине пионерский лагерь «Алмазный» – это чудо-сад с системой прудов разного уровня и своей пионерской флотилией, с деревьями ценных пород и роскошными многогектарными цветниками. В лагере вовсю развернулось подлинное самоуправление, он стал известен и за пределами страны, сюда часто приезжали иностранные гости, дети многих стран отдыхали в «Алмазном».

Четверть века Конисевич был начальником лагеря. Уйдя на пенсию, остался там садоводом-агрономом и организовал ежедневный сельскохозяйственный производительный труд. Уникальный в наше время опыт. Каждый день ребёнок выбирает себе один из пяти объектов труда – сад, огород, теплицы, парники, цветники – и, войдя в сводную трудбригаду, работает поутру – малыш по полчаса, старший – по часу-полтора. Каждому по руке есть инструментарий (лопаты, тачки, грабельки, садовые ножницы и т.п.). Ход и итоги работы тотчас объявляются по радио и в чудесных, неповторимых конисевических сводках от руки. Победители трудового соревнования награждаются ежедневно и по окончании лагерной смены. А плоды труда своего дети буквально «пожирают», то бишь пожинаят, ибо всё попадает на их стол. Кроме того, в августе закручиваются до трёх тысяч банок «алмазовского» яблочного компота – его поедают те, кто приедет зимою иль на будущий год. Рассаду цветов, помидоров и т.п. дарят детским учреждениям Бориспольского района, продают в местные хозяйства. Тут всё от Макаренко и по Макаренко: цель труда ясна каждому, дозировка, чередование видов деятельности, сводная бригада, выборные бригадиры и агрономы. И радость труда, которую я имел счастье видеть своими глазами, ибо один летний сезон с бойцами сводного Макаренкоовского педотряда «Мыслитель» поработал в «Алмазном» у Конисевича-агронома.

Работал он с раннего утра до позднего вечера, а вечерами... вечерами писал свои воспоминания, которые мы там – практически уже ночью и читали главку за главкою.

Первую книгу Л. Конисевича – «Большая семья», в которую вошла лишь малая часть его воспоминаний, с огромным интересом прочитали макаренкоовцы и макаренковеды, все, кому дорого дело воспитания...

Самое знаменательное: стал-таки Конисевич литератором, как предсказывал его учитель, уловив, спрогнозировав тогда ещё литературные

здатки и склонности юноши. Будучи в «Алмазном», мы удивлялись-восхищались: как это у него хватало времени и энергии на возню с детьми разного возраста, и на нелёгкий писательский труд по созданию книги «Нас воспитал Макаренко».

Злоупотребляя цитированием, не могу всё ж не привести письмо самого Конисевича Антону Семёновичу, написанное тоже в конце 30-х:

«Вспоминаю наш разговор в кабинете, когда я отказался от университета, предпочитая морской техникум. Я тогда решил, что техникум не цель, а средство. Мне очень хотелось быть студентом университета, но с ещё большей силой тянуло посмотреть мир, чего я уже добился. Теперь должен поступить в университет и окончить литературный факультет. Я не хочу покоя, я должен двигаться, как всё вокруг нас, чтобы, остановившись, не упасть... Нет, я не останавлиюсь и не упаду... Упасть может лишь одинокий, а я горячо люблю свою родину, свой великий народ, гигантов мысли и дела, которых он родил, взлелеял и по заслугам вознёс. И где бы я ни был, в далёких океанах и странах, – родина и народ становились для меня только ближе и роднее. Этому тоже Вы научили нас, Антон Семёнович. И Вы за нас не бойтесь, мы «попищать» можем, но победа будет за нами. Это я твёрдо знаю».

Победа всегда была за ним. И во время многолетней работы – плаванья на кораблях гражданских, и в дни боёв с японцами, и в «Алмазном», и во время съёмок фильмов «Макаренко сегодня» и «А.С. Макаренко – педагог, писатель, гражданин», где он вдохновенно пел песни своей молодости и любимые современные песни. Когда поёт, по-детски радостно сияют его глаза. Как сияют они, когда он возится с ребятей, руководя спасательной станцией на Днепре. Снова – морская форма, опять подготовка судов к выходу в рейс, вода, правда, не морская, речная, но всё ж...

Счастье Конисевича – это и сотни его воспитанников, и тысячи читателей, и сын Виктор – талантливый артист, тоже герой фильма о Макаренко.

Годы идут. Как и других макаренковцев, появляются у Леонида Вацлавовича проблемы со здоровьем.

Но, как прежде, изумительны его рассказы-воспоминания о коммуне и Макаренко, как прежде он активен в делах Ассоциации Антона Макаренко, членом правления которой избран на её Учредительном съезде.

Завершая этими страничками книгу воспоминаний самого Леонида Вацлавовича, завидую вам, дорогие читатели: ведь вы читали ЭТО впервые.

ВОСПИТАННИК. СОРАТНИК. ПРЕЕМНИК

Семён Афанасьевич Калабалин (Карабанов в «Педагогической поэме» Макаренко, одноимённом кинофильме) – одна из самых ярких личностей

среди воспитанников и соратников великого педагога. О нём многое рассказано не только самим Макаренко, но и Ф. Вигдоровой в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка», в «Большой семье» Конисевича, в автобиографической книге Калабалина «Бродячее детство».

Однако – такова уже была та натура – новые поиски, анализ архива Московского музея А.С. Макаренко открывает всё новые странички, факты, детали, дополняющие так, кажется, хорошо известный портрет Калабалина-Карабанова.

Он был одним из первых колонистов-горьковцев, судьба его и в колонии складывалась непросто. Сызмальства привыкший к «вольной жизни», успевший походить с одним из многих тогдашних украинских «батьков», он был взят Антоном Семёновичем из-под стражи в ожидании суда. Одно время поддерживал в колонии бандита и убийцу Митягина, покинул колонию в знак солидарности с ним, когда Макаренко прогнал Митягина. Каждому знаком эпизод с крупной суммой денег, которую доверил Макаренко получить юному Семёну, вручив к тому же и револьвер для самоохраны. Это – бандиту. То был один из примеров метода «взрыва»: доверие окрылило юношу. Он всё более выдвигался в авангардные ряды горьковцев.

«Карабанов во время работы умел размахнуться широко и со страстью, умел в работе находить радость и других заражать ею,– писал Антон Семёнович. – У него из-под рук буквально рассыпались искры энергии и вдохновения. Из него выходит убеждённый сторонник переделки человека, об этом он всегда страстно мечтает».

Не широко известно: в конце 20-х колонист Калабалин, окончив вуз, становится педагогом физической культуры уже в коммуне им. Дзержинского, куда, известно, вместе с Макаренко и 70 горьковцами, перешли и большинство педагогов колонии.

Семён всегда был физически развит, занимался многими видами спорта, к нему тянулись ребята, особо пацаны. Потому, когда определялась профессиональная судьба очередных горьковцев-выпускников, Антон Семёнович и предложил ему эту стезю – учебно-физкультурную работу.

Нельзя не отметить исключительный талант Калабалина в подготовке и осуществлении коммунарских походов. И здесь он был продолжателем Антона Семёновича, так много отдавшего сил на его человеческое становление.

Вот такого человека – сильного, умного, мастера на все руки – ноги, прекрасного гимнаста и всадника, строевика и «военспеца», Антон Семёнович первым из своих воспитанников и благословил на самостоятельный педагогический путь. Потом будут и другие педагоги – школьные и внешкольные, военные, физкультурно-спортивные, как Вера Павлова-Раевская, прошедшая путь от капитана знаменитой в то время в Харькове волейбольной команды коммунарок до специалиста вуза. Семён же был первым. Впрочем, был не один...

«Появилось в колонии существо донельзя чернобровое и черноглазое» – повествует Макаренко в «Педагогической поэме» о Гале Подгорной-Черниговке, которую привёл в колонию Семён. Предстала она перед общим собранием: принимать? С присущим ему юмором Макаренко рисует эту картину, которую пересказываю архикратко.

ССК Лапоть (Лапотецкий в жизни) огорошил вдруг Галину:

- «Отче наш» знаешь?
- Ни, – ответила Галя.
- А «Верую» знаешь?
- Ни, – ответила та.
- А Днепр переплывёшь?
- Да, – ответила Галина, и её приняли.

Много лет спустя спросил Галину Константиновну, по-прежнему красивую: «Вы так хорошо плавали в юности?».

– Та нет же. Я вообще плавать не умела, но он мне так надоел, подумала: всё «ни» да «ни» – вообще не примут, возьми и скажи: «Переплыву», а как им проверить: мы-то в Харькове, а Днепр далеко?..

Галина-Черниговка скоро освоилась в коллективе. Они с Семёном любили друг друга, поженились. И на самостоятельную работу из коммуны отправились вместе. Так что к ним обоим относятся слова Макаренко: «Так и пошёл Семён Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семёну жребий труднее, чем всякому другому подвижнику»: когда начали работать, их первенца, коему шёл третий годик, зарезал воспитанник...»

Всего у Калабалиных было 12 детей своих и приёмных. Все стали педагогами, ныне учителями становятся и внуки. Свыше 30 лет Семён Афанасьевич и Галина Константиновна вместе работали в двенадцати воспитательных учреждениях под Киевом и Ленинградом, в Виннице, Полтаве, Москве и Грузии. А во время войны Галина Константиновна без Семёна, но с сестрою Ольгой Константиновной Паскаль работала в детдоме, эвакуированном из столицы на Урал.

И каждый раз супруги принимали запущенные детдома, и каждый раз выводили их на светлую дорогу. Талантливый от природы (Макаренко утверждал: он сам не был талантливым педагогом, и лишь десятилетиями

труда добился мастерства, а вот кто был талантлив от природы как педагог, так это – Калабалин), много перенявший от своего Отца-Учителя, Семён Афанасьевич буквально творил чудеса, в короткое время при помощи макаренковского метода «взрыва» преображая коллектив. Умело использовал тонкое знание психологии ребёнка, свои разносторонние способности: спортсмен, плясун, лучший шахматист среди макаренковцев, артист высочайшего класса, а Макаренко считал: педагог должен быть и актёром.

...Только что приняв первый детдом и отлучившись в город за хлебом, узнал по возвращении от Галины: все как один ушли. Вскочив на коня, а всадник-то он отменный – галопом поскакал наперерез и возле моста совсем было догнал всю ораву, но конь вдруг споткнулся, и Семён, перелетев через его голову, распластался в придорожной пыли с гримасой боли и «сломанной» ногой.

Что делать беглецам? Всё ж жаль человека. Лошадь взяли под уздцы. Семёна – на руки, и донесли до детдома. Тут он вскочил на ноги и лихо сплясал цыганочку. Поражённые двойным артистизмом надо же так изобразить боль! – ребята все как один остались в детдоме, и стали ходить за Калабалиным гурьбой.

...Под Ленинградом вновь назначенного директора решил проверить некто Король – король питерских карманников, и выпустил из загона трёхлетнего бычка. Семён Афанасьевич тем временем держал речь перед строем детдомовцев и почувствовал вдруг неладное. Оглянулся: бык шёл прямо на него с налившимися кровью глазами. Тогда он взял быка за рога и... поставил на колени. Надо ли говорить, что авторитет у пацанов был тотчас завоёван, а провокатор посрамлён.

...В Барыбинский детдом никто не хотел ехать, сменились четыре директора подряд; проводившие весь день на крыше воспитанники проигрывали в карты имущество и девочек, играли «на воспитателя» – проигранного прогоняли сквозь пруточный строй в коридоре. Когда сюда привезли Калабалина, тот сказал:

– Мне нравится. Остаюсь, но при двух условиях: месяц – никаких проверок, даже если услышите, что меня убили или я кого убил, и уволить всех воспитателей – наберу новых сам.

Условия были приняты. Собрав остатки персонала – уборщиц, сторожа, повара, истопника, – произнёс вдруг:

– Дармоеды, надо начинать работу. Будем таскать им пищу на крышу.

И понесли. Те, позавтракав, побросали миски вниз. Пообедали – вновь побросали. Поужинали... А наутро, когда вновь «официанты» доставили завтрак на крышу, все спустились, грудой вошли в кабинет:

– Не имеешь права заставлять есть на крыше.

– Спускайтесь, – произнёс спокойно Семён Афанасьевич.

Спустились, и конфликты были окончены, картёжники исчезли.

В годы ещё предвоенные и тем более послевоенные его знали как страстного пропагандиста наследия своего учителя. Слушать Калабалина можно было буквально часами. Он без усталости и без перерыва говорил час, другой, третий... Находчив был фантастически.

...На одной из лекций молоденькая учительница спросила:

– Что бы Вы сделали на моём месте: вошла впервые в класс, поздоровалась, а они в ответ дружно хрюкнули?

– Не знаю, что бы я сделал. Возможно, хрюкнул бы в ответ. Это отнюдь не совет Вам: я бы хрюкнул так, что они бы на всю жизнь зареклись. У Вас же может получиться визг поросятчий. Возможно, вообще не прореагировал бы на них, но после первого ответа удовлетворённо прохрюкал бы пять раз: мол, пятёрка. Не знаю, что бы я сделал, но что-то я бы сделал обязательно.

Он так и поступал, часто интуитивно, но всегда эффективно. ...Как-то много лет спустя после коммуны попал Калабалин в Харьков. Директор одной из школ попросил зайти в свою школу:

– Понимаете ли, у нас один седьмой класс – ненормальный: учитель входит в класс, а все ученики... стоят на партах, и пока он каждого усадит, времени на контрольную уже не остаётся.

Что вы мне посоветуете?

– А какой у них сейчас урок?

– По расписанию география, но учитель заболел, так что Вы сможете с ними основательно побеседовать.

– Нет, просто скажите, что урок проведёт новый географ.

– Предупредить, что Вы – ученик Макаренко и всё можете?

– Нет-нет, просто – новый учитель.

Когда Калабалин открывал дверь, волновало одно: сидят или стоят? Коль сидят, то утверждать: вы, мол, кажется, раньше стояли на партах – бессмысленно. Скажут: нет. Вошёл – стоят! Тогда он встал на стул перед учительским столом и начал урок – переключка, беглый опрос с мест. Один, видимо, зачинщик, поняв, что их просто разыгрывают, начал было опускать ногу, но услышав резкий окрик «СТОЯТЬ!», так и застыл с ногою на весу. Рассказав новый материал, «учитель» произнёс:

– А теперь запишите, пожалуйста, домашнее задание...

В кабинете директора завязалась беседа о Макаренко, колонии, коммуне. Прозвенел звонок. Вошёл взволнованный учитель черчения:

– Николай Михайлович, что-то в 7а случилось: все сидят...

Разговор о проблемах макаренковедения продолжался. Через 45 минут в кабинет влетела учительница иностранного языка:

– Товарищ директор, семиклассники почему-то сидят... Тогда уж директор, не выдержав, обратился к Семёну Афанасьевичу:

- Почему это они сидят?
- А Вы что, хотите, чтобы они по-прежнему стояли на партах?
- Нет-нет, но мне по секрету: что вы им **сказали**?
- Честное слово, коллега, я им ни слова не сказал, — отвечивал

Калабалин.

Когда съехавшиеся со всей страны макаренковцы хоронили своего «Антон», которого так и называют по сю пору Отцом, то Семёну поручили снять с груди Макаренко орден Трудового Красного Знамени, что успели вручить Антону Семёновичу месяц назад. А прощальное слово от имени трёх тысяч людей, прошедших через педагогические руки и человеческое сердце Макаренко, произнёс А. Тубин: «Я один, для которого у Антона Семёновича не нашлось доброго слова ни в одной его книге: обо мне написано лишь отрицательное. Когда он прогнал меня, лишь тогда я понял, до какой же степени я пал, и решил стать человеком»...

Ясно, каким человеком стал Тубин, если ему доверили сказать последнее слово перед гробом отца-учителя-друга...

Когда началась война, решено было использовать Тубина и Калабалина не просто на фронте, а для выполнения серьёзных спецзаданий в тылу врага. При выполнении одного задания самолёт, на котором Тубин направлялся в глубокий тыл фашистов, был подбит и упал на дно озёра в Финляндии.

После соответствующей подготовки и Калабалина в составе спецгруппы выбросили далеко за линией фронта. Он прыгал последним, его парашют отнесло в сторону, к тому ж при приземлении Калабалин сломал ногу (на сей раз вправду), отстреливался от окруживших его карателей, истратил боезапас и тяжелораненым попал в плен. Далее концлагерь, неудачный побег. Снова лагерь и снова побег. Не ушёл. С перебитыми руками — ногами, поднятый на дыбу, под страшными пытками он даёт наконец давно желанное фашистами согласие работать на абвер.

Спецшкола под Варшавой — полный курс подготовки абверовца. Перевоспитание в знаменитую — под рукою самого Канариса — школу Вилли-2 под Кёнигсбергом. Фашистское командование решило использовать

выносливого и смекалистого, хорошо знающего немецкий язык русского в качестве инструктора. Педагогические способности Семёна проявились и здесь: одна за другой группы подготовленных им диверсантов, в основном из военнопленных, забрасывались в советский тыл, пройдя у него подготовку.

Наконец, было решено и его самого направить на задание во главе семёрки, забрасывающейся в Горьковскую область. Тот день памятен всей семёрке. Вылет чуть-чуть не отложили по каким-то неведомым причинам. Наконец, взлёт. Линия фронта. Выброска в районе Арзамаса...

Явочная квартира была на окраине Горького, на берегу Волги. Два с половиной года деятельности Калабалина в качестве резидента абвера по Горьковской области, где находились военные заводы, места формирования резервных армий, да и Волга – стратегически важная артерия...

Лишь осенью 44-го Семёна Афанасьевича пригласили в обком партии, сказали: «Спасибо, здесь Вы более не нужны!». Дали орден Отечественной войны I степени и... детский дом испанских детей в Подмоскowie, где он директорствовал до мирного времени.

Хорошо зная жизненный путь, характер, способности Калабалина, много лет общаясь с ним в содружестве макаренковцев, в залах собраний-семинаров и за шахматной доской, ясно представляю, как тонко, умело сыграл он роль мечущегося под пытками предателя, инструктора абверовцев, резидента. Обыграл своих шефов из абвера, как говорится, вчистую. Как отменный шахматист, он продумывал, обосновывал каждый свой ход, предупреждая замыслы противника. Как педагог, умело готовил «диверсантов», перевербовывая одних, нейтрализуя других. Как всесторонний спортсмен выдержал столько нагрузок-перегрузок. Как актёр великолепно сыграл роль абверовца. Даже Галина Константиновна до середины 70-х не знала, за что получил орден Отечественной войны её Семён.

Их совместный педагогический труд завершался в ставшем знаменитым Клемёновском детском доме Егорьевского района Московской области. И здесь Калабалин оставался верен себе – мастерски преобразил ребячье самоуправство в соуправление, создал, конечно, вместе с Галиной Константиновной – сердцем коллектива, образцовое учреждение, где было всё в комплексе и в развитии.

Однажды приехал к нему с группой студентов пединститута. Прервав беседу, Семён Афанасьевич, выглянул в окно и прокричал вдруг в форточку:

– Петюнька, скажи этому противному снегу, чтобы он отстал от твоего прекрасного пальто!

И надо было видеть, с каким остервенением третьеклассник очищал самое обычное детдомовское пальтишко от налипшего снега. Да, артистичность была присуща всей натуре Калабали-на-педагога. Когда он ушёл из жизни, детдом, носящий ныне имя Калабалина, приняла Галина Константиновна – заслуженный учитель школы, кавалер ордена Ленина.

Его ученики, бывающие-выступающие на московских Макаренковских средах, под стать своему учителю – стройны, крепки, детолюбивы.

КОМСОМОЛЬЧАНИН. ФУТБОЛИСТ. ДИРЕКТОР

Игорь Иванович Панов – из немногих воспитанников, выведенных в книгах Макаренко под собственной, ни на букву не изменённой фамилией: «Исключительные способности, живой характер и искренность давно выдвинули его в первые ряды. Совершенно честен, очень развит, интеллигент, что не мешает ему быть хорошим токарем. К недостаткам нужно отнести наклонность к резонёрству. Политическое воспитание по отношению к Панову было не таким лёгким делом, сейчас он абсолютно устойчив в убеждениях», – то макаренковская характеристика из числа тех, что он написал для группы выпускников-студентов Харьковского машиностроительного института.

Да, Панов всегда был **вместе** с самыми передовыми коммунарами. Во втором отряде дзержинцев – с Волченко (тогдашним ССК), Камардиновым, Ширявским, Буряком, Конисевичем, Семенцовым. В период, когда очередной из многочисленных комиссий показалось, что коммунарам скучно в коллективе, Макаренко писал: «Но весело Панову, Конисевичу, Оноприенко, Семёнову, Куксову, Богдановичу...». С последним, перешедшим с Макаренко из колонии им. Горького, довелось Игорю поработать на одном станке. У Макаренко: «Маленький Панов, который у своего станка стоит на подставке». Игорь Иванович вспоминает: «Работал за тем станком Витя Богданович, человек очень аккуратный, но медлительный. У него никак не получалась специфическая операция – нарезание нечётной резьбы в 17 ниток на дюйм для маслёнок Штауфера. Станок был несовершенный, и нужно было с величайшей точностью до долей секунды успевать переключать его в нужные моменты, поворачивать маховики и ручки, нажимать рычаги и педали не только руками, но и ногами. Работаешь за станком – как гопак пляшешь.

Уговорил я попробовать меня. Подставили к станку ящик, я на него встал... И получилось. Так я стал полноправным токарем». Добавлю: токарем 6-го разряда, одновременно учась в школе коммуны, на рабфаке, потом уже в машиностроительном.

Детство, жизнь докоммунарская игорева была похожа на других. Отец погиб на первой мировой, незадолго до рождения сына. Трёхлетним потерял мать, умершую от холеры. Скитания по детдомам и колониям прерывались летними «каникулами»: когда тепло – лучше бродяжничать, чем сидеть взаперти. «Прокормиться, – вспоминает о тех временах Игорь Иванович, – было не так уж трудно: что-то добрые люди дадут, что-то выпросишь, а что-то и сам возьмёшь, если плохо лежит... Некоторые из ребят постарше, угрожая пацанам, заставляли их «работать» на себя; назывались такие пацаны «собачками». Кто крал в поездах, кто на базаре, но большинство из нас этого делать не могли и, боясь расправы «хозяина-богуна», попрошайничали. Вечером «богун» забирал всю выручку, оставляя немного «собачке». Бывал такой «собачкой» и я. А зимой, когда становилось совсем холодно, приходилось опять возвращаться в какую-нибудь колонию.

Страна старалась обеспечить нас всем необходимым. Но возможностей тогда было мало. Так, нам выдавали в детдоме пару обуви на год: дешёвые ботинки из юфти. Побегашь в них по снегу – промочишь, прибежишь в дом – и ботинки к печке сушить. К утру они сморщились, покоробились – уже не надеть. Приходилось в мороз бегать в школу без обуви. Собрёшься с духом – и мчишься стрелой, чтоб не замёрзнуть в пути. Первые два урока ног вообще не чувствуешь. Сидишь за партой и ничегошеньки не соображаешь: холод из тебя выходит... Но тяга к учёбе была большая.

Попав в очередной – какой по счёту? – распределитель, узнал от бывалых ребят о Макаренко: мол, нет воспитателей, как в других колониях, ребята сами сообща решают все важные вопросы своей жизни. И ещё – у Макаренко можно учиться и дальше».

Закончив четвёртый класс в школе колонии им. Короленко, где директoрствовал друг-единомышленник Антона Семёновича, Панов с группой таких же малышей был направлен в коммуну им. Дзержинского по их собственной просьбе и ходатайству руководства короленковцев.

«Приехали мы в Харьков, – продолжает Игорь Иванович, – нашли на окраине новое здание коммуны. Оно показалось нам дворцом. Оказалось: его выстроили специально для беспризорных детей чекисты Украины за счёт отчислений из своей зарплаты, создав этим памятник Дзержинскому.

Страшно волновался в ожидании совета командиров, но приняли нас всех. Этим памятен мне 1929 год. Каждый мог выбрать производство по душе, я попал к металлистам, меня давно интересовало это дело. Одновременно учился в школе, потом на рабфаке. Коммуна дала мне очень многое, вернее, всё: здесь стал человеком, твёрдо стоящим на ногах. За четыре года стал токарем, говорят, неплохим. Научился дорожить каждой минутой, потому что мы всё время были при деле – то убирали здание коммуны, то занимались в учебных классах, то работали в мастерских.

Коммуна дала мне и знакомство с легендарным уже тогда Макаренко. Поначалу он показался мне суровым, немногословным, «закрытым». Но стоило узнать его поближе, и становилось ясно, какой это тёплый, душевный, всё понимающий человек. И очень деликатный. Он никогда не интересовался прошлым своих воспитанников. Человечище большой физической силы и удивительной выносливости. Помню, в походах мы прыгали по камням в трусиках, голошейках и тапочках, но изнывали от жары. Он же, к нашему восхищению, шёл рядом в полной форме – в гимнастёрке с портупеей, в сапогах – подтянутый, свежий, бодрый...

Никто из нас не догадывался, что у Антона Семёновича тяжёлая болезнь сердца, которая через несколько лет безвременно вырвет его из жизни.

По «Конституции страны ФЭД» – так мы меж собой называли коммуны – все вопросы: и производственные, и бытовые – решали общее собрание и совет командиров. Это решение уже никто не мог отменить, даже заведующий. Да этого и не требовалось: ребята и так принимали правильное решение. К этому неизбежно приводила созданная в коммуне атмосфера коллективного творческого труда, обстановка, в которой каждый коммунар оказывался остроинтересованным в успехе общего дела.

Если кто-то по нерадивости или непониманию допустил оплошность или спустя рукава отнёсся к порученному делу – разнос от Антона Семёновича, как и наказание заводской администрации, ему не грозили, не могли отругать воспитатели: их в коммуне не было. Был один могучий и серьёзный воспитатель – коллектив. Выйти на середину перед общим собранием было тяжелейшим наказанием. Коллектив судил нарушителя сурово, но справедливо.

Необычно звучит, но Макаренко внёс замечательный вклад не только в советскую и мировую педагогику, но и в развитие промышленности страны. Ведь полукустарные поначалу мастерские, где мы создавали мебель, маслénки и одежду, превратились в самые передовые производственные

предприятия, с помощью приглашённых Макаренко высококвалифицированных специалистов были решены сложнейшие технические вопросы, где под руководством взрослых мастеров иные рабочие-коммунары выпускали первоклассную, высших мировых кондиций продукцию.

В 1932-м началась родословная отечественной электродрели, началась с электросверлилки ФД-1 (ранее электросверлилки и электрошлифовалки ввозились за золото из-за рубежа).

Когда коммунары с подачи Антона Семёновича же решили: будем делать фотоаппараты, инженеры и конструкторы-оптики лишь пожали плечами: «мальчишки – фотоаппараты? С линзой точностью до микрона?». Но мы смело шагнули в мир микронов, сферических аберраций и оптических кривых. Доныне хорошо известна марка плёночных аппаратов «ФЭД» – Ф.Э. Держинский, первая партия которых выпущена в коммуне в декабре 32-го. Аппараты такого типа не смогли тогда освоить специалисты ленинградской оптики, сославшись на влажность климата, виновного в плохом качестве линз».

Судьба Панова ясно доказывает ценность макаренковской триады «Труд-Учёба-Досуг». После восьмичасового учебно-трудового дня начинались разнообразные клубные занятия, где каждый находил себе дело по душе. А то и несколько таких дел. Но каждый из ребят был славен чем-то своим, особенным. Игорь был среди тех, кого знал весь Харьков: ведь он выходил на городской стадион в динамовской форме в числе одиннадцати самых известных футболистов коммуны: вратарь Иван Харченко, он – Игорь Панов, капитан команды Капустин, Руднев, Шмыгалёв, Куков, Парфён, Великий Водолажский, Волченко, Пивень. Команда выступала как спорт-коллектив «Динамо» № 7, а тренировали её и четыре «дочерние» команды, тогдашние – на всю страну – знаменитости: Привалов, Паровышников и братья Фомины – пять заслуженных мастеров спорта СССР, участников сборных команд Украины и СССР.

Играли коммунары в Харькове и в Сочи во время Кавказского похода, играли в Болшево – с командой коммуны, о которой рассказано в фильме «Путёвка в жизнь». Играли в Комсомольске-на-Амуре...

«Приехал в коммуну на побывку из Особой Дальневосточной – снова вспоминает Панов, – один из первых колонистов-горьковцев Колька Вершинёв. Так увлекательно рассказывал о Дальнем Востоке, юном городе Комсомольске-на-Амуре, где служил, что тотчас загорелись. А тут как раз мобилизация ЦЕКамола: «Комсомольцы, приезжайте на Дальний Восток! В 37-м группа коммунаров-выпускников, прибыла в Комсомольск на авиазавод.

Тот ещё достраивался, но цехи уже давали продукцию. Мы быстро влились в коллектив и тесно подружились с заводчанами. Народ собрался настоящий – все приехали работать на совесть. Большие трудности пережил город, завод, и мы с ним, но оглядываясь на те годы, удовлетворены: правильно жили».

Панов прошёл здесь путь от мастера инструментального цеха до заместителя директора завода. Помогало не только знание техники, умение работать на многих станках, но и отличная теоретическая подготовка: ведь в коммуне организовывались лекции крупных инженеров и учёных-оптиков. Готовил Макаренко и командиров производства: старшие коммунары перед выходом их коммуны назначались дублёрами руководителей производства – цехов, отделов, чтобы практически перенимать и применять опыт. И в профработе пригодился каждому макаренковцу опыт «командирства»: известно, что практически каждый коммунары побывал во время жизни в коммуне командиром разновозрастного отряда, научаясь руководить людьми.

Годы войны для Панова – это годы работы на заводе, выпускавшем тогда дальние бомбардировщики ИЛ-4. Опять слово самому Панову: «Меня и других заводчан буквально вытащили из теплушек, идущих на фронт, и вернули в цехи. Наш фронт был здесь, и сражения за выполнение заданий были не на жизнь, а на смерть. За военные сутки мы выпускали столько самолётов, сколько прежде за месяц. Притом людей на заводе поубавилось: часть всё же ушла на фронт: опытных мужчин заменили женщины, подростки. Трудились круглосуточно по 12 часов в смену. Самоотверженно работал каждый: пока суточное задание не выполнено, никто не покидал цеха. Удалённый от научно-технических центров страны, коллектив завода сам находил технические и технологические решения».

С 1959 года Игорь Иванович — в Воронеже, где стал директором моторостроительного завода. Директором-воспитателем. Начал со сплочения коллектива, создания заводского стадиона «Луг», где ежедневно собирались футболисты, болельщики. Начали выполнять-перевыполнять задания. Построили свой пионерлагерь, турбазу, регулярно проводили заводские праздники, ставшие традицией. Завод взял шефство над спецшколой для малолетних правонарушителей. Не ограничились тем, что дарили одежду, библиотечки, игры. Создали производственные мастерские, выделили станки, оборудование, направили лучших мастеров-наставников, и ребята серьёзно заинтересовались настоящим заводским трудом.

Уйдя на пенсию, кавалер четырёх орденов и многих медалей продолжает активную деятельность во благо людей. Встречается с наставниками

молодёжи и с самой молодёжью, особо с учащимися 2-й школы-интерната. Вспоминает юность коммунарскую и комсомольчанскую, работу на заводах, рассказывает, что Антон Семёнович помнился ему всегда: тогда, когда обеспечивал отличное оборудование и чёткую организацию труда, ибо, по Макаренко, лишь **такой** труд – воспитатель. Тогда, когда довелось руководить огромным коллективом заводчан – их жизнью производственной, учебной – по повышению квалификации, культурно-досуговой.

Продолжаются встречи с воронежцами. Продолжается и переписка со всей страной, особо с друзьями-макаренковцами, с педагогами. Много, как всегда, было у Игоря Ивановича планов на будущее.

Зная очень многих колонистов-горьковцев и коммунаров-дзержинцев, всегда приятно удивлялся: насколько все они хорошие семьянины. У Пановых четверо дочерей, пять внуков, появляются уже и правнуки... Растут все людьми хорошими.

Не ослабевает и дружба с теми, с кем был и в коммуне, и в Комсомольске, и на футбольном поле, и в цеху: с Юрием Рудневым, Борисом Парфёном, о котором следующий мой рассказ.

Артиллерист. Шашист. Краснодеревщик

Борис Фёдорович Парфён – тоже коммунар из самых молодых, тоже комсомольчанин призыва 1937-го года, тоже футболист той сборной команды коммуны и «Крыльев Советов» Комсомольска-на-Амуре, когда началось возрождение команды в предвоенные годы с вливанием «новой крови» – дзержинцев.

Как-то летом сводный макаренковский педотряд «Мыслитель» работал в «Костре» Краснодарского края, и, оторвавшись на пару суток от своих подопечных бойцов, побывал в Краснодаре в семье Парфёнов. После долгого разговора, просмотра обширного фотоархива наступила пауза перед чаепитием. Тогда я, увидев большую, красочно инкрустированную шашеницу со столь же необычными шашками, предложил:

- Давайте пока сыграем партию.
- Что: увлекаетесь? – спросил меня Борис Фёдорович.
- Играю с детства, был даже чемпионом Москвы среди студентов. 13 лет работал гостренером СССР. Сейчас-то играю редко редко, но проигрываю тоже редко – одну, ну, две лёгкие партии в год.

Хозяйка с полуулыбкой подала нам роскошный этот комплект, и мы начали партию. Я её проиграл, посчитав: случайно, увлёкшись атакой,

чуть-чуть ошибся одним лишь ходом, ну, а шашки – это ж не шахматы, обратно шашкой не пойдёшь... Вторую партию я уже... проиграл вчистую. Играл партнёр отменно, я даже не понял, в чём меня переиграл. Сдался и в третьей, и в четвёртой...

– А Вы, Борис Фёдорович, тоже, верно, редко проигрываете? Какой у Вас разряд?

– Также давно не играю, ну, а раньше... И он достал из ещё одной авторхивной папки интереснейшие документы: афиши чемпионатов РСФСР и СССР, газетные вырезки, фотографии Парфёна с алой лентой через плечо, билет участника финала. Оказалось, я в гостях у победителя, призёра знаменитых в 50-е годы Всесоюзных турниров колхозников. Среди сельских шахматистов сияло тогда имя мастера спорта СССР Журавлёва, а среди шашкистов села имя Бориса Парфёна, чемпиона РСФСР и призёра чемпионатов страны. Оказалось, Парфён был знаком в те годы с ведущими тренерами страны Раммом, Виндерманом, встречался за доской со многими известными спортсменами, его партии печатались в периодике.

Мне-то доводилось многожды встречаться за чёрно-белой доской с Виктором Николаевичем Терским; каждый раз играли с ним ровно десять партий – «для лучшего счёта», говаривал Терский. Оказалось, среди макаренковцев был игрок ещё более сильный – Парфён.

В ту и последующие встречи мы вели долгие с ним разговоры. Особо тепло вспоминал он Антона Семёновича, самых близких друзей юности Виктора Руднева, Игоря Панова.

Себя считал средним по всем параметрам коммунаром, с самой обычной для пацанов прошлой жизнью. Родился в послеоктябрьском 18-м году, шести лет лишился родителей. Беспризорничал, кочевал по детдомам, колониям. В 1931-м году попал из Харьковского коллектора (прямо как Игорь Чернявин из «Флагов на башнях») в коммуну. Работал там последовательно в литейном цехе обрубщиком маслёнок, на заводе электроинструментов токарем, потом сборщиком фотоаппаратов на ФЭДе. Получил специальности токаря по металлу и слесаря-сборщика высокой квалификации. Закончил школу, потом и рабфак.

О коммуне вспоминает тепло, хотя вначале был способен и на проказы, как, впрочем, все пацаны. Как и литературный Чернявин, начал жизнь с... наказания. Вдруг стал прыгать через спинки стульев, удаляя свою демонстрируя. Да не в «Громком клубе», а в «Тихом», который потом-то сыграл большую роль в становлении Парфёна-шашкиста. Наказание последовало своеобразное. Его обязали ежевечерне докладывать общему собранию, что сделал за день хорошего, и что – плохое. За добропорядочные «рапорта»

был через три дня освобождён от такой необходимости, но помнится то первое наказание всю жизнь.

– Был у меня хороший друг – Вася Цимбал, – вспоминает Борис Фёдорович ещё одного коммунара. – Мы сидели с ним за одной партой в рабфаке, работали на одном токарном станке. В 1935-м, после ухода Макаренко из коммуны, Василий предложил пойти в морское училище в Одессу. Я решил тогда завершать рабфак, а он отправился в Одессу. В 1936-м Василий приезжал в коммуну курсантом в отпуск, встретились по-братски. В Великую Отечественную он посмертно стал Героем Советского Союза...

А в 1937-м в коммуну приехал Антон Семёнович. Побывав на совете командиров, узнал, что наш 14-й отряд, где я командировал, первенствует в соцсоревновании, и произнёс:

– Вот уж не ожидал, что Парфён станет таким хорошим командиром. Молодец! – Эти слова я хорошо запомнил.

В том же году Борис получил письмо лучшего друга Панова, который вместе с Шершнёвым первыми укатили в Комсомольск-на-Амуре. Игорь звал к себе. Набралась большая группа: Надежда Куприй, Юрий Руднев, Григорий Великий, Михаил Злочевский и др. Работали в основном (а всего их было 37 человек) на авиазаводе – ныне имени Ю. Гагарина.

Работали по-стахановски, многие обзавелись семьями, осели накрепко. Всё, чему научились в коммуне, применяли и в городе юности. Создали свою команду: Парфён был хавбеком, Руднев – беком, Злочевский – форвардом. Ворота лучше всех защищал Иван Харченко, вспоминает Борис Фёдорович, хотя у него был дублёр – Гриша Великий. Ивана, блиставшего на полях Харькова, Сочи, Комсомольска, Подмосковья, ещё в предвоенные годы прозвали «Тигром», заметьте, задолго до легендарного Хомича. Те довоенные «Крылья Советов» помнятся старожилам города, говорят, по сей пору.

Как-то мне довелось повстречаться с первостроителями Комсомольска во главе с начальником строительства Каттелем, Ф. Максимовым, Г. Жуковым, которые помнят: когда прибыли две подряд группы дзержинцев, «даже мы, закалённые трудностями первого периода, брали пример с этих подтянутых, дисциплинированных, не боящихся никаких трудностей детей Анто-на Макаренко».

В отличие от друзей, Борис не успел в Комсомольске обзавестись семьёй: 10 мая 1939 года был призван на воинскую службу – на ТОФ (Тихоокеанский флот). Там судьба свела его ещё с одним макаренковцем – Виктором Богдановичем. Начало войны встретил палубным

командиром эсминца «Войков». Подал рапорт по начальству: прошу направить на фронт. Ещё рапорт, ещё один. Но до 42-го с ТОФа никого не отпускали: не знали, как поведёт себя Япония. Лишь в самом конце года, когда реален стал перелом под Сталинградом, с группой сотоварищей-военморов прибыл Парфён в Московский флотский экипаж, базировавшийся в Лихоборах. Попал в деформировавшуюся после Сталинградской битвы 196-ю стрелковую дивизию.

Наводчиком 76-миллиметровой артбатареи 884-го полка отправился Парфён на Ленинградский фронт. Морская выучка сказалась: наводчиком он стал отменным. Его пушка была 4-й в батарее, но все стрельбы, пристрелки производились не по первой, а по ней. Комбат Прохоренко был уверен: воспитанник Макаренко никогда не подведёт, его наводка всегда точна.

– Приходилось стрелять и без панорамы, в тех боях случалось всякое, – вспоминает Борис Фёдорович, – по каналу ствола, как в давней севастопольской страде матросу Кошке, и цель всегда поражали с первого выстрела. Особо тяжело было, когда полк держал оборону под Пулковом, у Ижорского завода.

Тотчас мне вспомнился чудо-фильм «Ижорский батальон» – не грохот ли той, Парфёновской пушки сопровождал баталии рабочих-ижорцев?

...Август 1944. «Синявинская мясорубка» – дивизия в эпицентре боёв за Синявинские высоты.

– Под Синявинском фрицу мечталось захватить Шлиссельбург и тем самым зажать Ленинград в кольцо. Он бросал туда отборные дивизии. Бои шли жестокие, часто рукопашные и почти непрерывные – и днём, и ночью. Пройти 200–300 метров вперёд – считалось большим успехом. За 6 суток в полку осталось 17% бойцов. Тогда я был впервые ранен, из боя не вышел, награждён за те бои первой медалью «За отвагу».

Ораниенбаумский плацдарм – ещё одна горячая точка битвы. Операция «Нева»: дивизия брала Ропшу, Русско-Высоцкое, Гатчину (Приказом Верховного Главнокомандующего получила наименование «Гатчинской»), Кингисепп, Гдов. В бою у д. Молодь, что под Псковом, Борис Фёдорович подбил два танка, третий завалил в ров, но был тяжело ранен. Орден Славы и ещё одна медаль «За отвагу» украсили грудь бойца. Далее ленинградский госпиталь, запасной полк в Токсово и гражданская уже служба на Невской Дубравке технологом-нормировщиком 8-й ГРЭС. Воинскую службу завершил с 12-ю боевыми наградами.

Мирная жизнь. Семья. Работа – сначала в сельском хозяйстве, потом краснодеревщиком на краснодарском комбинате. Как специалист высочайшей квалификации отделявал пианино «Кубань».

Его рук дело и тот шашечный столик, и шашки инкрустированные. Уходя на пенсию, решил сделать-создать памятный подарок всем, кто почитает

Антон. Работал долго, со многими перерывами, тщательно отделывая каждую деталь. Летом 1987 года я вывозил из дома Парфёнов 16 (!) его произведений – прекрасных, инкрустированных по дереву портретов Макаренко. Московскому музею Макаренко, членам совета командиров ветеранов-макаренковцев просил передать он эти создания, что и было проделано в юбилейные, посвящённые 100-летию Макаренко дни в Москве. Есть такие портреты в Полтаве и в Крюкове, в Краснодарском краеведческом музее и в педучилище Краснодара, носящем имя Антона Семёновича. Автора портретов хорошо знают везде не только по его художественным произведениям, но и по увлекательным встречам с работниками музеев, студентами, педагогами. Как знают его в Краснодарском университете и в лагере «Орлёнок». Его любят все, кто знает; как он сам любит людей труда, особо – труда педагогического.

СЛЕСАРЬ. КРАСНОАРМЕЕЦ. ВОСПИТАТЕЛЬ

Василий Андреевич РУДЕНКО – один из самой молодой поросли коммунаров-дзержинцев. Он, как и Антон Семёнович, родился в марте – 19 марта 1920 года в Богодухове, где, кстати, и живёт ныне. Семье, в которой было четверо детей и больной ещё с первой мировой туберкулёзом отец, жилось нелегко. Когда Васе шёл одиннадцатый год, отец умер. Время было голодное. Попал мальчик поначалу в детприёмник, а оттуда – коммуны им. Дзержинского осенью 1932-го.

– И началась иная жизнь, попал в мир совершенно другой.

Коллектив, как и всегда, сразу принял новичка в свои ряды. Он быстро свыкся с традициями коммуны, многому научился. Закончил семилетку, поступил на рабфак, поработал слесарем-сборщиком «ФЭДов». После выпуска из коммуны в 1937-м году поступил в художественное училище, а в предвоенном 40-м призван в Красную Армию. Служил на Дальнем Востоке наводчиком 152-мм-вой гаубицы, стал кандидатом в члены ВКПб. В тех краях тогда служили Богданович, Парфён... Март 1941 -направление в военное училище Комсомольска-на-Амуре, где тогда трудилось три десятка воспитанников коммуны. Вновь повстречался с врачом коммуны Н. Ф. Шершнёвым, с Игорем Пановым, Юрием Рудневым...

Как тут не вспомнить Долматовского: «Ходите не с краю, а ГЛАВНОЙ дорогой, и встретите всех, кто вам близок и дорог!». Сколько ж раз они и

потом встречались на дорогах войны, на многих важных народных стройках, в самой гуще жизни народа!

Война! Ускоренный выпуск училища, и красноармеец Василий Руденко направлен на Воронежский фронт. Там стал коммунистом. Воевал на Втором и Первом Украинских. Как-то на фронте повстречался вдруг с сестрою Татьяной, и кто-то из однополчан успел снять эту мимолётную встречу. Фотография ныне – на стенде Московского музея А. С. Макаренко. Завершал войну в Германии в районе Дрездена, в округе Котбус, где побывал много десятилетий спустя... Война оставила тяжёлые воспоминания, в том числе и о, к счастью, кратковременном пребывании в Шталаге, где погиб легендарный герой Смоленска генерал Лукин... Медаль «За взятие Берлина» украшает грудь солдата Руденко.

Два первых послевоенных года проработал на родном «коммунарском» заводе. А потом, потом смена профессии, и вот уже 45 (!) лет педагогической работы: в детдоме, ремесленном училище, Богодуховской школе-интернате, во вспомогательной школе для детей с задержкой умственного развития. Успел закончить заочно Харьковский университет, обзавестись двумя детьми и четырьмя внуками, получить ещё медаль – «За трудовое отличие» («Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»).

О педагоге В. А. Руденко постоянно пишет областная, республиканская пресса; он – герой фильма «Макаренко – педагог, писатель, гражданин». Листаю подборку материалов в своём архиве – папка «В. Руденко. Коммунар 33–37 гг.». Январь-71. Зав. РОНО Н. Кривич пишет о продуманной работе В. А. Руденко по созданию и организации жизни единого коллектива школы-интерната, о создании им оркестра украинских народных инструментов. Октябрь-74. Районный «Маяк» рассказал о почине дружины им. П. Поповича по организации международного матча с командой школы им. Макаренко г. Плессе по четырёхборью «Дружба». Апрель-82. Из местных газет можно узнать о создании и работе школьной комнаты-музея Макаренко, о переписке воспитанников Руденко с макаренковцами С. Стомахиным, И. Ветровым, Б. Пенкиным и др. «Отряд пионеров-семиклассников, воспитателем которых является лучший педагог школы Василий Андреевич Руденко – правофланговый на марше «Всегда готовы».

О нём и его труде одинаково интересно узнавать и в личных беседах, и рассматривая фотоархив, и перечитывая письма воспитанников. Вот группа воспитанниц 70-х годов. На обороте фотографии современные пометы: Лена Яковенко – учительница, Люда Лышадь – учительница,

Люба Индышова – воспитательница детсада, Надя Савченко – воспитательница... До сорока процентов его воспитанников становятся педагогами разного профиля – ведь им есть с кого делать жизнь свою. Педагога широкого профиля – воспитателя, учителя географии, черчения, рисования, руководителя оркестра, баяниста, чудо-фотографа, туриста, мастера на все руки. Не случайно коммунары Руденко был любимцем В. Н. Терского – педагога-универсала, и сам как был, так по сию пору влюблён в того «современного дон Кихота, облагороженного веками науки, культуры, искусства» (Макаренко о Терском).

Есть среди выпускников школы и люди других профессий – Василий Андреевич показывает: вот оператор счётной машины, вот работница трикотажной фабрики, контролёр на заводе, водитель троллейбуса, агроном, повар...

Выпускники Инна Воронцова и Лёня Курочка пишут учителю такие, к примеру, тёплые послания: «Никогда не смогу забыть родную школу; каждый из дней, что прошёл после школы, вспоминаю Вас, Василий Андреевич, Вашу доброту, всё хорошее, чему Вы научили меня...» это из одного письма. А в другом на одной лишь тетрадной страничке я насчитал семь раз «Спасибо» – это Лёня, которому педагог помог не только в учёбе, но и в дальнейшей жизни, разыскав в далёкой Астрахани его родителей-цыган. Такие письма, как и встречи с бывшими учениками, – самые приятные эпизоды жизни.

Сам Василий Андреевич говорит о своей работе и о жизни вообще просто и скромно: «Не могу понять сумасбродов, разжигающих военные действия, готовящих новые войны. Мне-то хорошо знакома война, дважды видел смерть перед глазами. Ведь она застала нас, тогдашних курсантов, в местах тогда уже строившегося БАМа. Быстро присвоили лейтенантское звание, и в марте 42-го был уже на Воронежском. Очень трудно было – отходили. Был зам. командира батареи по политчасти, с июня 44-го – командиром 3-й батареи 462 ИПТАП. Молдавия–Румыния–Венгрия. Молодые ребята в эти истребители танков отбирались. Осталась хорошая память о простых ребятах, сыновьях далёких матерей, о боевых лейтенантах и красноармейцах. Многие-многие остались на тех полях, где гремели бои. Если бы можно было осуществить поездку по всем тем местам, отдать почести всем павшим, но ныне, увы... Война – это ведь не только победное шествие, это труд тяжкий, земляной, это изматывание сил, многие сутки без сна обычного. Не говоря уже о самих боях, стрельбе. «Тигры», «Леопарды»... А нас как раз бросали на самые горячие участки. Наш комполка – отважный человек

огромного роста, никогда не прятался и ни разу не был даже ранен.

Наверное, потому после всей этой крови и грохота и потянуло к детям. Работал все 45 лет воспитателем, в «должности» в общем негромкой, но очень нужной, ответственной. Откуда, спрашиваете, успехи? Дети есть дети – их не проведёшь, кто есть кто они знают лучше взрослых. Я просто был с ними всегда честен, учил, показывая и действуя ВМЕСТЕ с ними, требовал, исходя из самой запавшей в душу мысли моих учителей Макаренко и Терского: как можно больше уважения к человеку и как можно больше требования к нему... Но никак не более, чем можно.

Старался вносить в жизнь класса и школы дела, приёмы, игры, занятия, запомнившиеся самому по коммуне. Не помню, чтобы делал хоть какое-то дело «как-нибудь», а старался. Как старались со мною и дети, которым – таким, как во вспомогательной нашей школе, нелегко было, например, осваивать домры и балалайки. Потому применял упрощённые ноты-«цифровки». А в итоге и взрослые и юные слушатели так бурно воспринимали выступления струнного оркестра с народными, военно-патриотическими, пионерскими песнями. Как, впрочем, популярны всегда наши тематические выставки рисунка, праздники-экскурсии в школьной комнате Боевой и Трудовой славы, в школьном музее А. Макаренко. В чём я явно слаб – это чтоб в ажуре были все бумаги, планы, отчёты. Считаю, что коль всё это сделано более чем на 100%, тогда страдает деловая, практическая часть ребячьей жизни. Заметил: порой работники, слабые во втором, получают хорошую оценку проверяющих их труд по бумагам. Хотя нельзя отрицать хорошо продуманный план работы, записи наблюдений за детьми, анализ: промахи, их причины – это очень важно».

Знаю – видел: Руденко пользуется авторитетом не только в своём коллективе, но и в среде ветеранов-макаренковцев. Сам помнит каждого и, обладая феноменальной памятью, пишет: «Терский – это оптимизм, устремлённость, убеждённость, и всё это, подкреплённое делом, опытом, эрудицией его. Живо представляю его, задорно и напористо, с выкриками эмоциональными, сражающегося в им изобретённый «горлёт» с пацанятами – с его-то ростом!

Вспоминается наше с ним дежурство на республиканской выставке изделий и творческих работ колоний Украины в предновогодье-35 в клубе НКВД Киева. Согнувшись в три погибели, он выделял пассажи на пианино. Удивительно было!

Надо было видеть, как они играли в бильярд с В. Т. Левшаковым. Полный контраст внешности, роста, оба остроумны, а вокруг – хохот ребят.

Всё по-человечески просто: юмор, злость при неудаче, вострог при мастерском ударе».

Вспоминает и своих друзей по коммуне, ФЭДу:

«Леонид Конисевич на мой взгляд полностью олицетворяет основные требования Антона Семёновича: гражданин, патриот, интернационалист и к тому же – педагог».

Всем друзьям-макаренковцам, да и макаренковедам страны и мира знаком, всеми уважаем Василий Руденко – педагог, художник; а его фотографии украшают стенды многих музеев страны – он истинный фотолетописец раз в пятилетке проводимых традиционных общих сборов-собраний макаренковцев. Помнится многим и его доклад на одной из Макаренковских научно-**практических** конференций: как в условиях сельской школы-интерната свыше 25 лет используется наследие Макаренко, в частности, мною, вынесшему многое из коммунарской юности. Каков конечный результат? Эффективность воздействия на примерах конкретных судеб людских; формы работы по познанию Родины и воспитанию патриотов, следопытов края, по воспитанию трудолюбия; связь с жизнью колхоза, тружениками района; дружба-переписка, встречи с макаренковцами, школой им. Макаренко г. Плессе округа Котбус в Германии, как раз в тех местах, где воевал Руденко-красноармеец, и т. д.

О дружбе двух этих школьных коллективов можно было б писать и отдельно, но, так уж случилось, что по воле политиков-политиканов той дружбы прежней ныне нет, а были и посещения друг друга, и работа юных сельчан на сельхозмашинах, что помогали собирать школьники Плессе у себя в городе, были и состязания многоборья «Дружба» и многое-многое иное. Осталась вечная (вечная ли?) память о тех годах – бюст Антона Макаренко работы Б. Пенкина, макаренковца-скульптора, привезённый в Плессе Василием Андреевичем по просьбе друга. А в Богодухове – чудо-эмблема «Обершule Макаренко», нарукавные повязки учащихся и т. п. А сколько писем!

В одном из последних писем Руденко есть и такое: «...сложное, трудное время. Никогда даже не думалось, что доживём до такого унижительного состояния..., улучшения не видно – одни разговоры, указы биржи. Но не теряем надежды на светлое будущее. Многие ж перенесли, пережили... Это ЛИХО – стихию политиканов тоже должны осилить».

А как-то в письме обронил он такую фразу: «Возможно, я резко выступил. Но правильно. К ЧИСТОМУ грязь прилипает...» Это после очень принципиальной резкой критики современных лжеучёных, «пересматривающих» Макаренко так, что вместо него грязь получается. С «азаровщиной» Руденко, как и Яценко, Барбаров, Панов, борется вовсю!

РАБОЧИЙ. СОЛДАТ. ПЕДАГОГ-ВНЕШКОЛЬНИК

Иван Токарев – коммуна-дзержинец из числа «молодых» макаренковцев.

Всего три года провёл Токарев в макаренковском коллективе, но память о тех годах осталась на всю жизнь. Вот несколько слов самого Ивана Демьяновича: «Умению настойчиво трудиться я, как и все мои товарищи по коллективу, был обучен в коммуне. Попав в оптический цех (завода ФЭД-ЛЧ) после предварительной квалифицированной подготовки, уже через неделю сумел освоить процесс изготовления линз, а через год, пройдя ряд последовательных, усложняющихся стадий рабочего становления, я уже довольно хорошо освоил все операции от вырезки стёкол до изготовления готовой линзы».

Вспоминает он многое, и не только связанное с производительным трудом в коммуне, но и о разнообразии досуга, об Антоне Семёновиче и других чудо-педагогах, без усилий которых не было бы столь выдающихся успехов в коллективе. Вспоминает, в частности, какое огромное значение придавалось чтению, книге, библиотеке. «Увидев меня в Тихом клубе читающим стихи А. С. Пушкина, Антон Семёнович сказал:

– Пушкина читай внимательно – там вся жизнь России нашей...

Виктор Николаевич Терский, человек яркой судьбы, талантливейший педагог, кроме преподавания черчения, рисования, руководил внеурочным временем, вёл кружки, и я занимался у него в кружке рисования все три года. Уроки были интересными, увлекающими. Часто мы слышали о великих мастерах кисти прошлых веков, их сложной, славной судьбе. Как создавались ими шедевры искусства – живописи, графики, скульптуры. Неопишемое восхищение вызывал у нас И. Е. Репин и его создания. Подробно узнавали о «Тройке», «Проводах покойника» В. Г. Перова. Я с той поры-то прочно усвоил: искусство, в том числе живопись заставляет человека плакать или смеяться, задумываться, сопереживать, – влияет на настроение, на чувства людей, особо молодых.

Вообще-то кружки были сугубо добровольным делом, никто не призвал идти в кружок, можно было выходить в любое время (исключая оркестр – ЛЧ). Но вступив в кружок, руководимый Терским, никто не покидал его до выпуска из коммуны – таков был руководитель!

Члены художественного кружка участвовали, например, в оформлении стенной газеты, создавали выставки собственных работ ко всем знаменательным датам. До сего дня храню как оформитель стенда, посвящённого

100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, награду – книгу его произведений с дарственной надписью заведующего рабфаком профессора Е. С. Магуры (одного из ведущих украинских филологов того времени). Другой профессор – Пушников вёл занятия по русской филологии на том же рабфаке – таковы были педкадры в макаренковском коллективе! Характерной особенностью кружковой работы было отсутствие скуки, лености, застоя, кружки работали регулярно, без перерывов, весело, радостно. Каждый день познавали что-то новое: сегодня – о пропорциях, завтра – о перспективе в рисунке, например. Рисовали с натуры, часто отправляясь в лес. Принято было повсюду – на производстве, в учебном процессе и в клубной работе – начатое дело обязательно доводить до конца, «незавершёнки» не должно быть».

Почему я так подробно цитирую куски этих чудесных воспоминаний Токарева? Потому, что полученные в коммунарском коллективе, в общении с Макаренко, Терским, Магурой, Пушниковым и другими выдающимися педагогами навыки, умения, приобретённые тогда черты и качества Иван Демьянович постоянно проявлял в жизни своей и, в частности, в деятельности как ССК (секретарь совета командиров) ветеранов-макаренковцев, коим (советом) он успешно руководил целое пятилетие после В. Постникова (ныне его сменил И. И. Яценко из Ленинграда).

Интересно сложилась, как и у всех макаренковцев, послекоммунарская судьба Токарева. В 1937 году после выпуска из коммуны он стал студентом Харьковского архитектурно-строительного техникума (пригодились же уроки и кружок Терского). Осенью 40-го был призван в Красную Армию. Учился в Харьковском военном училище связи, которое вскоре перебраслось в Ульяновск. Там в июле 41-го получил звание лейтенанта и отправился на фронт: Днепропетровск–Гуляй-Поле. Командир радиовзвода 434 БАО–батальона аэродромного обслуживания. Взвод обеспечивал радиосвязь с дальней авиацией при взлёте, посадке. Далее Крым, отступление через Керченский пролив. В этих местах чуть позже погибли два героя-коммунара: Герой Советского Союза Цимбал и легендарный катерник «Малыш» – так боевые друзья называли не только катерок, но и самого Петра Чеслера, покоящегося в Новороссийске рядом с Цезарем Куниковым, в одной могиле с пятью другими Героями Советского Союза...

Из района Адлера в составе уже 514-го БАО – на Сталинград. И далее в рядах славной 5-й Воздушной Армии воевал на Степном, 2-м Украинском, завершив войну в Братиславе. Ордена Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа»,

конечно, «За победу над Германией» и др. украшают грудь ветерана, ныне подполковника-инженера. И по окончании войны продолжал служить Родине в рядах Вооружённых Сил – в Одесском и Московском военных округах. После войны окончил Токарев Харьковское Высшее военное авиационное училище – вот радостна была встреча с родными местами, с городом, где стал человеком и получил всё для жизни своей.

1960-й памятен тем, что был направлен в город Горький старшим преподавателем Горьковского зенитно-ракетного училища ПВО. Уйдя в запас в 1968-м, Иван Демьянович продолжал работать с молодёжью – сначала преподавателем радиотехники и радиолокации в радиоклубе ДОСААФ, потом кружководом в знаменитом Горьковском областном Дворце пионеров и школьников.

И очень много переписывается как со своими друзьями-макаренковцами, так и с макаренковедами многих стран. И. Д. Токарев посетил макаренковские места, участвовал во многих научно-практических конференциях в Москве и Владивостоке, Полтаве и Тирасполе, в Польше, Чехословакии, Германии.

Очень часто выступает в разных воспитательных учреждениях и внешкольных учреждениях. Мне, например, помнится, как в его бытность ССК целая когорта бывших горьковцев и дзержинцев – Л. Конисевич, В. Богданович, Ф. («Филька») Куслий, В. Руденко, сам Токарев яркими речами, точными, аргументированными ответами на самые разные вопросы поразили актив московской организации книголюбов в клубе «Подвиг».

Впрочем, все они – воспитанники, соратники Антона Семёновича, а мне довелось слышать многих из них, – всегда удачно выступают перед людьми разных профессий.

Когда Иван Демьянович и пятнадцать его сотоварищей-макаренковцев выступали на заключительном заседании Большой Макаренковской юбилейной, 100-летию Макаренко посвящённой, конференции в Полтаве, ректор Полтавского пединститута, ныне министр просвещения Украины И. А. Зязюн, произнёс: «Какие же они все одинаковые, и какие разные». Одинаковы памятью об Антоне, верностью его Делу, а разнятся чертами Личности». Такой Личностью является и Иван Демьянович Токарев.

Л. ЧУБАРОВ, литератор-макаренковед, член совета командиров макаренковцев, член правления Международной макаренковской ассоциации.

Я РАБОТАЛ С МАКАРЕНКО

Интервью с бывшим заместителем
начальника коммуны им. Ф.Э. Дзержинского
Петром Иосифовичем Барбаровым

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ (Вместо предисловия)

Петру Иосифовичу Барбарову сейчас (1992 г.) 86 лет. Живёт он в Челябинске. С 1982 г. пенсионер.

Южноуральские педагоги узнали о нём как соратнике А.С. Макаренко сравнительно недавно, в 1985 году, когда он начал выступать с воспоминаниями о своей работе в коллективе великого педагога. За 1985 – 1991 годы Пётр Иосифович выступил перед различными аудиториями по этой проблематике (ведёт точный учёт своих выступлений) 380 раз. Встречи с ним всегда вызывают живой интерес. Ещё бы! Для нас Макаренко – история, а тут выступает человек, который жил и работал рядом с Антоном Семёновичем в годы расцвета его детища – коммуны им. Ф.Дзержинского – в 1930 – 1932 годах. В 1988 году, готовя областную конференцию, посвящённую 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко, мы, её организаторы, пригласили Петра Иосифовича выступить с воспоминаниями о Макаренко. Он сделал это блестяще, поразив аудиторию своей энергией, глубиной проникновения в суть педагогических проблем, ясным умом, увлечённостью макаренковской системой воспитания.

За эти несколько лет я имел много встреч и бесед с Петром Иосифовичем, слушал его выступления в разных аудиториях, познакомился с его личным архивом, в котором обнаружил немало фотографий и документов,

относящихся к годам его работы в коллективе А.С. Макаренко. В минувшем 1991 году мы записали воспоминания П.И. Барбарова на видеоплёнку. Получился полуторачасовой фильм, который мы назвали «Вспоминает соратник Макаренко» (специалистам: копию этого видеофильма можно приобрести в Челябинском облИУУ).

Среди документов в архиве Петра Иосифовича есть копия протокола общего собрания коммунаров, рабочих, служащих и инженерно-технического персонала коммуны им. Ф.Дзержинского от 9 января 1932 года. Повестка дня: «Проводы заместителя начальника коммуны Петра Осиповича Барбарова». В протоколе краткая запись выступлений, в которых очень высоко оценивается роль Барбарова в работе коммуны. Далее цитирую: «Слово предоставляется начальнику коммуны тов. Макаренко.

Тов. Макаренко выражает сожаление по случаю ухода тов. Барбарова из коммуны, детально останавливается на конкретном руководстве тов. Барбарова коммуной. В заключение тов. Макаренко говорит: «Только благодаря умелому руководству Петра Осиповича коммуна имеет такие огромные достижения на всех участках работы».

Не преувеличивает ли Макаренко роль Барбарова в работе коммуны? Об этом Пётр Иосифович тоже рассказывает...

Предлагаю вниманию читателей материал, составленный на основе бесед с П.И. Барбаровым и им лично отредактированный.

В.М. ОПАЛИХИН

ПЁТР ИОСИФОВИЧ БАРБАРОВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ:

I. О себе и своей работе в коллективе А.С. Макаренко

1. Как Вы оказались в коммуне?
2. Какова была Ваша роль там?
3. Как складывались Ваши отношения с Макаренко?
4. Что дала Вам работа рядом с Макаренко?
5. Какова судьба чекистов – шефов коммуны?
6. Как Вам лично удалось выжить?
7. Ваша судьба после ухода из коммуны?

II. О Макаренко и его системе воспитания

1. Какое впечатление производил на Вас Макаренко как педагог?
2. Какие личные качества Макаренко как человека Вам запомнились?
3. Каким был рабочий день Макаренко?
4. Каким был Макаренко собеседником?
5. Некоторые говорят сейчас, что Макаренко был сталинистом. Так ли это?
6. Был ли Макаренко «диктатором»?
7. Был ли Макаренко противником производства в коммуне?
8. Как относился Макаренко к комсомолу?
9. Каким был Макаренко в походах?
10. Внешний облик Макаренко.
11. В чём, по-Вашему, главный секрет успехов Макаренко?

III. О воспитанниках А.С. Макаренко

1. Какое впечатление производили на Вас коммунары?
2. Сохранилась ли у Вас связь с воспитанниками тех лет?
3. Каков «общий портрет» воспитанников Макаренко?
4. Можете ли рассказать о судьбе отдельных воспитанников?
5. Ваше мнение о книге коммунара Леонида Конисевича «Нас воспитал Макаренко»?

I. О СЕБЕ И СВОЕЙ РАБОТЕ В КОММУНЕ

– *Пётр Иосифович, как вы оказались в коллективе Макаренко?*

– Это интересная история. В 20-х годах я был сотрудником ГПУ в Харькове. Коммуна имени Ф.Дзержинского была построена на средства чекистов Украины, и они шефствовали над нею. Мне было поручено осуществлять на деле связь с подшефными. Поэтому я часто навещал коммуны. Участвовал в работе её комсомольской организации.

Однажды – это было в 1930 году – А.С. Макаренко отчитывался перед правлением коммуны (оно состояло из руководящих работников ГПУ Украины), а я выступил при обсуждении его отчёта и раскритиковал его. Мне было тогда 25 лет. По молодости своей был человеком самоуверенным и считал, что имею полное право давать оценку работы начальника коммуны. Мне казалось тогда, что он мало занимается политическим воспитанием коммунаров, слабо осуществляет связь с предприятиями Харькова.

Об этом я и сказал в своём «разносном» выступлении. Макаренко в долгу не остался. В своём заключительном слове он дал мне резкую отповедь. Об этом же он написал в своей «Докладной записке члену правления коммуны имени Ф.Э. Дзержинского», где среди прочих важных соображений, были и мысли о состоянии политического воспитания. (См.: А.С. Макаренко. Сочинения в семи томах. М., т. 7, с. 434–435. – В.О.).

Вскоре после этого памятного заседания меня вызвал мой начальник и сказал: «Ты хорошо научился критиковать, иди-ка к Макаренко и поработай у него в качестве политрука. Я стал отказываться. Начальник пригрозил арестом на трое суток. Так я и оказался заместителем Антона Семёновича по политработе.

– *Не преувеличивает ли Макаренко вашу роль в коммуне, говоря о том, что только благодаря вам коммуна имела огромные достижения? Какова была ваша роль там?*

– Конечно, Макаренко явно преувеличил мою роль, выступая на моих проводках в связи с уходом из коммуны. Коммуна имела действительно огромные достижения благодаря, прежде всего, таланту и гигантскому труду самого Макаренко. И, конечно, благодаря созданной им демократической системе, которая позволяла каждому члену коллектива максимально реализовать свои способности. А все эти разрозненные усилия сливались в единый мощный поток. Отсюда и невиданный успех макаренковского коллектива. А что касается похвалы в мой адрес, так это особенность характера Макаренко. Он был необычайно скромным человеком, никогда не выпячивал своих личных заслуг. Наоборот, всегда присваивал все успехи коммуны ребятам и своим помощникам. Этим он не просто скромность свою проявлял, а старался поддерживать, поощрять всякую инициативу, самостоятельность и педагогов, и ребят. И это давало прекрасные результаты: активность коллектива была огромная...

– *Как складывались ваши отношения с Макаренко?*

– Я понимал, что после нашей «размолвки» мне надо прежде всего наладить отношения со своим новым руководителем. Старался работать изо всех сил. Дневал и ночевал в коммуне, хотя семья жила в Харькове, а коммуна находилась далеко за городом. От своих претензий на «руководящую роль» в коммуне я, разумеется, отказался и стал более внимательно присматриваться к тому, как работает сам Макаренко. Очень скоро я понял, что в вопросах воспитания я действительно дилетант, и мне надо многому учиться у Макаренко. И я стал делать это охотно. Что касается наших

отношений с Антоном Семёновичем, то оказалось, что он не был человеком злопамятным. С самого начала у нас установились нормальные деловые взаимоотношения. Я советовался с ним по всем вопросам. Он тоже держал меня в курсе многих своих дел. Увидев, что я правильно воспринял его критику и всерьёз занялся живым практическим делом, он никогда не напоминал мне о моей амбициозной выходке на заседании правления. Отношения наши вскоре стали просто прекрасными. Мы с ним очень сблизились. За всё время совместной работы в коммуне у нас не было ни одного конфликта. Больше того, я не припомню, чтобы у нас с ним появились хотя бы какие-то существенные различия в подходах к организации жизни коллектива. Мы стали единомышленниками. Антон Семёнович относился ко мне с полным доверием, как и я к нему. О наших отношениях говорит, например, такой факт. Как-то он предложил мне совместно с ним написать книжку по истории Украины. Я, конечно, отказался, чувствуя свою неподготовленность к такому делу. Глубоко веря в правильность действий Макаренко, я старался во всём поддерживать его и на собраниях коммунаров, и на заседаниях совета командиров, и во взаимоотношениях с чекистами.

– *Что дало вам лично общение с Макаренко, работа с ним?*

– Я благодарен судьбе за то, что в жизни моей были эти два года работы в коммуне. Для меня это была большая школа.

Я имел возможность ежедневно общаться с человеком высочайшей культуры и многому у него научился. Можно сказать, что Макаренко и меня перевоспитал, дал мне новые жизненные ориентиры. Работая рядом с Антоном Семёновичем, я учился у него высокой организованности, чёткости во всех делах. Я понял, что от руководителя требуется не единоличное командование подчинёнными, а умение чётко распределить обязанности и пробудить инициативу, активность и самостоятельность каждого человека.

Я понял, какая это огромная и умная созидательная сила – хорошо организованный и демократически настроенный коллектив.

Можно сказать, что работа в коллективе Макаренко переродила меня как человека и дала «макаренковскую» закуску на всю последующую жизнь.

– *Пётр Иосифович! Сегодня нам известно, что в 30-х годах от репрессий пострадали и многие чекисты. Какова судьба чекистов – шефов коммуны?*

– Да, я был свидетелем тех событий. Среди чекистов, создававших коммуну имени Ф.Дзержинского и поддерживавших Антона Семёновича

в его новаторских поисках, были замечательные люди: Балицкий, Броневой, Букшпан и другие. Не надо думать, что все чекисты были непорядочными людьми. Это не так. «Чистка» в рядах чекистов, которая стала проводиться в 30-х годах, унесла жизни многих глубоко порядочных и ни в чём не повинных людей. Некоторые из них в тех условиях кончали жизнь самоубийством. Я хорошо помню это. Особо глубокое уважение я навсегда сохранил к заместителю председателя правления коммуны Броневому, который очень много сил приложил для помощи коммуне, для её процветания, а затем также трагически погиб в период репрессий. Судьбы многих других чекистов, сотрудничавших с коммуной, мне не известны.

– *А как вам лично, Пётр Иосифович, удалось выжить в те тревожные и мрачные годы?*

– Чувство постоянной угрозы быть арестованным в любой момент без всяких «оснований» я испытал на себе... Меня спасло, видимо, то, что по роду своей деятельности я не занимался «внутренними делами», поскольку работал в те годы в отделе контрразведки и имел дело с одним иностранным представительством в Харькове. А в 1939 году в связи с резким ухудшением здоровья я уволился из органов ГПУ.

– *Как складывалась ваша судьба после ухода из коллектива Макаренко?*

– Прощавшись с коллективом коммунаров и Антоном Семёновичем (это было, напомним, в 1932 году, в январе), я ушёл на оперативную работу в органы ГПУ, а с 1939 года, уволившись, перешёл на хозяйственную работу. В начале войны я вместе с Харьковским моторным заводом, где работал в это время, был эвакуирован в Челябинск. Там работал на танковом заводе в качестве заместителя директора завода по кадрам. Дважды обращался к руководству с просьбой отправить меня на фронт, но оба раза получил отказ. После войны с 1949 по 1982 год работал на Челябинском заводе дорожных машин имени Д.В. Колющенко (занимался капитальным строительством), откуда и ушёл на пенсию в возрасте 76 лет. Стал заниматься общественной работой, был лектором общества «Знание». Организовал на своём заводе комиссию содействия семье и школе. Столкнувшись вплотную с проблемой воспитания трудных детей, решил поделиться с родителями своими воспоминаниями о Макаренко и его воспитательной практикой. Вот так я стал с 1985 года активным пропагандистом макаренковской системы.

II. О МАКАРЕНКО И ЕГО СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ

– *Пётр Иосифович! Какое впечатление производил на вас А.С. Макаренко как педагог?*

– Я в то время мало смыслил в педагогике. Меня поражала просто сама жизнь коммуны. Эта жизнь была удивительно богата, интересна и чётко организована. С раннего утра и до вечера все были заняты разнообразными полезными делами, всем это было интересно. Всё делалось, как правило, неформально, всерьёз, но в то же время весело и непринуждённо.

Много и часто шутили, смеялись. Конечно, и строгость в отношении была. Но никакой грубости, унижений во взаимоотношениях взрослых и ребят, да и между ребятами я не замечал. Это было для меня неожиданно и удивительно. Ведь в окружающей жизни наблюдалось другое. А тут был как бы свой особый микроклимат, созданный за годы упорной работы коллектива. Жизнь в коммуне, казалось, текла сама собой. Макаренко, конечно, был в центре событий. Но говорил он мало и коротко, нравоучений долгих не любил. Себя в качестве начальника не выпячивал. За каждое конкретное дело, за все стороны жизни коммуны отвечали определённые и всем известные в коллективе лица. Они-то и были на виду у всех в качестве руководителей. А Макаренко как-то незаметно держал нити управления в своих руках и умело объединял общие усилия.

А результат – чётко организованная, интересная жизнь коллектива. Это видели и чувствовали не только мы, но и многочисленные гости коммуны, которые бывали там очень часто. В том числе и иностранцы. Все восхищались нашими порядками, стилем жизни и воспитанностью ребят. Конечно, все понимали, что главным «виновником» успехов является Макаренко.

– *Какие качества Макаренко как человека вам особенно запомнились?*

– Поражала, прежде всего, его работоспособность. Казалось, что этот человек, несмотря на непрерывную, почти круглосуточную занятость, никогда не устаёт. Конечно, это было не так. Он уставал, но никому этого не показывал, следуя коммунарскому девизу «Не пищать!».

Ещё удивляла его эрудиция. Коммунары были, по-моему, убеждены в том, что Макаренко знает вообще всё. И в самом деле, на любой вопрос (в том числе и мой) он всегда давал ясный и обстоятельный ответ. Особенно блистал он познаниями в истории и литературе. Помню, как однажды в беседе с группой ребят он обнаружил, что коммунар Александр Швед, признанный в коллективе оратор, не знает ничего о Евгении Онегине. Антон Семёнович пристыдил его за невежество и тут же с блеском прочитал ребятам наизусть несколько больших отрывков из пушкинского романа.

Привлекала меня в Макаренко его скромность. Почти никогда не говорил «я», когда речь шла об успехах. Всегда говорил «мы», «наш коллектив». Никогда ничем не хвалился лично, хотя основания для этого были. Зато ребята крепко любили своего «Антон» и готовы были идти за ним на преодоление любых трудностей. Он искренне и глубоко любил детей. И хотя внешне частенько был строг с ними, они безошибочно чувствовали его любовь и заботу и платили ему тем же.

Нравилась мне в Макаренко и его обязательность. Его слова и его поступки были неотделимы друг от друга. Свои обещания всегда и безусловно выполнял и приучал к тому же своих воспитанников. Своим примером учил дорожить словом, не ронять свою честь.

Хочу отметить особо и сильный волевой характер Антона Семёновича. Задачи он ставил перед собой и коллективом сложные. Препятствий на пути их решения возникало множество. Но именно сильный характер Макаренко, его воля помогали всегда доводить задуманное до победного завершения. Он и ребят учил ставить перед собой ясные цели, видеть свои перспективы и активно работать для их достижения.

Макаренко был горячим патриотом своей страны, жил её заботами, не замыкался в узком кругу своих профессиональных и личных интересов. Это особенно импонировало всем, кому доводилось с ним сталкиваться.

– *Как строился рабочий день Макаренко?*

Мне запомнилось вот что: Макаренко всё время (кроме выездов) находился в коммуне, «на работе». Обратиться к нему можно было в любое время. Его квартира находилась тут же, в коммуне, но уходил он «домой» редко. Рабочий кабинет Макаренко был всегда открыт. Туда запросто заходили и педагоги, и сотрудники, и дети. Конечно, все понимали, что у него масса дел, и без нужды старались не отвлекать его. Но почти всё время в кабинете кто-то был. Иногда ребята заходили просто посидеть на диване и посмотреть, как бойко Антон Семёнович стучит на пишущей машинке. О каких-то рамках рабочего дня Макаренко говорить невозможно: он, казалось, всё время работал. С раннего утра и до глубокой ночи он был на ногах, среди членов коммуны или за своим рабочим столом. Другой вопрос – на что он тратил своё время. Внешне могло показаться, что его полностью съедает «текучка». А на самом деле оказывалось, что Антон Семёнович в этом людском водовороте умел обдумывать и писать свои теоретические работы и художественные произведения. Такой уж это был человек.

– *Вам приходилось много общаться с Макаренко. Каким он был собеседником?*

– Умел внимательно и терпеливо выслушивать. Не перебивал, только задавал уточняющие вопросы. Очень уважительно отвечал на вопросы

собеседника. Любил шутку, юмор, сам часто шутил. Разговаривать с ним было интересно. Помню, что в беседах с ним всегда открывал для себя что-то новое, необычное.

– *Сегодня кое-кто обвиняет Макаренко в чрезмерной требовательности. Был ли Макаренко «диктатором»?*

– Я знаю о таких разговорах. Так говорить о Макаренко и его коллективе могут только те, кто не знает реальных фактов или умышленно искажает их. В действительности никакого «диктаторства» со стороны Макаренко в коммуне не было. Авторитет его был велик. К слову его прислушивались. Это – да. Но страха и безропотного подчинения не было. Наоборот. С ним разговаривали свободно, откровенно, могли не соглашаться и спорить. Таких фактов было множество. Могу привести сколько угодно.

Вот один только пример.

Вы знаете, что весь коллектив коммуны ежегодно выезжал летом в походы по стране. В 1929 году коммунары ездили в Москву, а на лето 1930 года Макаренко предложил на общем собрании поехать в Ленинград. Ребята с ним не согласились: «Поедем к морю!» Он стал убеждать их в прелестях Ленинграда и сложностях организации похода в Крым. Однако собрание с ним не согласилось. Постановили послать разведку в Крым: меня и одного из воспитанников. Мы съездили. Снова собрание. Я выступил сдержанно. Хотелось помочь Антону Семёновичу в осуществлении его замысла. А юный разведчик так расписал, выступая перед ребятами, прелести Крыма, что собрание твёрдо решило, «Едем в Крым!» Макаренко подчинился собранию, хотя до этого уже многое сделал по подготовке похода в Ленинград. Подобных фактов было немало. Какой же это «диктатор»?

– *Писатель и педагог Юрий Азаров утверждает, что Макаренко был сталинистом. Так говорят и некоторые другие. Приводят высказывания Макаренко с похвалами Сталину. Что вы об этом думаете?*

– Чтобы сегодня давать такие оценки, надо хорошо знать то время, о котором идёт речь. Макаренко, как и множество других людей, очевидно, был убеждён в правильности идей Октябрьской революции, верил в идеалы

социализма, верил вождям – Ленину, Сталину. Кроме того, хвалебные высказывания в адрес Сталина в 30-х годах были общепринятой нормой, как бы необходимым ритуалом, речевым штампом, своеобразным подтверждением своей лояльности существующему строю. Без таких высказываний ни один руководитель в то время просто не мог бы оставаться на своём посту.

Сегодня мы знаем о Сталине и установленном им режиме то, о чём многого не знали в те годы. Но дело не только в этом. Об убеждениях Макаренко надо судить по его реальным действиям. А суть их в том, что в своём учреждении Антон Семёнович создал и неизменно поддерживал атмосферу демократизма и уважения к достоинству каждой личности. И это несмотря на то, что в 30-е годы демократия в обществе, как Вы знаете, всё больше свёртывалась, а достоинство личности грубо попиралось.

Как очевидец, могу подтвердить, что Макаренко испытывал на себе всю тяжесть несправедливых обвинений и даже унижений, но никогда не переносил это на своих воспитанников и сотрудников, брал, как говорится, все удары на себя. Я тогда, конечно, не знал (а теперь это известно), что в последние годы жизни Антон Семёнович постоянно находился под угрозой репрессий за свои демократические убеждения и нестандартный образ действий. Ему стоило немалого труда и переживаний, чтобы просто выжить. Спасла его в значительной мере популярность как писателя... Но это было всё позже, когда я уже не работал в коммуне.

– Немецкий макаренковец Гётц Хиллиг в своей статье «Неизвестный Макаренко» («Учительская газета», октябрь 1991, № 42) утверждает, что развитие мощного производства в коммуне «происходило против воли Макаренко». Ваше мнение?

Такое утверждение верно лишь в том отношении, что Макаренко действительно выступал против подчинения интересов воспитания чисто производственным интересам. Однако это не означает, что он был вообще противником высокоэффективного производства в коммуне. Наоборот, он был активным сторонником и инициатором этого дела. Я работал в коммуне как раз в то время, когда производство там развивалось очень стремительно и вполне успешно. В 1930 году коммуна перешла на полную самоокупаемость. В 1931 году началось строительство завода электроинструментов, а в 1932 году этот завод заработал уже на полную мощность. Я помню, что Макаренко занимался производственными делами ежедневно и основательно. Он вникал во все тонкости организации производства. Часто выносил производственные вопросы на общие собрания коммунаров и

заседания совета командиров. Иногда сам проводил производственные оперативки. Лично решал вопросы подбора кадров руководителей производства, постоянно заботился о приобретении нового оборудования и т.д. В эти заботы он втягивал весь коллектив, в том числе и меня, хотя, казалось бы, я за это прямо и не отвечал. Такой интерес и внимание Макаренко к вопросам производства был вполне понятен. Антон Семёнович считал хорошо организованный производительный труд одним из краеугольных оснований своей воспитательной системы. Но дело не только в этом. Главное в том, что мощное производство создавало прекрасную материальную базу для развёртывания воспитательной работы. Коммуна благодаря производству жила очень богато, имела всё необходимое для всестороннего развития коммунаров: множество хорошо оснащённых материально кружков и секций, билеты в харьковские театры и т.д. А чего стоили ежегодные летние походы всей коммуны по стране! И всё это было возможно только на основе хорошо организованного собственного производства. Вот почему неверно утверждать, что развитие производства в коммуне «происходило против воли Макаренко».

– *Как держал себя Макаренко во время летних походов, на природе?*

– Мне довелось совершить вместе с Макаренко два больших похода – в Крым и на Кавказ. В походных условиях Макаренко оставался таким же, как и в коммуне, только ещё меньше спал и был всегда настороже, оберегая безопасность и здоровье ребят. Ведь путешествия наши были делом непростым. Во время стоянок приходилось выставлять охранительные посты от воров, хулиганов, непрошенных гостей. В горах подстерегала опасность травматизма. Непросто было посадить сотни коммунаров в переполненные поезда и т.д. Однако практически всегда обходилось без всяких «ЧП» (за редкими исключениями) благодаря тому, что походы очень тщательно готовились, проводилась предварительная разведка всего маршрута, составлялся точный график движения по дням и часам, все обязанности между коммунарами на марше были чётко распределены, каждый хорошо знал своё дело. Да и дисциплину в походах Макаренко держал строже, чем обычно. Но все понимали необходимость этого. Чёткая организация и порядок не мешали, а помогали много видеть, много успевать, весело и интересно проводить свой отдых. Наши летние походы прекрасно описаны в книге бывшего коммунара Леонида Конисевича «Нас воспитал Макаренко». Я с ним полностью согласен.

– *Каким запомнился вам внешний облик Макаренко?*

Был всегда очень аккуратно и строго одет, подтянут и бодр. Никто не видел его вялым, скучающим, не занятым каким-то делом.

– *Пётр Иосифович! В чём вы видите главный секрет небывалых успехов коллектива Макаренко?*

– Думаю, секрет состоит в том, что Макаренко воспитывал не столько словами, сколько самой жизнью, которую он организовывал вместе с воспитанниками. Детям было интересно жить вместе с Макаренко. Они сами организовывали свою жизнь. И это делало их прекрасными людьми, какими они и стали в действительности.

III. О ВОСПИТАННИКАХ А.С. МАКАРЕНКО

– *Какое впечатление произвели на вас воспитанники Макаренко, когда вы впервые пришли в коммуну?*

– Я знал, что это учреждение, в которое попадали, мягко говоря, не лучшие дети. Их сильно помяла беспризорная жизнь. И ожидал увидеть в них соответствующие привычки поведения.

То, что я увидел, удивило меня. Коммунары оказались людьми не только вполне порядочными, но и хорошо воспитанными, внимательными друг к другу, а кроме того всегда жизнерадостными, весёлыми, большими шутниками. Работать с ними мне было интересно. Отношения сразу установились хорошие, доверительные. Никаких конфликтов с воспитанниками за годы моей работы с ними у меня не было. Сказалось, наверно, то, что был я в то время совсем молод (мне было 25), а по характеру очень общителен и энергичен. Видимо, это импонировало ребятам. Они быстро признали меня своим и стали между собой называть меня «наш комиссар Петя». Мои первые благоприятные впечатления о коммунарах не изменились и впоследствии. Чем больше я узнавал их, тем больше проникался к ним искренним уважением и любовью.

– *Сохранилась ли у вас связь с воспитанниками после ухода из коммуны?*

– После коммуны я попал в мощный водоворот событий, был целиком поглощён новой работой, вскоре выехал из тех мест и связей с Макаренко и коммуной не имел. Много лет спустя, уже в 80-х годах, когда я начал выступать с воспоминаниями о Макаренко, у меня появилась связь и с моими бывшими воспитанниками-коммунарами. В 1983 году, когда отмечалось 95-летие Макаренко, я участвовал в юбилейных торжествах в Москве

и там встретился со многими бывшими коммунарами. От них узнал об их судьбах после коммуны, о судьбах других ребят.

– *Каков общий «портрет» воспитанников Макаренко?*

– В многочисленных беседах с бывшими коммунарами я упорно спрашивал каждого из них: известны ли им случаи, когда кто-то из воспитанников Макаренко пошёл по «скользкой» дороге, покатился вниз? Никто из них не смог назвать таких случаев! Все бывшие коммунары оказались достойными своего Учителя и своего коммунарского коллектива. Все стали глубоко порядочными гражданами своей страны, хорошими специалистами в самых различных отраслях хозяйства, создали семьи, жили интересной, насыщенной жизнью. Многие стали военными. Многие погибли в боях за свою Родину. Поскользнувшихся в жизни не оказалось. Думаю, что это лучшее доказательство совершенства воспитательной системы Макаренко.

– *Можете ли рассказать о судьбе отдельных воспитанников?*

– По результатам своих встреч и переписки с бывшими коммунарами я составил себе список фамилий тех воспитанников Макаренко, о судьбах которых ребятам было хорошо известно. И вот оказалось, что среди бывших воспитанников Макаренко имеются люди самых разных профессий. Это педагоги (Швед, Тренёва, Журинская, Руденко, Калабалина), артисты (Терентюк, Семёнов, Ковалёв), офицеры (Клюшник, Клямер, Богданович, Токарев, Яценко, Юдин, Бочковский, Конисевич), врачи (Куслий, Чечулин, Аносова), инженеры (Коломийцев, Плотников), мастера и бригадиры (Землянский, Носик, Кудрявцева), юристы (Ветров, Чудновская), советские работники (Семёнов, Явлинский – отец ныне широко известного учёно-экономиста), журналист (Зайцев), научный работник (Павлова), художник (Грицюк), скульптор (Пенкин). Судьбы всех этих ребят сложились по-разному, но всех их отличала макаренковская «закваска»: глубокая человеческая порядочность, трудолюбие, творческий подход к делу, находчивость, оптимизм и многие другие привлекательные качества свободных и самостоятельных людей. С некоторыми из воспитанников Макаренко я поддерживаю связь уже много лет. Они делятся в своих письмах воспоминаниями. Некоторые из этих воспоминаний представляют огромный интерес.

– *Бывший коммунар Леонид Конисевич прислал вам рукопись своей книги «Нас воспитал Макаренко». Ваше мнение об этой книге?*

– Я с большим удовольствием прочитал эту рукопись. Макаренко был прав, когда говорил Леониду, что у него есть литературный талант. Антон Семёнович рекомендовал Конисевичу готовиться к труду писательскому. Но Леонид выбрал другой путь. Его увлекла морская романтика. Он стал моряком, офицером, много лет служил на флоте. Но писательская жилка в нём всё же проявилась. Пусть много лет спустя, но написал он прекрасную книгу. Я поражаюсь его памяти. Жизнь коммуны он описал великолепно, воспроизвёл множество любопытных деталей, о которых я, свидетель и участник тех же событий, совсем позабыл. Особенно хороши его записки о наших летних походах...

Считаю, что эту книгу надо обязательно издавать. Она рассказывает правду о коллективе Макаренко, о его воспитанниках. И главное в том, что книга показывает нам Макаренко таким, каким воспринимался он глазами его воспитанников.

Оглавление

Система Макаренко: взгляд «изнутри»

Часть первая	
1. Первая встреча	17
2. Вхождение	29
3. Эволюции	35
4. «Не фигли-мигли»	36
6. Дела непроизводственные	40
7. Субботник	43
8. Чапаев	44
9. Вперёд, за самокупаемость!	50
10. Будни	53
11. Музыканты	57
12. Совет командиров	60
13. Сервис по-коммунарски	63
14. «Покушение»	67
15. В Москву	71
16. А кругом москвичи	76
17. В гостях у болшецев	80
18. Кремль	82
19. Экскурсия продолжается	84
20. Терский и другие	86
21. Реконструкция	94
22. Благодарность в приказе	99
23. Дела учебные	103
24. Здравствуй, зима	105
25. В общем ритме	107
26. Изгнание	109
27. Проводы	111
28. На пороге похода	114
Часть вторая Крымский поход	
1. В Севастополе	120
2. Происшествие на перроне	123
3. Ночной марш	127
4. В Байдарах	134
5. По горным тропам. «Шайтан мердвень»	141
6. На пути к Ялте	146
7. На отдыхе	151
8. Экскурсии	156
9. Домой	167
Часть третья	

1. Вперёд, Дзержинцы!	170
2. Радужная перспектива	176
3. Лыжный кросс	180
4. Два отца	184
5. Честное слово большевика	190
6. Не каждому своё	194
7. На этапах похода	203
8. Мы в Сочи	217
9. Поход продолжается	232
10. Пополнение	241
Часть IV	
1. Мечты и жизнь	248
2. Кавалеристы	250
3. На заводе	252
4. Подарок	257
5. Парочки	259
6. Рождение марки «ФЭД»	261
7. В большую жизнь	262
8. Симфонии и пародия	264
9. Часовых дел «мастер»	266
10. Странный бокс	269
11. Окно в коммунизм. Делегации	272
12. Павел Петрович Постышев	276
13. В новых масштабах	278
14. Чрезвычайная операция	280
15. Мир под угрозой	281
16. Расставание	282
Приложение	
Леонид Конисевич и его друзья – пути и судьбы. Очерк Л. А. Чубарова	286
Я работал с Макаренко (интервью с бывшим заместителем начальника коммуны им. Ф. Э. Дзержинского Петром Иосифовичем Барбаровым)	315

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о книге просим направлять автору. 252147, г. Киев, улица Энтузиастов, дом 43, кв. 157. Конисевичу Леониду Вацлавовичу. (P.S. Л. В. Конисевич умер в 1994 г.).

Издателям: 454000 г. Челябинск, улица Красноармейская, дом 88, ИПК, Опалихину Виктору Михайловичу (годы жизни 16.05.1936 - 12.02.2017 – прим. ред.).

Редактор: Митюрева Л. П.

Технический редактор: Кунгурова А. И.

Корректоры: Л. Яковлева, Н. Медведева.

Сдано в набор 29.12.92. Подписано в печать 20.02.93.

Формат 60х84^{1/16}. Бумага тип. № 2. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Объём усл. п.л. 19,53.

Тираж 5000 шт. Заказ 3469.

Издательство Челябинского Дома печати.

454080, Челябинск, Свердловский проспект, 60.

Оцифровано для страницы

Педагогического музея А.С. Макаренко

(Makarenko-museum.ru)

Нумерация страниц и разбиение текста по ним
с точностью до 1-2 слов на границах страниц
соответствует бумажному изданию